

Учреждение образования
“Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина”

**СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ:
СИСТЕМНО-ОПИСАТЕЛЬНЫЙ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Сборник научных трудов
по материалам VIII Международной научной конференции

23 – 24 ноября 2017 года

В двух частях

Часть 1

Брест
БрГУ имени А.С. Пушкина
2018

УДК 811.16 (082)
ББК 80я43

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор
УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова»
А. М. Мезенко

кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской филологии
УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»
Л. И. Явдошина

Редакционная коллегия:

*Л. А. Годуйко, Л. Н. Грищук, С. А. Королевич, Т. М. Лянцевич,
Н. Е. Никитина, Г. В. Писарук, О. А. Фелькина, А. Ю. Яницкая*

Под общей редакцией
заведующего кафедрой общего и русского языкознания
БрГУ имени А. С. Пушкина
кандидата филологических наук,
доцента *О. Б. Переход*

Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб. науч. тр. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: Л. А. Годуйко [и др.] ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2018. – Ч. 1. – 240 с.

ISBN (ч. I.)
ISBN

В сборник вошли материалы докладов VIII Международной научной конференции (23–24 ноября 2017 г.), посвящённой изучению славянских языков в синхроническом, диахроническом, сопоставительном и социокультурном аспектах. В сборнике представлены статьи на русском, белорусском, украинском, польском языках.

Адресуется широкому кругу славистов – научным работникам, преподавателям, аспирантам, учителям, студентам филологических специальностей.

**УДК 811.16(082)
ББК 80я43**

© УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 2018

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

А. А. Лукашанец (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

ВЫДАВЕЦКАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ ФРАНЦЫСКА СКАРЫНЫ Ў СЛАВЯНСКІМ І АГУЛЬНАЕЎРАПЕЙСКІМ КАНТЭКСЦЕ

500-годдзе беларускага кнігадрукавання адзначаецца ў 2017 годзе, які аб'яўлены ў нашай краіне годам навукі. Гэта вельмі сімвалічна, паколькі, па-першае, падкрэслівае, што ў XXI стагоддзі менавіта навука вызначае жыццё грамадства і кожнага чалавека.

Па-другое, гэтая акалічнасць дае нашым сучаснікам магчымасць зразумець і ўсвядоміць, што і 500 год назад на беларускіх землях існавала адпаведнае культурнае і навуковае асяроддзе, якое і дазволіла нашаму славуці продку стварыць першую беларускую друкаваную кнігу.

Сапраўды, спрадвек багатая на таленты беларуская зямля дала нам і ўсяму свету шмат выдатных і знакамітых асоб, якія ўнеслі неацэнны ўклад у беларускую і сусветную культуру, літаратуру, навуку. Яны сталі тымі сімваламі, якія сёння складаюць гонар беларускай нацыі.

Сярод слаўтых асоб беларускай зямлі мы называем Еўфрасінню Полацкую, Кірылу Тураўскага, Міколу Гусоўскага, Сімяона Полацкага, Янку Купалу і Якуба Коласа і многіх іншых выдатных гістарычных і палітычных дзеячаў, вучоных, пісьменнікаў і паэтаў. Але, безумоўна, у кагорце шматлікіх слаўных сыноў і дачок Беларусі самае пачэснае, самае ганаровае месца займае наш першадрукар **Францыск Скарына**, 500-годдзе кнігавыдавецкай дзейнасці якога мы адзначаем у гэтым годзе.

6 жніўня 1517 года Францыск Скарына выдае ў Празе сваю першую друкаваную кнігу “Псалтыр”. Менавіта гэтая дата і лічыцца пачаткам беларускага і ўсходнеславянскага кнігадрукавання.

Затым на працягу 1517–1519 гадоў тут, у Празе, ён выдае 23 кнігі Старога Запавету. Свае выданні суправаджае прадмовамі і пасляслоўямі, напісанымі на старабеларускай мове.

У 1522 годзе ў Вільні Францыск Скарына выдае “Малую падарожную кніжку” (зборнік рэлігійных і свецкіх твораў ад Псалтыра да Саборніка).

У 1525 годзе выходзіць у свет яшчэ адно віленскае выданне Францыска Скарыны – “Апостал”.

Выданне Бібліі Францыска Скарыны стала другім пасля чэшскамоўнага (Чэшская біблія 1488 года; Венецыянская біблія 1507 года) друкаваным перакладам Святога Пісання, набліжаным да тагачаснай жывой славянскай мовы, і чацвёртым перакладам на жывыя еўрапейскія мовы (раней былі надрукаваны таксама пераклады Бібліі на нямецкую і італьянскую мовы).

Для параўнання адзначым, што поўны пераклад Бібліі на рускую мову быў пачаты толькі ў 1814 годзе Расійскім біблейскім таварыствам. У 1821 годзе быў апублікаваны Новы Завет. Поўная Біблія на рускай мове выйшла толькі ў 1876 годзе.

Асоба Францыска Скарарыны, яго жыццёвы шлях і выдавецкая дзейнасць выходзяць за нацыянальныя межы і маюць выразнае еўрапейскае і славянскае значэнне.

Па-першае, выдавецкая дзейнасць Ф. Скарарыны служыць яркім сведчаннем таго, што беларускія землі ўжо на працягу многіх стагоддзяў знаходзіліся ў агульнаеўрапейскім культурным і адукацыйным кантэксце.

Па-другое, выдавецкая дзейнасць Францыска Скарарыны садзейнічала распаўсюджанню на беларускіх землях еўрапейскіх каштоўнасцей, у першую чаргу ідэй Адраджэння і Рэфармацыі.

Па-трэцяе, дзейнасць Францыска Скарарыны спрыяла пашырэнню звестак пра беларускія землі ў еўрапейскім культурным і навуковым асяроддзі.

Агульнаеўрапейскі кантэкст дзейнасці Францыска Скарарыны заключаецца ў першую чаргу ў тым, што ён быў адным з найбольш адукаваных людзей тагачаснай Еўропы. Пра гэта сведчаць перш за ўсё факты яго жыцця:

- Францыск Скарарына – сын купца Лукі з Полацка;
- атрымаў пачатковую дамашнюю адукацыю;
- у 1504 годзе паступае ў Кракаўскі ўніверсітэт, дзе вывучае свабодныя навукі;
- у 1506 годзе ў Кракаўскім універсітэце атрымлівае вучоную ступень бакалаўра;
- 9 лістапада 1512 года ўжо ў Падуанскім універсітэце Францыск Скарарына атрымлівае вучоную ступень доктара медыцыны.

Дакументальна засведчана, што 5 лістапада 1512 года Францыск Скарарына звярнуўся ў Падуанскі ўніверсітэт з просьбай здаваць тут экзамен на званне доктара медыцыны. “Экзамен адбыўся 9 лістапада ў прысутнасці дваццаці чатырох прафесараў у бікупскім палацы. Тое, што бліскучыя адказы Скарарыны ўразілі калегію вучоных мужоў, засведчана адпаведным актавым запісам аб прысваенні яму звання доктара медыцыны. Там сцвярджаецца, што нікому не вядомы юнак з краёў вельмі аддаленых прыйшоў, каб узвялічыць славу і бляск Падуі...” [1].

У Падуанскім універсітэце вучыліся прадстаўнікі самых вядомых дынастый Еўропы і “сотні і сотні іх родавых гербаў і дагэтуль упрыгожваюць галоўную аўдыторыю ўніверсітэта. Побач з ёю размешчана так званая Зала Сарака. У ёй захоўваецца сапраўдная кафедра Галілея, які выкладаў тут матэматыку, а сцены залы распісаны фрэскавымі партрэтамі найбольш

выдатных выхаванцаў універсітэта”. Сёння мы можам ганарыцца, што сярод іх – і бедны купецкі сын са “славутага горада Полацка” Францыск Скарына [1].

Францыск Скарына быў адным з найбольш адукаваных людзей сярэдневяковай Еўропы, ён успрыняў ідэі еўрапейскага Адраджэння і Рэфармацыі і нёс іх на беларускія землі.

Па-першае, Францыск Скарына быў прыхільнікам таго, што адукацыя павінна быць даступна прадстаўнікам усіх сацыяльных слаёў тагачаснага грамадства.

Па-другое, ён лічыў, што са словам Божым кожны чалавек павінен знаёміцца на сваёй роднай мове. Менавіта таму ён і наблізіў мову кніг Бібліі да тагачаснай беларускай мовы.

Галоўныя прычыны перакладу біблейскіх тэкстаў на тагачасную беларускую мову (старабеларускую) і выдання кніг Бібліі сам Францыск Скарына выразна сфармуляваў у сваіх прадмовах. Сярод гэтых прычын, па сведчанні даследчыкаў, выразна выдзяляюцца прычыны рэлігійныя і свецкія (зямныя).

Рэлігійныя: «...напред ко чти и к похвале Богу в Троице единому...».

Зямныя: «...К пожитку посполитого доброго, наболей с тое причины, еже мя милостивый Бог с того языка на свет пустил...» (Прадмова да «Псалтыра», 1517); «...Людем простым посполитым к пожитку и ко размножению добрых обычаев...» (Прадмова да кнігі «Прыпавесці Саламонавы»); «...знаючи сее, иже ест наивысшая мудрость размышление смерти и познание самого себя и въспоминание на придущие речи...» (Прадмова да кнігі «Іоў»).

Менавіта ў гэтым заключаецца акрамя ўсяго іншага асветніцкае і гуманістычнае значэнне выдавецкай дзейнасці нашага славутага першадрукара.

Вельмі паказальнай з’яўляецца прадмова Францыска Скарыны да ўсёй Бібліі, якая тлумачыць перш за ўсё адукацыйнае значэнне кніг Бібліі: “Такім чынам, для дзяцей і простага люду з’яўляецца навукай, а для настаўнікаў і мудрацоў дзівам. Як чарадзейная рака: [такая] плытка, што яе і ягня можа перайсці, але і такая глыбокая, што і слон мусіць плысці.

У гэтай кнізе пачатак і канец усёй прыроднай мудрасці: Бог Усемагутны пазнаецца. У гэтай кнізе запісаныя ўсе законы і правы, якімі людзі павінны кіравацца на зямлі. У гэтай кнізе знойдзеце любыя лекі для душы і цела. Тут пабожнае навучанне філасофіі, што трэба любіць Бога дзеля саміх сябе і бліжняга дзеля Бога.

Тут парадак усяго людскага і любога гарадскога сходу, калі праз веру, спалучэнне любові і згоды памнажаецца грамадскае дабро. Тут дастатковы выклад сямі вызваленых навук.

Калі хочаш ведаць граматыку... што вучыць добра чытаць і прамаўляць, знойдзеш у поўнай Бібліі Псалтыр – чытай яго. Раптам табе спадабаецца спасцігаць логіку, якая вучыць доказна аддзяляць праўду ад няпраўды, чытай кнігу святога Іова або пасланні святога апостала Паўла. Калі ж надумаеш навучыцца рыторыцы, гэта значыць красамоўству, чытай Кнігі Саламона...

Калі ж захочаш навучацца музыцы, гэта значыць спевам, знойдзеш па ўсёй гэтай кнізе мноства вершаў і святых песень.

А калі табе па душы спасціжэнне арыфметыкі, якая вучыць хутка і бясхібна лічыць, часта чытай Чацвёртую кнігу Майсея...

Раптам страсна жадаеш ведаць пра ваенныя і валатоўскія дзеі, чытай Кнігу Суддзяў або Кнігі Макавеяў і праўдзівей у іх знойдзеш, чым у «Александрый» або «Троі»...» (Пераклад Алеся Бразгунова) [2, с. 59–60].

Славянскі аспект выдавецкай дзейнасці Францыска Скарыны бачыцца перш за ўсё ў тым, што ён:

- абапіраўся на славянскую кніжную традыцыю;
- вывеў беларускую мову на ўзровень адной з найбольш развітых пісьмовых славянскіх моў;
- прапанаваў арыгінальную версію адаптацыі царкоўнаславянскага рэлігійнага тэксту да канкрэтнай жывой славянскай мовы;
- садзейнічаў развіццю і пашырэнню кнігадрукавання на ўсходнеславянскіх землях.

Сёння кніжная спадчына Францыска Скарыны прыцягвае ўвагу не толькі беларускіх даследчыкаў, але і славістаў свету. Скарынаўская праблематыка традыцыйна прадстаўлена ў тэматыцы міжнародных з'ездаў славістаў. З дакладамі, прысвечанымі вывучэнню кніжнай спадчыны Францыска Скарыны, на гэтых славістычных форумах выступаюць як беларускія вучоныя, так і даследчыкі з ішніх славянскіх і неславянскіх краін.

Нацыянальнае значэнне кніжнай спадчыны Францыска Скарыны заключаецца ў першую чаргу ў тым, што яго выдавецкая дзейнасць аказала велізарны ўплыў і на саму беларускую мову.

Па-першае, з'яўленне першых друкаваных кніг на беларускай мове садзейнічала павышэнню яе прэстыжу ў грамадстве.

Па-другое, гэта паказала, што на беларускіх землях таго часу існавала адпаведнае культурнае і адукацыйнае асяроддзе, што ў грамадстве існавала патрэба ў пашырэнні пісьмовага беларускага слова, што выдавецкая дзейнасць Скарыны была запатрабавана часам, і ў хуткім часе па ўсёй тэрыторыі тагачаснай Беларусі з'явілася вялікая колькасць друкарняў, у якіх выдаваліся кнігі самага рознага зместу.

Па-трэцяе, кнігавыдавецкая дзейнасць Францыска Скарыны аказала станоўчы ўплыў на развіццё сістэмы беларускай нацыянальнай мовы,

увядзенне яе ў канфесійную сферу, пашырэнне культурнага і адукацыйнага асяроддзя, замацаванне ў шматмоўным, шматканфесійным і полікультурным грамадстве ВКЛ кірылічнай пісьмовай традыцыі.

Акрамя таго, усё гэта садзейнічала імкліваму развіццю кнігавыдавецкай дзейнасці на тэрыторыі Беларусі і ўсяго Вялікага Княства Літоўскага. Так, ужо ў 1586 годзе ў друкарні братаў Мамонічаў (Вільня) быў выдадзены “Трыбунал” – першы друкаваны тэкст дзелавога зместу. У 1588 годзе з’яўляецца друкаваны “Статут Вялікага Княства Літоўскага” (трэцяя рэдакцыя). Вялікае распаўсюджанне атрымлівае друкаванне кніг адукацыйнага зместу. Прыкладам такіх выданняў з’яўляецца “Буквар” Спірыдона Собаля, выдадзены ў друкарні Куцеінскага манастыра ў 1631 годзе. Гэты “Буквар” перавыдаваўся некалькі разоў і атрымаў распаўсюджанне не толькі на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага, але і за яго межамі. Вядома, што ў гэты перыяд усяго ў Вялікім Княстве Літоўскім было зроблена 17 (некаторыя даследчыкі называюць лічбу 18) выданняў кірылічных буквароў, у польскай дзяржаве – восем, а ў Маскоўскай Русі – толькі пяць [3].

Францыск Скарына, яго выдавецкая дзейнасць і грамадзянская пазіцыя могуць і павінны служыць сёння для сучаснікаў прыкладам таго, як трэба адносіцца да сваёй культуры, мовы і духоўнай спадчыны, як трэба любіць сваю радзіму. У Прадмове да “Кнігі Юдзіфі” ён пісаў: “...святых айцы дазволілі нам чытанне гэтай Кнігі Юдзіфі дзеля нашага павучання, каб мы, як люстра, маючы перад вачыма прыклад гэтай найслаўнай жанчыны, пераймалі яе – не толькі жанчыны, але і мужы – у добрых справах і любові да Бацькаўшчыны і дзеля Бацькаўшчыны і ўсеагульнага добра не шкадавалі ніякай працы і скарбаў, бо як ад прыроды звяры, што блукаюць у пустках, ведаюць норы свае; птушкі, што лунаюць за ветрам, сочаць гнёзды свае; рыбы, што ў моры і рэках, чуюць віры свае; пчолы ды ім падобныя вуллі бароняць свае, так і людзі: дзе народжаны хто ці ўзгадаваны ў Богу, да месца таго ласку вялікую мае.

Таму і гэтая ўдава Юдзіф дзеля горада свайго нараджэння падвергла жыццё сваё небяспецы, але, паколькі мела добры намер, Госпад Бог ёй дапамог і яна адужала непераможнага сярод людзей” (Пераклад Алеся Бразгунова) [4, с. 24].

Францыск Скарына вучыць нашых сучаснікаў, што:

- беларуская мова – гэта славянская мова з багатай гісторыяй і працяглай пісьмовай традыцыяй,
- беларуская мова адыграла і працягвае адыгрываць выключна важную ролю ў духоўным жыцці беларускай нацыі, фарміраванні нацыянальнай свядомасці беларускага народа,

– беларуская мова, беларуская літаратура, беларуская пісьмовая спадчына на працягу многіх стагоддзяў была і застаецца зараз значнай часткай нацыянальнай беларускай культуры.

500-годдзе беларускага кнігадрукавання напамінае нам, што:

– Беларусь – гэта еўрапейская краіна;
 – беларуская культура – еўрапейская культура;
 – беларуская мова – еўрапейская мова;
 – беларуская літаратура, беларуская традыцыйная культура – найважнейшы духоўны скарб беларускага народа, які робіць беларусаў адметнымі ў свеце;

– беларускае пісьменства мае працяглую традыцыю, а беларуская літаратурна-пісьмовая спадчына з’яўляецца важнай часткай сусветнай духоўнай культуры;

– далучэнне нашых сучаснікаў да сваёй гістарычнай духоўнай спадчыны мае выключна важнае значэнне для таго, каб заняць належнае месца ў еўрапейскай і сусветнай супольнасці;

– беларуская мова – візітная картка нашай краіны і нашага народа, па якіх нас пазнаюць у свеце.

Кніжная спадчына Францыска Скарыны паказвае, што мы, беларусы, маем багатую і непаўторную нацыянальную культуру і духоўную спадчыну, глыбокія і трывалыя гістарычныя карані, якія дазваляюць нам упэўнена адчуваць сябе сёння і з аптымізмам глядзець у будучыню.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Ціхановіч, А. Скарына як праваднік аднаго дыпламатычнага падарожжа беларусаў да італьянцаў // Звязда. – 1992. – 29 кастр.
2. Кніжная спадчына Францыска Скарыны = Книжное наследие Францыска Скорины = Book heritage of Francysk Skaryna. Т. 1. Кніга Быцця = Книга Бытия = The Book of Genesis / Нац. б-ка Беларусі. – Факс. узнаўл. – Мінск, 2013. – 271 с.
3. Нікалаеў, М. В. Кніжная культура Вялікага Княства Літоўскага / М. В. Нікалаеў // Гісторыя беларускай кнігі. У 2 т. Т. 1. – Мінск, 2009. – С. 225–233.
4. Кніжная спадчына Францыска Скарыны = Книжное наследие Францыска Скорины = Book heritage of Francysk Skaryna. Т. 13. Кніга Юдзіфі = Книга Юдифи = The Book of Judith, Кніга Эсфіры = Книга Эсфири = The Book of Esther / Нац. б-ка Беларусі. – Факс. узнаўл. – Мінск, 2016. – 171 с.

В. А. Маслова (г. Витебск, Республика Беларусь)

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА, ДИАЛЕКТА И РЕГИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Сейчас активно развиваются региональные проблемы, что происходит в противовес процессам глобализации. Во всем мире наблюдается мощное

движение в защиту регионализма. Поэтому на первый план в целом ряде наук – от экономики до лингвистики – выдвигается регион как основная административно-политическая и культурно-языковая единица. Популярность региональных исследований привела к образованию *регионалистики* – комплексной гуманитарной дисциплины, которая «изучает процессы деятельности и существования человека и создаваемую им культуру во взаимодействии с окружающей средой в рамках компактного географического пространства, «региона» [4, с. 171].

Поэтому актуальна и разработка региональных лингвистических проблем в рамках общей большой проблемы варьирования языка в пространстве. В Республике Беларусь проблема региональных языков только поднимается, в отличие от германской, французской и даже русской лингвистики, хотя интерес к ней идет из XIX века – работ И. И. Срезневского. В Беларуси есть некоторое количество работ, посвященных социолингвистической проблематике, но системно данная проблема не исследовалась.

Формирование мировидения определенной социальной и территориальной группы тесно связано с её культурой, поэтому одни и те же явления окружающей действительности по-своему представлены на различных территориях, в разных регионах. Существует мнение, что национальная (а возможно, и региональная) культура важнее общечеловеческой: «Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т. е. национальная, индивидуально-народная и лишь в каком-то своем качестве восходящая до общечеловечности. Общечеловеческое значение имеют именно вершины национального творчества» [2, с. 138]. Однако национальная культура также неоднородна: в каждом белорусском регионе свой фольклор, свои обряды и обычаи. Даже праздники, идущие еще от язычества, празднуются в разных регионах по-разному. Все эти вопросы требуют дальнейшего исследования.

Разработка региональных лингвистических проблем привела к возникновению *региональной лингвистики*. Ее появление закономерно в рамках общей большой проблемы варьирования языка в пространстве. В XX веке Е. Ф. Будде, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин и другие крупные лингвисты отрицали сам факт возможности варьирования литературного языка. И лишь во второй половине XX века в работах Р. Р. Гельгардта, М. В. Панова, И. Г. Добродомова утвердилась бесспорность наличия вариантов литературного языка. Официальным признанием данного направления в лингвистике стала работа «Типы наддиалектных форм языка», выпущенная в 1981 г. издательством «Наука». Однако до сих пор можно наблюдать скептическое отношение к данной проблеме.

Проблемой языкового варьирования занимались многие лингвисты, в лингвистике были выделены типы языкового варьирования – социальное, временное, пространственное, функционально-стилистическое и др. Предметом нашего интереса явилось пространственное варьирование, которое является частью более общей проблемы изменения языка вообще. В основе пространственного варьирования лежат не только чисто лингвистические (внутриструктурные), но и другие факторы (социолингвистические, социокультурные, исторические и др.).

Цель данного доклада – показать языковые и социокультурные особенности Витебского региона, а также дать обоснование возможности интегративного подхода к построению региональной лингвистики.

Интерес к региональным проблемам вообще объясняется несколькими факторами: частичной децентрализацией политической и экономической жизни многих крупных регионов, каким является, например, Витебщина в Республике Беларусь, их становлением в качестве важных административных единиц, мощным движением во всем мире в защиту регионализма и т. д. Но, главное, осознанием опасности нивелирующего начала цивилизации XXI века.

К важнейшим вопросам регионалистики следует отнести ряд лингвистических проблем: не только проблемы соотношения понятий *литературный язык* и *региональные варианты*, но и соотношение лингвокраеведения и диалектологии; лингвокраеведения и социолингвистики, лингвокультурологии и региональной ономастики и др. Регионализация проявляется в возвращении к проблемам регионального фольклора, обрядов, обычаев, этнографических реалий.

Термин «регионализм» возник в 80-е годы прошлого века, а «региолект» в 90-е – в работах В. И. Трубинского (1991) и А. С. Герда (1995). В научной литературе, кроме термина «региолект», используется также ряд других терминов – «региональный язык», «региональные говоры», «региональные черты».

При этом в научной литературе данные термины дифференцируются: под *регионализмами* понимаются отдельные особенности местной разговорной речи; термины *региональный говор* и *региолект* обозначают определенную функционирующую лингвистическую систему. Как синоним к термину «региональный говор» употребляется термин «региональный язык», который и принимается нами.

На сегодняшний день во многих регионах России имеются научно-исследовательские лаборатории, занимающиеся изучением проблем региональной лингвистики. Это Волгоград, Красноярск, Магадан, Томск, Тюмень, Улан-Удэ, Чита и др. Появились отдельные работы, посвященные исследованию крупнейших регионов, например «Крайний Северо-Восток

в зеркале региональной лингвистики» под ред. А. А. Соколянского (Магадан, 2008), а также словари региональной лексики – «Регионализмы г. Екатеринбурга» (Екатеринбург, 2007); «Словарь современного русского города» под ред. Б. И. Осипова (М., 2003); создан онлайн-словарь «Языки русских городов» (под рук. В. И. Беликова) и др. Анализ данной литературы подтверждает русскую поговорку *Что ни город, то норы*.

Одна из возникающих здесь проблем – дифференциация диалектов (говоров) и региональных языков.

Понятие «диалект» не имеет однозначного толкования, как и многие другие сложные лингвистические понятия (слово, предложение, текст и др.). Вопросу разграничения языка и диалекта посвящена обширная литература, и все же, по замечанию французского исследователя Э. Гийореля, «лингвисты никогда не могли разграничить язык и диалект».

Анализ существующей литературы позволяет понять, что языку присуща более высокая степень развития функциональной системы, в то время как диалект в основном функционирует в бытовой сфере. Кроме того, именно язык включает в себе самооценку народа и его соседей, отображает национальное самосознание и национальный характер, фиксирует в себе элементы материальной и духовной культуры (Р. И. Аванесов, М. А. Бородина, К. Доминте).

Понимание термина «диалект» различно в разных научных школах. В американской лингвистике диалект понимают как любой территориальный вариант языка. В европейской традиции понятие диалекта дается на основании целого ряда критериев [3, с. 29–38].

Если вначале понятия регионального языка и диалекта фактически не дифференцировались, то сейчас, когда диалекты в целом и диалекты Витебского региона в частности изучены довольно основательно, нужно было бы четче дифференцировать понятия.

Доказательством противоречивости подхода к проблеме может служить «Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны» [5], который по сути является диалектным словарем, что и декларируется одним из его разработчиков и вдохновителей Г. А. Артемёнком: «За апошні час развіццё беларускай дыялектнай мовы зведала пэўныя дэструкцыйныя змены, абумоўленыя такімі сацыяльнымі з’явамі, як дэпапуляцыя беларускай вёскі, міграцыі насельніцтва, пашырэнне рускамоўных СМІ. Таму вельмі важна паспець зафіксаваць і па магчымасці захаваць у пісьмовых тэкстах лексічныя здабыткі народнай мовы» [1, с. 8].

Не вступая в пространную дискуссию с авторами фундаментального труда, хотелось бы напомнить, что в первой четверти XXI века речь не может идти о «диалектах», явлении в целом свойственном другой исторической формации. Мы присутствуем сейчас при трансформации

былых диалектов в местную региональную речь как одну из характеристик «региона», и это важная проблема языковой ситуации Витебщины.

При анализе материала стало понятно, что язык региона – это не только местные диалекты. Сюда, кроме диалектов, можно отнести неологизмы советского периода (советизмы) – *линия партии, целинник, бракодел*, неологизмы начала XXI века (*чатанутые, нафейсбученные, загуглить*), региональные названия учреждений (*Витебский госуниверситет, сеть магазинов «Витебские продукты»*), организаций («*Витебскстрой*»), названия жителей региона (*витеблянин, оршанец, полочанин*), имена великих людей Витебщины (*М. Шагал, И. Репин, Ю. Пэн, П. Машеров, Ж. Алферов*) и т. д.

Сегодня Витебщина включает в себя 21 район и 1 057 сельских населенных пунктов.

Основные языки в нашем регионе – русский и «трасянка», на которой говорит наименее образованная часть населения, хотя по закону мы имеем два государственных языка – русский и белорусский.

Сейчас на территории Витебщины обнаруживается симбиоз христианских и языческих праздников. Так, языческий праздник зимнего солнцестояния в честь Дажьбога (римское название Коляда) приурочен к Рождеству, Купальские дни в честь летнего солнцестояния, праздник Ярилы, слившийся с Троицей, праздник Перуна, слившийся с Ильиным днем, и др.

Сейчас, когда с новой силой вспыхнул интерес к прошлому, они стали предметом научного исследования, причем не только фольклористов. Обряды и обычаи белорусов-витеблян – это память культуры. Так, *обычай* – это обыденное, обыкновенное, то, к чему привыкли, что ведется издревле. Обычай у древних народов был выше закона в том смысле, что он «свой», каждое племя имеет свои обычаи, что отражено в русских пословицах: *На всякий случай – свой обычай; Что в обычай вошло – не смешно; О вкусах не спорят*. «Обычаи нации отражаются на ее языке, а с другой стороны, в значительной степени именно язык формирует нацию» [6, с. 59].

Например, известна поговорка *лады у воды*, которая включает в себе информацию о древнем обряде развода на Руси, который был тогда весьма редким и считался позорным и грешным: муж и жена становились по противоположным сторонам ручья, брали в руки тонкий холст и тянули каждый в свою сторону, пока не разрывали его. Потом каждый спокойно уходил в свою сторону.

Обычай, закрепленный в выражении *выпить на посошок*, т. е. выпить последнюю рюмку перед дорогой, связан с ролью посоха в культуре. Посох – не просто палка, это помощник путнику, им можно обороняться, опершись на него, можно отдохнуть, в его полую часть

можно было что-либо спрятать. С ним связано несколько сохранившихся до сих пор выражений: *взяться за посох* – «пуститься в путь», *посох да сума* – «нищенствовать». Следовательно, обычай чаще всего связан с бытовыми традициями славян-витеблян.

На Витебщине до сих пор существуют свои былины, сказки, сказания и легенды, плачи, предания, загадки, приметы, пословицы и поговорки, проклятия, заговоры и заклинания. Обрядовое творчество тоже специфично: свадебные песни и похоронные плачи, заклинания, ворожба, обрядовые хороводные танцы. Следует ли считать фольклорное творчество Витебщины оригинальным либо это варианты и вариации славянского (белорусского) фольклора? Здесь мы затрудняемся дать однозначный ответ. Например, казалось бы, оригинальные *сказания о полоцком князе Всеславе Брячиславовиче* – «Всеслав», «Волох Всеславович» – имеют аналоги у других славянских народов. Народные сказители видели Всеслава Чародея серым волком, который за одну ночь преодолевал расстояние от Киева до Черного моря рысью. Популярны на Витебщине сказания о животных, о змееборчестве, заступничестве природы за человека и др.

Следует подчеркнуть, что есть и особенности языковой коммуникации, позволяющие говорить о региональном языке, который на Витебщине не является говором, так как у него отсутствует четкая внутренняя структура. Но он не является и однородной языковой системой: в нем преобладает общенациональная форма языка, однако она содержит много вкраплений из местных говоров, жаргонов, сленгов, в том числе региональных сленгов. Поскольку региональный язык есть вариант общенародного языка, ограниченного определенными географическими параметрами, то, вероятно, это позволяет нам говорить о региональном языке как самостоятельном языковом явлении. Статус его можно определить промежуточным положением между литературным языком и диалектом: *литературный язык – региональный язык – диалект*.

Вероятно, не только лексика, которой в нашем исследовании отводится особое место, но и другие уровни языка имеют свою специфику в региональной речи. Так, стилистические, лексические и синтаксические особенности в большей степени характеризуют региональную речь, чем диалектную, а фонетические (фонологические) отличия важнее в диалектах описываемого региона. Однако данный вопрос требует дальнейшего исследования.

Выводы. Таким образом, региональный язык существует, это не диалект, поэтому должна существовать и региональная лингвистика. При ее формировании встает много проблем: выявление соотношения лингвокраеведения и диалектологии, лингвокраеведения и социолингвистики,

лингвокультурологии и региональной ономастики и др., а также возвращение на новом витке знаний к проблемам регионального фольклора, обрядов, обычаев, этнографических реалий.

Список использованной литературы

1. Арцямёнак, Г. А. «Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны» і яго месца ў беларускай дыялектаграфіі / Г. А. Арцямёнак // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XVIII (65) / Регион. науч.-практ. конф. – Витебск, 2013. – Т. 1. – С. 7–12.
2. Бердяев, Н. А. Судьба России. Кризис искусства / Н. А. Бердяев. – М. : Канон, 2004. – 351 с.
3. Бородина, М. А. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) / М. А. Бородина // Вопр. языкознания. – 1982. – № 5. – С. 29–38.
4. Проблемы региональной лингвистики. – Тверь : ТГУ, 2013.
5. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны. – Ч. 1. – Віцебск, 2012.
6. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. – М., 1977.

З. П. Мельнікава (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

«ГІСТАРЫЧНАЯ ШКОЛА» У. КАРАТКЕВІЧА Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ПРОЗЕ (Л. ДАЙНЕКА, Л. РУБЛЕЎСКАЯ, А. НАВАРЫЧ)

У пачатку XXI стагоддзя мы жывём у глабалізаванай шматкультурнай цывілізацыйнай прасторы, калі настойліва прапагандуюцца культурныя каштоўнасці сучасных супердзяржаў. Перад многімі краінамі і народамі стаяць праблемы выбару гістарычнага шляху: з кім быць – з Усходам ці Захадам – або заставацца суверэннымі і самадастатковымі?.. Сённяшнія пакаленні беларусаў цікавяцца, адкуль мы, як народ і дзяржава, дзе карані нашы, спадчыннікамі якога мінулага з’яўляюцца беларусы. Глыбокія і пераканаўчыя адказы на гэтыя важныя пытанні даюць таленавітыя, яркія літаратурныя творы аб мінулым бацькаўшчыны і гісторыі народа, якія неабходна лічыць *мастацкім народазнаўствам*.

Пачынальнікам народазнаўства ў нашай літаратуры стаў Уладзімір Караткевіч – адзін з самых любімых класікаў ужо многіх пакаленняў. Сёння яго імя трывала ўвайшло не толькі ў нацыянальную літаратуру, але стала любімым у многіх славянскіх і ў сусветнай літаратурах. Яго творы з захапленнем чытаюць і даследуюць навукоўцы Украіны, Польшчы, Літвы, Расіі, Латвіі і іншых краін свету. У. Караткевіч узяў шырокія пласты беларускай гісторыі, ярка перадаў дух мінулых эпох, стварыў незабыўных, прыгожых і шляхетных герояў-беларусаў і звязаў іх асабісты лёс з лёсам народным.

Следам за ім у распрацоўцы гістарычнай праблематыкі пайшлі маладзейшыя беларускія пісьменнікі – У. Арлоў, Л. Дайнека, В. Іпатава, К. Тарасаў, Л. Рублеўская, А. Наварыч, А. Крэйдзіч, Р. Бензюрук. І сёння літаратуразнаўцы справядліва гавораць аб *гістарычнай школе У. Караткевіча ў сучаснай прозе*.

Ідэйна-мастацкі нацыяцэнтрызм пісьменніка-гісторыка У. Караткевіча заснаваны на яго перакананнях, што беларускі народ не горшы за іншыя народы, што ў нас ёсць свае карані, а ў нашым мінулым не толькі гаротнае, трагічнае, але і гераічнае, вартае гонару і захаплення, здрадзіць якому – не мець будучыні. Пра ўзвышанае і вечнае, пра гераічнае і трагічнае У. Караткевіч сказаў з асаблівай сілай голасу, і яго пачулі. Сам пісьменнік так тлумачыў прызначэнне сваіх гістарычных сюжэтаў: “На гістарычных сюжэтах я стварыў сваю матрыцу будучага... Кожны гістарычны сюжэт – гэта адкрытая размова з сучаснікам” [1, с. 98]. І сапраўды, пісьменнік “размаўляе” з намі не толькі пра паўстанні, войны, змаганні, а пра годнасць і гонар, пра тое, што трэба жыць не прыніжаючы і не прыніжаючыся: “Гонар і годнасць чалавека ў тым, каб быць незалежным з моцнымі, роўным з роўнымі, памяркоўным для ніжэйшых. У тым, каб быць добрым для жанчын, дзяцей, пераможаных. У тым, каб быць літасцівым да звяроў...” [2, с. 55].

У. Караткевіч у ідэалагічна-глухі савецкі час зрабіў сапраўднае адкрыццё: аргументавана, з дапамогай рэальных фактаў і дакументальных матэрыялаў паказаў, што ў нашага народа ў мінулыя стагоддзі была *патрыятычная шляхта – адукаваныя, справядлівыя, гарачыя заступнікі бяспраўнага народа*.

Мы падзяляем перакананне пісьменніка, што існуе важнейшы спосаб фарміравання нацыянальна годнай і культурнай асобы – выхаванне ў чалавеку гонару за свой народ і яго гісторыю, фарміраванне ў моладзі глыбокіх ведаў аб сваіх людзях і сваім краі.

Караткевічаўскі завет перанялі і працягваюць сёння ў сваіх творах яго паслядоўнікі. Менавіта мінулае Беларусі часта становіцца асновай твораў многіх сучасных пісьменнікаў, якія, працягваючы яго справу, ствараюць навейшую *гісторыю нацыянальнага аптымізму*. Сёння відавочна, што беларуская гістарычная проза 1990-х – 2000-х гадоў *перажывае ўздым*, уражваючы чытачоў новымі тэмамі, героямі, пастаноўкай вострых і актуальных для сучаснасці праблем. Шукаючы адказы на пытанні аб нашых гістарычных каранях і вытоках, аб нацыянальнай ідэнтычнасці, карысна і цікава звярнуцца да твораў пра язычніцкае мінулае З. Дудзюк “Кола Сварога” (2003), “Велясіты” (2004), В. Іпатавай “Апошнія ахвяры свяшчэннага дуба” (2006). Зразумець сутнасць беларушчыны як духоўна-грамадзянскага і сацыякультурнага

паняцця дапамогуць творы В. Коўтун “Пакліканья. Раман-жыццё” (2002), В. Іпатавай “Альгердава дзіда” (2001), А. Бутэвіча “Каралева не здраджвала каралю, або Каралеўскае шлюбаванне ў Новагародку” (2002–2005), Л. Дайнекі “Назаві сына Канстанцінам” (2008), К. Тарасова “На вайне” (2009), Я. Конева “Глеб Мінскі” (2005), У. Арлова “Каханак яе вялікасці” (2004) і мн. інш. Спасцігнуць нацыянальнае быццё нашага народа ў пераломныя, трагічныя перыяды беларускай гісторыі дапамогуць раманы В. Якавенкі “Пакутны век” (2006), У. Гніламёдава “Усход. Сямейная хроніка ў духу барока” (2003), “Уліс з Прускі” (2006), “Расія” (2007), “Валошкі на мяжы” (2009) і інш.

Увагу сучасных пісьменнікаў прыцягваюць усе перыяды жыцця беларускага народа, у тым ліку старажытнасць і сярэднявечча. Так, Леанід Дайнека (нарадзіўся ў 1940 годзе) напісаў цыкл гістарычных раманаў, якія цікавыя чытачам розных пакаленняў і займаюць адметнае месца ў нацыянальнай літаратуры. Гэта трылогія “Меч князя Вячкі” (1985), “След ваўкалака” (1988), “Жалезныя жалуды” (1999). Пісьменнік, які спачатку стаў аўтарам пяці кніг паэзіі, многіх апавяданняў, так патлумачыў свой зварот да гістарычнай тэмы: “Чаму мы ў большасці сваёй не ведаем імёнаў уласных прадзедаў? Вы скажаце, што мы не шляхцікі, не дваране, што рабочыя або сяляне з-за сваёй сацыяльнай прыніжанасці не мелі магчымасці цікавіцца сваім радаслоўным генеалагічным дрэвам... Што ж, у гэтым ёсць рацыя. Але кітайскія і в’етнамскія сяляне, калі іх спытаць, упэўнена назавуць імя любога свайго продка, які жыў тысячу гадоў назад. Значыць, трэба вучыцца гістарычнай памяці. Іншага шляху няма, калі мы хочам застацца народам. Думаючы пра ўсё гэта, адчыняю жалезныя дзверы памяці, бяру ў рукі пяро” [3, с. 8].

Падзеі ў рамане “Меч князя Вячкі” адбываюцца ў складаны і драматычны час гісторыі нашай бацькаўшчыны, у пачатку XIII стагоддзя, калі нашым продкам даводзілася абараняцца ад захопнікаў: з захаду – ад крыжакоў, з усходу – ад татара-мангольскіх набегав. У цэнтры аповеду – Кукейноскае княства, якое знаходзілася ў Ніжнім Падзвінні, на паўночным захадзе вялікага Полацкага княства – дзяржавы, якая на той час займала тэрыторыю амаль усёй сённяшняй Беларусі і была знанай у тагачаснай Еўропе. Крыжакі імкнуліся заваяваць славянскія і прыбалтыйскія землі і часта з паўночнага захаду нападлі на полацкую дзяржаву.

Мужным абаронцам роднай зямлі, змагаром супраць крыжацкага нашэсця малюецца князь Вячка, галоўны герой твора. Вячка гіне ў час бітвы з крыжакамі. Але яго ворагі разумеюць, што радавацца не выпадае, што людзі гэтай зямлі непераможныя, у іх яны, крыжакі, так і не змогуць забраць волю. Калі ў апошнія хвіліны жыцця Вячку акружылі ворагі і прапанавалі яму “вольны шлях”, князь адмаўляецца ад такой літасці.

Ён гіне разам з іншымі абаронцамі сваёй зямлі. Яго меч падхоплівае і выносіць з поля бою мужны дружыннік Якаў Палачанін, герой з народа. Такім сюжэтным завяршэннем аўтар увасабляе думку аб вальналюбстве, няскоранасці нашых продкаў, якія праз пэўны час канчаткова перамаглі крыжакоў (Грунвальдская бітва, 1410 г.).

Аўтарам створаны вобраз ідэальнага героя – адважнага, свабодалюбівага, непадкупнага патрыёта бацькаўшчыны і любімца свайго народа. Нам назаўсёды запамінаецца князь Вячка: гэты герой не толькі застаецца ў памяці, але і выклікае гонар за гісторыю краіны, што асабліва важна для моладзі.

Роздум пісьменніка над гэтым драматычным перыядам беларускай гісторыі пераканаў яго ў неабходнасці звярнуцца да больш старажытнай, папярэдняй эпохі, да часу магутнасці князёў Рагвалодавічаў і росквіту Полацкай дзяржавы на чале з непераможным князем Усяславам Чарадзеем. Гэту задуму Л. Дайнека здзейсніў у наступным рамане “След ваўкалака”, запамінальна і ярка ўзнавіўшы важныя падзеі беларускай гісторыі другой паловы XI стагоддзя. У цэнтры твора – незвычайны, таямнічы лёс, дзейнасць і бліскучыя перамогі легендарнага полацкага князя Усяслава Брачыслававіча (? – 1101). Ён застаўся ў гісторыі і пад імёнамі Усяслава Полацкага ці Усяслава Чарадзея. Вядомы летапіс “Слова пра паход Ігаравы” прыводзіць звесткі, што і паявіўся князь на свет ад чарадзеяства, што ён мог абярнуцца ў ваўка, тура, сокала, што меў вешчую душу... Яшчэ пры жыцці князя пра яго складалі легенды і быліны. Л. Дайнека звярнуўся да вельмі драматычнага перыяду ў жыцці полацкага князя Усяслава, калі ён летам 1068 года прыехаў разам са сваімі сынамі на перамовы да кіеўскага князя Ізяслава Яраслававіча, ды быў вераломна паланены. Гэты раман дае ўяўленне нам, людзям XXI стагоддзя, і нашай моладзі аб тым, якой жорсткай у той час была барацьба паміж князямі за ўладу, землі, уплыў. Барацьба за ўладу заўсёды драматычная, бо праблема асобы і ўлады пазачасавая, універсальная. Полацкі князь Усяслаў быў канкурэнтам князям Яраслававічам, сынам Яраслава Мудрага: Ізяславу – князю кіеўскаму, Святаславу – князю наўгародскаму і Усеваладу – князю чарнігаўскаму. Яны марылі аслабіць Полацкае княства, расправіцца з аўтарытэтным і непераможным Усяславам Чарадзеем, а землі і багацці полацкай зямлі падзяліць між сабой. Дзеля гэтага Яраслававічы парушалі свае клятвы, ішлі на падман, на крывадушныя змовы, імкнучыся прынізіць і знішчыць Усяслава, які, да таго ж, пабудоваў у Полацку Сафійскі сабор, каб давесці роўнасць свайго горада і княства Кіеву і Ноўгараду.

Пісьменнік узнаўляе малавядомыя і драматычныя старонкі з жыцця і княжання Усяслава Полацкага. Спачатку падзеі адбываюцца ў стольным Кіеве ў 1068 годзе. Аўтар паказвае князя і яго сыноў Барыса і Расціслава

ў палоне, у порубе – турме-вязніцы без дзвярэй, з адным маленькім акенцам, праз якое падавалі ежу. Усяслаў разумее, што яго не выпускаць жывога з порубу, бо ён сапернік Яраслававічам, не пашкадуець і сыноў, каб скончылася дынастыя полацкіх князёў... Усяслаў, каб маральна і духоўна падтрымаць сыноў, расказвае ім пра радзіму, полацкую зямлю, пра падман і крывадушнасць князёў-суседзяў, з болей гаворыць сынам пра тое, што зараз у родным Полацку гаспадарыць чужынцы, яны ходзяць на набажэнствы ў яго Сафію, якую ён многа гадоў з любасцю будаваў... Ён не можа змірыцца, што без нагляду застануцца магілы продкаў, а з часам забудуцца іх слаўныя імёны...

Гістарычны герой, праўнук непакорнай Рагнеды, князь Усяслаў дае сваімі паводзінамі сынам прыклад духоўнай сілы, мужнасці, адданасці роднай зямлі. Знаходзячыся ў няволі, князь успамінае і свае паходы ў іншыя землі, каецца, што праліта многа крыві, разбіта не адно войска. Думае, што няволя – гэта Божае пакаранне за спусташэнне Ноўгарада і за разрабаванне ноўгарадскай Сафіі, адкуль ён прывёз званы ў свой, полацкі Сафійскі сабор, каб падкрэсліць роўнасць роднага горада з вялікімі рускімі гарадамі...

Час роздуму і пакаяння прыходзіць да кожнага чалавека ў свой час...

Як вядома з гісторыі, народ Кіева ўзнямаецца на паўстанне і вызваляе Усяслава, абвясчае яго кіеўскім князем. Сем месяцаў кіраваў полацкі князь Кіевам і Руссю, але доўга памяталі ў народзе яго справядлівае і мудрае княжанне. Але Усяслаў не хоча крывавай сечы ў барацьбе з Яраслававічамі за ўладу, ды ў Кіеве ўсё чужое яму – і Сафія не родная, і Днепр – не родная Дзвіна... Ён адмаўляецца ваяваць за кіеўскі пасад. Князь Усяслаў не забыў пра родную зямлю, дзе яго любяць, чакаюць, дзе ён моцны. І патаемна ад кіян вяртаецца ў Полацк. Як бачым, аўтар і тут стварае ідэальнага героя, які адмаўляецца ад вялікай улады, багацця і славы дзеля ўмацавання і росквіту сваёй роднай зямлі.

Праз зварот да беларускай даўніны аўтар запрашае сучаснікаў паразважаць над “вечнымі” праблемамі барацьбы за ўладу, асудзіць зайздасць, здраду, вераломства, клятваадступніцтва. Герой твора Усяслаў увасабляе лепшыя якасці грамадзяніна і патрыёта, носьбітамі якіх мы хочам бачыць нашу моладзь, бо ёй належыць беларуская будучыня.

Так працываецца нацыяцэнтрысцкая ідэйнасць гэтага і іншых раманаў Л. Дайнекі.

Як мастацкі падручнік па гісторыі Бацькаўшчыны чытаецца і раман “Жалезныя жалуды” Л. Дайнекі, у якім аўтар звярнуўся да падзей сярэдзіны XIII стагоддзя, калі адбывалася фарміраванне новай дзяржавы – Вялікага Княства Літоўскага, цэнтрам якога сталі беларускія землі. Сучасныя беларусы больш ведаюць пра гістарычныя падзеі, звязаныя з Мінскам і Полацкам, і мала пра Наваградак: бадай, толькі тое, што там

ёсць замак Міндоўга і што ў тым краі нарадзіўся і тую цудоўную зямлю да самай смерці апяваў Адам Міцкевіч, называючы яе “Літвою”. Гэты горад некалі быў сталіцай дзяржавы на чале з князем Міндоўгам. Пісьменнік уважліва вывучыў беларуска-літоўскія летапісы, рупліва збіраў звесткі пра Міндоўга і яго дзяржаву – “Міндоўгаву Літву”, што і склала рэальна-гістарычную аснову твора. У рамане князь Міндоўг паказаны моцным і часта нават жорсткім уладаром, які часам парушэннем клятвы, варагаваннем з роднымі людзьмі ўмацоўваў сваю маладую дзяржаву. Яго ідэалам было вялікае і магутнае княства, якое ён будаваў, нягледзячы на кроў і пакуты людзей. Аўтар паказвае пераважна ўнутраныя праблемы Новагародскага княства, яго няпростыя стасункі з суседзямі з захаду, з усходу. На Міндоўгавы землі напачалі лівонскія рыцары, не раз урываліся галіцка-валынскія войскі. Дзеля захавання дзяржавы князю даводзілася і не адзін раз мяняць веру, хітрыць, падманваць, здраджваць учарашнім сябрам. Вобраз Міндоўга, які ў сваёй дзейнасці кіраваўся мэтай аб’яднаць у адной моцнай дзяржаве блізкія крыўскія, ліцвінскія і дрыгавіцкія землі, паказаны трагічным у адпаведнасці з гістарычнай праўдай. Ён загінуў, калі, здавалася б, мэта была дасягнута: атрымаў уладу, славу і багацце ў літоўскіх землях, але гэта так і не прынесла яму шчасця і спакою. Усё жыццё ён ваяваў супраць ворагаў, падманваў не толькі іх і саюзнікаў, але і самога сябе. Часам наступала адчуванне, што ўся яго веліч і дасягненні несапраўдныя, і таму зноў хітрыў, мяняў веру. Урэшце яго з сынамі пагубілі былыя паплечнікі.

Жалезныя жалуды – сімвалічны знак-талісман, вобраз-канцэпт для ўвасаблення ідэі яднання, каб разам супрацьстаяць варожаму нашэсцю. Быць моцнымі, як жалезныя жалуды, павінны былі старэйшыя князі Міндоўг і Ізяслаў і іх сыны Войшалк і Далібор-Глеб, быць мудрымі, каб не распальваць міжусобныя войны, а разам умацоўваць дзяржаву. Як бачым, сцверджаная ў творы Л. Дайнекі ідэя яднання актуальная для нас, беларусаў...

У апошнія гады з’явіўся яшчэ адзін раман Л. Дайнекі на гістарычную тэму – “Назаві сына Канстанцінам”, прысвечаны падзеям XV–XVI стагоддзяў. У цэнтры твора лёс гетмана Вялікага Княства Літоўскага Канстанціна Астрожскага, які паходзіў з пінскіх і тураўскіх князёў. Знаёмячыся з лёсам галоўнага героя, мы даведваемся, што Астрожскія здаўна трымаліся праваслаўя. Адзін з іх продкаў, Фёдар Астрожскі, быў добрым палкаводцам, адваяваў у палякаў Падолію і Валынь. Ён стаў адным з багацейшых людзей свайго часу, але нечакана пастрыгся ў манахі. Пасля смерці яго далучылі да ліку святых. Але менавіта Канстанцін Іванавіч Астрожскі, ваявода і гетман, прынёс баявую і палітычную славу роду. Ён атрымаў многа баявых перамог. У час вайны з Масковіяй ён трапіў у палон, маскавіты схілялі яго да здрады. Яго вывезлі ў Волагду

і запатрабавалі ўзначаліць рускія войскі, паабяцаўшы зрабіць царскім баярынам. Але Астрожскі ўцёк з палону.

Канстанцін Іванавіч ажаніўся з Аляксандрай, дачкой слуцкага князя, і меў вялікія ўладанні на беларускіх землях. Свайго сына ён назваў таксама Канстанцінам, той стаў выдатным асветнікам, палітычным і культурным дзеячам Украіны, Беларусі, Вялікага Княства Літоўскага. Заканчваецца раман апісаннем пераможнай бітвы войскаў гетмана Астрожскага з маскавітамі пад Оршай у 1514 годзе.

Гістарычныя раманы Л. Дайнекі маюць рэальную аснову, вызначаюцца патрыятычнай ідэйнасцю, гуманістычнай філасофскай скіраванасцю. Высокая пісьменніцкая культура, актуальнасць праблематыкі надзвычай прывабліваюць чытачоў, тых хто сёння выбірае кнігу.

У прозе пісьменнікаў маладзейшага пакалення, якія звяртаюцца да гістарычных падзей і герояў, часта сустракаюцца *элементы гістарычна-прыгодніцкага і нават фантастычнага жанраў*. Менавіта такую спецыфіку маюць творы на гістарычныя тэмы Л. Рублеўскай (нарадзілася ў 1965 годзе): раманы “Золата забытых магіл”, “Скокі смерці”, “Авантуры Пранціша Вырвіча, шкаляра і шпега”, аповесці “Пярсцёнак апошняга імператара”, “Сэрца мармуровага анёла”, цыклы апавяданняў “Шляхецкія апавяданні”, “Казкі з хутара Юстыні”, “Старасвецкія міфы горада Б.” і іншыя творы.

У аснове яе твораў – сцвярджэнне нацыянальнай і культурнай самаідэнтычнасці беларусаў, што вельмі важна для светапогляднага і духоўнага самавызначэння сучаснай моладзі. Ва ўмовах інфарматызаванай мультыкультурнай прасторы запатрабаванай аказалася якраз гістарычная падлеткавая проза Л. Рублеўскай. Пісьменніца усур’ёз зацікавілася беларускай міфалогіяй, яна аўтар навуковых публікацый па гэтай праблематыцы. “Старасвецкія міфы горада Б.” адлюстроўваюць жыццё старога беларускага мястэчка, у якім праходзіць жыццё амаль такіх жа “міфічных” герояў. Гэтыя аповеды не прэтэндуюць на рэальны, дакументальны ці летапісны гістарызм, але яны дазваляюць адчуць сам дух беларускай старасветчыны, жыцця звычайных людзей – нашых продкаў – і іх незвычайных лёсаў. Апавяданні з кнігі “Сэрца мармуровага анёла” (2003) прысвечаны пераважна нацыянальна-вызваленчым паўстанням XIX стагоддзя, а іх героі – змагары за волю, інсургенты. Гэта героі-рамантыкі, мужныя, моцныя духам людзі, побач з якімі па жыцці ідуць такія ж узнёслыя, шляхетныя і самаахвярныя дзяўчаты і жанчыны, пра што карысна і цікава прачытаць сучасным дзяўчатам і юнакам. Героі часта ахвяруюць асабістым шчасцем дзеля змагання за вызваленне народа.

У многіх творах пісьменніца эксперыментуе з мастацкімі часам і прасторай: дзянне пераносіцца з мінулага ў сучаснасць і наадварот. Так адбываецца, напрыклад, у апавяданнях “Сэрца мармуровага анёла”,

“Золата забытых магіл”. У аповесці “Пярсцёнак апошняга імператара” (2001) чаргуюцца раздзелы, падзеі ў якіх адбываюцца то ў канцы XX стагоддзя, то ў час рэпрэсій у 30-я гады, то ў XV стагоддзі. Так арыгінальна пісьменніца расказвае пра лёс герояў і іх нашчадкаў, пачынаючы з легенды пра каханне апошняга візантыйскага імператара Канстанціна XI Палеалога і беларускай шляхцянькі Анны Чагноўскай. Аўтар расказвае чытачу пра трагічны лёс рэпрэсаванага паэта Івана Канстанцінавіча Хмяля, пра спляценні лёсаў нашчадкаў шляхецкіх родаў у савецкі і паслясавецкі час. Твор захапляе напружаным дынамізмам падзей, якія набліжаюцца да *дэтэктыўных, містычных, трылерскіх*.

Рэальнае, рэчыўнае і таёмнае, паўзабытае, якое трэба расшыфраваць і спасцігнуць, складаюць *гатычную* адметнасць шэрагу твораў Л. Рублеўскай, асабліва *містычнай аповесці* “Ночы на Плябанскіх млынах”, рамана “Скокі смерці”. “Гатычнасць” твораў (гэты тэрмін прыйшоў з заходнееўрапейскай і амерыканскай літаратуры), дзе малююцца жакі і таямніцы, ствараюцца фантастычныя сюжэты, а падзеі разгортваюцца ў незвычайных абставінах – у пакінутых замках, на могілках, дзе можна сустрэцца з прывідамі, пасланцамі мінулага, памерлымі, у значнай меры ўласціва вышэйназваным творам Л. Рублеўскай. Аднак не забаўляльнымі жахамі імкнецца прывабіць чытача пісьменніца, а аповедамі і спрэчкамі герояў беларускага мінулага пра нашу даўніну, пра гісторыю і нават нядаўняе мінулае, у тым ліку і пра час рэпрэсій на Беларусі.

Трагізм перыяду рэпрэсій, праследаванне прыхільнікаў нацыянальных ідэй і беларушчыны ў 20–30-я гады мінулага стагоддзя пастаўляе даследуе пісьменніца ў раманах “Забіць нягодніка, або Гульня ў Альбарутэнію” (2007) і “Сутарэнні Ромула” (2009–2010). Пры гэтым аўтар звяртаецца да постмадэрнісцкіх гульнівых прыёмаў, а таксама да элементаў дэтэктыву, меладрамы і нават фэнтэзі. Гэты жанр літаратуры дапускае ірацыянальныя сюжэты, дзе ўсё магчыма: сустрэчы і размовы жывых і мёртвых, спатканні з прывідамі, дэманамі, чараўнікамі, міфалагічнымі і легендарнымі істотамі. Раман “Забіць нягодніка, або Гульня ў Альбарутэнію” пісьменніца называе “раманам-інструкцыяй”, які пабудаваны як “квест”. Героі гэтай гульні перамяшчаюцца ў часе: з Мінска 2000-х гадоў праз “прагал” у часапрасторы, які знаходзіцца ў хаціне старой Разаліі Іванаўны, яны трапляюць у Менск 1933 года. Сучасныя маладыя мінчукі, хлопцы і дзяўчаты становяцца сведкамі “палявання на беларушчыну”. Даследуючы гэты твор і шукаючы яму жанравае вызначэнне, сучасныя крытыкі ўжываюць тэрміны “кінараман”, “альтэрнатыўная гісторыя”, “раман-крык”, што сведчыць аб наватарстве, эксперыментатарстве творчых пошукаў пісьменніцы.

Раман “Сутарэнні Ромула” даследчыкі назвалі *раманам-лабірынтам*, тэкстам-сутарэннем (І. Шаўлякова). У ім Л. Рублеўская паказвае розныя гістарычныя эпохі і часавыя пласты: падзеі і героі з XV, XVI стагоддзяў, пачатку XIX, першай паловы XX (1919 год, канец 1920-х – 1930-я гады, другая палова 1940-х) і пачатак XXI стагоддзя. Твор напісаны ў стылі *фэнтэзі, ажываюць рэчы-сутнасці*: партрэт графіні Марыі Корб-Варановіч, напісаны невядомым мастаком у пачатку XIX стагоддзя, кубак XV стагоддзя, “запавет” Іосіфа Варановіча, “тастамент” Алехны Корб-Варановіча, які быў складзены яшчэ ў часы княжання Жыгімонта Аўгуста і захаваны ў канфіскаваным архіве філолага Апанаса Кобр-Варановіча, расстралянага ў час рэпрэсій у 1938 годзе, і нек. інш. Разгорнутая сістэма герояў твора і знакаў-сімвалаў падпарадкаваны сцвярджэнню ідэй аб гістарычнай памяці беларускага народа, аб неўміручасці нацыянальных міфаў, аб “існаванні *сапраўднай* гісторыі Беларусі-Альбарутэніі”, што павінна “стаць для нашчадкаў ключом да «кода беларушчыны» (І. Шаўлякова).

А. Наварыч (Алесь Трушко, нарадзіўся ў 1960 годзе) звярнуўся да тэмы гістарычнага мінулага ў рамане “Літоўскі воўк” і аповесці “Памалюся Перуну, памалюся Вялесу”. Раман “Літоўскі воўк” стаў новай і арыгінальнай спробай у нашай літаратуры адлюстраваньня падзеі паўстання 1863–1864 гадоў, якім кіраваў Кастусь Каліноўскі. Падзеі ў творы адбываюцца на Палессі, у родных мясцінах аўтара, на Століншчыне, дзе таксама адбываліся сутычкі паўстанцаў-інсургентаў з расійскімі войскамі. Пісьменнік прапануе арыгінальны погляд на тагачасныя падзеі, абыходзячы галоўныя бітвы, вострыя грамадска-палітычныя дыскусіі. Перад чытачом – паказ Палесся, яго жыхароў і іх успрыманне ідэй паўстання. Месца разгортвання асноўнага сюжэта – глухое палескае мястэчка Манкевічы. Сюды пад выглядам хатняга настаўніка Арыстоклія Дастоеўскага прыязджае малады патрыёт, прыхільнік нацыянальна-вызваленчых ідэй Артур Буевіч. Яго “выпісаў” пан Ежы Урбановіч для адукацыі сваёй маладзенькай жонкі пані Аксаны. У яе асобе Буевіч знаходзіць сябра па перакананнях. Акрамя ўзаемнай сімпатыі, маладых аб’яднала любоў да заняволенай радзімы, жаданне вызваліць свой край ад уціску расійскіх чыноўнікаў, спачуванне да цёмнага і прыгнечанага народа. Рызыкаўная, смелая Аксана гатова ісці ў паўстанцкі атрад і са зброяй у руках змагацца за волю. Патрыятычныя перакананні Буевіча сфарміраваліся ў дэмакратычным асяроддзі Пецябургскага ўніверсітэта. Малады шляхціц, напоўнены высокімі парываннямі, прагнуў дзейнасці. Ён вярнуўся ў родны павет са зброяй, каб рыхтаваць паўстанне. Імкненне пані Аксаны далучыцца да вызваленчай барацьбы выклікана і глыбока асабістымі прычынамі: расчараванасцю ў шлюбе з чалавекам, якога не кахае, адзінотай, сумам. У паўстанні яна бачыць магчымасць

рэалізаваць парывы сваёй рамантычнай душы. Яе муж, немалады, разважлівы і асцярожны пан Ежы Урбановіч, каб выклікаць каханне і давер жоначкі, гатовы стаць на бок паўстанцаў, забяспечваць іх зброяй і правіянтам. У абмалёўцы гэтага героя выяўляецца псіхалагічнае майстэрства пісьменніка. Стараваты, разбагацелы чалавек горача кахае намнога маладзейшую жанчыну. Ідучы за ёй, ён дапамагае паўстанцам, клянецца, што для перамогі патрыётаў гатовы пайсці і на шыбеніцу, і ў Сібір. Аднак туды ён не трапляе, бо ўмее выкруціцца з самых складаных сітуацый.

Шмат увагі аўтар надае адлюстраванню каларытнага мясцовага жыцця, побытавым палескім замалёўкам. Асаблівым лірызмам прасякнуты разважанні аўтара пра тутэйшы народ, апісанне прыгажосці палескіх краявідаў. Вельмі цікава, запамінальна ўвасабляецца ў рамане *вобраз ваўка Інсургента*, які мае сімвалічнае нападзенне. Маленькае, бяскрыўднае ваўчанятка, некалькі разоў памяняўшы гаспадароў, вырасла ў сапраўднага, наравістага ваўка, які любіць свабоду, здольны на рызыку і барацьбу. Ён не жадае жыць на сабачым ланцугу, на прывязі, ва ўмовах абмежаванай свабоды. А калі Інсургент узбунтаваўся, каб уцячы на волю, у родны лес, то трапіў у клетку (пачатковыя і заключныя эпізоды рамана). Гэта відавочная алегорыя аб лёсе заняволеннага ў Расійскай імперыі беларускага народа і яго сыноў-патрыётаў, у тым ліку і Каліноўскага. Але вольналюбівы звер гатовы перагрызці і метал клеткі, каб апынуцца на волі. З бліскучай, таленавітай іроніяй аўтар піша пра “непрыстойную смеласць” мясцовых ваўкоў “выць па-тутэйшаму” (“Вядома ж, па неспакойным часе хто толькі не коціць бочак на ваўкоў Польшчы, Літвы, іх мову і дурную звычку да волі. Уздумалі ад імперыі адарвацца. Будзе ім”). Ёсць у творы шэраг шматзначна-сімвалічных вобразаў, малюнкаў акаляючага свету, апісанняў, дэталей, якія ўзбагачаюць чытацкае ўспрыманне (вобраз шчыгла ў клетцы Бароўскага, апісанне імклівага надыходу зімы, калі “лёд скаваў край, лёд няволі, лёд нядолі” і інш.).

Як можна пераканацца, творы і кнігі на гістарычныя тэмы У. Караткевіча і яго паслядоўнікаў – дзейсны сродак фарміравання светапогляду асобы, выхавання грамадзянскасці і патрыятызму, што з’яўляецца важнай задачай сучаснай сістэмы адукацыі і ўсяго беларускага грамадства.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Караткевіч, У. Збор твораў. У 8 т. Т. 8. Кн. 2. З жыццяпісу, нарысы, эсэ, публіцыстыка, крытычныя творы, інтэрв’ю, летапіс жыцця і творчасці / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 495 с.
2. Уладзімір Караткевіч: вядомы і невядомы : зб. эсэ, вершаў, прысвячэнняў / уклад. : А. Верабей, М. Мінзер, С. Панізнік. – Мінск : Літ. і Мастацтва, 2010. – 368 с.
3. Дайнека, Л. Жалезныя жалуды : раман : для сярэд. і ст. шк. узросту / Л. Дайнека. – Мінск : Юнацтва, 1993. – 301 с.

І. У. Каліта (г. Усці над Лабэм, Чэхія)

ВОБРАЗ БАБЫ Ё КАМПАРАТЫЎНЫМ РАКУРСЕ ЧЭШСКАЙ І БЕЛАРУСКАЙ ФРАЗЕАЛОГІІ

Пачатак ХХІ стагоддзя ва ўсіх жыццёвых і навуковых сферах пазначаны рознакіраванымі працэсамі глабалізацыі, якія даюць імпульс для пастаноўкі новых задач у лінгвістыцы. У ХХ стагоддзі дамінантная роля ў СССР належала рускай мове. Камунікатыўны патэнцыял нацыянальных моў быў абмежаваны, што садзейнічала развіццю значнай асіметрыі ў лексікаграфіі. Запанаваў прынцып забеспячэння савецкіх рэспублік нацыянальна-рускімі слоўнікамі (напрыклад, беларуска-рускі, руска-беларускі), перакладных слоўнікаў без рускага кампанента было зусім мала. Падобным чынам выглядаюць і “лексікаграфічныя адносіны” паміж іншымі “малымі” па колькасці насцьбітаў мовамі – для іх пакуль не створаны ўзаемныя перакладныя слоўнікі.

Беларуска-чэшскія культурныя ўзаемадачыненні маюць доўгую традыцыю, якая перш за ўсё звязана з дзейнасцю Ф. Скарыны. Але сістэматычнае даследаванне беларуска-чэшскіх моўных узаемаадносін дагэтуль не распачалося. У такім ракурсе пара беларуская – чэшская мовы прапаноўвае шырокае поле для кампаратыўных даследаванняў. Паўстае задача грунтоўнага кампаратыўнага вывучэння названых моў, іх фразеалагічных фондаў, якія былі менш закранутыя пурыстычнымі тэндэнцыямі. Да асноўных задач на першым этапе адносіцца стварэнне перакладных слоўнікаў, у тым ліку фразеалагічных.

Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца разгляд канкрэтнага прыклада – вобраза бабы ў беларускай і чэшскай фразеалогіі ў сінхронным і дыяхронным аспектах; аналіз змен, занатаваных фразеалагічнымі слоўнікамі пачатку ХХ і ХХІ стагоддзяў, вылучэнне адрозненняў ва ўспрыманні жаночага вобраза ў нацыянальных карцінах свету двух славянскіх народаў.

Баба ў беларускай фразеалогіі: дыяхронны і сінхронны зрэнне

Слоўнікі (Насовіч, 1983/1870) і мастацкая літаратура канца ХІХ – пачатку ХХ стагоддзя сведчаць пра тое, што слова *баба* ў беларускай мове ўжывалася перш за ўсё як нейтральная адзінка са значэннем ‘жанчына наогул’, ‘замужняя жанчына’. Азначала таксама сваяцкія адносіны – ‘маці бацькі ці маці’; таксама мела значэнне ‘любая старуха’, ‘павівальная бабка’ [1, с. 10–11].

“Тлумачальны слоўнік беларускай мовы” (1977) фіксуе змену асноўнай семантыкі слова *баба*, і на першым месцы ў ім занатавана значэнне ‘матчына або бацькава маці’. Далей ідуць прыведзеныя ў слоўніку І. Насовіча значэнні: ‘старая жанчына наогул’; ‘замужняя жанчына’; ‘жанчына наогул’;

разм. ‘жонка’; ‘бабка’ і пераноснае (разм. іран.) ‘Пра цікаўнага, балбатлівага або з нерашучым характарам мужчыну’ [2, т. 1, с. 318].

Аналіз слоўнікаў паказвае, што стогадовы адрэзак у развіцці семантыкі слова *баба* пазначаны пераходам яго асноўнага значэння ‘жанчына наогул’ у разрад другасных.

Семантыка фразеалагізмаў садзейнічае ўспрыманню бабы як вобраза маркіраванага, пераважна негатыўнага. Па-першае, асноўныя вобразы, з якімі баба звязана ў фразеалогіі пачатку ХХ стагоддзя, гэта таксама негатыўна маркіраваныя вобразы – чорт, казёл, жyd і цыган.

Фразеалогія перш за ўсё супрацьпастаўляе мужчыну і жанчыну паводле прынцыпу адрознасці іх логікі і адпаведна паводзін. Мужчынскія рысы ў характары жанчыны і жаночыя ў характары мужчыны народнае мудраслоўе не ўхваляе.

“*Хытры бы баба*. Слуцк. Няўхв. Пра чалавека не мужчынскага характару, выкрутлівага, хітрага. Сержпутоўскі 1999, 71” [3, с. 39].

(*To je*) *ħenskŭ jako generŭl* (Баба – генерал).

Як адмоўныя вобразы ў беларускай культуры ўспрымаюцца *казёл* і *чорт*. Адназначна прыніжае бабу выраз *Бог стварыў два зла: бабу і казла*, але параўнанне з чортам – вобразам пераважна негатыўным, але і амбівалентным – падкрэслівае дваістаць жаночага характару і такія рысы, як хітрасць, спрытнасць, розум: *баба хітрэй за чорта; ад бабы ўцякай як ад чорта; куды чорт не паснее, туды бабу пашле*.

Вобраз цыгана ў фразеалогіі звязваецца з такімі прыкметамі, як ‘круцельства’, ‘прадказальнасць паводзін’; ‘шумныя паводзіны’; ‘хлусня’ як пастаянная характарыстыка, бадзянне па свеце, асацыятыўная сувязь з атрыбутамі ‘конь’, ‘гандаль’ і ‘кірмаш’ [4, с. 8]. У вобразе жyда фразеалогія на першае месца ставіць значэнні ‘гандаль’, ‘шумныя паводзіны’; ‘хітрасць’.

Выраз “*Калі тры бабы, чацьвёрты жyд, да цыган – дык ярмарка*” падкрэслівае спрытнасць, прадпрымальнасць і камунікатыўнасць бабы. Яе камунікатыўныя здольнасці часцей характарызуюцца як адмоўныя:

“*Аббрахаць як баба* [якая]. Раснян. Пагардл. Пра беспадстаўную бесталковую лаянку, абгаворванне. Бялькевіч, 17” [3, с. 38].

“*Ныць бы стара баба*. Саліг. Асудж. Пра чалавека, які залішне наракае на лёс, здароўе і інш. ДА” [3, с. 39].

“*Стаць як баба*. Лаг. Кплів. Пра мужчыну або маладую дзяўчыну, што набылі звычку бурчаць, сварыцца, займацца дробязнымі разборкамі. Гілевіч, 79” [3, с. 39].

“*Што ні пупала нйсці як [ікая] дурная баба*. Мсцісл. Няўхв. Пра беспадстаўную гаворку, бязглуздзіцу. Юрчанка 1993, 23” [3, с. 39].

Азначаныя адмоўныя “бабскія” характарысткі пераносяцца на вобраз мужчыны як ненатуральныя, неўласцівыя і маркіруюць яго негатыўна.

“Плакаць як баба. Івац. Няўхв. Пра мужчыну, што залішне эмацыянальна выказвае свае пачуцці, плача. Зайкі” [3, с. 39].

“Сварлывы як старая баба. Ваўк. п. Няўхв. Пра сварлівага, нуднага, зласлівага мужчыну. Federowski, 294” [3, с. 39].

“Слоўнік фразеалагізмаў” (2008) І. Я. Лепшава прыводзіць менш спалучэнняў з кампанентам *баба*, чым, напрыклад, “Смоленский областной словарь” У. М. Дабравольскага (1914) [5, с. 8]. Такім чынам, для пачатку XXI стагоддзя Лепшаў лічыў актуальнымі выразы: *базарная баба, як старой бабе сесці, бабіна лета, бабка надвае (надвое) варажыла (гадала), Вось табе <бабка> і Юр’еў дзень!* [6, с. 96–97].

Баба ў чэшскай фразеалогіі: дыяхронны і сінхронны зрэз

У “Чэшска-нямецкім слоўніку” (1878–1893) Ф. Кота [7] і пазнейшым “Слоўніку чэшскай мовы” (1937) П. Вашы і Ф. Траўнічка [8, т. 1, с. 43] слова *boba, baba* мае першае значэнне сваяцкіх сямейных сувязяў – ‘матчына або бацькава маці’, таксама *starb ěena* – старая жанчына, *vdaná ženská vůbec a manželka zvláště* – замужня жанчына наогул і жонка. Таксама як і ў беларускай, у чэшскай мове прыводзяцца значэнні ‘бабка-павітуха’ і ‘баязлівец, трус’ (пра мужчыну): “Вбба, ě. = *babička* (ve smyslu příbuzenským); *porodni boba, tih ran boba; ...baba – stařena, lid. = vdanb ěena; o muhi = zbabělec...* [8, т. 1, с. 43].

Слоўнік Ф. Л. Чэлакоўскага прыводзіць падобныя па сэнсе выразы:

S babou i čert soud prohrbl. – З бабою і дідько справу програв.

V dvou baboch vězn tři čerti. Baba jest tříkrbt horьn neħli čert.

Kde baba, tu netřeba čerta. – Гдзе баба (поп), тут не надобен чэрт.

Kde ďábel nemůže, tam babu pošle. – Kde sám čert nestačí, tam starou babu strčí (nastraži). – Гдзе чэрт не зможе, там бабу пошле.

Baba a čert téhož příbuzenstva. – Баба а чорт, то собі рідня [9, с. 374].

У абедзвюх мовах сустракаем агульнаславянскі выраз *baba z vozi, kolim lehčeji* [9, с. 690] – *баба з воза – каню (кабыле) лягчэй = баба з калёс – калёсам (каню) лягчэй = баба з калёс – каню свята* [10].

У беларускай карціне свету маркіраванымі з’яўляюцца вобразы цыгана і жыда, у чэшскіх слоўніках XIX – пачатку XX стагоддзя да іх далучаецца яшчэ і вобраз паляка (абодва прыклады – устарэлыя адзінкі, якія не ўжываюцца ў сучаснай мове, іх значэнне мала зразумела ці незразумела носьбітам мовы):

Sikbn a Polbk jednb baba (polskb, ěidovskb a psn vnra (vље jedno) [11, с. 162] (даслоўны пераклад: цыган і паляк – адна баба (абое рабое), польская, жыдоўская і сабачая вера – адно і тое ж).

Křesťan skrz hřida, jako čert skrz babu byl ovlizen [11, с. 162] (даслоўны пераклад: хрысціянін жыдам, як чорт бабай ашуканы быў).

Заклучэнне

Чэшскія слоўнікі для слова *баба* прыводзяць у якасці першага значэння ‘старая жанчына’. У беларускіх гаворках другой паловы ХХ стагоддзя і ў мастацкай літаратуры слова *баба* азначала жанчыну наогул, нягледзячы на яе ўзрост. У беларускай мове дасюль існуе падзел паводле сямейнага статусу – *дзеўка/баба* (незамужняя/замужняя), а размоўны зніжаны варыянт дапускае ўжыванне слова *баба* для азначэння асобы жаночага полу без уліку ўзросту і статусу (*нараджаліся дочки, чатыры... Адны бабы ў хаце*). Сучасная літаратура дае прыклады індывідуальнага эстэтычнага бачання і ўспрымання гэтай адзінкі.

“Хе-хе-хе... Жанчыны!?. Жанчына, дружа, у свядомасці мужчыны ці баба, ці прынцэса. Лепш за ўсё трымаць яе за скрыпку. І тады ўсё залежыць ад скрыпача, ён павінен вельмі далікатна адчуваць інструмент і досыць упарадкавана плысці разам па хвалях нябачнай магутнай музыкі. Тады скрыпка ўздыме яго да космасу... Дарэчы, той, хто трымае жанчыну за бабу, у таго якасць жыцця ніжэй за грамадскую ватэрлінію” (Кастусь Травень. Гульня белымі фігурамі, 2008) [12].

Чэшскі Нацыянальны корпус утрымлівае шмат прыкладаў са зняважлівай адзінкай *Baba Jaga*, слова *baba* часцей ужываецца ў абагульненым значэнні ‘непрыемная жанчына’, ‘старая жанчына’, ‘бесхарактарны мужчына’. Побач з пераважальнымі чыста адмоўнымі прыкладамі ў Чэшскім Нацыянальным корпусе сустракаюцца прыклады ўжывання дадзенай адзінкі ў панібрацкім, ухваляючым тоне: *skvělá baba* – ‘добрая’, *pěkná baba* – ‘прыгожая’, *skvostnó baba* – ‘як каштоўны камень’.

Высновы

Слоўнікі сведчаць, што ў беларускай літаратурнай мове за стагадовы перыяд адбылася семантычная змена – агульнае значэнне слова *баба* як ‘жанчына наогул’ саступіла месца азначэнню сваяцкіх адносін – “матчына або бацькава маці”. Такое ж значэнне ў якасці першага зафіксавана ў чэшскай мове, другое чэшскае значэнне – гэта ‘старая жанчына’. Але рэалізацыя аднолькавых значэнняў у кантэкстах беларускай і чэшскай моў мае свае стылістычныя асаблівасці.

У беларускай мове ўжываецца зварот да ўласнай бабулі “баба + імя”. Па прычыне адсутнасці агульнапрынятых зваротаў да незнаёмай жанчыны старэйшага ўзросту дапушчальны зварот “бабуля” ці русіфікаваны “бабушка”. Гэтыя ж словы з’яўляюцца нормай для азначэння незнаёмай старэйшай асобы (*Запытай у нейкай бабулі. Саступі бабулі месца*). Для чэшскай мовы такое ўжыванне неўласціва і было б успрынята як знявага. Да ўласнай бабулі звяртаюцца “babičko”, у іншых

вышэйпералічаных варыянтах ужываюць слова *ранн*, якое азначае жанчыну наогул і адначасова з'яўляецца зваротам. Беларускаму кантэксту “*Запытай там у нейкай бабулі*” адпавядае чэшскі “*Zepetej se nějaký ranň*”; “*Саступі бабулі месца*” – ‘*Pust' ranň sednout (uvolň/ustup mnsto)*’.

Моўная практыка сведчыць, што выкарыстанне слова *баба* ў вусным маўленні ў абедзвюх мовах мае агульную тэндэнцыю да яго ўжывання ў значэнні ‘жанчына’ з рознымі маркіраванымі семантычнымі адценнямі. Але ў зваротах і назвах незнаёмых жанчын беларуская і чэшская камунікатыўныя традыцыі значна адрозніваюцца.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Насовіч, І. / Носович, И. И. Слоўнік беларускай мовы / Словарь белорусского наречия : в 2 т. / И. И. Носович – Мінск : БелСЭ / факс. изд. – СПб. : Тип. импер. Акад. наук, 1983/1870.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад рэд. К. К. Атраховіча і кал. – Мінск : БелСЭ, 1977.
3. Слоўнік беларускіх народных параўнанняў / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы ; уклад. Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей. – Мінск : Беларус. навука, 2011.
4. Калита, И. В. ‘Свой’ – ‘чужой’ в координатах фразеологических стереотипов / И. В. Калита // Междунар. журн. исследований культуры. – 2017. – № 2. – С. 85–96.
5. Добровольский, В. Н. Смоленский областной словарь / В. Н. Добровольский. – Смоленск : Тип. П. А. Силина, 1914.
6. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2008.
7. Kott, F. Š. Česko-německé slovník [Электронная версия] / F. J. Kott. – Praha : Ъstav pro jazyk český. Akademia věd ČR, 1878–1893.

І. І. Брага (м. Суми, Украіна)

СТИХІЯ РОЗМОВНО-ПОБУТОВОГО ПИСЕМНОГО МОВЛЕННЯ НОСІЇВ СУРЖИКУ

Протягом останніх дзесяціліць даслідження суржыку (‘элементы двух або кількох мов, аб’яднаны штучна, без додержання норм літаратурнай мовы; нечыста мова’ [4, с. 854.]), як, до речі, яго посястры трасянькі, залишаецца актуальнай праблемай не толькі украінскага і білорускага, а й зарубіжнага мовознаўства. Це засвідчуе і поява новых даслідніків з -поміж лінгвістаў, котры беруться до вивчення украінска-російскага та білоруска-російскага змешанага мовлення, і значна колькасць навуковых розвідок – перелік іх щороку поповнюецца, а коло абгаворваных пытанняў повсякчас розшыраецца.

Актыўна разробляецца праблема сфер і сярэдовиц (за В. Аврорінім) побутовага суржыку. Зокрема, вжэ апісаны такія домени, як двомовна сім’я (Т. Кузнецова); моладжне сярэдовице (Л. Біланюк, Т. Кузнецова,

О. Шинкаренко); школа (О. Шевчук); лікарня (В. Юкало); засоби масової інформації, масова культура (Л. Масенко, Л. Ставицька, С. дель Гаудіо, А. Брацкі, Т. Курохтіна, У. Долешаль, В. Дубичинський).

Увагу вчених привернула також проблема використання суржику в політичному (Т. Курохтіна) і художньому дискурсах (Т. Кознарський, Л. Масенко, Л. Ставицька, М. Флайер, Я. Поліщук, Н. Дзюбишина-Мельник, Г. Врублевська, Т. Свердан).

Наш дослідницький інтерес зосереджений на функціонуванні суржику залежно від зміни форми мови – усної/писемної. Первинно виникнувши й побутуючи в усній формі, суржик проникає в усі сфери функціонування української мови, при цьому фіксується на письмі.

Художній стиль. Починаючи з ХІХ століття і дотепер суржик використовується в текстах художньої літератури, зокрема, в драматичних творах (п'єси І. Котляревського, М. Старицького, М. Кропивницького, В. Винниченка, М. Куліша, П. Ар'є). Протягом ХХ століття суржик стає одним із стилістичних засобів у художніх текстах Остапа Вишні, Гр. Тютюнника, О. Черногуза, В. Шевчука. Особливо активне вживання суржику в сучасній українській художній літературі (твори Б. Жолдака, О. Ірванця, О. Забужко, Леся Подерв'янського, С. Жадана, Любка Дереша, М. Бриниха, П. Ар'є та ін.) дослідники визначають як специфічну рису постмодернізму. Авторське конструювання суржику, подекуди навіть штучне, Т. Кознарський назвав літературизованим, текстуальним суржилом [3] (дет. про це – у наукових розвідках Т. Кознарського, Л. Масенко, Н. Дзюбишиної-Мельник, А. Брацкі).

Окрім цього, суржик використовується при перекладі знижених мовленнєвих реєстрів (просторіччя, жаргонного мовлення, молодіжного сленгу) в художній літературі, кінематографі та мультиплікації (див., наприклад, роботи А. Брацкі). Зокрема, В. Шовкун, перекладаючи з англійської всесвітньовідомий роман Деніела Кіза «Квіти для Елджернона», обирає саме суржик для передачі мовлення розумово відсталої людини.

Публіцистичний стиль. Суржик як засіб вираження гумору, іронії та сарказму став невід'ємною ознакою публіцистики пострадянського періоду. Зокрема, російські лексеми можуть передаватися засобами української графіки, що дає змогу посилити негативну оцінність, а також вказує на переосмислення, переоцінку радянських ідеологем. Здебільшого такі слова виділяються лапками: «совєти», «совєцький», «совєтизація», «гомо совєтікус».

Офіційно-діловий і науковий стилі. Як не дивно, письмова фіксація суржику стала можливою в офіційно-ділових і навіть наукових текстах. Передусім йдеться про загальновідомі кальки з російської мови, українські відповідники яких подаються в будь-якому посібнику, підручнику чи

довіднику з культури української мови, найвідоміший з-поміж яких має назву «Антисуржик» [1]. Утім, такі гібридні утворення виявляють досить сильну вітальність, вони є частотними в офіційно-ділових і наукових текстах. Наприклад, *міроприємство* (замість укр. *захід*, пор.: рос. *мероприятие*), *співставити* (замість укр. *порівняти*, *зіставити*, пор.: рос. *сопоставить*), *приймати участь* (замість укр. *взяти участь*, пор.: рос. *принимать участие*), *згідно наказу*, *відповідно наказу* (замість укр. *згідно з наказом*, *відповідно до наказу*, пор.: рос. *согласно приказу*) тощо. Крім цього, поширеними в українському антропоніміконі є такі імена, як *Альона* (укр. *Олена*, рос. *Алёна*), *Хрестіна* (укр. *Христина*, рос. *Кристина*), *Владімір* (укр. *Володимир*, рос. *Владимир*), *Дмитрій* (укр. *Дмитро*, рос. *Дмитрий*), *Євгеній* (укр. *Євген*, рос. *Евгений*), *Нікіта* (укр. *Микита*, рос. *Никита*), *Філіп* (укр. *Пилип*, рос. *Филипп*), які не тільки засмічують українське мовлення, а й руйнують українськомовний антропонімічний фонд (див. про це роботи О. Михальчук, О. Пономарева, Ю. Шевчука та ін.).

В *інтернет-комунікації*, на думку дослідників, сформувалася нова форма мови – усно-писемна, коли усна, звукова мова фіксується на письмі. Цілком зрозуміло, що суржик органічно проникає в різноманітні жанри інтернет-комунікації: чати, блоги тощо.

Одним із сучасних локусів побутування суржику в Інтернеті стали соціальні мережі та, зокрема, Facebook, де останнім часом з'явилося чимало авторів, які використовують суржик: *Микола Воськало*, *Vitalii Sherupoga* (Віталій Чепинога), *Свирид Опанасович (Дід Свирид)*, *Татуся Бо*, *Мурзик Васильович*, *Дзвінка Торохтушко* та інші. Майже всі дописувачі ввійшли до створеного угруповання «*Репка клуб (або шонейсно?!)*», чи інша назва «*Репка – клуб бойового суржику*», яке має свою сторінку в мережі Facebook, а також окремий сайт. Один з учасників, *Свирид Опанасович*, уклав «*Маніфест бойового суржику*» (порівняймо з етноконотованою назвою «*бойовий гопак*»).

У мовознавстві суржик почали вивчати в культуромовному аспекті, як результат інтерференції, виявляючи помилкове слово- і формовживання. Згодом, при вивченні художніх і, пізніше, публіцистичних текстів, на суржик почали дивитися як на стилістичний засіб. Звичайно, найбільше можливостей для вивчення сутності суржику, його природи, особливостей функціонування дає дослідження живого усного мовлення носіїв суржику.

У нашій роботі пропонуємо дослідити особливості письмової фіксації усного сімейного мовлення носіїв суржику. На думку Ю. Шевельова, «мова на письмі ніколи не дорівнює усній ні своїм діапазоном, ні активністю сприймання й переймання» [6, с. 23]. Проте, вважаємо, що аналіз писемного сімейного мовлення носіїв суржику дозволить, з одного боку, виявити жанрову специфіку «домашніх» текстів,

а з іншого – уможливить характеристику способів передачі змішаного українсько-російського мовлення на письмі в умовах послабленого соціального контролю (за Л. Крисінім).

Емпіричний матеріал становлять тексти так званих «малих жанрів» (за Л. Капанадзе [2]) сімейної комунікації, а саме: сімейні записки, списки необхідних покупок, списки справ, рецепти. Усього зібрано понад 150 текстів. Матеріал такого роду достатньо важко збирати, оскільки, по-перше, як правило, він зберігається досить обмежений час і, по-друге, призначений для вузького кола адресатів.

Коротка характеристика мовців. У роботі аналізується мовлення представників різних вікових груп з різним рівнем освіти, мешканців міст Суми, Тростянець, Охтирка, а також сіл Сумського, Краснопільського, Лебединського, Липоводолинського, Роменського, Недригайлівського, Буринського районів Сумської області. Для усіх цих мовців суржик є першим кодом мовної соціалізації.

Коротка характеристика жанрів. Як вважає Л. Капанадзе, «домашні жанри» розмовного мовлення різні, але більша їх частина має властивість включати «ситуативний смисловий контекст» до складу семантики висловлювання [2, с. 232]. На думку дослідниці, у сімейному спілкуванні нерідко спостерігається перемикання жанрів [2, с. 230].

Сімейні записки – це короткі за обсягом, лаконічні за змістом тексти. Здебільшого записка складається із звертання, викладу основного змісту, а також підпису, тобто вказівки на адресанта. Комунікативна мета сімейних записок полягає в ознайомленні адресата зі своїми найближчими планами, висловлення прохання виконати певну роботу, щодо якої іноді дається короткий інструктаж. У текстах сімейних записок переважають іменники на позначення конкретних предметів, а також дієслова наказового способу. Наприклад: 1) *Мам, збуди мене / пожалуста у 7⁰⁰ / Лена*; 2) *Нюня! / Сніми більйо, / як буде дощ* (Тут і далі емпіричний матеріал подається із збереженням авторської стилістики, орфографії та пунктуації. Написання з нового рядка позначається скісною рисою).

У. Еко зауважив, що «список – висхідна точка культури. Список, каталог, енциклопедія, музейні зібрання, спадок, донжуанський список, навіть список покупок – все це допомагає стримувати хаос. Коли описуємо, ми боремося зі смертю» [5, с. 134]. Списки посідають важливе місце і в сімейному спілкуванні.

Списки необхідних покупок. Такі списки, як правило, короткі за обсягом і являють собою перелік найменувань, які потрібно придбати адресанту/адресату. При цьому найменування можуть бути конкретизовані назвами виробника, іноді вказуються властивості, призначення тощо. Наприклад: 3) *Гель «Метрогіл» / Порошок гірчиці / Обру4 / Олівець для очей*

«Авоп» / Тушь / Балетки; 1. Пачка солі / 2. Лавровий лист (2 пачки) / 3. Уксус (2 бут.). / 4. 50 кришок (все для дома), / 5. Перець (горошок). Нерідко в списках вказується місце, де потрібно здійснити покупку: 4) Базар / Мед / 1. Куриця / 2. Дрожжі – 100 грм / 3. Ізюм – 300 / 4. Сушка – 1 кг / 5. Селёдка – 2 шт. / 6. Мойва – 1 кг / 7. Риба – 1 кг.

Списки справ – це різновид текстів «малих жанрів», що становить перелік тих справ, які потрібно виконати адресату, у ролі якого нерідко виступає і сам адресант. Порівняно із списком покупок, де переважають назви конкретних об'єктів, у списку справ поруч із предметною лексикою активно вживаються дієслова, здебільшого у формі інфінітива. Наприклад: 5) Купити: / 1) Туалетне мило – 2 кус / 2) Пральний порошок – 1 пачку / «автомат» / 3) Миюче «ГАЛА» – 1 шт / 4) Чистяче «ГАЛА» – 1 шт / 5) Засіб для миття вікон – 1 шт. / 6) Засіб для миття підлоги – 1 шт. / 7) Пакети для сміття – 1 шт. Цей приклад демонструє, як два «домашніх» жанри (список покупок і список справ) переплітаються, або ж, у термінології Л. Капанадзе, перемикаються.

Як і в списку покупок, так і в списку справ вже придбане/зроблене може закреслюватися: б) – зробить ганок в / лет. кухні / – ~~прибр.~~ біля ~~гнойрки~~ / ~~та лет. кухні~~, – ~~постригтися~~ / – поміняти рушники із / ікон / – прибрати окно в ванні / – ~~еняти хрестика~~ / – ~~еконать на часник~~ / – посадить часник. – ~~прополоть клубн.~~ / – ~~посадить часник.~~

Зауважимо, що списки покупок і списки справ нагадують асоціативний експеримент, коли білінгвам пропонується ословити певне поняття (згадаймо дослідження Н. Імедадзе, в межах якого проводилися асоціативні експерименти з білінгвальними дітьми).

Рецепти (кулінарні, народної медицини) – один з різновидів комбінованих «малих жанрів». Умовно текст рецепту ділиться на 2 частини: у першій частині (факультативній) подається перелік необхідних інгредієнтів і відповідно переважають речовинні іменники. У другій частині рецепту здійснюється опис послідовних дій, спрямованих на досягнення чіткої мети – приготування певної страви чи ліків, тому домінувальними стають дієслівні форми. Наприклад: 7) Салат Герцагиння / 2 сладкий перец. / 2 помідор / 1 огурец. / 1 пікін. капуста / 1 морква варена / 1 червон. буряк варен. / 3–4 цибулини. / 500 гр. м'ясо свинина / м'ясо пожарить / дольками, цибуля жареная / На блюдо виложить / кучками як радуга / в середіну положить м'ясо / цибулю / перец / 1 красний / 1 жолтый; (8) лікарств от / печеного. / Настругать / кори иви. / закип'ятит. / на стакан /, молока /, робит / примочку / дуже помага.

Рівневий аналіз мовних одиниць. На думку Л. Капанадзе, «арсенал мовних засобів у малих системах обмежених: обмежений словник, кількість синтаксичних конструкцій» [2, с. 233].

1. Графічні особливості. Для графічного відображення звуків суржиків мовці використовують літери як українського, так і російського алфавітів. Найбільшу варіативність у процесі графічного відображення російських слів і слів, спільних для обох мов, простежуємо під час відтворення рос. **и, ы, е**. Наприклад: а) українські літери в російських або спільних для обох мов словах: *ізіум; гриби і лук; соеденіть; потом добавіть; (дать) подойті; (дать) остить; блини; 1 стак теплої води; яд для мишей*; б) російські літери в українських або спільних для обох мов словах: *дві пачки кару; інд. коэф. зарплати*.

Графічні виправлення демонструють вагання мовця в процесі вибору літери необхідного алфавіту. Здебільшого спостерігаємо виправлення літер російського алфавіту на українські: *фаніган* – літеру **и** виправлено на **і**; *чорний* – літеру **е** виправлено на **о**. Очевидно, це свідчить про зв'язок російської мови і письма у свідомості мовця, що сформувався протягом навчання у школі і / або вищому навчальному закладі. Хоча трапляється, що виправлення російської літери на українську може відбуватися в суцільно російськомовному тексті: *Салат моя прекрасная ледіи*.

Окрім цього, нерідко спостерігаємо надмірне використання пунктуаційних знаків, кокрема окличного знака: **!!!** На сімейне спілкування відчутний вплив здійснює інтернет-комунікація, що виявляється у використанні розділових знаків у функції емотиконів (=) ; :) ; :-) ;))) , та у заміні літер цифрами (*обру4*).

2. Фонетика. Серед фонетичних рис, властивих для вимови голосних, найбільш поширеним явищем є передача вимови [o], наближеної до [a] (так зване акання): *хароші* (укр. *хороші* (вимова відповідає орфографічному написанню), рос. *хорошие*, але вимовляється [ʌ]). Чергування [o], [e] з [i] передається непослідовно: (*яблучний*) *пирог* (укр. *пиріг*).

Приголосні у вимові під впливом сусідніх голосних переднього ряду, як і в російській мові, пом'якшуються: *Лена, Леночка* (укр. *Олена*, рос. *Лена, Леночка*), *котлетки* (орфографічне написання відповідає російській вимові), *кісіль* (укр. *кисіль*, рос. *кисель*).

3. Лексика. Відповідно до особливостей графо-фонетичного оформлення використані в аналізованих текстах лексеми можна класифікувати на такі групи: а) росіянізми, що можуть збігатися за графічним оформленням зі своїми відповідниками в мові-джерелі: *мясо, полка, окно, шкаф, картошечка, бумага, кукурузу, салфетки, навес; тряпочки*; б) росіянізми, що можуть збігатися за вимовою: *котлетки* (2 р.); *магазин, (зошитки у) клеточку, рози, гліна*; в) власне суржикові лексеми: *обув, холодильник, більйо* (2 р.), *вечором, пільмені, печення, окроп, спічки, щотки, роцоска, крохмал*. Окрім цього, активно використовується українська діалектна лексика: *шо, шось, клубника*.

Дослідники неодноразово вказували на значну варіативність суржикової «системи». Найбільший ступінь варіативності при писемному оформленні має лексема *дріжджі*: *дрожді, држді, дріжжі, дрожжі* (укр. *дріжджі*, рос. *дрожжи*). Варіативність може виявлятися в одному тексті (наприклад: *1 стол л крахмала; Білки взбить в піну поступово / Вспаючи сах і крохмал*, пор.: укр. *крохмаль, крохмалю*, рос. *крахмал, крахмала*) і навіть в одному заголовку (*пиріжки від Ліди Шабло / пирожки жарені*, пор.: укр. *пиріжки*, рос. *пирожки*).

Простежується також і протилежна тенденція – стабільність у виборі певної лексеми. Зокрема, лексеми *уксус, салфетки, сахар* вживаються постійно, жодного випадку використання відповідних українських лексем *оцет, серветки* не зафіксовано. Лексема *цукор* використовується тільки в текстах рецептів, переписаних з певного друкованого джерела. У нашому матеріалі зафіксовано тільки 1 вживання лексеми *цукор*.

4. Словотвір. Найпоширенішими словотворчими засобами, що утворюють суржикові одиниці, є суфікси, властиві для російських дієприкметників *чистяще* (рос. *чистящее*), а також пестливі суфікси *Настусік*. Зафіксовано випадки додавання українських префіксів до російського кореня: *розпечатай* (рос. *распечатай*, укр. *роздрукуй*).

5. Морфосинтаксис «письмового суржику» характеризується кількома тенденціями:

1) вплив російського морфосинтаксису на український:
а) використання форми Н. в. в значенні Кл. в. (*Лілюнька, мямчик*);
б) поєднання числівників 2, 3, 4 з іменниками у формі Р. в. одн. (*2 помідора*);
в) вживання російських прикметників (*пелюлі / от кашлю*), у т. ч. у невластивих для них конструкціях (*збуди мене у 7⁰⁰.*),

2) вплив українського морфосинтаксису на російський: переважне вживання української форми прикметників (*туалетна бумага* (укр. *туалетний папір*, рос. *туалетная бумага*), *масло репейне* (укр. *олія реп'яхова*, рос. *масло репейное*)),

3) вплив розмовного синтаксису на писемний: а) звертання *мам, ма*; б) еліптичні речення із субстантивованими дієслівними формами (*Їж – на сковороді; Купи білет, а їсти – я куплю*); в) описові конструкції, властиві для жіночого мовлення (*вкинете мясо те шо / в холодильник в суп; вишпариш баночки / ті шо біля відра з водою / стоять; (то кот. в / белой эмалир. мисочке)*).

Отже, аналіз особливостей писемного мовлення суржикомовців виявив, що брак мовної компетенції, прагнення зручності й сила звички керують мовцями, коли вони вдаються до суржику несвідомо. Суттєву роль відіграє й те, що спілкування мовців відбувається в родинному середовищі як зоні послабленого соціального контролю.

Список використаної літератури

1. Антисуржик. Вчимося ввічливо поводитись і правильно говорити / за заг. ред. О. Сербенської. – Львів : Світ, 1994. – 152 с.
2. Капанадзе, Л. А. О жанрах неофициальной речи / Л. А. Капанадзе // Разновидности городской устной речи : сб. науч. тр. / отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. – М. : Наука, 1988. – С. 230–234.
3. Кознарський, Т. Нотатки на берегах макабресок / Т. Кознарський // Критика. – 1998. – Число 5 (7). – С. 24–29.
4. Словник української мови : в 11 т. / АН УРСР, Ін-т мовознавства ; за ред. І. К. Білодіда. – Київ : Наук. думка, 1978. – Т. 9. – 918 с.
5. Харченко, В. К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты / В. К. Харченко. – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. – 216 с.
6. Шевельов, Ю. Внесок Галичини у формування української літературної мови / Ю. Шевельов. – Київ : КМ Академія, 2003. – 160 с.

Н. В. Никуличева (г. Москва, Российская Федерация)

ОРГАНИЗАЦИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Вы смотрите на что-то и говорите: «Почему?»
А я мечтаю о чем-то, чего никогда не было
и говорю: «А почему бы и нет?»

Бернард Шоу

Дистанционное обучение (ДО) сегодня в мире очень востребовано, этому способствует ряд изменений, происходящих в обществе в связи с ростом технических возможностей обмена информацией. Наблюдается увеличение спроса на ДО со стороны обучающихся, не имеющих возможности посещать образовательную организацию очно (студенты дневной формы обучения, работающие параллельно с учебой; студенты с ОВЗ; студенты-спортсмены и т. д.). Существует также рост спроса на ДО со стороны педагогов, желающих преподавать дистанционно (находящиеся в декретном отпуске, имеющие маленьких детей, работающие в нескольких местах, лица с ОВЗ и т. д.). Повышению интереса к ДО способствует развитие педагогического контента в сети Интернет, развитие сферы методик и форм применения ДО, рост материально-технической базы организаций. Все это свидетельствует о возможности решить с помощью организации системы ДО ряд проблем, которые стоят перед студентами, преподавателями, руководителями организаций.

Под *системой дистанционного обучения* понимается педагогическая система, включающая проектирование, организацию и проведение учебного процесса в контексте выбранной концепции с учетом специфики дистанционного обучения [1]. Система ДО предусматривает проведение регулярных занятий с обучаемым с использованием средств коммуникаций,

образовательных ресурсов сети Интернет и форм контроля (веб-квесты, телеконференции, виртуальные дискуссии, ситуационный анализ, проекты, разные виды тестов, интерактивных форм и т. д.). В условиях быстро развивающихся технических решений для проведения ДО преподаватель получает возможность автоматизировать деятельность обучаемого, используя новые технологии представления информации (инфографика, скрайбинг, интеллект-карты, скетч, сторителлинг, временная шкала, дополненная реальность и т. д.).

Внедрение ДО в вуз сегодня требует решения ряда проблем:

- организация дистанционного обучения.
- изучение методики разработки дистанционных курсов (ДК).
- подготовка преподавателя для работы в системе дистанционного обучения.

Организация дистанционного обучения сводится к составлению стратегии внедрения ДО в вуз (с указанием этапов, сроков, ответственных из числа команды специалистов), разработке внутренней нормативной базы, регламентирующей дистанционный учебный процесс и учитывающей специфику данной организации.

Внедрение ДО строится на разработке организационной и методической модели ДО, способной отразить все взаимосвязи участников дистанционного учебного процесса. Каждая модель ДО в каждом вузе индивидуальна. Нет смысла перенимать чей-то опыт. Нет смысла брать одну модель, созданную конкретными людьми для достижения конкретных целей с использованием конкретных ресурсов, и переносить её в другую среду для решения других целей другими людьми. Везде своя специфика предметов, разный уровень квалификации преподавателей и студентов.

При планировании процесса ДО стоит учитывать количество обучаемых в группе (не более 20), что позволит преподавателю индивидуально подбирать темп, методы обучения студента и повысит эффективность обучения.

На этапе организации анализируются плюсы и минусы ДО, просчитываются возможные риски и финансовые затраты. Разрабатывается также экономическая схема оплаты труда преподавателей и разработчиков курсов и система их мотивации.

Изучение методики разработки дистанционных курсов (ДК) необходимо для создания качественного контента. Опросы преподавателей и администрации образовательных организаций свидетельствуют о большом количестве заблуждений относительно разработки и проведения ДК. Для эффективной работы в системе ДО преподаватель должен быть компетентен не только в области классической педагогики, но иметь базовую

информационную грамотность для работы в сети Интернет (в методике организации и проведения ДО). Этому способствует дистанционное повышение квалификации по методике разработки и проведения ДК.

При проектировании ДК повышения квалификации необходимо учитывать специфику темы конкретного курса, сочетающего в себе теорию и практику ДО самим фактом его проведения – слушатели дистанционно учатся дистанционному преподаванию. Важно овладение обучаемым не только определенной суммой знаний, но и навыками самостоятельной работы с информацией, способами познавательной деятельности, вовлечением обучаемого в активную познавательную деятельность для решения учебных проблем. Именно ДК позволяет педагогам сразу же попасть в новую обучающую среду и воспринять теорию и практику одновременно. После работы в роли обучающегося преподавателю будет проще организовать дистанционный учебный процесс с учетом личного опыта обучения.

При ДО происходит смена ведущего сенсорного канала (восприятие, чувство, ощущение) на визуальный (зрение). Если при очном общении люди воспринимают друг друга на телесном, чувственном уровне, уровне эмоций, которые дополняют содержание общения, то при ДО на первый план выходит уровень интеллекта, выражающийся в текстах, рисунках, схемах, созданных участниками общения, т. е. во всём, что лишено сенсорности, но выражает содержание, предмет общения [2]. При разработке ДК следует учитывать эти особенности и тщательно работать над визуализацией учебного материала.

При разработке ДК сначала необходимо сформулировать перечень компетенций, которые планируется сформировать у слушателя. Далее для измерения сформированности каждой компетенции необходимо разработать формы контроля и способы взаимодействия преподавателя и слушателя курса. А после – подобрать необходимую теорию для выполнения слушателями заданий. Важным моментом является необходимый и достаточный минимум теории, представленной в разных форматах и удобной для восприятия слушателями.

Перечень планируемых к формированию компетенций формируется в соответствии с темой курса, его целями и задачами. Далее проводится соотнесение формируемых компетенций с заданиями на их измерение с указанием средств коммуникации/методов/организационных форм.

На основе сформулированных компетенций дистанционного преподавателя и разработанных заданий для измерения компетенций слушателей курса создается модель ДО, отображающая способы взаимодействия преподавателя и слушателя курса. Для оценивания заданий необходимо разработать критерии оценок заданий на измерение

сформированных компетенций слушателей курса. Для удобства проведения курса выделяются и описываются этапы проведения ДК, представляющие собою описание деятельности слушателя и преподавателя ДК на основе использования преподавателем методов, адекватных им организационных форм и средств обучения, реализуемых на основе услуг сети Интернет в соответствии с логикой познавательной деятельности.

Реализация ДК сопровождается и заканчивается контролем успеваемости слушателей с помощью различных средств ИКТ: электронной почты, телеконференций как асинхронных (форумов, вики-вики, списков рассылки, твиттер), так и синхронных (чаты, видеоконференции), взаимоконтроля внутри учебной группы, самоконтроля. Основная цель контроля в рамках обучения на курсе – выявление уровня сформированности компетенций слушателей при создании образовательных продуктов – фрагментов своего будущего ДК (план, структура, инструкция для учеников, каталог ссылок и т. д.), а также владение организационными формами и методикой применения средств ИКТ на разных этапах обучения в курсе. Текущий и итоговый контроль данного курса представлен в виде заданий со свободно конструируемым ответом (дискуссии в форуме, резюме в блогах, круглый стол в режиме телеконференции, чат-консультации, веб-квест по предмету и т. д.).

Постепенное усложнение задач сопровождается наличием опор в виде консультирования, примеров выполненных заданий, готовых веб-ресурсов для демонстраций. По мере продвижения по курсу происходит постепенное убывание опор и фиксирование внимания на практическом применении методики ДО для конкретного слушателя в его собственной образовательной организации, что существенно повышает его мотивацию и вызывает ещё больший интерес к предметному содержанию курса, а также способствует достижению профессиональных целей. Систематически выполняя практические задания курса, слушатели имеют возможность реализовать потребность в общении с преподавателем и коллегами, что способствует развитию критического мышления слушателей в области ДО, благодаря наличию соответствующих упражнений, виртуальных дискуссий, работы в группе, заданий проблемного характера.

Такая логика создания ДК позволит качественно подготовить преподавателя к работе в системе ДО, акцентировать внимание на результате его образования как на возможности оценивать реальный и востребованный, а не абстрактный продукт, а также на способности преподавателя действовать в различных проблемных ситуациях в условиях ДО.

Подготовка преподавателя для работы в системе ДО необходима потому, что в виртуальной среде традиционные требования к преподавателю

значительно трансформируются. Требования к дистанционному преподавателю складываются из традиционных, предъявляемых к работе в очной форме, и специфических, связанных с дистанционным преподаванием. Например, при проведении виртуального семинара или консультации по электронной почте становится сложным проявить суггестивные и перцептивные способности: при обучении психологов или медиков обучить техникам гипноза, техникам завоевания доверия, удержания внимания, поскольку даже через веб-камеру невозможно встретиться глазами с собеседником; пояснить словами запах горького миндаля, вкус острого перца, разряд электрического тока. В этом состоит ограниченность возможностей ДО, и об этом должен помнить преподаватель при разработке своего курса. Становится не нужна педагогу (или сильно деформируется) и традиционная педагогическая техника, особенно невербальные средства общения: экспрессивно-выразительные движения (поза, жест, мимика и т. д.), такесика (рукопожатие, прикосновение и т. д.), проксемика (ориентация, дистанция), просодика и экстралингвистика (интонация, громкость, тембр, пауза, смех и т. д.) [3]. Частично это может быть востребовано при проведении вебинаров и видеоконференций, что при обучении в формате ДО бывает редко, если учесть, что ДО выбирают слушатели, у которых в силу обстоятельств нет возможности систематически в назначенный час выходить на связь с педагогом.

Подготовка дистанционного педагога должна происходить в направлениях формирования 3-х групп компетенций:

– компетенции в области педагогики: педагогические технологии ДО (методики и соответствующие им технологии);

– компетенции в области психологии: знание психологических особенностей общения в виртуальной среде, особенностей возрастных изменений восприятия виртуального общения, принципов ДО детей, подростков, взрослых и т.д.;

– компетенции в области информационных технологий: свободное владение средствами общения в сети Интернет, стремление к изучению новых средств, сервисов сети, овладение постоянно совершенствующимся сетевым инструментарием.

Система подготовки дистанционного преподавателя включает в себя не только проведение курсов повышения квалификации, но и разработку квалификационных требований к подготовке специалиста (формат профстандарта), выделение специфических компетенций, разделение компетенций на набор действий преподавателя, разработку механизма оценки действий, систему сертификации педагога, работающего в системе ДО.

Бесспорно, система повышения квалификации не может в нужном объеме подготовить специалиста в области ДО. Нужна магистратура по подготовке дистанционных преподавателей.

Список использованной литературы

1. Педагогические технологии дистанционного обучения / под ред. Е. С. Полат. – М. : Академия, 2008.
2. Полат, Е. С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина. – М. : Академия, 2010.
3. Вахромов, Е. Е. О динамике концептуальных подходов к феномену самоактуализации / Е. Е. Вахромов // Мир психологии. – 2005. – № 3. – С. 45.

О. А. Фелькина (г. Брест, Республика Беларусь)

СТАТИСТИКА В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВЫХ КОРПУСОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Чуть ли не каждый день мы слышим новые для себя слова, но новации в области грамматики встречаются редко. По справедливому утверждению Н.С. Валгиной, «морфология – самый устойчивый, глубинный ярус языковой системы» [1]. Увидеть морфологические процессы можно только на значительных отрезках времени и на больших объемах материала. Такие возможности современным исследователям дают национальные языковые корпуса, и в полной мере это относится к Национальному корпусу русского языка (<http://ruscorpora.ru/>). Этот ресурс вмещает 365 млн словоупотреблений. Детально разработаны критерии лексико-грамматического поиска, легко получить статистические данные, в том числе в виде таблиц и графиков.

К сожалению, Белорусский N-корпус (<http://bnkorporus.info/>) и Корпус украинского языка (<http://www.mova.info/corpus.aspx?l1=209>) значительно уступают и по охвату материала, и по удобству использования. Они частично содержат материал на русском языке (в основных, а не в параллельных корпусах), для результатов поиска не показываются статистические данные, нельзя задать хронологические рамки и др. Однако даже в таком несовершенном виде корпуса пригодны для сбора определенного языкового материала. Кроме того, можно пользоваться параллельными корпусами Национального корпуса русского языка.

Грамматические изменения начинаются появлением вариантных форм, которые какое-то время сосуществуют со старыми, постепенно увеличивая относительную частотность, и в результате остаются

единственными выразителями определенного комплекса грамматических значений. Без статистических данных невозможно определить, завершен грамматический процесс или еще сохраняется вариантность. Например, окончания *-а* и *-у* в родительном падеже существительных мужского рода в русском языке могут быть только вариантными: первое есть у каждого слова, но отдельные лексемы имеют и второй вариант флексии. Это вещественные существительные в значении части от целого (*мёду, чаю*), а также некоторые слова в устойчивых сочетаниях (*без толку, с виду, ни шагу, без году неделя, с боку на бок* и др.). В Национальном корпусе русского языка варианты окончаний противопоставлены: разметка включает два родительных падежа – первый (*-а*) и второй (*-у*).

По данным Национального корпуса русского языка, до 1900 года окончание *-у* встречалось 80,5 раз на сто тысяч словоупотреблений, в первой половине XX века – 47,6, во второй – 42,7, а в XXI веке – только 11,9. Из 188 словоформ родительного падежа с окончанием *-у*, зафиксированных в текущем веке, к вещественным относятся только *чай* (8), *снег* (3), *коньяк, коньячок, лук, супчик, яд* (8,5 %, причем до 1900 года вещественные существительные составляли 30,3 % от форм с окончанием *-у*). Самые распространенные формы с такой флексией – *раз* (49), *толк* (15), *вид* (14), они встречаются в сочетаниях *ни разу, без толку, с виду, упустить из виду*. Эти цифры демонстрируют выразительную тенденцию к утрате вариантного окончания *-у* вещественными существительными.

В украинском и белорусском языках окончание *-у* встречается значительно чаще, чем в русском, и для многих существительных является единственным нормативным. Однако в корпусах можно найти многочисленные отступления от нормы. Например, в одних и тех же значениях в Корпусе украинского языка зафиксированы формы *апарата* и *апарату*: *скорочення державного апарата – бюрократичного апарата; космічного апарата – космічного апарату*. В первом случае должно быть окончание *-у*, а в последнем *-а*. Вариантные формы употребляются также для слов *варіант* (*немає іншого варіанту – не відкидаю такого варіанта*), *графік* (*із випередженням графіку – випередження графіка*), *екіпаж* (*командир екіпажа – командир екіпажу*), *інтер'єр* (*предмет інтер'єру – предмети меблів та інтер'єра*), *камень* (*від закладки першого каменю – з закладки першого каменя*), *ліфт* (*двері ліфта – двері ліфту*), *рахунок* (*відкриття депозитного рахунка – відкриття валютного рахунку*), *сайт* (*запитання стосується сайта – активісти однойменного сайту*), *сектор* (*приватного сектора – приватного сектору*), *слоган* (*навколо рекламного слогана – повторення слогану*), *соняшник* (*заради експорту соняшника – рекордний урожай соняшнику*), *тренд* (*зародження нового тренда – оформлення нового тренду*) и др.

В Белорусском N-корпусе также зафиксировано множество ненормативных форм родительного падежа. Например, для слов, которые должны иметь окончание *-у*, найдены сочетания: *па ўскрайку леса*, *у паветры валадарыў пах снега*, *па міжнародным стандарце вызначэння тлушча*, *склад іх розума*, *зрабіць да абеда*, *абуджэньне ад сна*, *чулася ветра гудзенне*, *сярод... грома сечы*, *за растаможку гэтага груза*, *звесткі аб сертыфікацыі тавара*, *цэхі па вытворчасці... гароха*, *галоўку сыра*. И наоборот – слова, для которых нормой является окончание *-а*, встретились с другой флексией: *выключаюць з універсітэту*, *дырэктар інстытуту*, *стаўся героем мастацкага твору* (эти три существительных очень часто), *ад самага аўтобусу*, *з блізкага ці далёкага раёну*, *геаграфічны цэнтр кантыненту*, *выкананне ўстаноўленага параметру*.

Приведенные примеры показывают, что семантический критерий выбора окончания часто оказывается ненадежным: бывает трудно отличить конкретное от абстрактного (по словарям, *харэя – нюансу*), сборное от цельного (*фестывалю – канцэрта*; концерт тоже состоит из отдельных номеров). Особенно это касается многозначных слов, которые в разных значениях имеют разные окончания (см. укр. *апарат*, *камень*, *плод*, *сектор* и др.). Можно привести и белорусские примеры смешивания окончаний: *Мела стыпэндую ад штату Нью-Джэрсі – З усяго штата Бібліятэкі; няхай парадак дадуць, да закона чалавека прывядуць – Артыкул 1.1 раздзелу II-га гэтага закону гаворыць* (все подчеркнутые флексии ошибочные). Ошибки в вещественных существительных, вероятнее всего, объясняются слабым владением языком и русским влиянием, но для других категорий слов ситуация неустойчивая, и можно прогнозировать определенные изменения. Наиболее вероятно распространение окончания *-у* на другие категории существительных (кроме одушевленных).

Отметим, что мы не можем согласиться с Н. С. Валгиной, которая объясняет постепенное исчезновение окончания *-у* в русском языке объединением бывших атрибутивного (определяющего) и партитивного (количественного) падежей в один родительный падеж [1]. Таких отдельных падежей не выявлено ни в праиндоевропейском, ни в праславянском языке. Возможно, существовала тенденция к их формированию на основе родительного, но не очень выразительная и недолгая: историки русского литературного языка считают появление окончания *-у* результатом влияния Курско-Орловского диалекта в XVII веке, М. В. Ломоносов относит эту флексию к низким вариантам, причем среди примеров в его грамматике нет вещественных существительных, поэтому нет оснований видеть противопоставление количественного значения (*-у*) определяющему (*-а*).

В «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 года для всех существительных в качестве нормативного указывается только окончание *-а* [4]. Это и вещественные существительные (*воска, сыра, хмеля, чая, шелка, соуса* и др.), и отглагольные отвлеченные (*бега, взгляда, вида, прохода, роздыха, спора, спроса, строя, сыска, торга, убоя, упора* и т. п.), и слова с собирательным значением (*леса, народа*). При этом среди примеров, особенно в устойчивых сочетаниях, можно найти формы с окончанием *-у*: *Ребенок хворает от глазу; не давай спуску; говорить без умолку; смеяться до упаду; придать духу; год от году; с боку; без толку, добиться толку; с роду, от роду*. Но даже со словом *много* используются формы на *-а*: *На гулянье много было народа*. Для вещественных нам удалось найти только *палочка сургучу*. Так что и в XIX веке окончание *-у* стилистически маркировано и не связано с количеством, а в XX оно начинает утрачиваться. Во второй половине XX века оно удерживается только благодаря нормализаторской деятельности: все справочники по русскому языку требовали различать словосочетания *нельзя есть сахара – кусок сахару*. С распространением в обществе языковой свободы на рубеже веков скорость утраты окончания *-у* существенно возросла. Белорусский и украинский языковой материал также свидетельствуют против оппозиции количественного и определительного значений, так как для вещественных существительных вариантность окончаний не наблюдается.

На материалах Национального корпуса русского языка видна ошибочность и некоторых других предположений. Так, Н. С. Валгина со ссылкой на Л. К. Граудину утверждает, что у глаголов на *-нуть* «явно наметился процесс вытеснения форм суффиксальных краткими: *достигнул – достиг, озябнул – озяб; повиснул – повис; вымокнул – вымок; воздвигнул – воздвиг; промокнул – промок; ввергнул – вверг; воскреснул – воскрес* [1; 2].

В то же время в словаре Срезневского формы *воздвиг, увял, угасла* зафиксированы уже в памятниках XI–XIV веков при отсутствии вариантных форм [5]. В этом словаре можно найти два варианта инфинитива – *достищи* и *достигнути* (первый со спряжением *достигу*, второй – *достигну*). Оба варианта глагола *есть* и в словаре 1847 года, но до 1900 года в корпусе не встретилось ни одного примера *достичь* (*достигнуть* – 14 раз). В первой половине XX века форма *достичь* еще заметно уступает в частотности (3 и 12), но во второй половине века она уже в 2 раза употребительнее (28 и 14). Тенденция развивается и в текущем столетии (27 и 8). Но при этом форма прошедшего времени *достигнул* зафиксирована только 1 раз – у Н. В. Гоголя, причастие *достигнувший* тоже встретилось однажды в позапрошлом веке.

И для глагола *подвергнуться* форма прошедшего времени с суффиксом *-ну* единична (Салтыков-Щедрин), причастие *подвергнувшийся* встретилось в первой половине XX века. Варианта *повергнуть* в словаре Срезневского нет, зато есть *повреци* (*повергу, въвергли*). У этих двух глаголов, по-видимому, появился вариант с *ну-* для избежания чередования *г/ж* (ср. просторечное *подмогнуть* вместо *помочь*).

Для глагола *сохнуть* найдено только причастие *сохнувший* (II половина XX века, 2 случая), для *вянуть* – 1 раз *вянул* (Герцен), *гаснуть* – 1 *гаснул* (при 26 *гас*) и 1 *гаснувший* (обе формы во II половине XX века), *киснуть* – 1 *киснул* (тогда же), *пахнуть* (издавать запах) – 2 *пахнул* (Куприн: *ни один цветок не пахнул*; и II половина XX века: *уж очень дурно пахнул этот источник информации*).

Таким образом, тенденция к утрате форм с *-ну-* не прослеживается. Напротив, материал корпуса показывает, что такие формы спорадически проникают в письменные тексты, но едва ли когда-либо были основными вариантами. По крайней мере, для последних трех столетий это очевидно.

А вот тенденция к появлению *а* в корнях глаголов несовершенного вида по материалам корпуса очень хорошо прослеживается: глагол *перестроивать* встречался только до 1879 года, *перестроиваться* – до 1869, *освоивать* – до 1894, *освоиваться* – до 1874, *присвоивать* – до 1899. Глагол *присвоивать* встретился 80 раз, но только однажды в XX веке (1930), последний пример глагола *пристроивать* относится к 1913 году, *пристроиваться* – к 1889. Глаголы, сохраняющие вариантность до сих пор, также подтверждают тенденцию к победе форм с *а* (таблица). В таблице указано абсолютное число форм и процентное соотношение между вариантами с *о* и *а*.

Таблица – Употребительность вариантных форм глаголов

Период	до 1950 (132 млн)	после 1950 (155 млн)
обусловливать	839 / 93 %	709 / 77,5 %
обуславливать	61 / 7 %	206 / 22,5 %
обусловливаться	710 / 96 %	192 / 73 %
обуславливаться	30 / 4 %	71 / 27 %
удостоивать	247 / 47 %	1 (цитата) / 1 %
удостаивать	281 / 53 %	160 / 99 %
удостоиваться	56 / 35 %	7 (6 в 1 кн.) / 3 %
удостаиваться	102 / 65 %	219 / 97 %

Еще одна заметная грамматическая тенденция восточнославянских языков – утрата кратких форм прилагательных. В белорусском и украинском языках этот процесс фактически завершен, остались только отдельные слова без полной формы: *рад*, бел. *павінен*, укр. *певен*, *повинен*, *згоден*, *потрібен* и некоторые др.

В русском языке краткие формы утратили определительную функцию и, соответственно, формы косвенных падежей. В XIX веке краткие (усеченные) формы прилагательных-определений еще возможны, особенно в поэтических текстах, однако в XX их использование может быть оправдано только стилизацией.

Одновременно падала частотность кратких форм прилагательных и в роли сказуемых: до 1900 года встречалось 8,6 примеров на тысячу словоупотреблений, в 1901–1950 годы – 7,1, а во второй половине XX века – только 6,4, причем в последние 17 лет прошлого века – 6,1. Но, как ни странно, количество кратких форм прилагательных в русских текстах XXI века не уменьшилось, а даже слегка выросло (6,6). Это можно объяснить только усилением влияния официально-делового стиля на публицистический и даже на стиль художественной литературы: в текущем столетии выросло количество всех кратких форм, причем в большей степени за счет причастий: с 3,2 до 5,6 случаев на тысячу слов (на 58 %).

Многие исследователи отмечают ошибочные употребления форм сравнительной степени прилагательных – контаминацию простой и сложной форм. Такие ошибки характерны не только для современного дискурса, уже в самом начале XX века можно найти в русскоязычной печати примеры контаминации простой и сложной форм прилагательных: *Поле российской словесности становится все более обширнее и необозримее* (Н.К. Михайловский, 1902). Чаще всего они встречаются в провинциальных и пролетарских изданиях: *поражение еще более горшее* («Рабочее знамя», 1908), *еще более шире* («Мариупольская жизнь», 1913), *А где оно более нужнее – трудно сказать* (газета «Трудовая копейка», 1916). Знаменательно, что с 1936 до 1991 года не нашлось ни одного примера такой ошибки, что демонстрирует тенденцию к нормализации, тщательную редактуру и корректуру этого периода. Но в 90-е годы ненормативные формы сравнительной степени стали регулярно появляться в книгах и журналах, что наблюдается и сейчас: *В парижских нарядах Софья Витт стала еще красивее и еще более обольстительнее...* (Ю. Безелянский «В садах любви», 1993); *Запах был более страшнее...* («Зарубежные записки», 2008). Очень часто такие ошибки встречаются на форумах: *Наверно, там люди более опытнее...* (Форум: Адмиралъ, 2011), *попытайся быть более откровенней* (Форум: Как жить так, чтобы не убить себя, 2013). Всего нашелся 31 пример (на 283,4 млн. словоупотреблений).

В Корпусе украинского языка нашлось несколько аналогичных примеров: *стає ще більш здоровішою* (2005); *більш розумніших*; *Більш витонченішим виявився казах* (2010). Но полноценный поиск в этом корпусе провести трудно, поскольку для прилагательных нельзя выбрать форму сравнительной степени. В Белорусском N-корпусе нашелся

51 пример, 30 из них в газетных текстах (объем корпуса – около 80 млн. словоупотреблений). Наиболее старый – у Якуба Коласа: *У пана Лабановіча ёсць больш шчаслівейшая ад мяне*. Особенно частые формы в современной публицистике – *больш старэйшы* (17) і *больш маладзейшы* (6). В параллельном украинско-русском подкорпусе Национального корпуса русского языка нашлось только 2 случая (1900 и 1929 гг.; объем 6,6 млн. словоупотреблений), в белорусско-русском – 8 (1921–1988 гг.; объем 7,2 млн.).

Статистика показывает, что наиболее часто «двойные» формы сравнительной степени встречаются в белорусском языке: 0,64 примера на миллион словоупотреблений, в русском языке только 0,11 примеров. Если сравнивать по параллельным подкорпусам Национального корпуса русского языка, то в белорусском 1,1 случая на миллион словоупотреблений, а в украинском 0,3.

Г. П. Нещименко в статье «Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации» высказала предположение, что градационное значение сравнительных форм прилагательных постепенно ослабляется, в связи с чем появляется потребность в дополнительном компенсаторе [3, с. 122]. Белорусский материал это частично подтверждает: третью часть ошибочных форм составляет форма *больш старэйшы*, которая семантически оторвалась от прилагательного *стары*, а потому и сравнительное значение в ней ослаблено. В русском материале можно заметить, напротив, примеры ослабления сравнительного значения слова *более*: если это слово используется в сочетаниях *всё более*, *куда более*, *тем (чем) более* или с наречиями степени, оно не воспринимается как часть сложной формы (*год за годом становятся все более умнее и целеустремленнее; куда более правильнее; чем более фундаментальной уровень, тем больше влияния; Эта проблема значительно более шире*). Таких примеров более половины – 17 из 31.

Но можно объяснить появление «двойных» форм и тенденцией к развитию аналитизма. Разумеется, аналогичная ошибка встречается и среди наречий.

Для белорусского языка существует еще одна проблема употребления форм сравнительной степени прилагательных – простые формы иногда создаются по аналогии с наречиями, т. е. как несклоняемые, с суффиксом *-эй*, а не *-эйш* или *-ш*. В Белорусском N-корпусе можно найти многочисленные примеры такого явления: *тутэйшыя жанчыны прыгажэй і дабрэй; каб душа пасвятлела і стала дабрэй; Нават Бона была ніжэй за яе; калі ты разумней за мяне; жыццё для яго даражэй за ўсё; каб жыццё на Зямлі стала чысцей і лепей* и др. Кроме внутрилингвистической причины (действие закона аналогии), эти отклонения от нормы можно

объяснить влиянием русского языка. К сожалению, корпус не дает возможности увидеть хронологию частотности данных форм, поэтому было бы бездоказательным утверждение, что это именно грамматическая тенденция, а не просто ряд ошибок, вызванных интерференцией.

В украинском языке суффиксы сравнительной степени прилагательных и наречий более сходны между собой: *-иш*, *-иш/-ч* и *-ише*, *-ше/-че*. Формы среднего рода прилагательных омонимичны наречиям. Возможно, именно это и не позволяет использовать наречные формы вместо прилагательных в мужском или женском роде, а также во множественном числе: такие слова воспринимались бы как формы среднего рода.

Тенденция к развитию аналитизма должна проявляться в повышении частотности предлогов. К сожалению, в белорусском и украинском существующих корпусах нельзя задать хронологический подкорпус. В русском языке некоторое нарастание частотности предлогов можно заметить именно в начале текущего века: с 102,1 до 110,6 случаев на тысячу слов (на 8,4 %). Причем частотность предлога *по* выросла на 34,9 %.

Частотность предлога *по* в русском языке до середины XX века падала в связи с утратой им части значений (целевого – *по воду*, временного – *по полуночи*). Но в конце XX века предлог *по* становится более употребительным, особенно в официально-деловом стиле. А поскольку этот стиль влияет на публицистический и разговорный, на форумах в Интернете можно прочесть: *я искренне восторгаюсь проделанной работой по созданию художественных образов конкретных исторических фигур* вместо *я искренне восторгаюсь образами исторических фигур*; *события не совпадают по фактам* вместо *с фактами* [коллективный. Форум: 17 мгновений весны (2005–2010)]. Частотность некоторых предложных сочетаний возросла многократно. Например, сочетание *по данным* с 1950 до 1970 года встречалось 1,7 раз на миллион слов, а в текущем столетии – 106,6, сочетания *по борьбе* и *по результатам* сейчас употребительнее более чем в 27 раз, сочетание *по мнению* стало почти в 10 раз частотнее (164,7 – 16,8). Сочетание *по причине* используется в 5,4 раз чаще, причем в 9,8 раза чаще оно фактически является производным предлогом (вместо согласованного определения – существительное в родительном падеже). На 2002 год приходится пик употребительности сочетания *по жизни*.

Очевидно, что развитие и усовершенствование национальных языковых корпусов уже в ближайшие десятилетия позволит лингвистам еще более наглядно наблюдать и убедительно описывать разные грамматические и лексические процессы.

Список использованной литературы

1. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – Режим доступа : <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01>. – Дата доступа : 20.11.2017.
2. Граудина, Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты / Л. К. Граудина. – М., 1980.
3. Нешименко, Г. П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: Проблемы. Тенденции развития / Г. П. Нешименко // Вопр. языкознания. – 2001. – № 1. – С. 98–132.
4. Словарь церковнославянского и русского языка : в 4 т. / Второе отд. Императ. акад. наук. – СПб., 1847.
5. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка / И. И. Срезневский. – СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1893.

СЕКЦИЯ 1

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Г. А. Верамяюк (г. Брест, Республика Беларусь)

ФЕМИНАТИВЫ ПАВОДЛЕ МІЖАСАБОВЫХ (НЯРОДНАСНЫХ) АДНОСІН У БЕЛАРУСКАЙ І РУСКАЙ МОВАХ

Фемінінатывы, або асабовыя жаночыя намінацыі (АЖН), па сённяшні дзень прыцягваюць увагу навукоўцаў і даследуюцца ў сучасных беларускай і рускай мовах з рознай ступенню глыбіні ў многіх аспектах: гістарычным, лексічным, словаўтваральным, стылістычным. Гэтыя моўныя адзінкі ўяўляюць, безумоўна, цікавасць і з пункту гледжання супастаўляльнага мовазнаўства. Кантрастыўны метада, як вядома, дазваляе больш выразна паказаць асаблівасці кожнай з супастаўляльных моўных сістэм і, па словах У. Р. Гака, “з’яўляецца асноўным (магчыма, нават адзіным) метадам вывучэння мовы” [1, с. 7].

Падабенства і адрозненні перш за ўсё выяўляюцца ў тых пластах лексікі, што ў большай ступені рэагуюць на змены ў грамадска-палітычным, эканамічным і сацыяльна-культурным жыцці людзей. Багатым матэрыялам з’яўляецца лексіка-семантычная падгрупа (ЛСп) фемінінатываў паводле міжасабовых (няроднасных) адносін у беларускай і рускай мовах.

З тлумачальных слоўнікаў супастаўляльных моў намі выбрана 217 моўных адзінак адзначанай семантыкі ў беларускай мове і 219 – у рускай. Дадзеныя лексемы складаюць у кожнай з моў лексіка-семантычныя мікрасферы (ЛСм), якія з’яўляюцца структурнымі элементамі лексіка-семантычнага поля (ЛСП) фемінінатываў. Праведзены аналіз дазволіў вызначыць чатыры ЛСм:

1. ЛСм₁ – АЖН паводле жыццёвага стану (30/28): *арыстакратка* ‘асоба, якая належыць да арыстакратыі’ – *арыстакратка* ‘та, якая належыць да арыстакратыі’, *інтэлігентка* ‘асоба, якая належыць да інтэлігенцыі; чалавек разумовай працы’ – *інтэлігентка* ‘та, якая належыць да інтэлігенцыі’, *сялянка* ‘жыхарка вёскі, якая занятая апрацоўкай зямлі, вырашчваннем сельскагаспадарчых культур і развядзеннем сельскагаспадарчай жывёлы як сваёй асноўнай работай’ – *крэстьянка* ‘сельская жительница, занимающаяся сельским хозяйством’.

2. ЛСм₂ – АЖН паводле ўзаемнай сувязі асоб (32/34): *напарніца* ‘асоба, якая працуе ў пары, на змену з кім-н.’ – *напарніца* (разг.) ‘та, которая работает в паре с кем-л.’, *равесніца* ‘асоба аднаго ўзросту (або блізкая па ўзросту) з кім-н.’ – *ровесніца* ‘та, которая одинакового возраста с кем-л.’, *сакурсніца* ‘студэнтка з аднаго з кім-н. курса’ – *сокурсніца* ‘студэнтка аднаго с кем-н. курса’ і інш.

3. ЛСм₃ – АЖН паводле ўзросту (30/37): *доўгажыхарка* ‘асоба, якая пражыла дзевяноста і больш гадоў’ – *долгожительница* ‘та, которая отличается долголетием’, *малодка* (разм.) ‘маладая замужняя жанчына’ – *молодка* ‘молодая замужняя женщина (чаще крестьянка)’, *непаўналетняя* ‘дзяўчына, якая не дасягнула паўналецця’ – *несовершеннолетняя* ‘девушка, не достигшая совершеннолетия’ і інш.

4. ЛСм₄ – АЖН паводле сітуацыйнага становішча (125/120): *маніфестантка* ‘ўдзельніца маніфестацыі’ – *маніфестантка* ‘участница манифестации’, *тэрарыстка* ‘прыхільніца і ўдзельніца актаў індывідуальнага тэрору’ – *террористка* ‘сторонница и участница актов индивидуального террора’, *пікетчыца* ‘ўдзельніца пікета’ – *пикетчица* ‘участница пикета’ і інш.

Асабовыя жаночыя намінацыі ў кожнай з даследуемых моў называюць сацыяльныя ролі, якія выконвае асоба жаночага полу на працягу свайго жыцця: *статусныя*, *пазіцыйныя* і *сітуацыйныя* [3, с. 92–93].

Статусныя ролі маюць адносна стабільны характар (прыроджаны або назаўсёды набыты). Прынята лічыць, што яны не змяняюцца на працягу ўсяго жыцця асобы. *Пазіцыйныя* ролі асоба змяняе паступова, яны вызначаюць этапы жыцця. *Сітуацыйныя* найбольш змяняемыя, залежныя ад абставін, у якіх знаходзіцца жанчына.

Разгледзім АЖН паводле ўзросту, што складаюць ЛСм₃. Дадзеныя адзінкі ў супастаўляльных мовах вызначаюць пазіцыйныя ролі асобы.

У ходзе аналізу было выяўлена, што фемінінатывы паводле ўзросту ў большасці сваёй – адназначныя лексемы (20 (67 %) / 26 (70 %)), напр.: *юначка* (разм.) ‘асоба жаночага полу, якая не дасягнула сталасці, маладая дзяўчына’ – *юница* (книж. устар.) ‘девушка, девочка-подросток’ і інш. Мнагазначных адзінак намі вызначана 6 (20 %) / 8 (22 %), прычым назіраюцца несупадзенні ў лексічных значэннях лексіка-семантычных варыянтаў, параўн.: *дзяўчынка* ‘1. Дзіця або падлетак жаночага полу. 2. Паўналетняя незамужняя жанчына’ – *девочка* ‘1. Ребёнок или подросток женского пола. // Об очень молодой, юной, неопытной девушке. 2. Жарг. Молодая проститутка’ і інш.

У ЛСм₃ паводле ўзросту ўваходзяць толькі лексіка-семантычныя варыянты (ЛСВ) мнагазначных найменняў акрэсленай семантыкі. Іншыя

ЛСВ належаць у кожнай з даследаваных моў або да іншых ЛСм, ЛСп фемінінатываў, або нават да іншых семантычных палёў.

Фактычны матэрыял сведчыць аб пераважнай большасці матываваных моўных адзінак (26 / 34 (87 %–92 %)) у даследуемых мовах. Нематываваных АЖН зафіксавана 4 моўныя адзінкі ў беларускай мове (13 %), 3 – у рускай (7 %), напр.: *нявеста* ‘дзяўчына (або жанчына), якая выходзіць замуж; маладая. // Дзяўчына (або жанчына), якая мае жаніха; будучая жонка. // *Аб маладой дзяўчыне, якая дасягнула шлюбнага ўзросту* – *невеста* (разг.) ‘девушка или женщина, вступающая в брак, имеющая жениха. // О девушке, женщине, намеревающейся выйти замуж. // Разг. *О молодой девушке, достигшей брачного возраста*’ і інш.

ЛСм₃ прадстаўлена значнай колькасцю моўных адзінак з канататыўнымі значэннямі (19 / 24 (63 %–65 %)) – суб’ектыўна-ацэначнымі і стылістычна маркіраванымі. Аналіз паказвае, што фемінінатывы з суфіксамі суб’ектыўнай ацэнкі (памяншальнасці, ласкальнасці, фамільярнасці, знявагі) у абедзвюх мовах характэрныя ў большай ступені размоўнаму стылю. Спецыфічнымі словаўтваральнымі фармантамі ў супастаўляльных мовах з’яўляюцца: у беларускай мове – *-ул(я)* (*дзявуля*), *-еч(а)* (*малеча*), *-ін(а)* (*кабеціна*), у рускай – *-онк-(а)* (*старушонка* – разг., уничиж.), *-ушк(а)* (*старушка* – ласк.), *-уш(а)* (*вековуша* – прост.), *-енці(а)* (*старушенция* – разг., ирон.), *-урк(а)* (*девчурка* – разг., ласк.).

Суадносныя словаўтваральныя фарманты асабовых жаночых намінацый паводле ўзросту ў беларускай і рускай мовах адлюстраваны ў табліцы.

Табліца – Суадносныя словаўтваральныя фарманты асабовых жаночых намінацый паводле ўзросту асобы ў беларускай і рускай мовах

Беларускія фарманты	Прыклады	Колькасць	Рускія фарманты	Прыклады	Колькасць
<i>ш</i>	дарослая	4	<i>ш</i>	взрослая	4
<i>-к(а)</i>	малодка (разм.)	7	<i>-к(а)</i>	молодка	11
<i>-к(а)</i>	юначка (разм.)	1	<i>-иц(а)</i>	юница (книж.)	1
<i>-к(а)</i>	доўгажыхарка	3	<i>-ниц(а)</i>	долгожительница	3
<i>-еч-а</i>	малеча (разм.)	1	–	–	–
<i>-іц(а)</i>	маладзіца	1	<i>-иц(а)</i>	молодица	1
<i>-ух(а)</i>	маладуха (разм.)	2	<i>-ух(а)</i>	молoduха (прост.)	3
<i>-ух(а)</i>	большуха (разм.)	1	<i>-ух(а)</i>	большуха (разг.)	1
<i>-ух(а)</i>	паўзуха (разм.)	1	<i>-j-а</i>	ползунья (разг.)	1
–	–	–	<i>-уш(а)</i>	вековуша (прост.)	1
<i>-ніц(а)</i> <i>-іц(а)</i>	дашкольніца	1	<i>-ниц(а)</i> <i>-иц(а)</i>	дошкольница	1

Працяг таблиці

-ын(а)	дзяўчына	2	-оньк(а)	девонька	1
–	–	–	-онк(а)	старушонка (разг., уничиж.)	1
–	–	–	-енциј-а	старушенция (разг., ирон.)	1
-ін(а)	кабеціна (разм.)	1	–	–	–
-ул(я)	дзявуля (разм.)	1	–	–	–
–	–	–	-ушк(а)	девчушка	3
–	–	–	-урк(а)	девчурка (разг., ласк.)	1
		26			34

Такім чынам, праведзены аналіз паказвае, што суадносныя адзінкі ЛСм₃ адлюстроўваюць разнастайнасць фемінінных словаўтваральных мадэляў, якія з'яўляюцца часцей за ўсё малапрадуктыўнымі або зусім непрадуктыўнымі ў супастаўляльных мовах. Аднак такія намінацыі выразна раскрываюць асаблівасці кожнай з даследуемых моў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Гак, В. Г. О контрастивной лингвистике / В. Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. – Вып. XXV : Контрастивная лингвистика. – С. 5–17.
2. Токарева, И. И. Социоллингвистика и проблемы изучения коммуникации: курс лекций / И. И. Токарева ; под ред. А. П. Клименко. – Минск : МГЛУ, 2005. – 210 с.

Н. О. Ворона, І. В. Ворона (м. Сумі, Україна)

ОСОБЛИВОСТІ МІЖМОВНОЇ ПАРОНІМІЇ (НА ПРИКЛАДІ УКРАЇНСЬКОЇ І ТУРЕЦЬКОЇ МОВ)

Явище пароніміі протягом кількох століть привертае увагу не лише мовознавців, але й філософів, психологів, культурологів, але її ґрунтовне дослідження розпочалося тільки у 60-х роках ХХ століття. Складність мовної пароніміі призводить до її неоднозначного трактування і спричиняє постійні дискусії. Найбільша кількість досліджень, присвячених цій проблемі, стосується внутрішньомовної пароніміі, дещо менший інтерес дослідники виявляють до проблем міжмовної пароніміі, як правило, об'єктом досліджень є паронімія споріднених мов (слов'янські мови), на другому місці – пароніми різних мовних груп, але найчастіше європейських (англійська, німецька). Практично поза увагою лінгвістів залишається порівняльний аналіз лексики української мови і східних мов, зокрема турецької.

Важливість теми пояснюється не лише недостатнім вивченням міжмовної пароніміі (таксамо й омоніміі) неспоріднених мов

у вітчизняному та зарубіжному мовознавстві, але й значимістю результатів аналізу даних явищ для теорії лексичної семантики української і турецької мов. Крім того, актуальність теми має і соціальну складову: протягом останніх років дуже поживалися економічні, політичні, культурні, освітні та ін. контакти між громадянами Туреччини й України. Ця взаємодія потребує розуміння специфіки української і турецької мов, правильного використання лексики обох мов в усіх сферах спілкування, зокрема в процесі навчання, журналістської діяльності, в роботі перекладачів і т. ін.

Мета нашої статті – привернути увагу фахівців з української і турецької мов до цієї проблеми у теоретичному і практичному плані. Складність полягає в тому, що наразі не існує не лише українсько-турецьких словників паронімів чи омонімів (а саме це можна вважати показником більш-менш достатньої розробленості теми), а навіть академічних турецько-українських перекладних словників. Ми користувалися турецько-російським словником А. Баскакова, Н. Голубевої, А. Камілевої та ін. 1977 р. Є й більш сучасний турецько-російський і російсько-турецький словник 2005 р. (укладач Т. Рибальченко), але не у вільному доступі і значно менший за обсягом.

Проблема паронімії (омонімії) навіть як внутрішньомовного явища в силу її складності залишається дискусійною. У сучасній лінгвістиці, як відзначає О. В. Вишнякова, немає «вірної думки про сутність паронімів, по-різному інтерпретуються лексико-семантичні контакти в групах співзвучних слів» [1, с. 4]. Теоретичні аспекти явища паронімії розроблялися такими відомими мовознавцями, як Ш. Балли, В. Виноградов, Г. Винокур, А. Пешковський, А. Реформатський, Д. Розенталь, Л. Щерба.

Пароніми є одним із джерел мовних труднощів, бо певна схожість (але не тотожність) між ними призводить до їх помилкового вживання, тому ряд досліджень присвячено розгляду паронімії з боку теорії культури мовлення. Крім вже названих лінгвістів, цій проблемі приділяли увагу зокрема такі відомі українські дослідники, як Б. Антоненко-Давидович, О. Пономарів. Формальний критерій паронімів дуже приблизний, зводиться до того, що це слова, що мають певну фонетичну подібність. Частина дослідників вважає паронімами лише слова зі спільним коренем, що відрізняються відтінками значення (вибирати – обирати, пам'ятник – пам'ятка), інші лінгвісти, зокрема Н. Колесніков, Ж. Марузо, вважають паронімічними і різнокореневі слова: інфекція – ін'єкція, фарш – фарс (в українській мові), восход – всход; безответный – безответственный (в російській мові), amiable – amicable; credible – credulous (в англійській мові) і т. п. Т. Гуревич, аналізуючи міжмовну паронімію й омонімію на прикладі англійської та російської, звертає увагу на те, що омоніми й пароніми близьких мов рідко виникають випадково, а базуються на споріднених словах. В англійській і російській мові пароніми –

це здебільшого результат запозичень із третьої (спільної мови). Дослідниця переконана, що під час вивчення іноземної мови пароніми можуть вводити в оману не так початківців, як тих, хто вже володіє мовою достатньо вільно [2]. О. Клименко переконана, що міжмовна паронімія, як правило, є односторонньою. Наприклад, змішання слів типу *history – story, principled – principal* допустиме для українця, що встановлює аналогії зі словами «історія, принциповий», але не для англійця. І навпаки, тільки англієць може змішати українські пари слів типу *стандарт – штандарт, пенсія – пансіон* за аналогією до слів *standard, pension*. Але може бути і двосторонньою, особливо коли ґрунтується на внутрішньомовній паронімії: наприклад, якщо англійські слова «*specially – especially*» або «*concert – concerto*» викликають труднощі у самих англійців, то немає нічого дивного, що і в українців вони асоціюються зі словами «спеціально» і «концерт» [3].

До порівняльного аналізу української й турецької лексики звертається у своїх наукових розвідках І. Юзвяк, авторка розглядає проблему міжмовної омонімії, що дуже близька до паронімії. Ми цілком погоджуємося з дослідницею щодо пов'язаної з цим явищем проблеми лінгвістичного шоку, який вона визначає як «стан здивування, сміху або сорому, яке виникає в іноземців при спілкуванні з носієм мови, коли він чує в іноземному мовленні мовні елементи, які звучать у його мові дивно, смішно або непристойно» [4]. Ця проблема існує не лише для студентів, але й для всіх іноземців, що потрапляють в іншомовне середовище. У своїй професійній діяльності ми неодноразово спостерігали, як студенти-іноземці намагаються уникати вживання неприємних для них слів або навмисне спотворюють вимову тих слів, які в рідній для них мові звучать як лайливі, а тим більше нецензурні.

Загальновизнаною проблемою, до якої призводять міжмовна паронімія (омонімія), є сплутування значення слів і вживання одного слова замість іншого носіями різних мов, зокрема української і турецької. Це явище ми спостерігаємо як на внутрішньомовному: наприклад, турки не завжди розрізняють українські слова *прийти – пройти – перейти, модуль – модель*, так і на міжмовному рівнях: турецьке *velki* у значенні «можливо» – українське *білки* – у значенні «складні хімічні сполуки, органічні речовини». Таксамо носіям української мови складно розрізнити графічно і фонетично схожі турецькі слова: *vermek/vurmak/varmak* – українські значення «давати/бити/досягати (певного віку)»; тур. *dinlemek/dinlenmek* – укр. «слухати/відпочивати»; тур. *uzmak/yazmak* – укр. «робити/писати».

У своїй статті «Українсько-турецька лексична омонімія у функціонально-семантичному аспекті» львівська дослідниця І. Юзвяк наводить багато цікавих прикладів українсько-турецької омонімії. До повних омонімів вона зокрема відносить такі слова: укр. *альянс* –

«спілка, об'єднання на основі договірних зобов'язань», тур. *alyans* – «перстень»; укр. бал – «великий вечір з танцями», тур. *bal* – «мед»; укр. кулак – «стиснуті пальці», тур. *kulak* – «вухо»; укр. кара – «суворе покарання», тур. *kağa* – «чорний» та багато інших [5].

Причиною виникнення цих пар міжмовних омонімів авторка вважає випадковий збіг, отже, відсутність будь-яких збігів у семантиці. Омонімія часто призводить до помилок, непорозуміння, але ми не погоджуємося з тими, хто вважає, що вона не може бути джерелом гумору. Наприклад, турки жартують з приводу поведінки деяких українських і російських туристів: «Наш бардак починається з вашої склянки». Українське слово бардак – «невиконання законів та приписів, відсутність порядку», тур. *bardak* – «склянка». І. Юзвяк виділяє в окрему групу лексичні міжмовні омоніми, що позначають подібні референтні сфери чи частково збігаються за значенням (укр. барак – «житлове приміщення, призначене для тимчасового користування», тур. *baraka* – «казарма» ; укр. будяк – «колюча трав'яниста рослина», тур. *budak* – «гілка, пагін дерева», ін.).

В деяких випадках дуже складно розрізнити пароніми з омонімами, тому що слова належать до однієї граматичної категорії, мають, швидше за все, спільне походження, спільну тематичну складову. Так укр. кавун – «баштанна рослина з великими їстівними плодами» і тур. *kavun* – «диня» однаково належать до баштанних рослин. Цікаво, що дослівний переклад слова «диня» з арабської – «жовтий кавун». На нашу думку, паронімами слід вважати слова, що не мають повного фонетичного збігу, але в яких є спільний семантичний компонент. Наприклад, тур. *balık* – «несвіжа риба», укр. балик – «просолена, пров'ялена або прокопчена спинка великої червоної риби»; тур. *palas* – «готель-люкс», укр. палац – «пишний будинок для вельможних осіб» або «будинок громадського чи культурного призначення»; тур. *vatka* – «ватин, трикотажна тканина з рідкою основою, але товстим густим начосом», укр. вата – «пухнаста маса з бавовни чи інших волокнистих речовин»; тур. *sekmen* – «сходинка», тобто елемент сходів, укр. сегмент – «складова частина»; тур. *tabur* – «військовий загін, батальйон, дивізія», укр. табір – «місце тимчасового розташування війська за межами населеного пункту»; тур. *tahta* – «деревина, дощата підлога», укр. тахта – широкий низький диван без спинки, а тафта – «цупка бавовняна тканина»; тур. *yoakı* – «східний», укр. жаркий – «той, що дає багато тепла», у переносному значенні – «пристрасний»; тур. *kilim* – «килим без ворсу, палас», укр. калім – «викуп за наречену» (турецькою *kalın*) та ін.

Міжмовна паронімія – це складне і неоднозначне мовне явище, яке виникає об'єктивно в процесі взаємодії різних мов, спричиняє переважно негативний вплив, може використовуватися як стилістичний прийом в літературі, але обмежено, на відміну від внутрішньомовної

паронімії. Перспектива дослідження міжмовної паронімії як в теоретичному, так і в практичному аспекті полягає в уточненні критеріїв її визначення, подальшій систематизації міжмовних паронімів, створенні відповідних словників.

Список використаної літератури

1. Вишнякова, О. В. Паронимы современного русского языка / под ред. Д. Э. Розенталя. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1987. – 281 с.
2. Гуревич, Т. Межязыковая омонимия, паронимия (на примере английского языка). «Ложные друзья» переводчика [Электронный ресурс] / Т. Гуревич. – Режим доступа : <http://www.zpu-journal.ru>. – Дата доступа : 20.11.2017.
3. Клименко, О. О. «Несправжні» друзі перекладача [Електронний ресурс] / О. О. Клименко. – Режим доступа : <http://www.rusnauka.com>. – Дата доступа : 18.11.2017.
4. Юзвяк, І. П. Проблема українсько-турецької омонімії у лінгводидактичному аспекті [Електронний ресурс] / І. П. Юзвяк. – Режим доступа : <http://old.philology.lnu.edu.ua>. – Дата доступа : 18.11.2017.
5. Юзвяк, І. П. Українсько-турецька лексична омонімія у функціонально-семантичному аспекті [Електронний ресурс] / І. П. Юзвяк. – Режим доступа : <http://dspace.nbuv.gov.ua>. – Дата доступа : 17.11.2017.

О. В. Герасимович (г. Минск, Республика Беларусь)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АКСИОЛОГЕМЫ *ВЕРА* В УКРАИНСКОМ, СЕРБСКОМ И ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Единство происхождения славян, близость их исторических судеб во многом определили общее направление развития их языков и лексических систем в частности. Славянские языки представляют большой интерес в актуальном в современной лингвистике сравнительно-сопоставительном направлении исследований, так как именно при наличии большого сходства лексического материала индивидуальные семантические признаки выявляются с наибольшей ясностью. В статье на материале восточнославянского (украинского) и южнославянских (сербского и хорватского) языков представлен дефиниционный анализ лексемы *вера*.

“Словник української мови” фиксирует следующие значения *віры*: 1) ‘уверенность в чем-либо, в осуществлении чего-либо’, дополнительное значение ‘уверенность в положительных качествах кого-либо, в правильность, рассудительность чьего-либо поведения’; 2) ‘то же, что и доверие’; 3) ‘признание существования Бога, убежденность в реальном существовании чего-либо надприродного’, 3.1. ‘то или иное религиозное учение, вероисповедание’ [1, с. 679]. “Словарь украинского языка”

Б. Д. Гринченко также отразил три значения: 1) ‘вера; доверие’; 2) ‘вера, религия’; 3) ‘народ’ [2, с. 239]. “Исторични словнику українського языка” Е. К. Тимченко включает семь ЛСВ *вѣры*: 1) ‘истинность верования, принятие в качестве правды’; 2) ‘признание существования Бога и его почтения’; 3) ‘вероисповедание, религия’; 4) ‘достоверность, кредит, важность, значение, уважение’; 5) ‘верность, постоянство, уверенность, старательность, словесное обещание (“словність”)’; 6) ‘клятва, присяга’; 7) ‘народность’ [3, с. 486–487].

“Словник української мови XVI – першої половини XVII ст.” указывает наибольшее число значений слова *вѣра* (*вера, вира*): 1) ‘уверенность в истинности чего-либо, в возможности осуществления чего-либо’; 2) ‘религиозные убеждения в существовании Бога, других сверхприродных сил’; 2.1. перен. ‘твердыня, оплот’; 3) ‘те или иные религиозные учения; вероисповедание’; 4) ‘преданность, верность’; 5) ‘свидетельство правдивости; клятва, присяга’; 6) ‘доверие’; 7) ‘достоверность’; 8) ‘подтверждение правдивости; свидетельство’; 9) ‘приговор’ [4, с. 145–149].

В середине XVI века, по Л. Дэже, абстрема *вѣра* употреблялась только в значениях ‘вера’ и ‘религия’ [5, с. 56], что ставит под сомнение полноту охвата автором семантического объема исследуемой лексемы. Словарь староукраинского языка XIV–XV вв. зафиксировал пять ЛСВ слова *вера*: 1) ‘(вероисповедание) вера’; 2) ‘(преданность) верность’; 3) ‘достоверность’; 4) ‘доверие’; 5) ‘свидетельство правдивости’ [6, с. 229].

В “Словнику бойківських говірок” отмечены, помимо обычной семантики исследуемого слова – ‘вера’, семема ‘кредит’ и синонимичная ей ‘кредит, долг’ [7, с. 130]. “Словарь карпатоукраинского торуньского говора” зафиксировал *внра* с ЛСВ ‘вера’, однако без примера [8, с. 200]. Не содержат иллюстраций к слову *внра* в значении ‘народ; нация; этнос’ и “Матеріали до словника гуцульських говірок” [9, с. 26]. “Скарби гуцульського говору: Березови” отражают использование лексемы *внра* в устойчивом выражении, значение которого противоположно традиционному пониманию указанной абстремы, – ругательстве *пся внра* [10, с. 40].

Источниками анализа южнославянских языков послужили крупнейшие загребский “Rječnik hrvatskog ili srpskog jezika” и белградский “Речник српскохрватског књижевног и народног језика”. XX том “Rječnika...” подает лексему *vera* в трех основных значениях: 1) первое отсылает нас к XXI выпуску и написанию *věra, vjera*; 2) ‘обручальное кольцо’; 3) ‘топографическое название’ [11, с. 747]. В XXI томе *vjera* понимается в двух значениях: 1. ‘убеждение в чем-нибудь или доверие кому-нибудь’ и 2. ‘женское имя собственное’. Первое дробится на 11 более мелких: а) ‘доверие кому-то, когда верится в то, что не видится, что

не понимается'; b) 'то же, что и религия, церковная вера, вероисповедание, закон; конфессия'; c) 'доверие кому-то или чему-то, уверенность'; d) 'верность'; e) 'твердое обещание, твердое слово, данное слово, поручительство: может быть и присяга/клятва'; f) 'поручительство, надежность'; g) 'помолвка/обручение, обещание жениться, сговор/обручение, надевание перстня'; h) 'кредит'; i) 'перемирие; договор, соглашение, союз'; j) 'то же, что письмо или документ веры, подтверждение, удостоверение, свидетельство'; k) 'истина, то, что было первичным знанием' [11, с. 72–85].

В "Речнику..." отмечено пять значений слова *вѣра/вјера*, каждое из которых, за исключением третьего, представлено набором нескольких ЛСВ. Первое разделяется на два: а) 'полагание, что существует нечто истинное (о чем-то, что не очевидно, не доказано и др.), уверенность, убеждение'; б) 'надежда, уверенность; доверие'. Второе представлено пятью ЛСВ: а) 'уверение, убеждение, религиозность'; б) 'определенная религия, религиозная организация, вероисповедание'; в) 'убеждение, свидетельство'; г) 'верующий, приверженец какого-то вероисповедания'; д) 'народность; принадлежащие какой-то народности'. Третье 'религия, вероисповедание' отмечается как стершееся. Четвертое дробится на пять ЛСВ: а) 'данное слово, клятва, договор; верность'; б) уст. 'обязательство, распоряжение, предписание'; в) 'обязательство, что этот брак будет заключен'; г) 'кредит'. Пятое имеет три ЛСВ и часто используется с оттенком пренебрежения: а) 'порода, племя (люди); человек'; б) 'живое создание'; в) 'вещь, предмет'. Кроме того, в указанном словаре зафиксировано и конкретное значение 'обручальное кольцо' [12, с. 522].

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ лексикографических источников украинского, сербского и хорватского языков показывает как близость семантической структуры исследуемой леммы *вера* (обнаружено совпадение 10 значений: 'вера, вероисповедание, религия'; 'верность'; 'доверие'; 'долг, одолжение, кредит'; 'истина, правда, достоверность'; 'народность, народ, порода, племя (люди); человек'; 'подтверждение правдивости, то же, что письмо/документ веры, удостоверение, свидетельство'; 'приговор, решение, обязательство, распоряжение, предписание'; 'присяга, клятва, словесное обещание, данное слово'; 'уверенность'), так и определенные расхождения: сербскому и хорватскому языкам был присущ намного более широкий диапазон отличных значений – 9 ('верная, надежная особа'; 'верующий'; 'вещь, предмет'; 'договор, соглашение, союз'; 'живое создание'; 'надежда'; 'обручальное кольцо'; 'обязательство заключения брака, помолвка, надевание перстня'; 'перемирие'; 'поручительство'; 'топографическое название'), чем украинскому – 3 ('старательность, добросовестность'; 'твердыня, опора'; 'устойчивость, надежность'), что не в последнюю

очередь связано с его более богатой лексикографической традицией и религиозными особенностями.

Список использованной литературы

1. Словник української мови : в 11 т. / редкол.: І. К. Білодід (голова) [та ін.]. – Київ : Наук. думка, 1970–1980. – Т. 1 / уклали: А. А. Бурячок [та ін.]. – 1970. – XXVIII, 799 с.
2. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина» : в 4 т. / ред. с добавлением собств. материалов Б. Д. Гринченко. – Киев : Друк. акційн. т-ва Н. Т. Корчак-Новицького, 1907–1909. – Т. 1 : А–Ж. – 1907. – XL, 495 с.
3. Историчний словник українського язика : у 2 т. / Укр. акад. наук, Комис. на уложення іст. слов. укр. яз. ; під ред. Е. Тимченка. – Харків ; Київ : ДВУ, 1930–1932. – Т. 1 : А–Ж, зошит 1 : А–В. – 1930. – XXIV, 528 с.
4. Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. : у 28 вип. / НАН України, Ін-т укр-ва ; ред. Д. Гринчишин, уклад. Р. Керста. – Львів : Вид-во НАН України 1994. – Вип. 6 : В–Г. – 1999. – 255 с.
5. Дэжэ, Л. Украинская лексика сер. XVI века: Няговские поучения (словарь и анализ) / Л. Дэжэ. – Дебрецен, 1985. – 525 с.
6. Словник староукраїнської мови, XIV–XV ст. : у 2 т. / редкол.: Л. Л. Гумецька (голова) [та ін.]. – Київ : Наук. думка, 1977–1978. – Т. 1 : А–М. – 1977. – 630 с.
7. Словник бойківських говірок : в 2 ч. / уклад. М. Й. Онишкевич. – Київ : Наук. думка, 1984. – Ч. 1. – 495 с.
8. Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; отв. ред. А. Ф. Журавлев. – М. : Изд-во Ин-та славяноведения РАН, 2001. – 229 с.
9. Піпаш, Ю. О. Матеріали до словника гуцульських говірок (Косівська Поляна і Росішка Рахівського району Закарпатської області) / Ю. О. Піпаш, Б. К. Галас. – Ужгород : Графіка, 2005. – 266 с.
10. Негрич, М. Скарби гуцульського говору: Березови : словник / М. Негрич ; НАН України, Ін-т укр-ва. – Львів : Вид-во Ін-та укр-ва, 2008. – 224 с.
11. Rjenik hrvatskoga ili srpskoga jezika : dio XX : USTARANJE-VISOKOROĐE / Jugosl. akad. znanosti i umjetnosti ; obrad. J. Jedvaj [et al.]. – Zagreb : JAZU, 1971. – 960 s.
12. Речник српскохрватског књижевног и народног језика / Српска акад. наука и уметности, Ин-т за српскохрватски језик.: у 2 кн. Книга II. – Београд, 1962. – 800 с.

И. В. Елынцева (г. Минск, Республика Беларусь)

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОСНОВНЫХ КОЛОРАТИВОВ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Толкование значений слов было и остается актуальным для современной лексикографии, одна из главных задач которой – отражение в дефинициях системного характера отношений, организующих лексический состав языка. Сказанное справедливо и для представления таких лексических подсистем русского и белорусского языков, как колоративы. Колоративы – достаточно развитая и имеющая, как ни

странно, тенденцию к расширению группа слов, которые изучаются в разных аспектах: историческом, психолингвистическом, сопоставительном, этнолингвистическом и др. Интерес представляет и лексикографическое исследование данного пласта лексики названных близкородственных языков. Справедливости ради отметим, что в лингвистике существует множество трудов, посвященных проблеме функционирования цветоименований в русском и белорусском языках. Однако вопрос описания и разработки адекватной системы словарного дефинирования колоративов остается открытым.

Общеизвестно, что основной частью толкового словаря любого языка является дефиниция. И не случайно, что именно способам дефинирования различных лексем посвящают свои исследования многие лингвисты, работающие в области лексикографии. Именно из дефиниции пользователь извлекает необходимую информацию, т. е. значение искомого слова. В современной лексикографии к словарной дефиниции предъявляется ряд требований. Так, определение должно осуществляться с соблюдением установленных принципов, каковыми являются: 1) ориентированность на адресата, 2) стандартность, 3) экономность, 4) простота, 5) полнота, 6) эффективность и 7) семантическая ступенчатость описания значения слова [1, с. 214]. Однако, к сожалению, случается, что толкования, приводимые в словарях, не соответствуют этим требованиям, и дефиниция не всегда дает правильное представление о значении определяемого слова и о его месте в системе языка в целом.

Проанализируем толкование основных (или базисных) колоративов-прилагательных в «Словаре русского языка» (в 4 томах) (М., 1981–1984) и «Глумачальным слоўніку беларускай мовы» в 5 томах (в 6 кн.) (Мінск, 1977–1984) с целью определения соответствия дефиниций данной группы цветоименований принятым в лексикографии принципам дефинирования и выявления сходств/различий в словарных определениях межъязыковых коррелятов. Выделение исследователями основных колоративов из общей массы цветообозначений чрезвычайно важно и в практическом, и в теоретическом аспектах, поскольку именно эти цвета так или иначе определяют и толкование, и восприятие всех остальных цветов (а не наоборот), а также точность их интерпретации. Отметим, что в целом проанализированные дефиниции русских и белорусских колоративов соответствуют общепринятым в лексикографии требованиям, предъявляемым к словарным толкованиям: они характеризуются доступностью для пользователя, ориентированностью на адресата, единообразием в словарном описании колоративов, экономностью (при толковании отдается предпочтение краткому (а не длинному) репрезентированию значения цвета); эффективностью (максимальным

использованием языковых средств для наиболее полного толкования значения колоративов, что позволяет правильно употреблять их в речи, в высказывании, в контексте); последовательностью изложения семантического объема значений цветоименований.

В процессе сопоставительного анализа основных колоративов в близкородственных языках было выявлено идентичное дефинирование таких цветоименований, как *красный* и *чырвоны*, *желтый* и *жоўты*, *оранжевый* и *аранжавы*, *зеленый* и *зялёны*, *серый* и *шэры*. Наряду со сходным толкованием данных лексических единиц имеют место и расхождения (иногда достаточно существенные) в их дефинициях.

Так, при одинаковом способе толкования цветоименований *коричневый* и *карычневы* (описание цвета через другой цвет: *коричневый* ‘темный, буро-желтый’ – *карычневы* ‘буравата-жоўты’) наблюдается отличие в содержании их предметных дефиниций. Сравнивая с цветом *корицы*, лексикографы уточняют значение колоративов с цветом разных предметов: русский колоратив *коричневый* описывается как ‘цвет жареного кофе’, белорусский же колоратив *карычневы* сравнивается с ‘колерам жолуда’:

<i>коричневый</i> ‘темный буро-желтый; <u>цвета жареного кофе</u> ’.	<i>карычневы</i> ‘буравата-жоўты, <u>колеру жолуда</u> або карыцы’.
--	---

Для цветообозначений *голубой* и *блакітны* авторами толковых словарей русского и белорусского языков избран однозначный прототип – *ясное небо / яснае чыстае неба*. По мнению А. Вежбицкой, отсылка в словарных дефинициях к прототипам цвета – реалиям, типичным его носителям, является наиболее характерным способом пояснения семантики основных цветообозначений [3, с. 245]. Кроме того, значение колоративов-коррелятов дополнительно уточняется с помощью сложных цветоименований соответственно: *светло-синий* и *светла-сіні*. Однако в содержании дефиниций данных лексем имеются и некоторые отличия. В частности, толкование русского колоратива семантически шире, чем толкование его белорусского коррелята, а именно: в нем дается спектральная характеристика, не представленная в дефиниции белорусского цветоименования; семантика колоратива *голубой* описывается еще и через синонимы *лазурный* ‘светло-синий, цвета ясного неба; небесно-голубой’, *лазоревый*, нар.-поэт. ‘лазурный’, сравн.:

<i>голубой</i> ‘ <u>имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между зеленым и синим; цвета ясного неба; светло-синий, лазурный, лазоревый</u> ’.	<i>блакітны</i> ‘светла-сіні; колеру яснага чыстага неба’.
---	--

В дефинициях адъективов *синий* и *сіні* представлена спектральная характеристика цвета ‘имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между голубым и фиолетовым...’ / ‘які мае афарбоўку аднаго з асноўных колераў спектра – сярэдняга паміж блакітным і фіялетавам’. Однако следует заметить, что в толковании русского колоратива *синий* присутствует также прототип – *цветок василька* (‘...цвета цветков василька’), благодаря чему еще более уточняется семантика слова, в то время как коррелятивное белорусское цветоименование толкуется только посредством указания места цвета в спектре, что является основной частью (но не всей!) дефиниции русского слова, сравн.:

<i>синий</i>	‘имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между голубым и фиолетовым; <u>цвета цветков василька</u> ’;	<i>сіні</i>	‘які мае афарбоўку аднаго з асноўных колераў спектра – сярэдняга паміж блакітным і фіялетавам’;
<i>синий</i>	‘...цвета цветков василька’.	<i>сіні</i>	–

Толкование колоративов *фиолетовый* и *фіялетаваы* дается через другое наименование цвета ‘синий с красноватым оттенком’ / ‘сіні з чырванаватым адценнем’ и с помощью сравнения с окраской предмета – ‘цвета фиалки’ / ‘колеру фіялкі’. Кроме этого, русский колоратив *фиолетовый* определяется еще и как *темно-лиловый*. Согласно данным «Словаря русского языка», *темно-* – ‘первая часть сложных слов, обозначающая: более насыщенный, более густой (по сравнению с основным цветом)’ (т. IV, с. 351), *лиловый* ‘светло-фиолетовый, цвета сирени или фиалки’. Из этого следует, что *фиолетовый* – это «более насыщенный светло-фиолетовый». На наш взгляд, чтобы снять это противоречие, в дефиниции указанной леммы не следует давать отсылку к прилагательному *темно-лиловый*, сравн.:

<i>фиолетовый</i>	‘синий с красноватым оттенком, <u>темно-лиловый</u> , цвета фиалки’.	<i>фіялетаваы</i>	‘сіні з чырванаватым адценнем, колеру фіялкі’.
-------------------	--	-------------------	--

Толкование колоративов *розовый* и *ружовы* в словарях близкородственных языков дается с помощью цветоименований-композиций соответственно: *бледно-красный* и *светла-чырвоны*. При описании семантики белорусского колоратива дается также дополнительная информация для более точного понимания значения этого цвета: ‘які атрымліваецца ад змешвання чырвонай фарбы з белаі (пра колер)’, сравн.:

<i>розовый</i>	‘2. Бледно-красный’.	<i>ружовы</i>	‘1. <u>Які атрымліваецца ад змешвання чырвонай фарбы з белаі (пра колер)</u> ; светла-чырвоны’.
----------------	----------------------	---------------	---

Значения колоративов *черный* и *чорны* толкуется посредством соотнесенности с предметами ('цвета сажи, угля' / 'які мае колер сажы, вугалю'), а также с помощью антонимов *белый* и *белы*. Однако заметим, что в толковании белорусского цветоименования дается уточняющая информация 'самы цёмны з усіх колераў', чего не наблюдается в словарной дефиниции русского колоратива-коррелята, сравн.:

черный '1. Цвета сажи, угля; *противоп.* белый. 2. Темный, более темный по сравнению с обычным цветом'.

чорны '1. Які мае колер сажы, вугалю, самы цёмны з усіх колераў; *проціл.* белы. 2. Цёмны, больш цёмны, чым звычайна'.

Некоторые отличия отмечаются и при дефинировании цветоименований *белый* и *белы*. Согласно «Словарю русского языка», колоратив *белый* толкуется посредством соотнесенности с тремя предметами ('цвета *снега, молока, мела*'), тогда как в толковании колоратива *белы*, по данным «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы», дается отсылка только к двум – *снег* и *малако*. В дефиниции русского колоратива присутствует значение 'очень светлый', которому в толковании белорусского коррелята соответствует семантический оттенок 'які мае светлы колер'; с их помощью объясняется цвет конкретных предметов, на что указывает иллюстративный материал. Однако заметим, что в семном составе значения русского колоратива, в отличие от семного состава оттенка значения белорусского коррелята, присутствует сема усиления цвета. Следует также обратить внимание на то, что значения данных межъязыковых коррелятов толкуются посредством описания (т. е. значения слов определяются путем указания на предмет), а также с помощью антонимов *черный* и *чорны* (т. е. значения колоративов раскрываются через противоположные по значению слова), сравн.:

белый '1. Цвета *снега, молока, мела*; *противоп.* Черный. 2. Очень светлый. *Белые руки*'.

белы '1. Які мае колер *снегу, малака*; *проціл.* Чорны. // Які мае светлы колер. *Белы хлеб. Белы пясок*'.

Таким образом, проведенный сопоставительный дефиниционный анализ позволил установить общее и различное в толковании основных (базисных) русских и белорусских цветоименований. Это в первую очередь связано как с одинаковым восприятием цвета носителями близкородственных языков, так и со спецификой видения каждым народом предметов и явлений действительности, что нашло свое отражение в словарных дефинициях.

Список использованной литературы

1. Денисов, П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П. Н. Денисов. – М. : Рус. яз., 1980. – 253 с.

2. Берлин, Б. Основные цвета: их универсальность и видоизменения / Б. Берлин, П. Кей. – М. : Знание, 1969. – 169 с.

3. Вежбицкая, А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание. – М. : Рус. слов., 1997. – С. 231–291.

И. И. Исматуллаева (г. Ташкент, Узбекистан)

ОСОБЕННОСТИ ЗНАЧЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Технический перевод в той или иной форме должен иметь дело со всеми специалистами. Студенты бакалавриата должны свободно владеть русским, особенно при выполнении выпускной работы приходится использовать информацию из зарубежной литературы, которую нужно будет прочитать и перевести на русский язык. Во всех этих случаях придется столкнуться с особенностями и трудностями технического перевода на русский язык. Выполнение большого количества разнообразных переводов даст необходимый эффект и облегчит преодоление возникших трудностей.

Стиль научных работ на английском языке напоминает русский научный стиль: идея представлена кратко, сухо точно, часто объясняется в чертежах, графиках и математических формулах. Студентам придется иметь дело с общей технической литературой, которая включает инструкции к устройствам, описывающим технологический процесс, патенты. В английской и американской литературе, как правило, используются неметрические единицы измерения, которые при переводе на русский язык должны быть преобразованы в метрические единицы, принятые в Узбекистане. В современной технической литературе на английском языке все чаще используются цепочки слов, которые не связаны друг с другом синтаксическими средствами, предлогами и т. д. Например: *overload prevention device*, устройство, предотвращающее перегрузку; *X-ray thickness gauge* *рентгеновский толщиномер*; *Two stage single cylinder* *двухцилиндровый компрессор с воздушным охлаждением с возвратно-поступательным поршнем и воздушным охлаждением*. Следует обратить внимание на то, что главными словами во всех вышперечисленных комбинациях являются последние слова, все предшествующие слова служат для них определением. В последнее время тенденция к формированию новых слов увеличилась за счет сокращения, и часто такое новое слово не выглядит аббревиатурой. Например: *laser* (*light amplification by stimulated emission of radiation*) – это сокращение – *усиление света за счет стимулированного излучения*. Особенно важно иметь в виду, что в работе с научно-техническим и особенно специализированным английским техническим текстом дается перевод

не только общенаучных, но и также узких технических терминов. Например, слово *face* как существительное имеет обычное значение «лицо»; его широкий технический смысл – «*поверхность*»; в строительной отрасли – «фасад», «облицовка»; в горнодобывающем бизнесе – «бойня», «лава». В английском языке слово *face* может выступать в качестве глагола; в этом случае основной смысл (повседневный смысл) переводится на русский язык как «*стоять перед чем-то*»; в металлообработке этот термин означает «*шлифование*», в строительном бизнесе – «*отделка*», «*черепица*», «*обложка*». Соблюдение следующих правил может помочь в переводе терминов: в специальном тексте каждое слово, даже очень знакомое, может быть термином. Таким образом, в морском бизнесе *map of wars* означает не «солдат», а «*военный корабль*. *Shoe* не обувь, в описании тормозной системы для электропоезда – «*лыжи токоприемника*», для дорожки «*ссылка*»; *Dead-* «*без двигателя*» в электротехнике, *Deaf*, «*не включенный*» в технике и строительстве.

При переводе технической литературы, особенно незнакомых предметов, нужно всегда помнить эту двусмысленность. Поэтому знакомство с соответствующей отраслью технологий, по крайней мере при получении консультаций специалистов, имеет большое значение для правильного перевода. В некоторых случаях префикс добавляется к основе английского термина, а затем адекватный перевод может иметь противоположный характер символа термина, например: *im* – *невозможно* – *невозможно*; *Counter* – *to counter* *счетчик* – *противодействовать*. Иногда к терминам может быть добавлен суффикс, например, *-age* *voltage* – *напряжение* или для формирования прилагательных *-ic* *periodic* – *периодический*, *-ful*, *useful-* *полезный*. Техническая английская литература изобилует терминами, которые формируются путем добавления отдельных слов, но в терминологическом комплекте можно обозначить единую концепцию, например: *slidingbearing* – *скользящий подшипник*. Другое значение может быть также в таких случаях, как, например, *treatment of water* – *обработка воды*, а *water treatment* – *водоочистка* в этих двух, казалось бы, идентичных комбинациях терминов существуют разные смысловые знаки и, соответственно, различное понимание технологии процесса. Тот же термин можно найти в технических текстах на английском языке, но он используется в переводе в разных смыслах, в зависимости от того, какая область технических знаний используется: авиация, флот, электротехника, т. е. конкретный термин несет полностью различные смысловые нагрузки, в зависимости от его специального назначения. Например, *rocket* – *карман* имеет следующие специальные значения: *воздушное отверстие* (в авиации); *окружение* (в военном деле); *мертвая зона* (в радио); *гнездо*

месторождения (в геологии); *кабель* (в электротехнике), и таких терминов очень много. Согласно оригинальному тексту могут быть различные виды сокращений, которые почти никогда не встречаются в русскоязычном тексте, например: *переменный ток*, *PP – периферийный процессор*. Точный перевод таких сокращений можно найти в специализированных словарях.

В практике перевода с семантическим пониманием двух терминов, казалось бы, гетерогенных терминов, может возникнуть ряд нюансов, например: один термин является частью другого термина: *valve amplifier – усилитель клапана*, а *tube amplifier – трубчатый усилитель*. Можно сказать, что без конкретного понимания сущности этого слова эти оба термина полностью независимы, но в семантическом смысле унифицированы. Например, *machine frame – корпус машины* – один термин дает некоторую характеристику для второго предмета. Например, *machine weight – вес машин*, *vehicle weight – вес машины*, *motor vibration – вибрация двигателя*, *engine vibration – вибрация двигателя*. Без конкретного понимания сущности термина невозможно понять семантический смысл, контент идеи, представленной автором.

Таким образом, не владея конкретными знаниями и не понимая сущности употребления того или иного термина, невозможно правильно перевести его на русский язык. Следует упомянуть и о том, что основное ядро русской технической терминологии росло за счет заимствований из латинского немецкого и английского языков.

Список использованной литературы

1. Пронина, Р. Ф. Пособие по переводу английской научно-технической литературы / Р. Ф. Пронина. – М., 1973.
2. Гаевская, Е. Х. Перевод терминов и терминологических оборотов при преподавании иностранных языков / Е. Х. Гаевская. – М., 2008.
3. Рецкер, Я. И. Методика технического перевода / Я. И. Рецкер. – М., 2007.
4. Косолапова, М. А. Технологические подходы в организации профессиональной подготовки к педагогической деятельности высшей школе / М. А. Косолапова. – Томск, 2007.

О. П. Конек, А. В. Шевцова (г. Сумы, Украина)

ФИТОНИМЫ В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Исследования в области фразеологии всегда представляли и представляют особый интерес у лингвистов. Фразеологический фонд языка справедливо называют зеркалом национальной культуры, в котором наиболее зримо проявляется своеобразие того или иного народа, так как фразеология «конденсирует» весь сложный комплекс мировоззрения и психологии людей, неповторимый способ образного мышления народа»

[6, с. 9]. Действительно, фразеологизмы отражают прежде всего особенности человеческой психологии, связаны с эмоциональной сферой, физическими характеристиками. «Фразеологический и – шире – паремиологический фонд языка, – пишет Гудков, – отражает особенности мировосприятия ее носителей, обусловленные национальной культурой. Анализ этого фонда позволяет выявить систему символов и эталонов национальной культуры, исследовать систему ее кодов (соматического, зооморфного, мифопоэтического и др.), специфику аксиологии и др.» [2, с. 192].

Разнообразие фразеологических единиц в языке обуславливает необходимость выделения их отдельных групп, изучение которых позволяет выявить универсальное и уникальное в языковой картине мира того или иного народа.

В данной статье предпринята попытка анализа фразеологических единиц русского и украинского языка с компонентами-фитонимами (наименования отдельных видов, сортов и плодов растений). Предметом рассмотрения служат лексико-семантические особенности, метафорическая природа фразеологизмов, содержащих компоненты-фитонимы, их функциональное использование как средства характеристики человека.

Фразеологические единицы, в состав которых входят фитонимы, отражают многовековые наблюдения людей над миром природы, являясь культурно-национальным фондом каждого языка. Изучением указанной области знания занимались такие лингвисты, как И. С. Степанова (1987), М. Малоха (1998), О. Г. Хабарова (2004), О. В. Шарая (2005) и др. На материале германских и славянских языков ботаническую номенклатуру изучали С. Адаменко, И. Коломиец, Н. Панасенко, А. Пашенко, И. Подолян, А. Сердюк и др. Семантику названий растений, а также их синонимов в отдельных диалектах рассматривают Я. Закревская, А. Козачук, Л. Москаленко, А. Смык, Л. Фроляк и др.

Как показал анализ, мир природы, представленный в русских и украинских фразеологизмах, характеризуется как универсальностью, так и своеобразным национальным восприятием. Своеобразие состоит в выборе компонентного состава фразеологических единиц, их проекцией в контекст народной культуры. Рассмотрим некоторые из них.

Фитоним *дуб* входит в состав русских и украинских фразеологизмов, которые указывают на физическую силу человека: рус. *крепкий как дуб*; укр. *кремезний як дуб, міцний як дуб, здоровий як дуб*.

На признак твердости древесины дуба опираются также русские и украинские фразеологизмы с образным осмыслением человеческой глупости. Эта черта характера во фразеологизмах обоих языков воплощается в лексеме «дуб» и в производном от нее прилагательном:

рус. *дуб дубом, дубовая голова, дубовая башка*; укр. *дуб дубом, дубова голова* ('очень глупый, дурень').

Нашел отражение во фразеологии русского и украинского языков похоронный ритуал, связанный с фитонимом **дуб**: рус. *дать дуба*, укр. *дати дуба, врізати дуба*.

Фразеологизмы же с компонентом-фитонимом **дуб правити паленого дуба, плести сухого дуба** в значении 'говорить чушь, обманывать кого-либо' характерны только для украинского языка. Предположительно, они могли возникнуть в среде кустарей, занимавшихся изготовлением различных хозяйственных изделий и мебели из гнутого дерева. Разогретые или, иначе говоря, обожженные на огне ветки дуба можно гнуть, придавая им желаемую форму, но можно и плести из них изделия, как из лозы. Другими словами, *правити паленого дуба* – вещь невозможная, невыполнимая. Отсюда и возникло переносное значение выражения 'говорить чушь, придумывать что-то нереальное, чего не может быть' [5, с. 75–76].

Украинские фразеологические единицы *волос дуба став / волос дуба стає / волосся дуба стає / волосся дуба стало* символизирует страх, гнев, удивление. В русском языке этим фразеологизмам соответствует устойчивое выражение с аналогичным значением *волосы дыбом становятся*.

Фитоним **береза** является компонентом русского фразеологизма *дать березовой каши*, который имеет соответствие и в украинском языке *дати березової каші* 'избить, наказать кого-нибудь'. Значение выражения было сформировано под влиянием использования в старых школах березовых розг для воспитания учеников [4, с. 36]. Следует отметить, что в украинской фразеосистеме производные от лексемы **береза** входят в состав большого количества устойчивых выражений, отличающихся яркой метафоричностью: *нагодувати березовою кашею, березовим пером виписувати, давати березової припарки, березиною потягти, купати в березині, частувати березовою кашею*.

Стройных девушек в русском языке сравнивают с березкой: *стройная как березка*, а в украинском – с тополем: *струнка як тополя*. В украинском языке сравнение с фитонимом **тополь** указывает также на место человека в социуме, например, фразеологизмы *одинок як тополя, як тополя, що край поля* подчеркивают одиночество женщины.

Во фразеологизмах (рус.) *крепкий орешек* – (укр.) *твердий горішок* во внимание принимается твердая оболочка ореха в значениях 'трудно решаемая проблема' или 'человек с непростым характером'.

Неоднозначен фитонимический компонент **орех** во фразеологической системе русского языка в выражении *разделатъ под орех*. С одной стороны, фитоним во фразеологизме *разделатъ под орех* имеет значение 'делать основательно, очень хорошо', а с другой – 'одерживать победу в игре;

сильно ругать, бранить'. В украинском языке выражение *розчистити під горіх* означает 'обругать, отчитать кого-либо', т. е. является однозначным. Фитоним *орех* используется в русском и украинском языках во фразеологизмах *попадет на орехи / дістанеться на горіхи / на кабачки* [1] и обозначает наказание провинившегося.

В русском языке в значении 'надоесть, опротиветь' употребляется фразеологизм *хуже (нуще) горькой редьки, как горькая редька*. Так говорят о ком-то или о чем-то надоевшем до такой степени, что невозможно больше терпеть. Украинские выражения *остогид гірше від печеної редьки, набрид гірше за редьку гірку* эквивалентны по значению русским. Нет соответствия в русском языке украинскому фразеологизму *як собака редьку* – 'совсем не любить'. В русском языке функционирует фразеологизм *как собака палку*, в котором фитоним *редька* отсутствует, а значение одинаково.

Русский фразеологизм *белены объелся* употребляется в значении 'одурел, обезумел'. Фитоним *белена* отмечен В. И. Далем как в прямом, так и переносном значении: «Белена – ядовитое растение. Онъ белены объелся, дурит, делает глупости, сумасбродить» [3, с. 81]. При отравлении белойю наступает своеобразное опьянение, которое выражается в быстрой смене мыслей.

В значении 'потерял ум, ведет себя как ненормальный, сумасшедший' этот фразеологизм представлен в украинском языке в огласовке: *блекоти об'їстися, блекоти наїстися, наче собачої блекоти наїлася; як (мов, наче...) блекоти (дурману, кукольвану, маку) наївся*.

Из зерновых культур в Украине и в России широко используется *гречка*. Вероятно, поэтому во фразеосистемах обоих языков фитоним *гречка* бытует с одинаковыми значениями. Так, в значении 'быть неверным в браке' украинскому фразеологизму *вскочити в гречку* соответствует русский *прыгнуть в гречку*. Имеют значение 'высказать согласие, согласиться с чем-то или с кем-то' украинский фразеологизм *нехай (хай) буде гречка* и русский – *пусть будет гречка*. А фразеологизмы укр. *через гречку переганяти* и рус. *перегонять на гречку* используются со значением 'выражать недовольство, когда заставляют делать что-либо хорошо'. Этот оборот связан с методом 'дьяковской' педагогики, когда ученика, который провинился, ставили голыми коленями на гречку (перегоняли на гречку). Однако фраземы с фитонимом *гречка* в украинском языке имеют большую насыщенность и обладают национальным колоритом.

Как показал анализ, подавляющее большинство исследуемых фразеологических единиц антропоцентрически направлены, характеризуют ту или иную сторону человеческой деятельности.

Одним из способов формирования фразеологического значения анализируемых единиц является метафорическое переосмысление

компонента-фитонима, который обладает яркой оценочностью, создающей качественную характеристику лица (положительную или отрицательную).

Компоненты-фитонимы в составе фразеологизмов выступают в качестве маркеров национального мировоззрения, что позволяет выявить универсальные и уникальные черты менталитета народа.

Исследование русских и украинских фразеологизмов, содержащих фитонимы, позволило выявить ряд эквивалентных устойчивых оборотов, сходство которых объясняется одинаковыми или близкими представлениями носителей анализируемых близкородственных языков.

Список использованной литературы

1. Вирган, І. О. Російсько-український словник сталих виразів / І. О. Вирган, М. М. Пилинська ; за ред. М. Ф. Наконечного. – Харків : Прапор, 2000. – 864 с.
2. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1978–1980. – Т. 1. – С. 81.
4. Савченко, Л. Феномен етнокодів духовної культури у фразеології української мови: етимологічний та етнолінгвістичний аспекти : монографія / Л. Савченко. – Сімферополь : Доля, 2013. – С. 36.
5. Скрипник, Л. Г. Из тайн фразеологии / Л. Г. Скрипник // Языкознание. – 1968. – № 2. – С. 75–76.
6. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Яз. слав. культуры», 1996. – 286 с.
7. Українсько-російський і російсько-український фразеологічний тлумачний словник. – Харків : Прапор, 1997. – 462 с.
8. Фразеологічний словник української мови : у 2 кн. / уклад. В. М. Білоноженко та ін. – Київ : Наук. думка, 1993. – 984 с.

Е. Д. Мадей (г. Братислава, Словацкая Республика)

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ СЛОВАЦКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА И ТРУДНОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ)

В. Н. Комиссаров в своем труде «Современное переводоведение» определяет перевод как «сложный и многогранный вид человеческой деятельности», в ходе которого происходит «не просто замена одного языка другим, а в котором сталкиваются различные культуры, разные личности, разные складывания мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки» [1, с. 23]. Это точное определение касается всех жанров переводимой литературы, среди которых находится

и публицистика. Интертекстуальность или наличие прецедентных феноменов в публицистических текстах вызывает особый интерес у переводчиков и ставит перед ними непростую задачу, касающуюся организации правильного языкового посредничества между автором текста и рецептором перевода. Помимо лингвистической компетенции переводчик должен обладать и компетенцией переводческой, в рамках которой он обязан иметь достаточные универсальные и национально-специфические фоновые знания как из исходной, так и из целевой культуры, быть способным учитывать при переводе две языковые картины мира, знать универсалии и реалии обеих культур, а также уметь выбирать наиболее оптимальный способ восполнения пробелов и семантических лагун. Проблема восполнения семантических лагун в целевой культуре чаще всего решается посредством экспликации, т. е. описательного перевода.

Экспликация имеет как достоинства, так и недостатки. К последним относится свойство экспликации быть неким редундантным элементом, нарушающим общее впечатление рецептора от текста. Преимуществом экспликации является открывающаяся для переводчика возможность прагматически адаптировать исходный текст, дать свой поясняющий комментарий в целевом тексте. В настоящей статье будут рассмотрены именно такие переводческие ситуации, в которых применение метода описательного перевода неизбежно.

Современные словацкие средства массовой информации, под которыми следует подразумевать как качественную, так и желтую прессу, большое внимание уделяют вопросам, отражающим состояние политики и общественно-политической жизни Словакии. С момента провозглашения независимой Словацкой Республики в словацких СМИ появляется большое количество прецедентных феноменов, берущих свое происхождение из политической социальной среды, значение которых словацкому рецептору понятно и хорошо знакомо. Однако рецептор данных публицистических текстов, не являющийся выходцем из словацкого окружения, без достаточных фоновых знаний и ассоциативных связей между ними с затруднением сможет правильно воспринять предлагаемый ему текст.

К числу таких часто повторяемых в словацкой прессе прецедентных выражений (здесь и далее по тексту классификация прецедентных феноменов по [2, с. 25]) относятся атрибуты *prednovembrovэ* и *ponovembrovэ* (букв. 'доноябрьский' и 'посленоябрьский'). Опытный читатель заметит скрытую в данных именах прилагательных интертекстуальность: образованные от имени существительного *november* ('ноябрь') атрибуты имеют значение 'относящийся к периоду до ноября 1989' и 'относящийся к периоду после ноября 1989'. Под *ноябрем 1989 года* – одной из

следующих прецедентных ситуаций, относящейся уже к универсальным знаниям, – следует понимать революцию 1989 года, произошедшую в Чехословакии и получившую определение 'бархатной' или 'нежной', в результате которой был свержен коммунистический режим. Если *ноябрь 1989* большинству рецепторов переведенного на русский язык текста будет понятен, то атрибут *доноябрьский* и *посленоябрьский* переводчику придется объяснить и адаптировать в целевом тексте.

Исходный текст	Предлагаемый перевод
<i>prednovembrová generálna riaditeľ Interhotelov...</i>	генеральный директор сети гостиниц 'Интеротель', осуществляющий свою деятельность в период до ноября 1989...
tento čin sa stal čierno-bielym obrazom <i>prednovembrového režimu</i> .	настоящие события стали черно-белой картиной, изображающей режим, существовавший (в Словакии) до ноября 1989 года.

(все примеры взяты из Словацкого национального корпуса [4])

Следующей головоломкой для переводчика становятся прецедентные ситуации *Mečiarova éra*, *mečiarizmus*, *temný obdobia mečiarizmu* (букв. 'эра Мечьяра', 'мечьяризм', 'темное время мечьяризма'), возникшие на основании прецедентного имени *Mečiar* (букв. 'Мечьяр'). Среднестатистический рецептор русских текстов, не являющийся специалистом в области словацкой политики и истории, скорее всего, без соответствующего комментария переводчика не поймет смысла настоящих прецедентных ситуаций. Владимир Мечьяр – словацкий политик, трижды ставший председателем правительства суверенной Словацкой Республики [3] и записавшийся в анналы истории помимо всего прочего многочисленными скандалами, связанными со временем его правления, а также проводимой им авторитарной политикой. В основу прецедентности здесь входит огромный ряд событий, фактов и казусов, имеющих негативную коннотацию и вызывающих у словацкого рецептора отрицательные ассоциации. Достичь возникновения таких же ассоциаций у несловацкого рецептора переведенного на русский язык текста, скорее всего, невозможно, поскольку несловацкий рецептор не имеет в памяти того, с чем пришлось жить словацкому рецептору.

Исходный текст	Предлагаемый перевод
<i>Éra mečiarizmu na Slovensku, sa teda pomaly končí.</i>	Время правления Владимира Мечьяра, следовательно, подходит к концу.
Mysleli si, že hlasovanie proti <i>mečiarizmu</i> rapídne zmení ich život .	Полагали, что голосование против политики, проводимой Владимиром Мечьяром, мгновенно изменит их жизнь.

(все примеры взяты из Словацкого национального корпуса [4])

С целью обеспечения полноценной межкультурной коммуникации между рецептором целевого и автором исходного текста переводчик также может оставить свой поясняющий комментарий, вынося его за пределы текста, поскольку внутритекстовая экспликация с точки зрения восприятия текста может стать заметным нарушающим редундантным элементом.

Вышеупомянутый *темный период* правления Владимира Мечьяра получил старт в т. н. *ночь длинных ножей*. Настоящее выражение также носит интертекстовый (прецедентный) характер. Выражение *noc dlhých nožov* (букв. 'ночь длинных ножей'), изначально происходящее от немецкого *Nacht der langen Messer* и обозначающее события 1934 года, во время которых произошла жестокая расправа Гитлера над штурмовыми отрядами СА, в словацком окружении получила и второе значение, а именно 'первое послевыборное заседание Национального совета Словацкой Республики (т. е. Парламента СР) в ночь с 3 на 4-е ноября 1994 года, во время которого представители партий, составляющих правительственную коалицию, во главе с В. Мечьяром отозвали несколько десятков общественных политических деятелей, а на их места назначили своих кандидатов' [5].

При буквальном переводе настоящего выражения на русский язык рецептор, трактующий прецедентное *ночь длинных ножей* на основании своих знаний немецкой истории, может не понять или неверно изложить воспринимаемый им текст. Именно поэтому качественный перевод хотя бы в меньшей мере должен содержать пояснения национально-специфических особенностей настоящей реалии.

Исходный текст	Предлагаемый перевод
Oni si pravdepodobne príromnaja inэ 'sviatok' – ramdtnэ 'noc dlhých nožov' z 3 na 4. novembra...	Вероятнее всего, они вспоминают другой 'праздник' – памятную 'ночь длинных ножей' с 3 на 4-е ноября в словацком парламенте, во время которой новой правительственной коалицией во главе с Вл. Мечьяром были отозваны с должности многие чиновники 'бывшей' власти (прим. переводчика)
Únii sa peráčila 'noc dlhých nožov' v parlamente...	Евросоюзу не по душе прихлась 'ночь длинных ножей' в словацком парламенте, во время которой новой правительственной коалицией... (прим. переводчика)

(все примеры взяты из Словацкого национального корпуса [4])

Так называемый 'мечьяризм' помимо прочего сопровождался и скандальным похищением в 1995 году сына тогдашнего президента Словакии Михала Ковача-младшего, которое организовала, по всей видимости, словацкая спецслужба (Словацкая информационная служба) во времена правления вышеупомянутого Вл. Мечьяра. Существует версия, что таким образом Вл. Мечьяр сводил свои счеты с президентом Словакии. В отношении Михала Ковача-младшего в Германии был выдан международный ордер на арест, не действующий, однако, на территории

Словакии. Михала Ковача-младшего похитили представители спецслужбы и насильственно транспортировали его в багажнике автомобиля в соседствующую Австрию. Там его задержали и передали в немецкий Мюнхен. Описанные события в словацком окружении получили название *ъnos* (букв. 'похищение'). Часто упоминаемое в словацких СМИ и в настоящее время *похищение* однозначно требует экспликации в переводах на русский язык.

Экспликации требуют и многие другие реалии из словацкого политического окружения ('*mečiarove amnestie*' – букв. 'амнистии Вл. Мечьяра', '*smrť Ryberta Remi*бля' – букв. 'смерть Роберта Ремиаша', '*ELEKTRA*' – букв. 'ЭЛЕКТРА', '*zmarený referendum*' – букв. 'сорванный референдум' и пр.), однако в настоящей статье были представлены лишь некоторые из наиболее выразительных прецедентных феноменов, взятых из политической жизни Словакии 1990-х годов и до сих пор часто упоминаемых в словацкой прессе. В статье мы также постарались описать принцип работы с прецедентными феноменами при переводе их на русский язык.

Для полноты создания образа исходной культуры в целевом тексте переводчик иногда обязан прибегнуть к методу описательного перевода, рискуя в некоторых случаях тем, что общее впечатление от текста может быть разлажено. (Не)применение экспликации при переводе прецедентных феноменов всегда результат индивидуального решения переводчика, однако, не стоит забывать о том, что перевод – один из важнейших видов межкультурной коммуникации и языкового посредничества, качество которого должно быть обеспечено на высоком уровне.

Список использованной литературы

1. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособ. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.
2. Dulebova, Irina. Precedentný fenomény súčasného ruského jazyka. Interkultúrny a lingvodidaktický aspekt / Irina Dulebova. – Братислава : Un-ta Komenského v Bratislave, 2015. – 150 с.
3. Портал о словацких личностях, Владимир Мечьяр [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.osobnosti.sk/osobnost/vladimir-meciar-37>. – Дата доступа : 09.11.2017.
4. Словацкий национальный корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://korpus.juls.savba.sk/res.html>. – Дата доступа : 09.11.2017.
5. Статья о выборах в Словакии в 1994 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bratislava.dnes24.sk/volby-v-roku-1994-sotili-slovensko-do-temnoty-megahit-vivat-slovakia-vystriedali-slovenske-mamicky-meciar-vtipkoval-o-smrti-havlovej-zeny-230542>. – Дата доступа : 11.11.2017.

З. Э. Мирахмедова (г. Ташкент, Узбекистан)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ТЕРМИНОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Научно-технический прогресс и интенсификация международного технического и технологического сотрудничества повышают роль терминологического словаря на русском и английском языках. В связи с этим существует необходимость интенсивного изучения текущего состояния терминологии, ее развития и взаимодействия с общеупотребительным и литературным языком. Терминология основных европейских языков развивается в тесном контакте, и поэтому их сравнительное исследование становится особенно важным.

Перевод многих железнодорожных терминов, а также термины в целом связаны с некоторыми трудностями и проблемами. Для точного перевода смысла терминов недостаточно просто иметь хорошее знание иностранного языка и русского языков. Поэтому, на мой взгляд, квалифицированный перевод технического текста железнодорожных предметов требует тесного сотрудничества лингвистов и инженеров, специалистов в определенных отраслях науки и транспорте. В соответствии с основной задачей научного стиля – передачи научной информации определены основные черты этого термина. Прежде всего существует тенденция к унификации технических терминов в различных языковых обществах. Однако развитие естествознания, сопровождающееся процессом дифференциации отдельных областей науки, а также процессом глобализации, приводит к унификации терминов. Если мы сравним, например, использование слова «подушка» в текстах научного характера, его значение является неопределенным. В русскоязычных странах она полностью зависит от контекста: это может быть не подушка из буфера, и гнездо колодки, а подшипник подушки и подушки опорной балки. С другой стороны, для уточнения конкретного термина «железнодорожный подвижной состав» «подвижной состав» не требуется никакого контекста, его значение является определенным или, как говорят филологи, это слово однозначно. Приведенные нами примеры свидетельствуют о применении метафорической передачи значения в терминах формирования. Студенты должны помнить одновременно, что метафорические картины мира на русском и английском языках различаются. Таким образом, термин *«балластная подушка / балластный желоб» (название зависит от типа железнодорожного полотна) переводится на английский язык как «ballast bed», а не как «балластная подушка»: во время засыпки балластная подушка должна быть чистой (без примесей) и сырой, с долями*

определенно большого размера. Балластная кровать должна быть чистой (без тонкого материала) во время установки. В этом случае существительное заменяется другим существительным, которое связано с изменением семантики этого компонента.

При сравнении внутренней формы терминов, состоящих из двух существительных (имеющих структуру N + N) или существительного и номинальной группы, наблюдаются следующие типы расхождений:

1. Изменение количества (единственного числа – множественного числа) *railway earnest* – поступления от железнодорожных перевозок;
railway location survey – железнодорожные изыскания;
railway shop – железнодорожные мастерские;
railway stock – акции железнодорожных компаний;
railways freight traffic – железнодорожные грузовые перевозки;
railweight unit – железнодорожные весы.

2. Русские термины со структурой «существительное + существительное в родительном падеже», как правило, соответствуют английским терминам, состоящим из двух или более существительных, связанных с предлогом

(of) предлог родительного падежа
section of rails – профиль рельса;
foot of rail – подошва рельса;
development of track – развитие пути;
bulk of material – основная часть материала.

3. Другие предлоги, связывающие два или более существительных на английских терминах, обычно передаются соответствующими предлогами русского языка или переводятся описательно *per hour* – за / в час;

container on flat car – контейнер на платформе;
trailer on flat car – вагон платформа для перевозки трейлеров с легковыми автомобилями.

Такая структура, как «существительное + существительное (включая предлог)», весьма продуктивна при формировании русских терминов. С помощью этой структуры, а также структуры *adj. + N + N*, переносится значение английских терминов со структурой *N + N + N*.

В русском языке одинаково широко представлены согласованные определения, выраженные прилагательным, и дополнения, выраженные существительным. В таких случаях, как правило, один из вариантов более стабилен и фиксирован в языке как термин, но иногда грамматическая структура не является настолько жесткой и допускает многомерный перевод, и мы должны указать на нее и показать этот нюанс. Например, термин *железнодорожная база* является подошвой рельса и также может быть переведена как «подкладка»: под подошвой рельса в точке

соприкосновения с галстуком имеется искусственная подкладка, и это дополнение важно для предотвращения передачи высокочастотных колебаний в шпалы и балласт. Основание рельса имеет пластиковую основу в положениях спального места. В общем, несоответствие в структуре терминов на грамматическом уровне не исключает достижения эквивалентности перевода, поскольку на русском и английском языках можно выразить одинаковые категориальные значения.

Анализ терминологии в транспортном дискурсе, а также сравнение российских и английских терминов железнодорожной документации указывают на необходимость систематизации железнодорожных терминов, идентификацию и описание такого метода формирования термина как метафоризацию и сопровождающие явления многозначности, синонимии и т. д. Особенно важно уточнить словарные соответствия русских и английских терминов в двуязычном словаре.

В заключение можно сказать, что без конкретного понимания сущности этого слова обучающиеся не могут понять семантический контент идеи, представленной автором. Как мы видим, определение сроков обучения и точный перевод – трудоемкий процесс, который требует не только хорошего знания целевого языка, но и родного.

Список использованной литературы

1. Пронина, Р. Ф. Англо-Русский железнодорожный словарь / Р. Ф. Пронина, А. И. Бегун, Н. С. Волкова. – М. : Гос. трансп. изд-во, 1958. – 662 с.
2. Cambridge English for Engineering. Cambridge University Press. – 2011.
3. Панина, Г. С. Современные способы активизации обучения: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Г. С. Панина, Л. Н. Вавилова. – М. : Акад., 2006. – 200 с.

Н. Е. Никитина (г. Брест, Республика Беларусь)

СПЕЦИФИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ПРИ АВТОРСКОМ ПЕРЕВОДЕ С БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Способы передачи особых глагольных форм при переводе являются одной из наиболее изучаемых проблем в переводоведении. Современные теоретики и практики перевода, а также методисты и преподаватели иностранных языков озабочены определением способов перевода русских деепричастных конструкций на английский, китайский, персидский, шведский языки, изучением русских эквивалентов турецких деепричастий, сравнением особенностей функционирования деепричастий в русском и немецком, а также деепричастных оборотов в русском и болгарском

языках и т. д. Тем не менее остается открытым вопрос об особенностях трансформации глагольных форм в условиях авторского перевода с близкородственных славянских языков.

С целью установления основных моделей, по которым строится перевод деепричастных конструкций с белорусского языка на русский, был проведён анализ **1 729** пар эквивалентов, обнаруженных в ходе сравнения оригиналов произведений В. Быкова «Сотников», В. Козько «Судный день» и И. Мележа «Минское направление» и их авторских переводов. Нулевая трансформация наблюдается в **1 048** примерах. Замена характерна для **465** примеров, добавление – для **137**, опущение – для **79**, перестановка – для **36**.

Замена, которая является наиболее распространённым типом трансформации деепричастий и деепричастных оборотов, в большинстве случаев строится по следующим моделям:

1) дзяслоў → деепричастие: *Цяпер Рыбак трохі супакоіўся і падумаў, што, можа, яшчэ як-колечы вывернуцца* [1, с. 400]. → *Теперь Рыбак понемногу стал успокаиваться, подумав, что, может, ещё как-либо удастся вывернуться* [2, с. 448];

2) дзеепрыслоўе → глагол: *Карыстаючыся прыпынкам, іншыя партызаны таксама адначывалі ды ціха перагаворваліся* [6, с. 13]. → *Воспользовались остановкой и другие партизаны: тоже рассаживались, где удалось, тихо переговаривались* [7, с. 19];

3) прыслоўе → деепричастие: *Але, паглядзіўшы рукой галоўку сына, прашаптала супакойліва: – Нічога, нічога, сынчык* [6, с. 144]. → *Но, погладив рукой головку сына, сказала, успокаивая: – Ничего, ничего, сынок* [7, с. 159];

4) дзеепрыслоўе → субстантивная конструкция: *Чакаючы гэтай бадзёрасці і прахалоды вечара, і брыў Лецечка немаведама куды* [4, с. 106]. → *В ожидании этой свежести и прохлады Летечка брёл неведомо куда* [5, с. 481];

5) субстантыўная канструкцыя → деепричастие: *– ...Будзіла вас, – са злосцю напамніў Рыбак* [1, с. 473]. → *– ...Будила вас! – не сдержавшись, напомнил Рыбак* [2, с. 512];

6) даданая частка сказа са злучнікавым словам *калі* → деепричастный оборот: *Да вайны Аляксей, калі працаваў інжынерам, з Нінай і таварышамі не раз ездзіў на гэтай магістралі за горад на аўтамабілі* [6, с. 117]. → *До войны, работая инженером, Алексей с Ниной и товарищами не раз ездил по этой магистрали за город* [7, с. 129];

7) адзіночнае дзеепрыслоўе → деепричастный оборот: *Наперадзе ўзнік, мацнеючы, уедлівы знаёмы свет, разложыста грывнуў вельмі блізкі выбух...* [6, с. 123]. → *Впереди возник, стремительно приближаясь, знакомый вьедливый свист, оглушающе ударил очень близкий взрыв...* [7, с. 135];

8) дзеепрыслоўе → наречие: *...са шчылін у акне цягнула халадком, можна было даць ахалодаць і спатнелама твару, калі прыціснуўца тварам да шкла, што ён, не марудзячы, і зрабіў* [4, с. 83]. → *...спину обдавало струящейся из щелей прохладой, можно было охладить и распаренное лицо, прижавшись им к стеклу, что он незамедлительно и сделал* [5, с. 460];

9) субстантыўная канструкцыя → деепричастный оборот: *Пасля суда ўжо, вечарам, у ізалятары, Лецечка спрабаваў нагадаць, ўявіць сабе гэты твар, але ўсё дарэмна* [4, с. 84]. → *Уже **возвратясь из суда** вечером в изолятор, Колька пытался представить, вызвать из прожитого дня это лицо и не мог* [5, с. 460] и др.

Значительная употребительность деепричастных конструкций в исходных текстах позволяет согласиться с мнением Е.Н. Горегляд, что «белорусский глагол обладает большими возможностями для образования деепричастных форм, чем русский» [3, с. 45]. Однако наши данные свидетельствуют, что количество замен деепричастий и деепричастных оборотов другими единицами почти вдвое меньше количества обратных замен (**130** случаев против **285**). Это указывает на ограниченную активность деепричастных конструкций в белорусском языке [3, с. 45].

Деепричастие объединяет в себе признаки глагола и наречия, а значит, в случае замены этих частей речи деепричастием происходит усложнение семантики лексемы за счёт добавления дополнительного значения процессуальности (при замене наречия) либо образа действия (при замене глагола). Обратная замена наблюдается вследствие снятия указанных дополнительных значений.

Замена деепричастных конструкций существительными (часто однокоренными) позволяет упростить структуру и, как следствие, семантику предложения. Однако в некоторых случаях авторы-переводчики считают целесообразной обратную замену.

Семантическая несущественность деепричастия приводит к его устранению и замене субстантивной конструкцией. Необходимость привести в высказывание значения, присущие деепричастию, объясняется добавлением данных глагольных форм, которые дополняют либо заменяют субстантивные конструкции.

Использование деепричастного оборота вместо придаточной части предложения в **28** случаях соответствует описанной выше тенденции ограниченной употребительности деепричастных конструкций в белорусском языке. Обратная замена происходит лишь в **3** парах эквивалентов.

Отдельно следует рассмотреть **26** случаев взаимозамены причастных и деепричастных конструкций. Авторы-переводчики чаще заменяют причастия деепричастиями, чем наоборот (**19** случаев против **7**), что указывает на стремление акцентировать внимание читателя на основном

действии, выраженном личной формой глагола, а не на субъекте или объекте действия, выраженном существительным: *Ён паспешна ўставіў зіхатлівыя медныя запалы і паказаў гранату, заціснутую ў руцэ* [6, с. 7]. → *Он поспешно вставил в гранату запал и, сжав её, поднял, показал всем* [7, с. 14]; *Каля іх паўкругам высіліся каржакаватыя дубы, раскінуўшы ўгары крывое вузлаватае галлё* [6, с. 52]. → *Около них полукругом высились коренастые дубы, разбросавшие вверху кривые, узловатые ветви* [7, с. 57].

В 36 случаях наблюдается перестановка деепричастных конструкций относительно главных членов предложения или определяемого слова. В 24 примерах деепричастная конструкция в авторском переводе помещается перед грамматической основой, а не между подлежащим и сказуемым, как в исходном тексте: *Машины, абагнуўшы могількі, накіраваліся да лесу* [6, с. 81]. → *Обогнув кладбище, машины направились к лесу* [7, с. 88] и др.

Перемещение деепричастия несовершенного вида из постпозиции по отношению к определяемому слову в препозицию характерно для 12 случаев и свидетельствует о стремлении придать значимость вспомогательному действию: *Чаго баяцца, калі ў табе няма болей крыві, калі змяя смактала з твайго цела доўга, пакуль, як тая перасычаная, апітая п'яўка, сама не адвалілася, не папаўзла ад твайго цела, губляючы на дарозе чырвоныя кроплі* [4, с. 135]. → *Чего бояться, если в тебе нет больше крови, если змея пила её из твоего тела долго-долго, пока сыто не отвалилась, роняя кровавые капли, уползла из твоего тела* [5, с. 512].

Добавление деепричастных конструкций наблюдается вдвое чаще, чем опущение. Данный тип трансформации позволяет придать действию панорамность и динамичность: *Крайко накіраваў на вуліцу з двух бакоў ахову, а з іншымі пачаў прабірацца да хаты* [6, с. 138]. → *Оглядевшись, быстро оценив обстановку, Василь направил на улицу с двух сторон прикрытие, а с остальными начал пробираться к хате* [7, с. 152].

Опущение деепричастных оборотов используется при их избыточности и семантической несущественности для полноценного восприятия события: *Хуценька поркаючы, нібы абнюхваючы салому, шэры порсткі камяк прашыбаваў краем падлогі і знік у цёмным кутку* [1, с. 454]. → *Шустрый её комок с длинным хвостом прошмыгнул краем пола и исчез в тёмном углу* [2, с. 495].

Итак, проведенное исследование показало значительную распространенность трансформации деепричастных конструкций при авторском переводе с белорусского языка на русский. При преобразовании данных глагольных форм преобладает нулевая трансформация, что объясняется сходством языковых систем близкородственных языков.

В идейно-художественных целях используются такие приёмы, как замена, добавление, опущение и перестановка.

Список использованной литературы

1. Быкаў, В. У. Сотнікаў / В. У. Быкаў // Поўны зб. тв. : у 14 т. – Мінск : Саюз беларус. пісьменнікаў ; М. : Выд-ва «Время», 2005. – Т. 3 : Аповесці. – С. 351–510.
2. Быков, В. В. Сотников / В. В. Быков // Повести : Дожить до рассвета ; Его батальон ; Волчья стая ; Сотников ; Обелиск : пер. с белорус. – Мінск : Маст. літ., 1988. – С. 405–543.
3. Горегляд, Е. Н. Проблемы синтаксического строя славянских языков : учеб.-метод. материалы / Е. Н. Горегляд ; Витебск. гос. ун-т им. П. М. Машерова. – Витебск, 2012. – 82 с.
4. Казько, В. А. Суд у Слабадзе [Электронный ресурс] / В. А. Казько. – 2002. – 151 с. – Режим доступа : <http://kamunikat.org/8643.html?lang=PL&pubid=18656>. – Дата доступа : 05.05.2017.
5. Козько, В. А. Судный день / В. А. Козько // Судный день : повести. – М. : Мол. гвардия, 1988. – С. 378–524.
6. Мележ, И. П. Збор твораў : у 6 т. [Электронный ресурс] / И. П. Мележ. – Мінск : Беларусь, 1969–1971. – Т. 2 : Мінскі напрамак : раман у 3 кн. – Кн. 1 : Хмары на світанні. – 1970. – 384 с. – С. 1–150. – Режим доступа : <http://www.pdf.kamunikat.org/download.php?item=19482-1.pdf>. – Дата доступа : 05.05.2017.
7. Мележ, И. П. Минское направление : роман : в 3 кн. : пер. с бел. авт. / И. П. Мележ. – М. : Сов. писатель, 1973. – 760 с. – С. 1–165.

И. А. Посохин (г. Братислава, Словацкая Республика)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА СЛОВАЦКИЙ ЯЗЫК БЕЛОРУССКИХ РЕАЛИЙ В РОМАНЕ И. БОБКОВА «ХВІЛІНКА. ТРЫ ГІСТОРЫІ»

Роман современного белорусского философа и писателя Игоря Бобкова «Хвілінка. Тры гісторыі» вышел в 2013 году. В этом же году роман привлек внимание жюри международной премии VEaPLA (Visegrad Eastern Partnership Literary Award), которое заседало в Братиславе; в итоге автору романа была присуждена данная премия, а сам роман был переведен на словацкий язык и издан в братиславском издательстве «Artforum», специализирующемся на 'немассовой' литературе, в 2014 году. Перевод под названием «Minútka. Tri príbehy» был подготовлен тандемом переводчиков: его авторами стали слависты Ивана Сливкова и Любор Матейко. Сам факт выхода данной книги примечателен и ценен уже потому, что современная белорусская литература (если не брать во внимание прозу Светланы Алексиевич) редко выходит на рынок переводной литературы европейских стран и в целом известна лишь в узких кругах славистов. Интересно также отметить и то, что найти

переводчика, способного перевести художественный текст с белорусского на словацкий также не было легкой задачей, поэтому как минимум один переводчик из тандема переводил роман, базируясь на работе со словарями и 'чувстве' славянских языков.

Роман И. Бобкова по жанру можно отнести к социально-философским романам с элементами фантасмагории. Основное действие романа происходит в БССР в позднесоветскую эпоху и так или иначе связано с социальными, политическими и культурными преобразованиям этого периода. Повествование сосредоточено вокруг трех основных персонажей: молодого поэта Франтишека, молодой артистки Евы Доминики и молодого политика Богдана. Помимо этого, в романе силен голос рассказчика, который сменяет функции объективного повествователя и непосредственного участника отдельных событий в структуре романа. В тексте также присутствуют элементы, напоминающие произведения магического реализма, поклонником которого является Бобков. Текст содержит множество отсылок к восточной философии и мифологии, в связи с чем один из словацких рецензентов дал следующую оценку стилю писателя: «Бобков, видимо, глубоко переживает буддистское видение мира, поскольку его эссеистические рассуждения и образность им пропитаны. Во всем романе, за исключением второй части, посвященной Богдану и политике, легко различимы буддистские концепты, как, например, абсолютное единство и гармония всего, отрицание существования времени или отрицание причинно-следственных связей. Его стиль, вопреки эссеистическому характеру, обладает, в общем-то, европейским настроем, ритмом и остроумием; вопреки минимализму сюжета он втягивает читателя, завладевает им и не отпускает» [2] – *перевод И.П.*

Характер произведения, его насыщенность философскими отсылками и, что немаловажно, белорусскими реалиями (историческими, этнографическими, географическими), могли в определенной мере затруднить процесс перевода. Перевод реалий является традиционным объектом рассмотрения в переводоведении. К проблематике перевода реалий обращался, в частности, известный словацкий теоретик художественного перевода Александр Попович, который реалии относил к случаям, которые «тематически противятся» [6, с. 23] переводу, и ссылаясь на подходы к переводу реалий, предложенные болгарскими исследователями С. Влаховым и С. Флориным. Последние сводят весь спектр подходов к двум большим группам: транскрипция и перевод, причем «1) перевод стремится 'чужое' максимально сделать 'своим'; 2) транскрипция стремится сохранить 'чужое' через средства 'своего'» [5, с. 87]. Среди средств «перевода» можно назвать кальку, создание нового слова (неологизма), адаптацию, приблизительный перевод, описательный

перевод [6, с. 172]. Исходя из этих приемов, далее мы постараемся проанализировать несколько связанных с белорусскими реалиями переводческих решений в словацком переводе романа И. Бобкова.

Интересным является перевод самого названия романа. *Хвілінка* – это название минского кафе (существовавшего на самом деле), в котором в романе собирались его персонажи. Переводчики решили подойти к переводу названия на основе словарного перевода слова – *minútka*, несмотря на то, что в словацком есть похожее на белорусское слово *chvíľka*, также имеющее значение короткого периода времени. Такой перевод может, как нам кажется, быть обусловлен целым рядом причин: от персональных симпатий переводчика до графического дизайна обложки и «маркетинговых качеств» названия. Кроме этого, у слова *minútka*, как более нейтрального, больше возможных способов использования в различных контекстах романа.

На первых страницах романа Бобкова содержится целый ряд названий улиц, проспектов и рек Минска, которые можно отнести к географическим реалиям. Приведем несколько примеров: «З левага боку ад праспекта, на якім стаяла Хвілінка, пачынаўся *Верхні Горад*. Паўзруйнаваны, ён адразу ж абрываўся ў *Нямігу*, метафізічную раку з крывавамі берагамі, з якой пачалася тутэйшая гісторыя» [4, с. 8]; «Сярод руінаў меланхалічна блукала *Свіслач*, аперазаная паркамі. Яна збірала стары горад у адно, пашчотна злучала гэтыя краявіды, вымывала ўсе крыўды і пакуты...» [4, с. 9]; «...ніхто не мог пасля сказаць, што гэта было, і куды мы патрапілі: *Падгорная? Дамініканская? Энгельса? Замкавая? Рэвалюцыйная?*» [4, с. 10]. В переводе мы сталкиваемся с комбинацией подходов при переносе данных реалий на словацкий язык. Во-первых, находим транскрипцию *Няміга – Namiha*, во-вторых, переводчики использовали перевод топонимов на словацкий: *Верхні Горад* – «*Naľavo od Prospektu, na ktorom ste mohli nájsť Minútku, sa začínalo Horné Mesto*» [1, с. 9]; *Падгорная? Дамініканская? Энгельса? Замкавая? Рэвалюцыйная?* – «*Pod vrškou? Dominikánska? Engelsova? Revolučná?*» [1, с. 10]. Оба последних примера указывают на стремление передать коннотационную сторону данных географических названий без излишней экзотизации. В случае с рекой Свислочь мы находим третий подход – перевод с объяснением, что связано с тем, что словацкий читатель может не понять, что речь идет о реке: «*Medzi ruinami sa melancholicky túlala riečka Svislač, lemovaná parkami*» [1, с. 10].

Продолжая тему имен собственных, обратимся к тому, как в словацком переводе были переданы имена исторических личностей, связанных с Беларусью. В тексте романа упоминаются, например, Ф. Скорина: «Гэта быў той самы Леа, які пераканаў Скарыну перабрацца

з мілай утульнай Прагі ў Вільню, да Мамонічаў» [4, с. 16], А. Мицкевич: «...дапамагаў *Мицкевічу* ў Парыжы з ідэямі і матэрыяламі» [4, с. 16], князь Витовт и революционер Костюшко: «Сапега з *Вітаўтам*. *Касцюшка* з касінерамі» [4, с. 185], «Казалі літоўцы, якія адразу абуджаліся, прыгадвалі часы *Вітаўта* і сцвярджалі, што для сяброў яны гатовыя на ўсё» [4, с. 210]. Здесь мы наблюдаем несколько непоследовательный, но объяснимый необходимостью приблизить текст реципиенту подход к передаче имен этих исторических личностей. В случае Скорины в переводе его фамилия дополняется именем, при этом сохраняется транскрипция белорусского написания его имени: «*Vol to ten istý Leo, čo presvedčil Francyska Skarynu, aby sa prest'ahoval s milej útulnej z Prahy do Viľna*» [1, с. 10]. В отношении Витовта в одном случае транскрибируется белорусский вариант его имени, в другом же используется его более известный во многих европейских культурах вариант *Vytautas*: «*Aj Sapiega s Vitavtom. Koszciuszko a kosinieri*» [1, с. 131] ср. «*Rozprávali o tom Litovci, ktorí sa zrazu prebrali, pripomínali si časy Vytautasa Veľkého...*» [1, с. 149]. Подобный подход может быть интерпретирован как разницей контекстов, так и, возможно, ошибкой языковой редакции. Необходимостью приблизить текст реципиенту можно объяснить и использование польского варианта фамилий Мицкевич и Костюшко (*Mickiewicz* и *Koszciuszko*), которые, будучи переданными транслитерацией, могли бы остаться «неузнанными». При этом неоправданно, на наш взгляд, используется польский вариант имени поэта Владимира Жилки: «Ён тады толькі адкрыў для сябе *Жылку* і ўжо прадчуваў *Мицкевіча*» [4, с. 71], ср. «*Frančičak len vtedy pre seba objavoval *Žylku* a iba tužil Mickiewiczza*» [1, с. 52].

Еще одним примечательным примером является перевод этнографической реалии – названия народного праздника *Купалле*, отмечаемого в Беларуси или в конце июня, или в начале июля в зависимости от нового или старого календаря. Эпизод с описанием данного праздника и традиций является одним из ключевых в романе: «Дваццаць год праляцелі, як птушка: здавалася, яны толькі ўчора ладзілі тое *Купалле*, каля далёкага ляснага возера» [4, с. 160]. В словацком переводе название праздника было транскрибировано и при этом дополнено словами, объясняющими время, когда отмечается данный праздник: «*Dvadsať rokov preletelo ako vtáci na oblohe: zdalo sa, že to bolo len včera, keď oslavovali pri odľahlom lesnom jazere vo svätôjánsku noc Kupallo*» [1, с. 114]. Перевод разъясняет время проведения праздника – день летнего солнцестояния (название языческого праздника – *Slnovrat*). Т. е. здесь мы видим сочетание элементов адаптации реалии к культуре реципиента, но с сохранением экзотической лексемы.

Ограничившись даже таким небольшим количеством примеров перевода реалий, можно прийти к нескольким выводам. Во-первых, перевод географических реалий (топонимов) и этнографических свидетельствует о том, что вопреки очевидной близости словацкой и белорусской культур и языков, существует необходимость приближения / адаптации большего числа реалий, чем, как нам кажется, было бы в случае «большой» культуры (скажем, русской). Во-вторых, при чтении перевода белорусским читателем происходит своеобразный процесс отстранения: имена исторических деятелей или исторические события, которые прочно укоренились в сознании носителей белорусского языка и белорусской культуры, оказываются либо совершенно неизвестными реципиенту из другой культуры (как, думается, Сапега или даже Скорина), либо требуют воспроизведения в «интернациональном» виде (как, скажем, Мицкевич и Костюшко). В этой связи факт наличия переводов произведений «маленьких» литератур в других «маленьких» литературах ценен особенно, поскольку служит как «ключевой фактор формирования представления о мировой литературе, об ‘ином, чужом’» [3, с. 97] – *перевод И.П.*

Список использованной литературы

1. Babkov, I. Minútka. Tri príbehy : Preklad I. Slivková, Ľ. Matejko / I. Babkov. – Bratislava : Artforum, 2014. – 223 с.
2. Birčák, P. Vy ste šťastní. Vy ešte máte proti komu bojovať. Hoci už niet o čo [Электронный ресурс] / Medzi knihami. – Bratislava, 08.09.2015. – Режим доступа : <https://medziknihami.dennikn.sk/clanky/vy-ste-stastni-vy-este-mate-proti-komu-bojovat-hoci-uz-niet-o-co/>. – Дата доступа : 10.12.2017.
3. Kusá, M. Dejiny prekladu a prekladania – výzvy a kontexty súčasnej translatológie / M. Kusá // Preklad a tlmočenie 11. Má translatológia dnes ešte čo ponúknuť? Reciprocity a tenzie v translatologickom výskume. – Banská Bystrica : Belianum, 2014. – С. 97–103.
4. Бабкоў, І. Хвілінка. Тры гісторыі / І. Бабкоў. – Мінск : Логвінаў, 2013. – 232 с.
5. Влахов С. Непереваемое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отношения, 1980. – 351 с.
6. Попович, А. Проблемы художественного перевода : пер. со слов. / А. Попович. – М. : Высш. шк., 1980. – 199 с.

Е. А. Прокопович (г. Брест, Республика Беларусь)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «МУЖЧИНА» И «ЖЕНЩИНА» В БЕЛОРУССКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В современном русском языке термин «фразеология» понимается как в широком смысле, так и в узком, поэтому некоторые исследователи (например, А. И. Ефимов, С. И. Ожегов, Н. Н. Амосова, Н. Ю. Шведова, Н. М. Бабкин и др.) считают необходимым разграничение фразеологии.

Так, в узком смысле к фразеологии относятся только фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания, в широком смысле – все устойчивые выражения (поговорки, пословицы, афоризмы) [4, с. 323–324]. В данной статье мы придерживаемся определения фразеологии в широком смысле.

Человек в мире проявляется в двух образах, ролях – это мужчина и женщина, – которые существуют в каждой культуре, обществе и закреплены в историческом сознании народа. Так, мужчина ассоциируется с силой, властью, способностью добывать пищу, женщина, в свою очередь, хранительница семейного очага, воспитатель, также для женщины свойственна и репродуктивная функция.

В паремиях зафиксированы единицы, которые отражают черты характера мужского пола, например, хитрость: «Мужык гладзіць, як варона, а хіцер, як чорт» [3, с. 317], доброта: «У милостивого мужа всегда жена досужа» [1], «За добрым мужыком і свіння гаспадыня» [5, с. 120], «За добрым гаспадаром (мужам) жонка маладзее» [5, с. 120], «За добрым гаспадаром (мужам) і варона жона, а за кепскім (благім) і княгіня загіне» [5, с. 120]. Примечательно, что в белорусских паремиях при хорошем муже и жена становится лучше, добрее.

Если говорить о характеристике морального поведения мужчины, то можно выделить такое качество, как пьянство: «Гаспадар за чарку, жонка ў сварку» [5, с. 116], «Гаспадар – за гарэлачку, а гаспадыня за талерачку» [5, с. 116] или «Калі гаспадар у карчме скача, то гаспадыня ў дварэ плача» [5, с. 123], «Муж пьет, а жена горшки бьет» [1], «Кто вина не пьет, пьян не живет; кто жены не бьет – мил не живет» [1]. В данных фразеологических единицах отмечается, что мужчина пьет, а жена при этом начинает бить посуду, тем самым выражает свое недовольство, поэтому женщина как в русской, так и белорусской культуре к пьянству мужчины относится негативно.

Характерной приметой характера мужчины, по свидетельству пословичного фонда, является способность мужчины бить жену: «Любі жонку, як душу, а калаці, як грушу» [5, с. 123], «Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее (тем наварней щи)» [1], «Обошел муженек женушку дубинным корешком» [1]. Как видим, и в белорусском, и в русском языках такая негативная характеристика, как избиение жены, присутствует.

Для коммуникативного поведения мужчины и женщины характерны ссоры, которые происходят между супругами: «Калі гаспадар з жонкаю сварыцца, тады ў гаршку трасце варыцца» [5, с. 122], «Гаспадар і жонка – найлепшая сполка» [5, с. 116], «Муж баіць пра походы, жонка – пра расходы» [3, с. 316], «Муж с женой бранятся, да под одну шубу ложатся» [1].

С точки зрения интеллектуальных качеств и в русской, и в белорусской паремииологии женщина является глупой: «У жанчын волас доўгі, а розум

кароткі» [5, с. 135], «Было три жены, да все острижены» [1]. В свою очередь, в паремиологии белорусского языка мужчина также может обладать таким качеством, как глупость. Например, в пословицах «Мужык дурань, як умее, так и пяе» [3, с. 317], «Мужыку розум прыходзіць па шкодзе» [3, с. 317].

Во фразеологических единицах отражено такое качество женщины как трудолюбие: «Не наряд красит жену – домостройство» [1], «Муж молоти пшеницу, а жена пеки паляницы (т. е. хлеб)» [1], «Для жонкі дарога адна, проста ад парога да каміна» [5, с. 118], «Баба трымае тры вуглы гаспадаркі, а мужык – адзін вугал» [3, с. 76], «Гаспадыня, твая рэч глядзець у печ» [2].

Пренебрежительное отношение к женщине нашло отражение в таких паремиях русского языка, как «Жена не горшок, не расшибешь (а расшибешь – берестой не перевьешь)» [1], «Жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь» [1], «Жена не седло: со спины не сымешь» [1]. В белорусской паремиологии также находит отражение данная характеристика: «Жонка – не рукаво, не адпоращ» [5, с. 119], «Жонка не лапаць, з нагі не скінешь» [5, с. 119].

По характеру женский пол подразделяют на злых и хороших. Понятно, что о хорошей и доброй жене мечтает почти каждый мужчина: «Хорошая жена – юрт (т. е. дом)» [1], «Доброю женой и муж честен» [4], «Добрая жонка – дома рай, злая – хоць ты цягу дай (хоть ты з хаты ўцякай)» [5, с. 118], «Баба і чорта звядзе» [3, с. 76], «У добрай гаспадыні і певень нясецца» [2].

С отрицательной стороны рассматривается женщина в пословице «Першая жонка ад Бога, другая ад людзей, а трэцяя ад чорта прынесена» [5, с. 130] или «Першая жоначка як неба зорачка, а другая жоначка як садзе толачка, а трэцяя жанішча як у лесе савішча» [5, с. 130]. Здесь указывается на то, что мужчина должен быть женат один раз.

Негативная коннотация возникает в русских и белорусских пословицах, выражающих отношение к женщине: «Курица не птица, баба не человек» [1] или «Курыца не птушка, нявестка не дачушка» [2]. Такое утверждение, как «баба не человек» и «нявестка не дачушка» можно считать обидным и даже оскорбительным по отношению к женскому полу.

В русской и белорусской паремиологии внешняя красота привлекает мужской пол, о чем свидетельствуют следующие пословицы: «Не піў, не еў бы, а на жонку глядзеў бы» [2], «Жена красавица – безочному (слепому) радость» [1], «Красная девица (девушка)» [1], «Жонка, як кветка, а муж –шкарпэтка» [5, с. 119].

Женщина в семье может выступать в роли главы семьи. Например, это отражено в таких пословицах, как «Жонка кох, а гаспадар вох» [5, с. 119], «Жена у посудника (дома), и муж у посудника (в кабале)» [1], «Жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет» [1].

В белорусской пословице «Гаспадар з хаты, а да жонкі кум багаты» показывается, что женщины являются объектом внимания, в том числе и замужние.

В пословицах «Як за мужа завалюся, дык нікогда не баюся» [5, с. 140], «Муженек хоть всего с кулачок, да за мужниной головой» [1], «С ним горе, а без него вдвое» [1] отмечается, что женщина готова жить с любимым мужчиной, только бы не оставаться одной.

Единение мужчины и женщины как духовное, так и телесное отмечается в следующих фразеологических единицах: «Муж носіць мяшком, а гаспадыня – гаршком» [3, с. 317], «Гаспадар і жонка – адна кішонка» [5, с. 116], «Муж да жена одна сатана» [1], «Муж да жена – одна душа» [1], «Гаспадар і баба – адна рада» [5, с. 116].

Как показывает проанализированный материал, в русской и белорусской фразеологии представлено достаточное количество номинаций «мужчины» и «женщины», которые образуют параллели в данных языках. Так, для мужчины характерна хитрость, доброта, но в то же время и пьянство, негативное отношение к женщине. Женский пол выступает в роли трудолюбивых, отчасти властных женщин.

Список использованной литературы

1. Даль, В. И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс] / В. И. Даль. Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/dal/01.php. – Дата доступа : 03.05.2017.
2. Дулеба, Г. Прыказкі і прымаўкі Жыткаўшчыны [Электронный ресурс] / Г. Дулеба. – Режим доступа : <http://www.palese.by/2009/11/Prykazki-i-prymauki-ZHytkauschchynu/>. – Дата доступа : 1.11.2017.
3. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. Я. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 664 с.
4. Современный русский язык : в 3 ч. Ч. 1. Фонетика. Лексикология. Фразеология / П. П. Шуба [и др.] ; под ред. П. П. Шубы. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : ООО «Плопресс», 1998. – 464 с.
5. Янкоўскі, Ф. Беларуска прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.

А. В. Роденко, Н. Аббасова (г. Сумы, Украина)

УКРАИНСКИЕ И АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ПАРЕМИИ С КОНЦЕПТОМ «ДРУЖБА»

Паремии украинского и азербайджанского языков характеризуются яркой национальной окраской, обусловленной историей, особенностями быта, понятиями о морали и нравственности – всем тем, что составляет национальную специфику мировоззрения народа, его картину мира.

Поэтому в обоих языках значительное количество пословиц имеют свое самобытное смысловое наполнение.

Однако процесс познания окружающего мира носит в определенной степени интернациональный характер: при наличии разных менталитетов украинцы и азербайджанцы одинаково подмечают те или иные факты окружающей действительности и приходят к одной и той же формулировке полученного опыта.

Цель данной работы заключается в том, чтобы установить связь между паремиями, общие и отличительные черты их смысловых составляющих и показать, что пословицы украинского и азербайджанского народов, которые моделируют одинаковые или сходные ситуации, часто близки друг другу, несмотря на всю их этническую, историческую и языковую специфику.

Схожее толкование понятия «дружба» обуславливает общее смысловое значение многих пословиц, в том числе и их полные эквиваленты. Например, украинская пословица *Vci za odnogo, odin za vsix* (Все за одного, один за всех) и ее азербайджанский аналог *Bir nəfər hamı ızın və hamı bir nəfər ızın* представляют собой некий вечный призыв-лозунг, характеризующий взаимную помощь и поддержку [2; 3].

Большое значение в осмыслении пословиц имеет логическое ударение. Логическим ударением выделяются слова в зависимости от смысла самой пословицы или же от намерения говорящего сделать акцент на определенном понятии, обратить на него внимание слушателя. Например, в пословицах украинского языка, в которых обращается внимание на то, как трудно найти настоящего друга, можно предложить несколько вариантов логического ударения, но наиболее правильным будет следующее выделение слов: *Найти друга, за якого можна померти, – легко, а такого, щоб за тебе помер, – важко.* – *Найти друга, за которого можно умереть, – легко, а такого, чтобы за тебя умер, – сложно.* *Кожен вибирає собі друга по своїй вдачі.* – Каждый выбирает себе друга по своей удаче [4; 5]. Следует отметить, что во всех пословицах нет ненужных слов, каждое из них несет свою смысловую нагрузку. В азербайджанском языке мысль о силе истинной дружбы выражена следующим образом: *Dost yolunda boran olar, qar olar.* – В путь я вышел ради друга – не страшны метель и вьюга [3].

В украинском языке в значительном количестве пословиц утверждается мысль о том, насколько человеку необходима дружба. Человек без друга одинок – звучит в подобных изречениях, благодаря частому употреблению словосочетаний: «*один не воїн*», «*один не робить*», «*один не витопче*» и т. п. Интонационный центр в подобных паремиях, подчеркивая их смысл, перемещается на слово «один»: *Один у полі не воїн.* – Один в поле не воин. *Одна бджола мало меду наносить.* – Одна пчела мало меда

приносит. *Один гусак поля не витопче.* – Один гусь поле не истопчет. *Один цвіт не робить вінка.* – Один цветок не делает венка. *Одна головешка в печі гасне, а дві в полі горять.* – Одна головешка в печи гаснет, а две в поле горят [2; 4]. Обращает на себя внимание тот факт, что образный перенос значения в данных поговорках, имея метафорический характер, опирается на обозначение человеческих отношений, используя наименования животных или неодушевленных предметов, а также их действий. Такой прием делает всё высказывание более эмоциональным и ярким.

Лаконичность, характерная для пословиц, способствует лучшему восприятию достаточно глубокого, иногда философского смысла. Это относится, в частности, к поговоркам, утверждающим, что друзья характеризуют личность человека: *Dost dostun aynasidir.* – Друг – зеркало друга [3]. *Скажи мені, хто твій друг, і я скажу тобі, хто ти.* – Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты. *З ким товаришуєш, таким й сам станеш.* – С кем дружишь, таким и сам станешь [4].

В некоторых украинских и азербайджанских пословицах по-разному выражена одна мысль: все от друга воспринимается как подарок: *Dost meni yad elesin bir guleyse nar ile.* – Как памятный подарок, буду рад принять от друга кислый гранат. *Dostun sillesi, dusmenin opusunden yaxsidir.* – Лучше пощечина друга, чем поцелуй врага [3]. *Був я у друга, пив воду – солодке меду.* – Был я у друга, пил воду – слаще меда [4].

И наконец, о значимости дружеских отношений повествуют азербайджанские и украинские пословицы, в основе целостного смыслового содержания которых лежат самые разные суждения: *Dostluqdur – dogruluqdur.* – В дружбе – правда. *Dost dosta arxa durar.* – Друг – опора другу. *Vəfali dost yad olmaz, gürməyə üz il səni.* – Верный друг не станет чужим, даже если он тебя не видел сто лет [1]. *Сонце зігріває повітря, друг – душу.* – Солнце согревает воздух, друг – душу. *Яку дружбу заведеш, таке й життя поведеш.* – Какую дружбу заведешь, такую и жизнь проведешь. *Без хорошого друга не дізнаєшся своїх помилок.* – Без хорошего друга не узнаешь своих ошибок. *У товаристві лад – усяк тому рад.* – В товариществе лад – всякий этому рад [2; 4].

В пословицах сопоставляемых языков часто встречается противопоставление новых друзей и старых, причем последние признаются истинными: *Старий вірний друг краще нових двох.* – Старый верный друг лучше новых двух. *Нових друзів май, старих не забувай.* – Новых друзей имей, но старых не забывай. *Річ краще нова, а дружба – стара.* – Вещь лучше новая, а дружба – старая [4]. Практически полный аналог украинской – азербайджанская: *Paltarın tezesi, dostun köhnesi.* – Одежда хороша новая, а друг – старый [3].

Особенностью пословиц является их назидательный характер: наставления, пожелания, советы, поучения присутствуют и в паремиях о дружбе: *He той друг, хто медом маже, а той, хто правду каже.* – Не тот друг, кто медом мажет, а тот, кто правду скажет. *То не друг, що хвалить тихо, а то друг, що хвалить вслух.* – Тот не друг, что хвалит тихо, а тот друг, что хвалит вслух. *З дурнем дружити – свій розум тратити.* – С глупым дружить – свой ум потерять [2]. *Eybsiz dost axtaran, dostsuz qalar.* – Кто ищет друга без изъяна, останется без друга. *Adam dostunu, düşməni tanımalıdır.* – Знай всяк, кто – друг, кто – враг [1; 3].

Достаточно часто в образных изречениях азербайджанского и украинского языков встречается сопоставление друга с врагом: *Yaginin bal icgisindense, dostun aci suyu yaxsidir* – Лучше вода у друга, чем мед у врага. *Dostun şilləsi, düşmənin öpüşündən yaxşıdır.* – Лучше пощечина друга, чем поцелуй врага [1; 3]. *Дурний друг – недруг.* – Плохой друг – недруг. *Друг – боягуз гірший лютого ворога.* – Друг-трус хуже лютого врага. *Не лякайся умного ворога, а бійся дурного товарища.* – Не пугайся умного врага, а бойся плохого товарища. *Ліпше мати сто приятелів, чим одного ворога.* – Лучше иметь сто приятелей, чем одного врага [2].

Для обеих культур характерно наличие пословиц о том, что только в трудный час можно узнать, кто твой истинный друг. Некоторые из них являются полными эквивалентами: *В лиху годину узнаєш вірну людину.* – В трудный час узнаешь верного человека. *Друзі пізнаються в біді.* – Друзья познаются в беде. *Друга у скрутї пізнають.* – Друга в беде познают. *Як прийде туга, пізнаєш друга.* – Когда придет несчастье, узнаешь друга. *Дружба родиться в біді, а гартується в трудї.* – Дружба рождается в беде, а закаляется в труде [2; 4]. *Dost dar gunde tanınar.* – Друг познается, когда беда стрясется. *Yaxsi dost qara gunde melum olar.* – Друг в нужде – истинный друг. *Dost dar gündə tanınar.* – Без беды и друга не узнаешь. *Dostu yaman gunde tanıyarlار.* – Друг познается в несчастье. *Esl dost bed gunde melum olar.* – Друг в беде – друг вдвойне [1; 3].

Советы и наставления звучат в изречениях, обращающих внимание на то, что деньги могут разрушить дружбу: *Borc baslanan yerde dostluq rozular.* – Не давай денег, не теряй дружбу. *Dost ile ye-ic, alis-veris eyleme.* – С другом пируй, но не торгуй. *Dost dost ile ten gerek, ten olmasa gen gerek.* – Либо равным в дружбе быть, либо вовсе не дружить [1; 3]. *Пробуй золото вогнем, а дружбу – грїшми.* – Испытывай золото огнем, а дружбу – деньгами [2].

Наконец, в украинском и азербайджанском фольклоре можно встретить много пословиц, содержащих юмор, иронию и даже сарказм. Особенно это касается паремий, в которых говорится о разочарованности в дружбе: *Dostuna danis, bilsin her tanis.* – Расскажи другу – пойдет

по кругу. *Dost dostun elinden bir tike corek qapar.* – Друг у друга ломать из рук выбивает. *Dost dost ilə tən gərək, tən olmasa gen gərək.* – Дружбу водить – себя не щадить [3]. *Говорити правду – втратити дружбу.* – Говорить правду – потерять дружбу. *Як не матимеш друга, не матимеш ворога.* – Если не имеешь друга, не имеешь врага. *Дружбу водити – так себе не щадити.* – Дружбу водить – себя не щадить [2].

Основываясь на анализе, можно сделать следующие выводы: паремии с концептом «дружба» широко представлены во фразеологии обоих языков, значительная их часть имеет сопоставимое смысловое наполнение или являются абсолютными эквивалентами. Однако в то же время украинские и азербайджанские пословицы часто использовали для выражения одной и той же мысли различные образы, которые отражают особенности менталитета двух народов.

Список использованной литературы

1. Пословицы – мудрость веков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://open.az/literatura/132572-azerbajdzhanskije-poslovicy-i-ikh-russkie-analogi..html>. – Дата доступа : 19.11.2017.
2. Приказки та прислів'я про дружбу [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vislovi.in.ua/prikazki-temi/1-drygba.html>. – Дата доступа: 19.11.2017.
3. Tahirbeyov, V. Muxteser Rusca-Azerbaycanca atalar sozleri / V. Tahirbeyov, E. Nyseynzade. – Bakı, 2014. – 430 с.
4. Українські прислів'я і приказки / сер. : Перлини укр. культури. – Львів : Фоліо, 2012. – С. 352.
5. Украинские пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ukraine-in.ua/ukrainskiy-folklor/ukrainskiye-poslovitsy-pogovorki>. – Дата доступа : 20.11.2017.

Л. М. Садко (г. Брест, Республика Беларусь)

«НАРОДНО-РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК» В ТВОРЧЕСТВЕ ЯРИЛЫ ПШЕНИЧНОГО

В современной общекультурной ситуации происходит актуализация позитивности непонимания, генерация нового языка описания культурных феноменов. Своеобразным принципом смысло- и жанрообразования в новейшей литературе становится тенденция проблематизации языка. Перенесение внимания с универсального, рационализованного языка на язык естественный задаёт совершенно иные координаты литературоведческим исследованиям.

Известный лингвист В. Д. Бондалетов заявляет, что «форма существования языка – это одна из конкретных форм его структурной организации и функционирования в человеческом коллективе. Множество

форм существования языка обусловлено разнообразием исторических, социальных, культурных и других жизненных условий и потребностей социумов, неповторимостью конкретных обстоятельств, в которых складывается, развивается и функционирует тот или иной язык, удовлетворяя коммуникативные запросы общества в целом и его отдельных социальных, сословных, профессиональных, возрастных, половых групп [1, с. 4]. В качестве одной из основных форм существования языка В.Д. Бондалетов выделяет «народно-разговорный язык» [1, с. 5]. На территории нашей страны данное лингвистическое явление имеет хождение как трасянка.

Современный лингвист Г. Хентшель отмечает, что «наиболее четко охарактеризовать смешение элементов белорусского и русского языков можно, используя понятие П. Майскена [7] «конгруэнтная лексикализация» (congruent lexicalization). Данный тип смешения типичен для контакта между диалектами, между литературным языком и его «родственными» диалектами, а также между близкородственными языками. Характерным в таком случае является то, что оба контактирующих кода (диалекты или языки) имеют не только в высшей степени схожие синтаксические структуры, но и схожие морфологические категории. Переход от одного кода к другому возможен при этом везде, даже внутри словоформ» [6, с. 179].

Как собственно лингвистическое явление трасянка не уникальна в мировой практике, однако в современной Беларуси по ряду объективных и субъективных причин она приобрела особый статус. В реалиях нашей страны, как отмечает Т.Р. Рамза, «стремление творческой интеллигенции к языковому идеалу, воплощённому в кодифицированном белорусском (русском) языке, спровоцировало резко негативное восприятие смешанной речи и всевозможные её оценочные характеристики» [5, с. 116]. Хотя в произведениях классиков («Пінская шляхта» В. Дунина-Марцинкевича, «Гутэйшыя» Янки Купалы) возможности трасянки нашли своё применение, а белорусский лингвист С.Н. Запрудский, ссылаясь на исследования Т. Рамзы, отмечает, что «в 1970–1980-я годы смешанная речь или обычное включение в белорусскую речь отдельных русских форм как характерологического, юмористического или сатирического средства обыгрывали в своих произведениях писатели Янка Брыль (повесть “Ніжнія Байдуны”, 1975), Н. Гилевич (роман в стихах “Родныя дзеці”, 1985), А. Кудровец (рассказ “Ігнат Сцяпанавіч Вапшчэткі”, 1979), Н. Клебановіч (сборник “Ранішняе сонца”, 1981) и др.» [2, с. 159].

Ряд белорусских поэтов конца XX – начала XXI века создают свои произведения именно на трасянке, пользуясь некодифицированным словом, народно-разговорным языком, добиваясь весьма своеобразного художественного эффекта. В самом радикальном виде этот эксперимент с формой существования языка у современных литераторов может быть

рассмотрен как тенденция к созданию симулякров, текстов, в которых принципиальная идея какой бы то ни было референции, в том числе узуальной, подвергается деструкции. Представления о норме, долгое господство определенного канона подвергаются переосмыслению в текстах М. Мартысевич, М. Анемподистова. Интересные примеры интерференции русского и белорусского языков встречаются в экспериментальных произведениях успешных белорусских рок-групп «Крамбамбуля», «Ляпис Трубецкой», «Разбітае Сэрца Пацана», текстах Лявона Вольского.

Создание текстов на тряснке в достаточной степени может рассматриваться как своеобразное «остранение», постмодернистский выход в стихию естественного языка. Снятие оппозиции между «высоким» (литературным языком) и «низким» (народно-разговорный язык), кодифицированным и некодифицированным лингвистическим вариантом отмечается и в произведениях Ярилы Пшеничного (Ярыла Пшанічны), белорусского поэта, музыканта и лингвокреатора (настоящее имя автора – Владимир Банько (1973–2015)).

По словам Д. Вишнева, автора вступительной статьи к сборнику «Пішчавыя лішкі» (2011), тексты Ярилы Пшеничного – «спроба пакпіць з існай лінгвістычнай сітуацыі; аўтар жанглюе не толькі палітычнымі, эканамічнымі мячамі, ён жанглюе постсавецкай заскарузласцю, выкрываючы псеўдаінтэлігентнасць» [4, с. 3].

Известная детская новогодняя песенка «Маленькой елочке холодно зимой», ставшая в определенном смысле символом празднования «советского» Нового года, где за внешней идеологической показухой скрывались вполне «взрослые» грехи и грешки. Ярила Пшеничный в стихотворении «Рыхтуйцеся» в игровой, пародийной форме интерпретирует главные новогодние «эмблемы», в том числе посредством трясанки лишая их ореола благопристойности:

гэць сумота
гэць работа
скончыца нядзелька –
на кастрычніцкай паставяць
супер-пупер елку
добрая пушыстая
метраў трыццаць пяць
ты вярнулася з лесу
зноў да нас апяць

гэта радасць і вяселле
гоман песьні танцы
вакол п'яна будуць скочыць
дажэ інастранцы

Строфы стихотворения демонстрируют композиционную асимметрию между каноном, ожидаемым и реализацией, явленным. Ожидаемая картинка празднования наступления Нового года, атрибуты новых чаяний и ожиданий сильно расходится с явленной в тексте Ярилы Пшеничного. Его текст воспроизводит скорее карнавальное святочное гуляние, где смеховая культура сталкивается с рациональными правилами советского «правильного» праздника. Подобные сниженность, вульгаризованность, десакрализация придают тексту авангардистскую интенцию разрушения и обновления. Трагичность жизни, пропущенная сквозь призму смехового использования трясянки предстает уже жизнеутверждающей, хулигански-разудалой. Хмельной Дед Мороз раздает правдивые, пусть и стебовые, рекомендации по выживанию в безумном современном мире:

Вы пражылі не дарма
Гэты час са мною
Потым будзе яшчэ горш
Я ад вас не скрою

Не сумуйце вы аб гэтым
Дзеці-дзетвара
Потым гэту елачку
Парубім на дрэва

Трясянка в этом тексте как раз и становится одним из средств высвобождения из «постсавецкай заскарузласці», а судьба елочки, порубленной на дрова, это вполне знакомая эгида авангардизма и постмодернизма, где эстетика нигилизма и десакрализации является доминирующей, а призывы «сбросить с корабля современности» лишь декларация творческой свободы.

Песня-гимн «El pueblo unido jamas sera vencido» («Пока мы едины, мы непобедимы») на каком-то этапе превратилась в народную, стала символом борьбы за демократию сначала в Чили, а затем и во всём мире. Ярила Пшеничный создает одноименное стихотворение в ритме этого гимна, объявляя ироническую войну заморским яствам и деликатесам:

паўстань
кашанка з ліверкай
паўстань паўстань паўстань
бязлітасна бясконцую
вайну распачынай

аўсяначка-матуля
і дзіруноў прыгаркі
паўстаньце як адзін
вы змагары змагаркі

Простая привычная еда в стихотворении становится своеобразным брендом, национальной эгидой, способной объединить и солидаризировать общество в духе военного коммунизма, пережитка недавнего прошлого постсоветских стран. В стихотворении «El pueblo unido jamas sera vencido» опародировано еще одно «общее место», традиционная модель поведения. Автор демонстрирует готовность лирического героя к бездумной агрессии, делению мира на своих и чужих, экстремистское стремление следовать лозунгу «весь мир насилья мы разрушим». Можно говорить о том, что языковое оформление этого текста соответствует типу личности, условно названному «Homo soveticus», в некоторых аспектах язык таких стихов приближается к соц-арту (использование «военного» языка лающих команд, эксплуатация специфической лексики):

бей злыдняў супастатаў
гані з прылаўкаў вунь
хай ў крамах марсэльеза
гучыць пад посьвіст куль

Достаточно часто использование неcodифицированного языка носит характер языкового экстремизма, хулиганства, осмеяния и деформирования авторитетов и канонов, дерзкой шутки, так называемого «стёба» над понятиями нормативности. Стёб как особый стиль общения, как специфический язык интеллигентской и молодёжной «тусовки» возник и развился ещё в 1970–1980-е годы. Российский филолог-литературовед А. А. Агеев указывает, что «ёрничество и стёб были тогда противопоставлены официальному политико-патетическому жаргону, а заодно и всему “великому русскому языку”, позволившему себя редуцировать до партийного “новояза”. Это была своеобразная культурная самооборона, весьма, впрочем, глухая и не всегда ясно осознаваемая “носителями языка”» [3, с. 22–23].

Список использованной литературы

1. Бондалетов, В. Д. Социальная лингвистика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1987. – 160 с.
2. Запрудскі, С. М. Некаторыя заўвагі аб вывучэнні «трасянке», або Выклікі для беларускіх гуманітарных і сацыяльных навук / С. М. Запрудскі // АРСНЕ. – 2009. – № 11–12. – С. 157–200.
3. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / В. Л. Воронцова [и др.] ; отв. ред. Е. А. Земская ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 473 с.
4. Пшанічны, Я. Пішчавыя лішкі : вершы / Я. Пшанічны. – Мінск : Галіяфы, 2011. – 84 с.
5. Рамза, Т. Р. Трасянка: национально-прецедентный феномен или «ключевое слово текущего момента»? / Т. Р. Рамза // Беларус. думка. – 2010. – № 7. – С. 112–116.

6. Хентшель, Г. Белорусско-русская смешанная речь («трасянка»): восемь вопросов и ответов / Г. Хентшель // Языковой контакт : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т. – Минск : РИВШ, 2015. – С. 171–185.

7. Muysken, P. Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing / P. Muysken. – Cambridge : Cambridge Un-ty Press, 2000. – 306 p.

Т. И. Синкевич (г. Витебск, Республика Беларусь)

ДРУЖЕСКОЕ ПИСЬМО КАК ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ЖАНР: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В эпистолярном жанре, как и много лет назад, находит свое отражение не только личное, но и культурное наследие человечества. Этот жанр имеет свою ярко выраженную специфику, ибо письмо – это особое текстовое образование, которое сохраняет инвариантную структуру бытовой, реальной переписки, но реализует особые художественные функции. Мы рассматриваем два неопубликованных письма М. Шагала прежде всего как культурное наследие, а значит, будем учитывать несколько позиций, которые позволят нам отметить общие и специфические черты посланий великого художника. Речь идет о письмах, которые М. Шагал отправил из Парижа (одно из них датировано 12 октября 1911 года, второе 18 октября), когда он жил в «Муравейнике», учился и имел возможность познакомиться с величайшими художниками, музыкантами, писателями того времени. Остановимся на лингвистических особенностях писем. Во-первых, автор использует различные синтаксические конструкции, например, вставную конструкцию, которая содержит добавочную информацию: *Сегодня получил Вашу телеграмму и высылаю работы (в одном ящике с работами г. Таркова) Баксту; Я бы считал желательным повесить их в определенном освещении (следую обычаю французского салона, где всегда опрашивают относительно развски; повесить хотел бы в пол наклон; не против окна с сильно бьющим светом, а также не в слишком тесном месте, во-вторых, конструкции с вводными словами, например: наконец, о чем я б Вас хотел попросить, чтоб комитет выставки послал мне счет всех расходов, павших на мою долю, включая сюда часть стоимости за пересылку работ совместно с Тарковым, как видно, придется подождать и др. в-третьих, в последнем примере обратим внимание на обособленную конструкцию (прим.: мы сохраняем авторский стиль и орфографию) и т. д. Как видно из примеров, речь идет о подготовке и отправке картин на выставку (т. е. письмо очень информативно). М. Шагал очень требовательно относился к судьбе своих работ, поэтому комментировал все, что было связано с их переездом, расположением в салоне (с учетом традиций),*

хранением. В письме он напоминает: *Вспоминаю пререкания с цензурой на нашей выставке в Аполлонь и по этому очень беспокоюсь судьбой моих теперешних работ; могу надеяться только на Вас, что Вы если возможно отстоите работы перед цензурой.* Обращает на себя внимание и факт обращения в письме к адресату на *Вы, Глубокоуважаемый Мстислав Валереянович, г. Тарков* и дружеское – *Бакст*. Далее в письме художник, выражая просьбу, несколько раз подчеркивает: *Мне очень неловко Вас беспокоить, зная что Вы будете заняты и так, но я не знаю никого в Москве; наконец о чем я б Вас хотел попросить это чтоб комитет выставки послал мне счет всех расходов, павших на мою долю, включая сюда часть стоимости за пересылку работ совместно с Тарковым* (это просьба отчаяния, потому что автору надо было точно знать, будут ли работы выставлены). Как видно из примеров, автор письма использует сложные конструкции, предложения с вводными словами, обращениями, что свидетельствует о достаточной образованности автора писем. Об уважении и трепетном отношении к адресанту говорят, во-первых, обращения в письмах на *Вы, по имени отчеству*, прилагательное *глубокоуважаемый*, во-вторых, подписи в конце писем: *Вот все, что я вас хотел просить и позволю себе надеяться что примите все мъры, чтоб остаться Вам искренне благодарным и обязанным. М. Шагал, Ваш преданный и бывший ученик М. Шагал.* Во втором письме есть PS сначала фраза на французском, а потом по-русски *привет от Л. Бакста, который вчера был у меня здесь и ему сказал что Вам напишу и он тоже советовал это сделать. М.Ш.* (подпись, состоящая только из инициалов, свидетельствует также о близких и дружеских отношениях). Фраза отчаяния и надежды, теплое обращение не только как к учителю, но и как к другу. Художник одинок, все время думает о родине *...когда я здесь в Париже живу и работаю одинокий.* Автор письма использует орфографию того времени, в письмах встречаются слова с буквой ъ, например, *мъры, наконец, в Парижъ* и др., письма свидетельствуют о большом лексическом запасе слов, умении использовать в речи различные обороты и языковые средства, например, *большая честь, бьющий свет, комар носа не подточит, «Внутренность дома (рождение)», тесное место.* Повествование в письмах ведется от первого лица: *Я хотел бы просить, я надеюсь, я прошу объяснить, неловко беспокоить* и т. д. Соблюдается также принятая в то время стилистика написания послания в общем и целом, что свидетельствует о знакомстве автора с письменными традициями современной ему эпохи. Автора письма очень беспокоит о сохранении названий своих картин: *Вы если возможно отстоите работы перед цензурой. Сомневаюсь относительно вещи: «Внутренность дома (рождение)». Быть может цензар будет*

придираться к названию «рождение», тогда прошу Вас сохранить только первое и объяснить ему как декоративную задачу исключительно.

Такого рода документы – это важный историко-культурный артефакт, который показывает реалии жизни тех людей, которые жили в современную автору эпоху, это также ценный биографический материал, например, *вот уже 5 месяцев я в Парижъ живу и работаю; когда я здесь в Париже живу и работаю одинокий* (обратим внимание на обратный порядок слов в последнем примере). Письма М. Шагала носят оттенок психологизма, автор использует разговорные слова, профессионализмы (см. пример, где речь идет об освещении для картин), это своеобразная исповедь автора, что прослеживается по эмоциональному тону посланий. Письма М. Шагала искренны, в них он предстает очень добрым и открытым человеком. Таким образом, по манере письма можно выявить общекультурные, моральные и этические принципы, которыми автор письма руководствовался. Пространство письма – это отражение его творческой личности.

Для Беларуси и Витебска имя Марка Шагала – знаковое. В настоящее время в Арт-центре (музее) имеется около 300 оригинальных графических работ художника (литографии, ксилографии, офорты, акватинты). Первые литографии М. Шагала были подарены музею «Кругом содействия» Дому-музею Шагала в Витебске» из Нинбурга (Германия). В 1994 году от дочери художника Иды Шагал были получены в подарок три цветные акватинты с подписью мастера. В 1999 году внучки М. Шагала Мерет Мейер Грабер и Белла Мейер подарили музею цикл иллюстраций художника к Библии, а также серию уникальных офортов в количестве 96 листов, представляющих собой цикл иллюстраций к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». Доктор Генрих Мандель г. Иррель (Германия) подарил музею большое количество графических работ мастера из личного собрания, а также передал в дар около 2 тыс. книг по творчеству М. Шагала и искусству классического авангарда. В коллекции музея также находится около 130 произведений тиражной графики таких художников европейского авангарда, как Хуан Миро, Пабло Пикассо, Александр Колдер, Антони Тапиес, Жорж Брак, Фернан Леже, Анри Матис и др.

Письма, о которых шла речь, 9 марта 2010 года по договору пожертвования № 8 Николаем Владимировичем Ильиным (сын выдающегося русского философа, историка, религиозного деятеля, поэта и музыканта Владимира Николаевича Ильина (1890–1974), были переданы в фонд библиотеки «Русское зарубежье».

Т. П. Слесарева (г. Витебск, Республика Беларусь)

РУССКИЕ И БЕЛОРУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ

Фразеологический фонд языка затрагивает преимущественно те стороны действительности, которые связаны с человеческой психологией, эмоциональной сферой, физическими характеристиками. Кроме того, во фразеологическом фонде языка проявляется своеобразие того или иного народа, так как фразеология «конденсирует» весь сложный комплекс мировоззрения и психологии людей, неповторимый способ его образного мышления, отражает в наибольшей степени картину мира народа.

При анализе русского и белорусского фразеологических фондов можно обнаружить много фразеологических парадоксов. Подобные фразеологизмы отличаются своей экспрессивностью, основанной на яркой образности.

Само слово «*парадокс*» произошло из древнегреческого языка. Если рассматривать это понятие в широком смысле, то обычно под ним понимают суждения, высказывания и иные ситуации, которые сильно расходятся с привычным мнением и кажутся объективно или субъективно очень нелогичными. Следовательно, парадоксальная фразеологическая единица характеризуется наличием некоего логико-семантического противоречия.

Проанализируем отдельные фразеологические единицы русского и белорусского языков, образованные из слов, семантически не сочетающихся друг с другом.

Так, например, глагол *брать* в русском языке имеет следующие значения: 1. Захватывать рукой (или орудием, зубами), принимать в руки. 2. Подвергать аресту (разг.). 3. Уносить, увозить, уводить с собой. 4. Получать (приобретать, нанимать, добывать) в свою собственность, в своё пользование, распоряжение. 5. Принимать (с целью, обязательством, на каких-нибудь условиях). 6. Овладевать кем-чем-нибудь, захватывать. 7. Добиваться своей цели, применяя что-либо; обладать всеми необходимыми качествами для достижения чего-нибудь.

Горло – 1. Зев, глотка и гортань. 2. Верхняя суженная часть сосуда. 3. перен. Узкий выход из залива, рукав в устье реки.

Грудь – 1. Передняя часть туловища от шеи до живота. // Данная часть туловища как вместилище легких и сердца. 2. Употр. как символ средоточия чувств, переживаний человека. 3. Молочные железы женщины, выступающие двумя выпуклостями на верхней передней части туловища. // Каждая из таких двух выпуклостей. 4. разг. Верхняя передняя часть рубашки, платья и т. п.

Душа – нематериальная субстанция, автономная относительно тела.

Слово – основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именованя денотатов, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для каждого языка.

Из данных лексических единиц получаем следующие парадоксальные фразеологизмы: *братъ горлом* (добиваться чего-либо криком, руганью); *братъ грудью* (побеждать дружным, сильным напором); *братъ за душу* (сильно, глубоко волновать, вызывать боль, тоску, печаль, радость и т. п.); *братъ слова обратно* (отказываться от сказанного, признавать ошибочными свои слова).

В белорусском языке имеются соответствующие им омонимичные сочетания *браць горлам*, *браць за душу*, а также *браць на вока* (уважліва сачыць, назіраць за кім-небудзь), *браць вочы ў жменю* (уважліва, пільна глядзець).

Часто ключевым словом парадоксального идиоматического выражения является часть тела человека, например, *глаз* (бел. *вока*), *рот*, *нога*, *зубы*.

Глаз – шаровидный орган диаметром около 24–25 мм, который заполнен внутри жидкостью и состоит из трех оболочек. Это самый сложный орган после мозга в организме человека, обладающий способностью воспринимать электромагнитное излучение в световом диапазоне длин волн. У человека через глаз поступает около 90 % информации из окружающего мира. Этот орган никак не предназначен для стрельбы или принятия пищи. Однако, когда кто-то бросает короткие, быстрые взгляды или очень внимательно, пристально на кого-то смотрит, мы говорим, что он *стреляет глазами* (*страляе вачамі*) и *ест глазами* (*есь вачамі*).

Рот – телесное отверстие у животных, через которое принимается пища и, во многих случаях, осуществляется дыхание. Этот орган, напротив, никак не предназначен для зрительного восприятия окружающего мира. Однако человек невнимательный *ротам глядзіць*.

В белорусском языке глагол *смаркацца* выступает в значении «рэзкімі выдыхамі ачышчаць свой нос ад слізі». Конечно, ногой эту процедуру проводить невозможно. Но среди белорусских фразеологизмов находим *не нагой смаркацца*, который употребляется в значении «разбірацца ў чым-небудзь не горш за іншых, быць не пазбаўленым здольнасцей, ведаў».

В ротовой полости у человека и большинства челюстноротых позвоночных животных расположено такое костное образование, как *зуб*. Это неподвижная часть организма. Но, если между кем-то сложились неприятные отношения, при которых один не уступает другому, про таких говорят, что у них *зуб за зуб зайшоў*.

Еще одной неподвижной частью человеческого организма является *ухо* – орган слуха и равновесия. Но тот, кто покоряется, *апускае вушы*.

Многие русские и белорусские фразеологизмы представляют собой своего рода оксюмороны – образные сочетания противоречащих друг другу понятий. Примерами могут служить такие фразеологические единицы, как рус. *выходить сухим из воды*, бел. *выйсці сухім з вады* (оставаться безнаказанным, избегать заслуженного наказания), *ловить рыбу на сухом берегу* (заниматься воровством), рус. *переливать из пустого в порожнее*, бел. *пераліванне з пустога ў парожняе* (1. Пустословить, повторяясь, вести бесцельный и безрезультатный разговор. 2. Заниматься бесцельным и безрезультатным делом).

Птица – покрытое перьями и пухом позвоночное животное с крыльями, двумя конечностями и клювом. Молоко птицы не дают. Наверное, поэтому фразеологизм *птичье молоко* (бел. *птушынае малако*) обозначает нечто неслыханное, невозможное, предел желаний.

Рыбы – обширная группа челюстноротых позвоночных животных, проводящих всю жизнь или большую ее часть в воде и дышащих с помощью жабр. Как известно, у рыб нет меха – только чешуя. С помощью фразеологизма *на рыбьем меху* (бел. *на рыбіным футры*) характеризуют плохую, совсем не согревающую, не предохраняющую от холода верхнюю одежду.

Труп – мёртвое тело животного, а также человека. В действительности он не может передвигаться самостоятельно. *Ходячим трупом* (бел. *жывы нябожчык*) называют человека, духовно и нравственно мёртвого, опустошённого.

Прилагательное *лысый* имеет несколько значений: 1. Лишённый волос, имеющий лысину; 2. субстантивир. Человек, имеющий лысину; 3. перен. Лишённый растительности или ворса, голый. Поэтому с трудом представляется, как можно *выдраць лысаму валоссе* (зрабіць ці, выхваляючыся, мець намер зрабіць што-небудзь недарэчнае).

Трудно представить водоем, в котором бы не было обладателя пары мощных клешней, животного класса ракообразных – *рака*. И, конечно же, еще никому не удавалось услышать, как *рак на горе свистнет* (бел. *калі рак свісне*). Это произойдет в неопределенном будущем времени, то есть никогда.

А уж ситуация, когда *камни вопиют*, вызывает крайнее возмущение, негодование, поскольку *камень* – это минерал или твёрдая горная порода природного происхождения, не способная издавать звуки.

В реальной жизни вряд ли кто предпринимал попытку *лаптем щипать хлеб* (*сёрбаць лапцем боршч*), потому что *лапти* – низкая обувь, распространённая на Руси в старину и бывшая в широком употреблении в сельской местности, сплетённая из древесного лыка, берёсты или пеньки.

Устойчивое выражение *лаптем щипать хлеб* применяют в переносном смысле, когда иронично говорят о бедности, отсталости и невежестве.

Невозможно также *хлебнуть шилом патоки* (бел. *хапіць шылам кашы*), так как *шило* – инструмент для прокалывания отверстий в виде заострённого металлического стержня на рукоятке, а *патока* – это сладкий жидкий сироп, который часто применяется при изготовлении кондитерских изделий. Названный фразеологизм имеет значение «получить ничтожную прибыль, обманувшись в расчётах».

Список парадоксальных фразеологизмов можно еще продолжить такими примерами, как *березовая каша* (бел. *бязозавая каша*), *волосинка за волосинкой бегаёт с дубинкой, входит в себя, вилами на воде писано, пощупать глазами, разуть глаза, ходить за словом в карман, снять гору с плеч* (бел. *гара з плеч*), *сердце обросло мхом* (бел. *душа мохам абрасла*), *стоять на ушах, без ножа зарезать, як босаму разуцца, на вербе грушы растуць, язык па-за вушамі ходзіць, хаджэнне на галаве, слуп дарогу перабег, званіць у лапаць, Андрэй Кузьме родны Хвёдар* и многими другими.

Таким образом, мы видим, что значение фразеологизмов тесно связано с фоновыми знаниями носителей языка, личным опытом человека, с культурными традициями народа, поскольку фразеологический состав языка является непосредственным компонентом культуры народа.

Однако состав парадоксальных фразеологических единиц почти одинаковый в белорусском и русском языках, что обусловлено историческими обстоятельствами развития языков и мобильностью фразеологизмов.

Список использованной литературы

1. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. Т. 1 А–Л / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Бел. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 672 с.
2. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. Т. 2 М–Я / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Бел. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 672 с.
3. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. – М. : Астрель, 2008.
4. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. : Л. Ф. Ильичев [и др.]. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.

Н. В. Супрунчук (г. Минск, Республика Беларусь)

СЕРБСКИЕ СОЮЗЫ *DOK*, *DA BI* НА ФОНЕ РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ

В статье на материале славянских языков представлено различие между сочинительными и противительными союзами, а также отмечены переходные случаи. Показано, как в современных текстах словарное значение союзов *dok* ‘пока’ и *da bi* ‘чтобы’ обогащается новыми оттенками и заменяется иными значениями. Представлены параллели из русского и белорусского языков.

Важную роль в описании действительности играют союзы. Они указывают на отношения между процессами и объектами, конкретизируют представления о мире. Конечно, общую картину мира формируют знаменательные слова. К сходным идеям приходят и лингвокультурологи, лингвисты, исследующие языковую картину мира. Они обычно обращаются к самостоятельным частям речи, выделяют крупные понятия-концепты, типа «добро», «совесть», «любовь», «родина» и т. д.

Однако А. А. Зализняк и И. Микаэлян специально анализировали союзы и обосновывали их культурную уникальность: «...специфика русского союза *a* связана с идеей “неподконтрольной ситуации”, отсылающей к одной из “базовых черт, определяющих облик семантического универсума русского языка”, выделенных А. Вежбицкой... Сейчас можно с уверенностью сказать, что союз *a* включает в себе одну из ключевых идей русской языковой картины мира, а именно идею непредсказуемости мира...» [1, с. 2] (выделено автором – Н. С.). Именно служебные слова передают отношения, связи между сущностями. Об их важности свидетельствуют и частотные словари: союзы всегда входят в десятку самых частых слов.

Объект данного исследования – сложные предложения с союзами *док* ‘пока’ и *да би* ‘чтобы’. Его актуальность обусловлена потребностями устранения регулярных ошибок, которые совершают иностранцы при изучении сербского языка, а также новыми тенденциями в их использовании. На необходимость более углублённого изучения союзов указывается и в недавней диссертации Й. Чудомирловича [6]. Мы попытаемся показать влияние лексико-синтаксического окружения на значение союза.

Будут рассмотрены типовые случаи использования названных союзов и случаи не совсем обычные. Под типичными понимаются те, в которых реализуется значение, представленное в словарях и грамматиках. Нашей целью является установление условий, где высказывание обуславливает иное, чем обычно, понимание союзов и передаваемых ими отношений.

В новейшей «Нормативной грамматике сербского языка» указывается, что «сочинительных союзов (конъюнкторов) меньше, чем подчинительных, они более грамматикализованы, имеют более общее значение и не принадлежат к связываемым предикативным частям» [2, с. 211]. Значит, можно ожидать, что удастся четко разграничить значения интересующих нас слов.

Рассмотрим союз *док*. Он возник на базе праславянского сочетания *do kь. Последний толковый словарь сербского языка отмечает, что он может указывать на одновременность действий в главной и зависимой частях сложного предложения (*Док сам чекала воз, прочитала сам целе новине* ‘Пока я ждала поезда, я прочитала всю газету’) или на их разновременность

(*Kopaћemo dok ne padne mrak* ‘Мы будем копать, пока не станет темно’) [4, с. 770]. Многочисленные примеры подтверждают такое толкование:

Dok se ђoek dima ne nadimi, ne moћe se vatre nagrijati (пословица) ‘Без труда не вытащишь и рыбки из пруда’; *Dok je ђoek zdrav, i voda mu je slatka* (пословица) ‘Здоровому все здорово’.

В ряде предложений значение времени не является центральным:

U јulu je za potroћaћku korpu bilo potrebno 6,350 dinara dok je proseћna plata bila 2,197 dinara («Политика». 2000) ‘В июле для наполнения потребительской корзины требовалось 6 350 динаров, тогда как средняя зарплата составляла 2 197 динаров’.

On je traћio da je dirne којom rijeћi, dok ga je ona samo ђudno pogledala, рилтајући ga da јoj kaћe sve љto mu se svidi i bude po ђudi (Vuk Miliћeviћ. Вespуће) ‘Он старался как-то затронуть ее словами, в то время как она только странно смотрела на него, предоставляя ему говорить все, что нравится и хочется’.

К данным контекстам, видимо, можно отнести комментарий о «вторичной функции» союза при фразе *Ми смо то прихватили, док је она то одбила* ‘Мы с этим согласились, тогда как она это отвергла’ [2, с. 454]. Здесь на первый план выходит сопоставление, сравнение или противопоставление, а не временные отношения. В русском языке данному союзу примерно соответствуют слова *тогда как*, *в то время как*; в белорусском – *тады як, у той час як, у той час калі*: ...*Рыбак запытаўся з папрокам, чаго ён змоўчаў, тады як здаравейшыя адмовіліся...* (В. Быкаў. Сотнікаў); *Ён жыве ў лагеры не горш, чым на волі, тады як мноства людзей маюць за нейкі анекдот на дзесяць, а то і больш гадоў і даходзяць ад цяжкай працы на лесапавалах і ў катлаванах* (В. Хомчанка. Крэсла з гербам і розныя крымінальныя гісторыі).

В. И. Роговцов изымал такие предложения и из сложносочиненных, и из сложносочиненных и предлагал считать их промежуточным типом из-за несовпадения средств связи предикативных частей и смысловых отношений между ними [3, с. 173] (см. там же обзор литературы). Очевидно совмещение в этих предложениях как минимум двух значений – одновременности (что типично для сложноподчиненных предложений с зависимыми времени) и сопоставления (что типично для сложносочиненных предложений). Сербский союз *док* может находиться не только между предикативными частями (как его русские или белорусские аналоги), но и в начале сложного предложения.

Обратимся также к союзу *да би*. По всей видимости, он происходит от праславянского *da, которое являлось формой императива глагола *dati, от индоевропейского *dōdātī. В современных словарях и грамматиках он отсутствует. Описывается только подчинительный союз *да*. Некоторые

авторы замечали специфику данного союза и указывали, что именно у него самая широкая и разнообразная сочетаемость [2, с. 212] (см. также [5, с. 820–821]). Элемент *би* интерпретируется как показатель сослагательного наклонения, а предложения с этими морфемами – как придаточные цели, условия или изъяснительные. Такие примеры, действительно, распространены:

Verujem da bi to imalo pozitivnog uticaja na javnu upotrebu standardnog jezika u svim funkcionalnim stilovima ‘Я уверен, что это положительно повлияло бы на публичное использование литературного языка во всех функциональных стилях’ (D. Graočančić. Dopis Odboru za standardizaciju srpskog jezika. 2002. <https://www.rastko.rs/filologija/odbor/odluka024.html>).

Da bi industrija mogla da se izgradi, treba importa kapitala i strojeva ‘Чтобы наладить промышленность, нужен импорт капитала и оборудования’ (Miroslav Krleža. Knjiga studija i putopisa).

Poručio je, da bi se rado vratio kući, samo ne zna, hoće li mu biti dopušten povratak ‘Он заявил, что с радостью бы вернулся домой, только не знает, будет ли ему разрешено вернуться’ (Milan Begović. Giga Barićeva).

Между тем в ряде текстов мы находим случаи, когда такая трактовка мало реальна или нереальна. Оказывается, что данный союз выходит за рамки подчинения, и начинает соединять равнозначные ситуации. Имеются в виду контексты наподобие следующих:

To je vidljivo u prognozi povratka starog kneza, koji «će vladati kratko (dve godine)», da bi nakon toga usledila toliko željena vlast Karađorđevića ‘Это заметно по прогнозу возвращения старого князя, который будет править кратко (два года), а затем придет столь желанная власть Караджёрджевича’ («Политика». 2000).

Lani se s europske smotre vratio [Mario Preskar] s brončanom medaljom, da bi u Patrasu otíao korak dalje i u superteljkoj kategoriji osvojio srebrnu medalju, potvrdivši tako još jednom da je naš najperspektivniji i najbolji mladi boksač ‘В прошлом году Марио Прескар вернулся с европейского турнира с бронзовой медалью, а затем в Патрасе он сделал еще один шаг вперед и в сверхтяжелом весе завоевал серебряную медаль, подтвердив таким образом еще раз, что он наш самый перспективный, самый лучший молодой боксер’ (Vjesnik online. 19.07.2007).

Как видим, модальность второй предикативной части указывает на реальность происходящего, и обе части равноправны, что невозможно при подчинительном союзе. Безусловно, союз *да би* не совсем обычен, не может служить примером типичного сочинительного союза, так как к нему неприменим тест перестановки.

Ясно, что в большинстве случаев употребление слова определяется его значением. У союзов лексического значения нет, однако можно думать, что

и грамматическая семантика тесно связана с употреблением. Более того, если использовать слова не в соответствии с его основным лексическим значением можно (тут открывается дорога для художественных средств, метафор, эпитетов и пр.), то вопреки грамматическому значению слово использовать нельзя. Видимо, в значении рассмотренных союзов заложен скрытый семантический потенциал, позволяющий употреблять их в большом количестве высказываний. Часть из них регулярны и многочисленны, потому хорошо описаны в словарях или грамматиках, часть же встречается реже, и поэтому они пока не стали объектом пристального внимания исследователей.

Список использованной литературы

1. Зализняк, А. А. Русский союз *a* как лингвоспецифичное слово [Электронный ресурс] / А. А. Зализняк, И. Микаэлян // ДИАЛОГ–2005 : тр. междунар. конф. – Режим доступа : http://www.dialog-21.ru/media/2439/zalizniak_mikaelian.pdf. – Дата доступа : 20.11.2017.
2. Пипер, П. Нормативна граматика српског језика / П. Пипер, И. Клајн. – 2-е изд.– Нови Сад : Матица српска, 2014. – 582 с.
3. Рагаўцоў, В. І. Сінтаксіс беларускай і рускай моў: дыскусійныя пытанні / В. І. Рагаўцоў. – Мінск : Унів., 2001. – 199 с.
4. Речник српскога језика [Электронный ресурс] / ред. М. Николић. – Нови Сад : Матица српска, 2011. – 1 527 с.
5. Стевановић, М. Савремени српскохрватски језик : у 2 књ. / М. Стевановић. – Београд : Науч. књ., 1979. – Књ. 2 : Синтакса. – 854 с.
6. Чудомировић, Ј. Семантика и прагматика саставних одн. супротних напоредних везника *и, па, те, а, али, него* : докт. дис. / Ј. Чудомировић. – Београд : Филол. ф-т Ун-та у Београду, 2015. – 400 с.

Н. А. Тубол, О. Бердиева (г. Сумы, Украина)

СОМАТИЗМЫ В РУССКОЙ И ТУРКМЕНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Фразеология любого языка – это источник знаний о народе, ключ к пониманию национально-культурной специфики определенного языка, одно из наиболее интересных проявлений национально-детерминированной специфики менталитета народа.

Язык выражает культуру народа, говорящего на нем. По словам В. Н. Телия, «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание. Именно фразеологизмы как бы называют носителями языка особое видение мира, ситуации» [2, с. 55].

Фразеологизмы с соматическими компонентами возникают независимо друг от друга в разные периоды и в разных языках, существуют во всех

языках, занимая значительную часть во фразеологическом составе любого языка. Для соматических фразеологизмов характерна антропоцентричность: в их значении содержится представление о человеке и об окружающей его действительности. Фразеологизации чаще других подвергаются соматические лексемы, которые представляют собой названия внешних частей тела, тех, которые характеризуются наибольшей активностью, функции и значения которых очевидны, непосредственно наблюдаемы самим человеком.

Части тела и их названия в различных языках существуют не только в своем прямом значении, но имеют также и символический характер. Используя названия частей тела в пословицах, поговорках и т. д., люди стараются более точно и емко передать свои мысли.

Совпадение образности соматических фразеологизмов в разных языках объясняется не только заимствованием, но и общими закономерностями, которые приводят к возникновению близких фразеологических единиц, демонстрирующих универсальный характер переноса соматических лексем, их функционально-семантическую динамику в составе фразеологических единиц [1, с. 53].

Как в русском, так и в туркменском языке соматические фразеологизмы представляют довольно большую группу. Проведенный анализ показал, что в ней преобладают слова, называющие органы чувств, посредством которых человек воспринимает действительность, познает мир и самого себя. Так, компоненты *рука, голова, глаза* прямо соответствуют чувственной (рука, глаза) и логической (голова) ступеням познания.

Фразеологические единицы с соматизмами имеют разные коннотативные значения, которые детерминированы их основным значением (частей тела человека) на основе метонимического переноса.

К наиболее распространенным соматическим компонентам среди рассмотренных нами русских и туркменских фразеологизмов, включая пословицы и поговорки, относятся лексемы «рука», «голова», «глаза».

Большинство действий человека во всех сферах его жизни непосредственно связаны с руками, что и объясняет активное использование этого слова, которое употребляется во фразеологизмах в разных значениях, главные из которых:

– мастерство и трудолюбие: *В хороших руках все горит; Не печь кормит, а руки; В иных руках и горсть пыли в золото превращается; Руки ценят не по рукавам, а по делам; Не бывает скуки, коли заняты руки; Умелые руки работы не боятся; Дело в руках – и хлеб в устах;* туркменские пословицы перекликаются с русскими: *Красота рук среди людей шествует; Имеешь руки, лопата найдется, значит, и деньги заведутся; Дело делает инструмент, а хвалят руки; Руки человека и пустыню в цветник превратят; У рук-работяг денег много;*

– уважительное отношение к труду и людям труда отражено в туркменских фразеологизмах: *Что сделал своими руками, вдвое дороже; То, к чему не приложил руку, цены не имеет; Отдал мастеру – руки уберу, заказал грамотею – не учи его*, и в русских: *У кузнеца руки черны, да хлеб бел; Золотой человек, золотые руки;*

– доброта, помощь, взаимопомощь: *Дающая рука всегда выше берущей; Дающего рука не оскудеет; По щедрости руки видно, какое сердце;* в туркменском языке эти качества передают следующие пословицы: *Денег нет наградить – имей руки погладить; Рука берет, она же и отдает; Рука берущая – она же дающая; Рука моет руку, две руки – лицо;*

– лень, небрежное отношение к работе: *Руки не протянешь, так и ложки с полки не достанешь; Ленивая рука покоится на пустом желудке; Руки – крюки: не тем концом воткнуты; Руки не тем концом вставлены;* в туркменском языке: *Камыш легонько возьмешь – руку порежешь; Рука сломалась, чтобы криво срастись; Тупой нож руку режет;*

– отрицательные черты характера: *Рука руку моет, вор вора кроет; Руки коротки – не достанешь; Чужими руками легко жар загребать; Сидеть сложа руки; Болтун речист, да на руку не чист.*

Туркменские пословицы, имея сходство с русскими, несут в себе этнический колорит: *Чужими руками горячие угли не таскай* (делать что-то чужими руками, за чужой счет); *Одной рукой два арбуза не схватишь* (о нерешительности, слабости характера).

Как в русском, так и в туркменском языке в соматических фразеологизмах активно используется соматизм «голова». Следует отметить, что умственные способности в них оцениваются как с позитивной, так и негативной стороны. Пословицы и поговорки с компонентом «голова» характеризуют ум, рассудительность, здравомыслие: *Голова – всему начало; Голова научит, руки сделают.* Туркменские фразеологизмы с рассматриваемым компонентом содержат указание на умственные способности человека: *Голова на плечах – шапка найдется; У кого летом в голове не кипело, у того зимой и котел не закипит; Ум не в годах, а в голове.* Однако чаще всего пословицы и поговорки с данным соматизмом в обоих языках характеризуют глупого, недалекого человека: *Велик лоб, да в голове-то мох; Голова-то есть, да в голове-то нет; Без ума голова – кочка; Другой головы не приставишь*, в туркменском языке: *Дурная голова для ног тяжеляя.*

Отличительной чертой русских пословиц является осмысление головы как средоточия ума, рассудка и одновременно с этим уподобление головы какому-либо предмету, емкости: *Голова, что чан, а ума ни на капустный кочан; Голова с куль, а разума с нуля; Голова с лукошко, а мозгу ни крошки; Голова с пивной котел, а ума ни ложки; Голова с короб,*

а ум с орех. Данные сравнения указывают на отсутствие зависимости умственных способностей от размера головы.

В русском языке в результате метонимического переноса фразеологизмы с соматическим компонентом **голова** называют человека в целом, подчеркивая какие-либо качества: *удалая голова* ‘о храбром, отважном человеке’, *шалая голова* ‘о безрассудном, отчаянном, взбалмошном человеке’, *светлая голова* ‘об умном, рассудительном, ясно мыслящем человеке’, *ветренная голова* ‘о легкомысленном, непостоянном, несерьезном человеке’, *дырявая голова* ‘о человеке, который все быстро забывает’, *садовая голова* ‘о забывчивом, рассеянном, несообразительном человеке’. Метонимический перенос, при котором соматизм **голова** используется для называния человека в пословицах: *Умная голова голова сто голов кормит, а худая и себя не прокормит; За старой головой – как за каменной стеной; За хорошей головой жена молодеет, а за плохой – как земля чернеет.*

Русские фразеологизмы с компонентом **голова** часто содержат указание на количество людей: *Сколько голов, столько умов; Одна голова хорошо, а две лучше; Сто голов, сто умов; одна мудрая голова сто умов кормит.*

Лексема **глаза** во фразеологии туркменов означает источник сведений об окружающем мире. Кроме того, глаза являются уникальным органом, выражающим состояние души, отражающим черты характера человека: *Красота человека – лицо, красота лица – глаза; Ум – это глаза Бога, человечность – глаза народа; Глаз не увидит – сердце не полюбит; Если товарищ твой слеп – и ты зажмуришь глаз; Глаза сироты – на ложке, глаза вора – на добыче.*

Русские фразеологизмы с компонентом **глаза** имеют более широкий спектр значений: обозначают явления, связанные с процессами восприятия (*куда ни кинь глазом – повсюду*’, (*смотреть*) *во все глаза / в оба глаза* – ‘пристально, с большим вниманием’ и др.), называют действия и особенности поведения человека, характеризуют его качества (*вертеться перед глазами* (или *на глазах*) – ‘надоедать своим присутствием’, *глаза на затылке* – ‘о крайне невнимательном человеке’ и т. п.), а также являются наименованиями абстрактных явлений и понятий (связанных, например, с пространством – *насколько хватает глаз* – ‘насколько можно увидеть; далеко’, быстротой проявления чего-либо – *глазом моргнуть не успел* – ‘о каком-л. событии, действии, быстро, мгновенно совершающемся’ и др.).

Рассмотренные русские и туркменские соматические фразеологизмы показывают, что в них достаточно продуктивно представлены слова, называющие части тела, посредством которых человек воспринимает действительность, познает ее и самого себя в ней. Устойчивые выражения с соматическими компонентами подтверждают их антропоцентричность.

Сходство рассматриваемых соматических фразеологизмов свидетельствует об определенной общности ассоциативно-образного мышления у представителей разных языковых групп и разных языковых картин мира. Высокая фразеологическая продуктивность некоторых соматизмов обусловлена также и их психологической значимостью для носителей того или иного языка. Стоит отметить, что высокий процент употребления соматизмов является характерной чертой фразеологической системы как русского, так и туркменского языка.

Список использованной литературы

1. Куницкая, Н. В. Функционально-семантическая динамика соматических лексем в составе фразеологических единиц / Н. В. Куницкая, В. Ф. Мельник, Б. С. Данилов // Дериватология и динамика в романских и германских языках. – Кишинёв, 1989.

2. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Яз. рус. культуры», 1996.

3. Русские пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tolkru.com/pogovorka/tema/golova.php>. – Дата доступа: 10.11.2017.

4. Русские пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sbornik-mudrosti.ru/posloviy-i-pogovorki-pro-ruki/>. – Дата доступа : 10.11.2017.

5. Туркменские пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.beesona.ru/pogovorki/turkmenskie/p4>. – Дата доступа : 15.11.2017.

Л. Ю. Филимонова (г. Ташкент, Узбекистан)

АКТУАЛЬНОСТЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Перевод научно-технической литературы, которая отличается научным стилем и стилем официальных документов, часто требует особого анализа текста, изучения закономерностей языка науки и техники. Все это ведет к необходимости овладения техникой адекватного перевода.

Одной из грамматических проблем перевода научно-технических текстов является перевод *страдательного (пассивного) залога*.

Страдательный залог в английском и русском языках имеет различия и употребляется чаще в английском языке.

Конструкции страдательного залога в английском языке имеют свои особенности и отличаются от конструкций страдательного залога в русском языке. Это связано с общим характером грамматического строения английского языка и почти полным отсутствием в английском языке падежей, что делает практически невозможным выразить объект действия падежной формой существительного (местоимения). В русском

языке одну и ту же мысль можно выразить разными способами: а) Это оборудование *закупили* по контракту; б) Это оборудование *было куплено* по контракту; в) Это оборудование *закупалось* по контракту. В английском же языке возможна только одна конструкция: This equipment *wasbought* according to the contract.

В английском языке в страдательном залоге показателем времени служит *to be*, который изменяется в зависимости от лица и числа подлежащего. Смысловый глагол стоит всегда в форме *Participle II*, т. е. остается неизменным. E.g. *are built* – Present Indefinite Passive, *werebuilt* – Past Indefinite Passive, *have been built* – Present Perfect Passive, *is being built* – Present Continuous Passive.

Глагол–сказуемое в страдательном залоге может переводиться (передаваться) разными способами:

1. Формой возвратного глагола на *-ся* в соответствующем времени. E.g. Such things *are seldom thought about*. – Над такими вещами редко задумываются.

2. Сочетанием глагола «быть» с краткой формой причастия.

The first experimant with electric waves *was made* many years ago. – Первый эксперимент с электрическими волнами был проведен много лет тому назад.

3. Глаголом действительного залога в третьем лице множественного числа в неопределенно-личном предложении.

The experimant *was made* in laboratory of the institute. – Эксперимент проводили в лаборатории института.

4. Личной формой глагола в действительном залоге, если в предложении есть дополнение с предлогом *by*, при этом дополнение может переводиться на русский язык подлежащим. E.g. This experimant *was conducted by* our research workers. – Наши научные работники провели этот эксперимент.

5. Пассивная конструкция с формальным подлежащим *it*, например, *it is said, it is reported* и другие, переводится на русский язык неопределенно-личным предложением.

It is said that these measurements are very important. – Говорят, что эти измерения очень важные.

6. Сочетание модального глагола с инфинитивом в страдательном залоге может переводиться на русский язык страдательным или действительным залогом.

This technical article *must be translated*. – Эта техническая статья должна быть переведена.

7. Подлежащим предложения в страдательном залоге может: быть не только прямое, но и косвенное дополнение при переходных глаголах.

New films *are shown* to them every week.

They are shown new films every week. – Им показывают новые фильмы каждую неделю.

8. Особенность перевода пассивной конструкции с предложным косвенным дополнением заключается в том, что предлог, который стоит после глагола и не имеет отношения к другим словам, при переводе на русский язык ставится перед тем словом, которое является подлежащим английского предложения.

This work was referred to in many scientific reports. – На эту работу ссылались во многих научных докладах.

Английские переходные глаголы, не требующие предлога, которым в русском языке соответствуют глаголы с предлогом, переводятся таким же способом, т. е. предлог ставится перед тем словом, которое является подлежащим английского предложения.

The rate of chemical reaction is influenced by many factors. – На скорость химической реакции влияет много факторов.

Одной из грамматических проблем перевода научно-технических текстов является перевод неличных форм глагола – *инфинитива, герундия, причастия – и их оборотов*.

Инфинитив – это неличная форма глагола, которая только называет действие и не указывает число, лицо, наклонение. Инфинитив и слова, тесно связанные с ним по смыслу, относятся к инфинитивным оборотам, которые употребляются для упрощения сложных предложений [1; 2].

Существуют такие инфинитивные обороты:

1. *The Objective Infinitive Complex (Complex Object)* – объектный инфинитивный оборот (сложное дополнение).

2. *The Subjective Infinitive Complex (Complex Subject)* – субъектный инфинитивный оборот (сложное подлежащее).

3. *Absolute Infinitive Complex* – абсолютный инфинитивный оборот.

В английском языке оборот *Complex Object* употребляется для упрощения сложноподчиненных предложений с дополнительным придаточным предложением.

Инфинитивный оборот *Complex Subject* состоит из двух частей. Первая – существительное в «общем» падеже или местоимение в именительном падеже; вторая – инфинитив, выражающий действие, которое выполняет лицо или предмет (существительное или местоимение).

Особенностью этого инфинитивного оборота является то, что первая и вторая части разделены сказуемым, которое выражено личной формой глагола в страдательном залоге или глаголами типа *to seem, to appear* и др.

Модель: *Noun/Pronoun + P + Infinitive*

Complex Subject употребляется для упрощения предложений. Оборот *Complex Subject* имеет следующие способы перевода:

а) сложноподчиненным предложением;

б) простым предложением с вводными словами (как известно, как считают, вероятно), при этом порядок слов английского предложения не изменяется, а инфинитив следует переводить как сказуемое.

The results are known to have been used in this experiment. – Результаты, как известно, были использованы в этом эксперименте.

Перфектная форма инфинитива (*to have been*) переводится на русский язык глаголом прошедшего времени.

This scientist is supposed to have developed a new method. – Предполагают, что этот ученый разработал новый метод.

Самостоятельный инфинитивный оборот (*Absolute Infinitive Construction*).

В английском языке существуют конструкции, в которых неличные глагольные формы как бы являются сказуемым при подлежащем, выраженном существительным или местоимением. Такая конструкция известна как самостоятельный, или абсолютный, инфинитивный оборот. Обычно такой оборот стоит в конце предложения и отделяется запятой; переводится придаточным предложением с союзом «причём».

By a contract dated August 15, 2002, the firm A sold the firm B a great quantity of timber, the goods to be shipped in two parcels.

При переводе причастий возникают трудности, которые связаны с омонимическими формами *Past Indefinite* и *Participle II* неличных глаголов.

One day they learned about a beautiful island covered with the flowers. – Однажды они узнали о прекрасном острове, покрытом цветами.

The method used by our scientist proved to be quite reliable. – Метод, который использовал наш ученый, оказался вполне надежным.

Особое внимание следует обратить на причастие в функции определения, которое стоит после существительного. В этой функции чаще всего встречается причастие II, реже причастие I.

Cosmic rockets launched with the first space velocity (7.9 km per sec.) become artificial satellites. – Космические ракеты, запускаемые с первой космической скоростью (7,9 км/с), становятся искусственными спутниками Земли.

Сложная форма *Participle I (being used)* в функции определения, как правило, переводится причастием настоящего времени в страдательном залоге или придаточным определительным предложением.

Rockets being used for high altitude research are equipped with special instruments. – Ракеты, которые используют для проведения исследований на большой высоте, оборудованы специальными приборами.

Participle I и *II* с пояснительными словами образуют причастные обороты: 1) *The Objective Participial Complex* (объектный причастный

оборот); 2) *The Subjective Participial Complex* (суб'єктний оборот); 3) *The Absolute Participial Complex* (самостоятельний причастний оборот).

Научно-технічний переклад стоїть в ряду інших видів спеціального перекладу – це переклад, використовується для обміну спеціальною научно-технічною інформацією.

Істочниками научно-технічного перекладу є друкована продукція: книги, спеціальні наукові та реферативні журнали, патенти, рекламні матеріали, інструкції, описання застосування різноманітного обладнання в різних галузях промисловості, а в останнє час – Інтернет. Еквівалентний переклад даних джерел в багатьох випадках залежить від хорошого знання перекладачем граматики та російської, та англійської мов.

Список використаної літератури

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – М. : Академия, 2004. – 352 с.
2. Крупнов, В. Н. Практикум по переводу с английского языка на русский / В. Н. Крупнов. – М. : Высш. шк., 2005. – 279 с.

Д. Б. Якимович-Чапран (м. Львів, Україна)

ЕТНОНИМИ ЯК КОМПОНЕНТИ УКРАЇНСЬКИХ ПАРЕМІЙ (ЛІНГВОКУЛЬТУРНІ КОНОТАЦІЇ)

Спостереження над виявами національної, або етнічної свідомості серед сучасних європейських народів упродовж останніх десятиліть засвідчують, що відбувається новий сплеск пошуку засобів і способів вияву своєї ідіоетнічності. Така тенденція має, на нашу думку, дві головні причини: по-перше, інтенсифікація міграційних процесів у глобальному масштабі актуалізувала для багатьох націй концептуальну опозицію 'свій' / 'чужий'; по-друге, внаслідок геополітичних зламів на межі 80 – 90-х років ХХ століття ціла низка народів здобула державність, а відповідно, постала перед потребою осягнення своєї самобутності задля розбудови національної ідеї як фундаменту держави. Позаяк національна (етнічна) свідомість складається із комплексу уявлень народу про свій генезис, історичну долю, культуру, традиції, релігію, мову [1, с. 222], особливої ваги набувають етнолінгвістичні студії, що допомагають зрозуміти, як через значення слів, їх внутрішню форму та комбінаторику відображається національно специфічне бачення світу. При цьому для методології вказаних пошуків засадничим і надалі залишається твердження геніального В. фон Гумбольдта про те, що «різні мови – це зовсім не різні позначення однієї й тієї самої речі, а різні бачення її» [4, с. 375].

Етимологічні розвідки останніх десятиліть дали сучасним лінгвістам-теоретикам підстави для висновку, що семи є найменшими змістовими одиницями, «своєрідними атомами когнітивно-семантичного простору» і що «комбінаторика сем видозмінює семантику мовних одиниць, слугуючи, основою будь-яких семантичних змін у мовах» [9, с. 38–39]. Як слушно зазначає В. Мусієнко, будь-яка універсалія може набути національно специфічних рис через відповідну акцентуацію в тій чи тій етнокультурі [10, с. 131], у зв'язку з цим дослідник наголошує на необхідності пошуку захованих у словах національних стереотипів (підкреслення «однієї з вірогідних сем» [10, с. 133]) та національно-культурних конотацій (додаткових, у т. ч. оцінних відтінків, «які зумовлені особливостями суспільного життя» [10, с. 133]). Тож перед лексикологами на сьогодні постає завдання максимально повно виявити семантичні спектри (з конотативними семами включно) лексичних одиниць національних мов. А працюючи в такому напрямку, слід керуватися дуже слушною заувагою В. Гака: «розвиток значення слова чи його кореня може виявлятися у мові трояко: 1) у нових значеннях самого слова; 2) в утворенні похідних слів; 3) у формуванні фразеологічних одиниць, до яких входить це слово [*підкреслення наше – Д. Я.-Ч.*]» [3, с. 694].

У трактуванні поняття “фразеологічні одиниці” ми дотримуємося традиційного в українському мовознавстві широкого розуміння, започаткованого ще в працях О. Потебні, який зараховував до фразеологічного фонду, крім власне фразем, також прислів'я, приказки і загадки [12, с. 485–520], і практикованого в студіях сучасних лінгвістів [2; 6; 11; 20]. Виходячи із засади, що фраземи, прислів'я і приказки – це та сфера мовної діяльності, «де, з одного боку, в мовних фактах яскраво відбиваються етнопсихологічні особливості соціуму, а з другого, – чітко простежується вплив мови на формування його менталітету» [6, с. 33], за мету пропонованої розвідки ми ставимо визначити лінгвокультурні конотації етнонімів, що виступають компонентами українських ідіом. При цьому маємо на увазі, що внутрішня форма фразем відображає етнокультурні пріоритети, психологічні, моральні установки культурної спільноти [7, с. 252]. Поняття «внутрішня форма» слідом за О. Потебнею розуміємо як образну основу і спосіб, яким ця основа виражається [12, с. 175]. Як слушно зауважив свого часу Л. Авксент'єв, майже в усіх випадках в основі переосмислення первісно вільної словосполуки лежить певний образ, значуща ознака чи дія, зміст якої проектується на новоутворений фразеологізм [1, с. 29], а підґрунтя семантики фразеологізмів – це «етимологічний елемент змісту, який є не що інше, як залишкове уявлення про будь-який факт, явище, подію» [1, с. 35]. Отже, компонентний аналіз фразеологічного матеріалу дасть змогу встановити, які саме

елементи народної системи уявлень про різні народи, що з ними українцям упродовж століть доводилося співіснувати, спілкуватися, сусідити, знайшли своє відображення в ідіоматиці, а відповідно вплинули на формування ментальності нашого народу, його самоідентифікацію.

Джерельною базою для розвідки послужила збірка М. Номиса «Українські прислів'я, приказки і таке інше» [22]. Цю лексикографічну працю обрано не випадково, адже в ній забезпечена достовірність та об'єктивність вибірки: по-перше, вона видана у 1864 року, коли щодо публікацій фольклорних матеріалів ще не застосовувалась така жорстка цензура, як після 1876 року, а тим паче в часи радянського тоталітаризму; по-друге, матеріали, що входять до неї, рівномірно репрезентують усю українську мовну територію. Додатковим джерелом став «Фразеологічний словник української мови» [23], який містить поодинокі фраземи з компонентами-етнонімами.

Усього було зафіксовано 15 базових найменувань, зокрема, *варяг, волох, грек, жид, литвин, лях, москаль, мурин, німець, русин, татарин, турок, циган, чех, швед*. Майже кожне з них фігурує у мікроконтекстах фразем також і в дериватах (прикметниках, прислівниках, корелятах жіночого роду, а іноді й пародійованих чи перифрастичних дублетних найменуваннях, наприклад, *німчай, москва, циганський, по-турецьки, бацькун* тощо). Через обмеження в обсязі пропонованої розвідки зосередимося тут на детальному аналізі лише однієї, найбільшої кількісно, групи стійких словосполук.

Жид запозичене до всіх слов'янських мов іще в дописемний період з італійського *giudeo* 'єврей', що зводиться до гебрейського етимона *Ihuda* 'Іуда' [5, т. 3, с. 196–197]. В українській мові безперервно вживалося разом із низкою дериватів починаючи з доби Київської Русі і дотепер [19, т. 1, с. 870–872; 15, т. 3, с. 260; 17, т. 1, с. 360; 18, т. 9, с. 160–162; 16, т. 1, с. 483]. Етнонім *жид* виступає компонентом у 104 пареміях. Сюди зараховуємо також низку одиниць, у яких трапляються такі його відповідники-деривати, як *жидова* (*гаспидська жидова* [22, с. 80]), *жидівка* (*випитьте: казала жидівка, що добра* [22, с. 508]), *жидовин* (*Усякому мирянину по семеро жидовинів* [22, с. 80]), *жидівський* (*чесний, як жидівська потилиця* [22, с. 323]).

Єдиний раз у лайливій прозивалці зафіксовано назву *яврей* у ролі прикладки при номені *жид* (*Жид-яврей повна с...а червей* [22, с. 80]). *Яврей* з'явилося в книжній українській мові наприкінці XV століття [18, т. 9, с. 54–55] за посередництвом середньогрецької мови із арамейської *'ibr* *ī* 'потойбічний, той, хто прийшов з того боку Євфрату' [5, т. 3, с. 177]. Раніші пам'ятки такої лексеми не фіксують (див. [15, т. 3; 19, т. 1]), як також не вживалася вона у новоукраїнській мові XIX – початку XX

століття [16, т. 1]. Повернення назви *євреї* із пасивного складу Зрідка виступають перифрастичні найменування, мотивовані належністю згаданого народу до іншої, ніж в українців, релігії: *недовірок* [22, с. 80], *псявіра* [22, с. 80] тощо.

Внутрішня форма паремій і фразем із компонентом *жид* засвідчує наявність у цього етноніма таких груп конотативних сем:

1. Семи, пов'язані з життєвим устроєм етносу:

– Велика побожність і відданість своїй релігії, у т. ч. неухильне дотримання обрядів і приписів. Ця сема може мати позитивний оцінний відтінок: *Над жида нема кріпшого в вірі* [22, с. 80]; *Жид хату закладає, то моркотить (Богу все молиться)* [22, с. 80], нейтральний: *Поспіша, як жид на шабас* [22, с. 503], але й часто негативний (позаяк офіційне православ'я, яке сповідували українці, формувало серед своїх вірян осудливий стереотип юдаїзму, у зв'язку з чим адепти цієї релігії асоціювалися з собакою чи чортом): *ксьондз, жид та собака – усе віра однака* [22, с. 363]; *Тащить, як чорт жида* [22, с. 203]. Цікаво, що однозначно осудливу оцінку містять паремії, у яких ідеться про жидів-вихрестів: *Жида перехрести, та і голову одотни* [22, с. 81]; *З ворога примиреного, з жида хрищеного, з вовка годованого добра не буде!* [22, с. 364]. Як бачимо, зрада віри предків, хай навіть ця віра з погляду суб'єктів оцінки і не є ортодоксальна, не мала в очах української етноспільноти жодного виправдання. В особливий спосіб проінтерпретовано і такий суворий припис юдейської віри, як утримання від свинини: *У мене стільки грошей, як у жида свиней* [22, с. 105]; *Жиде-жиде, свине ухо* [22, с. 80]. Перша з наведених паремій побудована, фактично, на заперечному порівнянні, друга – це навмисно образливе звертання через приписування об'єктові-адресатові схожості з твариною, яка для нього самого є символом нечистоти і відразливості. Обидві фраземи можемо кваліфікувати як своєрідні алузії на текст Старого Заповіту, що був і є прецедентним і для євреїв, і для українців.

– Історичні факти про народ, відповідно до біблійного передання (прикметно, що згадуються лише ганебні епізоди, тому і фраземи містять осудливий оцінний компонент): *Не хотіли жиди їсти манну – най же з'їдять дідька (нехай же їдять цибулю)* [22, с. 81]; *Иродове кодло* [22, с. 80]; *Винуватий, як Христос перед жидами* [22, с. 205]. Усі перелічені одиниці демонструють явище інтертекстуальності, де в ролі джерела виступають або старозавітні тексти, прецедентні і священні для обох культурних спільнот, або новозавітні, які вважали сакральними лише українці-християни.

– Торгівля, шинкарство і лихварство як головні заняття (переважно з іронічними відтінками): *Нема торговиці без жидівської головиці*

[22, с. 466]; *Жид, а винниця-мати не дасть загинати* [22, с. 513]; *Як біда, ми до жида, (а як мине біда – най дідько бере жида)* [22, с. 82].

– Традиційні ремесла, зокрема кушнірство: *За лісом, за пролісом жида (шевці, вовки) шкуру мнуть* (Відгадка – свиню поросята ссуть) [22, с. 643].

– Нехіть до тяжкої фізичної праці: *Квапишся, як жид молотити* [22, с. 246]; *Способом, способом, дванадцять жидів насилу корець хмелю витаскали на гору* [22, с. 82].

– Мандрівний спосіб життя: *Набожний, як жид подорожній* [22, с. 45].

– Дбайливе ставлення до свого майна і, як наслідок, багатство: *Жидівське а панське не пропаде* [22, с. 81].

– Численність народу: *Жидів, як собак* [22, с. 80], див. також наведену вище фразу про *жидовина*.

– Особливості національної кухні: *Зна вкус, як жид у солоді* [22, с. 303].

– Елементи одягу: *Розумний, як жидівський патинок* [22, с. 293]; *Не змерзне мужик в груди, жид у п'яти, а лях у вуха* [22, с. 364]; *Межи двома дубами б'ються жида ярмулками* (Відгадка – ціп) [22, с. 657]. Друга з перелічених паремій зберегла у своїй внутрішній формі інформацію про особливий фасон повсякденного єврейського взуття-патинків, яке не мало задничків, а відповідно, п'яти завжди були відкриті, що для українців з їхнім стереотипом взуття як насамперед чобіт становило предмет зачудування.

– Неохайність у побуті і спричинені нею специфічні хвороби: *Не займай жида, не каляй вида* [22, с. 81]; *Припадає, як жиду короста* [22, с. 602].

2. Семи, пов'язані поведінковими особливостями етноспільноти:

а) хитрість, схильність до обману: *Жид ні сіє, ні оре, а обманом жиє* [22, с. 81]; *Жеби жид був з неба, вірити му не треба* [22, с. 81];

б) галасливість: *Дві гуски і дві бабі; два жида і дві жабі, – то, кажуть, гірше ярмарку* [22, с. 634];

в) боягузливість: *Сміливий, як жид* [22, с. 217];

г) причепливість, надокучливість: *То жидівська напасть* [22, с. 81];

г) неспішливість у виконанні даних обіцянок, прохань: *Жидівський зараз, а панський почекай* [22, с. 362].

3. Семи, які відображають ставлення представників народу до:

а) своєї сім'ї (містять позитивну оцінку, відображаючи любов жида до сім'ї і гордість за неї): *Завеличався, як жид на рідинах* [22, с. 143];

б) одноплемінців (демонструють розвинене почуття національної єдності мають схвальний відтінок): *Звичайне тримає: як пан за паном, мужик за мужиком, а жид за жидом* [22, с. 419]; *За компанію і жид повісивсь* [22, с. 477];

в) корінного простолюду і місцевих панів (внутрішня форма всіх одиниць цієї мікрогрупи засвідчує типову модель стосунків – визискування простих автохтонів і колаборацію з панством, яке в основній масі і само було чужинцем на українських землях): *Дере коза лозу, а вовк козу, а вовка мужик, а мужика жид, а жида пан, а пана юриста, а юристу чорт* [22, с. 362]; *Жидівський попихач* [22, с. 473]; *Жид, пан і німець усе поверне внівець* [22, с. 586].

Власне, така характерна поведінка єврейського етносу щодо місцевого українського люду (некоректна з погляду об'єкта ставлення, але, правдоподібно, вимушена з погляду суб'єкта, головна мета якого було самозбереження у чужому для нього етнічно-релігійному оточенні), засвідчена в численних історичних документах, спричинила в середовищі українців певну ворожість і бажання хоч мінімального реваншу. Цією колізією зумовлена поява низки стійких висловів, де негачія корінного народу до прийшлих ізраїльтян градується від спроб дрібного обману: *Оттак наші сіромахи жидів обманюють: виніс сім мішків із погребя глини, та шажка і луп* [22, с. 470] чи доволі нейтрального за експресією побажання: *Жид-жид, бодай ти зник!* [22, с. 586] до крайніх радикальних заходів (які частково зреалізувалися, що правда, лише в період Коліївщини, коли мешканці Правобережної України були доведені до межі утисками з боку польських шляхтичів і їх єврейських колаборантів): *Жида вбий – сорок гріхів з душі* [22, с. 81]; *Кукіль з пшениці вибирати, жидів і ляхів різати* [22, с. 81].

Аналіз суто мовних засобів, застосованих у стійких виразах про жидів, продемонстрував цікаві способи передачі характерних рис мовленнєвої поведінки представників цього етносу, які стали для українців своєрідними маркерами єврея як мовця і як носія специфічного менталітету. Особливо яскраво вказане явище відображене в анекдотичних діалогах-мотиваторах до паремій. Це, по-перше, відтворення девіацій у вимові та граматичних побудовах: *Як той жид казав: «Нащо мені риба без хвіст? Нехай моя наймичка з'їсть!»* [22, с. 439]; *Без єдного ж жида ярмалка буває?* [22, с. 81]. По-друге, використання лексем, що походять із івриту: *Дурний гою! Продав кабак (гарбуз) замість лою! (Так казав жид тому чоловікові, що обдурив його, продавши застиглий лій, а всередині, замість лою, гарбуз)* [22, с. 624]. По-третє, характерний для євреїв комунікативний прийом відповідати запитанням на запитання: *«Куди ідеши, жидку?» – «На войну!» – «Чого ж так не рано?» – «Можє, ще хоч одного уб'ю», – «А як тебе хто вб'є?» – «Хіба ж я йому що винен?»* [22, с. 217]. Назагал можна відзначити, що найзначущішим у формуванні лінгвокультурного стереотипу єврея для українців був фактор віросповідання (відображений у 26 одиницях, що становить чверть від усіх

проаналізованих фразем) та неправдомовності і пов'язаного з нею недотримання даного слова (у сумі 14 одиниць). Щодо аксіологічного компонента, який є «характерною ознакою мовної типізації» [21, с. 46], то він відображає: а) негативну оцінку (58 одиниць, тобто приблизно половина всіх проаналізованих; і це у принципі характерно для фразем як мовного явища [7, с. 51] імовірно тому, що за своєю природою вони покликані насамперед заакцентувати на негативі задля формування громадського осуду, а відповідно, бажання вдосконалитися); б) позитивну оцінку (9 одиниць). Решта 37 паремій є нейтральними і базуються на простій констатації фактів про специфіку повсякденного життя ізраїльтян як окремої етнічної групи на українських територіях. Принагідно вважаємо за необхідне звернути увагу на те, що в наших джерелах не засвідчено жодної ідіоми, де б ішлося про єврейську магію, тому припускаємо, що легенди на цю тему, які наводить у своїй розвідці Ю. Сілецький [14, с. 242], мають вузько локальний характер, а уявлення, зафіксовані в них, навряд чи можна кваліфікувати як складові лінгвокультурного стереотипу.

Підсумовуючи сказане вище, хочемо наголосити, що фраземіка – це неоціненне джерело до вивчення знань і уявлень народу про навколишній світ і про себе в ньому. Мікротексти українських ідіом з компонентами-етнонімами своєю внутрішньою формою сигналізують про цілі комплекси конотативних значень, якими володіють слова вказаної тематичної групи в лінгвокультурному вимірі. Так, на прикладі найменування *жид* бачимо, що ці додаткові семи, які формувалися впродовж багатьох століть міжетнічної комунікації, можуть, по-перше, ґрунтуватися на спостереженнях за повсякденним побутом, мовленням чи поведінкою представників названого етносу щодо одноплемінців та людей інших національностей; по-друге, актуалізувати відомості з прецедентних текстів чи з догматичних релігійних постулатів; по-третє, містити позитивний чи негативний аксіологічний елемент або ж бути нейтральними.

Список використаної літератури

1. Авксентьев, Л. Сучасна українська мова. Фразеологія / Л. Авксентьев. – Харків : Вищ. шк., 1988. – 134 с.
2. Артеменко, Г. Логіко-практична модель фіксації народного досвіду українськими пареміями / Г. Артеменко // Мовознавчі студії. Фразеологізм і слово у тексті і словнику : матеріали Всеукраїн. наук. конф. на пошану 75-річчя від дня народж. проф. М. Демського. – Дрогобич : Посвіт, 2010. – Вип. 2. – С. 17–23.
3. Гак, В. Языковые преобразования / В. Гак. – М., 1998. – 694 с.
4. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М., 1985. – С. 375.

5. Етимологічний словник української мови : в 7 т. / за ред. О. С. Мельничука. – Київ : Наук. думка, 1982. – Т. 3. – 571 с.
6. Жайворонок, В. Українська етнолінгвістика : нариси / В. Жайворонок. – Київ : Довіра, 2007. – 262 с.
7. Краснобаєва-Чорна, Ж. Семантичний простір оцінної фраземіки / Ж. Краснобаєва-Чорна // Мовознавство. – 2015. – № 5. – С. 39–51.
8. Кевлюк, І. Термін «фразема» в етнологістиці та лінгвокультурології / І. Кевлюк // Наук. вісн. Криворізь. держ. пед. ун-ту : зб. наук. праць / Філол. студії. – Кривий Ріг, 2011. – Вип. 6. – С. 252.
9. Манакін, В. Мова і загальна симетрія універсуму / В. Манакін // Мовознавство. – 2011. – № 3. – С. 26–40.
10. Мусієнко, В. Українська етнографічна лексика: ідентифікація та типологія / В. Мусієнко // Мовознавство. – 2006. – № 2–3. – С. 130–136.
11. Онуфрійчук, Г. Людина в українській етнофразеології: біполярна опозиція «людина – тварина» / Г. Онуфрійчук // Мовознавство. – 2015. – № 5. – С. 67–74.
12. Потебня, А. Эстетика и поэтика / А. Потебня. – М. : Искусство, 1976. – 616 с.
13. Процев'ят, Т. Про деякі завдання етнологічного дослідження етнічної самосвідомості українців / Т. Процев'ят // Український Вільний Університет: з минулого в майбутнє. До 70-річчя заснування : наук. зб. Україн. Віл. Ун-ту / Львів, 13–14 лют. 1992 р. – Мюнхен : Львів, 1993. – С. 219–225.
14. Сілецький, Ю. Стереотип єврея в традиційному світогляді українців / Ю. Сілецький // Нове життя старих традицій: Традиційна українська культура в сучасному мистецтві і побуті : матеріали міжнар. наук. конф. в рамках V Міжнар. фестивалю укр. фольклору «Берегиня» / за ред. проф. В. Давидюка. – Луцьк : Твердиня, 2007. – С. 239–245.
15. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов. – М. : Рус. яз., 1990. – Т. III. – 512 с.
16. Словарь української мови / ред. журн. «Кієвская старина»; упоряд. з додат. влас. матеріалу Б. Грінченко. – Київ : Вид-во АН УРСР, 1958–1959. – Т. 1. – 494 с.
17. Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. / голова ред. кол. Л. Л. Гумецька. – Київ : Наук. думка, 1977. – Т.1. – 631 с.
18. Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. / відп. ред. Д. Гринчишин. – Львів, 2002. – Вип. 9. – 256 с.
19. Срезневский, И. Словарь древнерусского языка : репр. изд. / И. Срезневский. – М. : Кн., 1989. – Т. I. – Ч. 2. – С. 806–1419.
20. Ставицька, Л. «Чоловік (мужчина)» у концептосфері української фразеології / Л. Ставицька // Мовознавство. – 2006. – № 2–3. – С. 118–129.
21. Сукаленко, Т. Аксіологія лінгвокультурних типажів («москаль», «студент», «священик») / Т. Сукаленко // Українська мова. – 2015. – С. 38–47.
22. Українські приказки, прислів'я і таке інше / уклад М. Номис. – Київ : Либідь, 1993. – 768 с.
23. Фразеологічний словник української мови : у 2 кн. / уклад. В. М. Білоноженко [та ін.]. – Київ : Наук. думка, 1993. – 980 с.

Л. І. Яўдошына (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

**ВЕРШЫ А. РАЗАНАВА Ё ПЕРАКЛАДЗЕ
НА ПОЛЬСКУЮ МОВУ**

Разважаючы пра асаблівасці перакладчыцкай дзейнасці, Г. М. Малажай адзначала, што “мастацкі пераклад – творчасць сур’ёзная, складаная, у працэсе і ё выніку якой трэба дасягнуць не так эквівалентнасці слоў, канструкцый, як – перш за ўсё – сэнсавай, вобразна-эмацыянальнай адпаведнасці перакладу і арыгінала” [1, с. 79]. І хоць у прыведзеных словах няма, на першы погляд, вялікага адкрыцця, але ўдумлівае іх прачытанне прыводзіць да вываду пра асаблівую адказнасць перакладчыка за пераствораны тэкст як перад пісьменнікам, якога ён узяўся перакладаць, так і перад чытачом, да якога ён хоча давесці не проста тэкст, а пэўную думку аўтара, яго голас, яго пачуцці, яго светапогляд, адметна ўвасобленыя ў гэтым тэксце. З аднаго боку, перакладчык выступае як медыум, пасрэднік паміж аўтарам і чытачом, з другога – ён сам чытач, але асаблівы: які бярэцца “пераказаць” на іншай мове прачытанае. Мабыць, асабліва цяжка пераказваць, пераствараць вершы, дзе пануе стыхія сэнсавай і эмацыянальнай ёмістасці, слоўнай важкасці, адметнай вобразнасці і рытмікі, дзе змест часта атрымлівае імпліцытнае выражэнне. Для выяўлення спецыфікі працы перакладчыка над паэтычным тэкстам звернемся да аналізу перакладу Я. Чыквіным вершаў А. Разанава на польскую мову [2].

Даследчыкі паэзіі А. Разанава адзначалі такія яе рысы, як асацыятыўны характар, філасофскі падтэкст, схільнасць да актуалізацыі экзістэнцыйных праблем быцця, прэзентацыю новых форм і сродкаў адлюстравання рэчаіснасці. Сёння А. Разанаў – прызнаны ўсімі прадстаўнік інтэлектуальнай плыні ў беларускай літаратуры, паэт-наватар з адметным мастацкім почыркам. Ён не толькі пашырыў абсягі творчага мыслення, але і ўзбагаціў літаратуру новымі жанрамі. Версэты, вершаказы, квантэмы, пункціры, зномы сталі сапраўднай візітоўкай паэта і прыкладам новых ці па-разанаўску абноўленых кампазіцыйна-стылёвых форм у слоўнай мастацкай творчасці. У.А. Калеснік лічыў іх формамі “арганічнага самавыяўлення таленту Разанава”, у поўнай адпаведнасці са зместам яго паэзіі [3, с. 219].

Пераклад тэкстаў паэта з адметным і пазнавальным творчым почыркам, канешне, вымагае асаблівай увагі як да зместу, так і да формы, якая таксама выступае сэнсаносьбітам мастацкага тэксту. У зборнік “Podarunek matki chrzestnej”, што быў надрукаваны ў Беластоку ў 1997 годзе, увайшлі рознажанравыя тэксты, выбраныя самім перакладчыкам: версэты, зномы, пункціры (у перакладзе – *linie przerywane*) і “Паэма сланечніка”.

Мы спынімся на аналізе перакладу версэтаў, якія ў асноўным былі ўзяты перакладчыкам са зборніка А. Разанава “Вастрыё стралы” [4].

Версэты – спецыфічны літаратурны жанр, які займае прамежкавае становішча паміж паэзіяй і прозай. Адметнасцямі жанру з’яўляюцца адсутнасць відавочнай рыфмы, адметная рытмізацыя радка і яго графічнае афармленне, “глыбокі пазатэкст, шматзначнасць і сімвалічнасць сэнсу” і яшчэ – “моцны суб’ектыўны пачатак” [5, с. 392]. Імкнучыся захаваць аўтарскую самабытнасць, ідывідуальнасць і жанравую адметнасць, перакладчык вельмі ашчадна абыходзіцца з тэкстам і максімальна захоўвае і лексічную, і сінтаксічную арганізацыю твораў. Перакладзеныя Я. Чыквіным версэты, на наш погляд, з’яўляюцца ўзорным прыкладам паважлівых і адказных адносін да аўтарскага тэксту, з далікатным стаўленнем амаль да кожнага слова, гука, канструкцыі, з захаваннем там, дзе магчыма, агульнай для польскай і беларускай моў лексікі, аднолькавага сінтаксічнага ладу. І ўсё гэта дазваляе захаваць і перадаць атмасферны настрой разанаўскага тэксту, яго пазнавальную інтанацыю, непаўторную аўтарскую мадальнасць і, як вынік, – глыбокі змест твораў. Прывядзём некалькі прыкладаў такога перакладу: *Раскопваюць гарадзішча. / Выкопваюць рэчы. / Вось рэч-рука, вось рэч-нага, вось рэч-моц, вось рэч-улада... / Рэчы – апошняя цела людзей, якое жыве найдаўжэй. – Rozkopują grodzisko. / Wykopują rzeczy. / Oto rzecz-ręka, oto rzecz-noga, oto rzecz-moc, oto rzecz-władza... / Rzeczy – ostatnie nasze ciało, ktyre żyje najdłużej (“Рэчы”); Мерае чалавека меркай адною зямля, адваротнаю – неба, і меркай дваіною сам сябе чалавек. – Mierzy człowieka swoją miarą ziemia i odwrotną – niebo, i miarą podwójną mierzy sam siebie człowiek (“Гавару, услухоўваючыся ў саму гаворку...”); – На каго ты падобны?!. – кажа сястра. / Не ведаю, на каго: / хто кажа – на камень, / хто кажа – на птушку, / хто кажа – на дрэва, / хто – на самога сябе... – Do kogo jesteś podobny ?!. – pyta siostra. / Nie wiem, do kogo: / ktoś mywi – do kamienia, / ktoś mywi – do ptaka, / ktoś mywi – do drzewa, / ktoś – do siebie samego... (“Трансмутацыя”).*

Вядома, што не заўсёды пры перакладзе атрымліваецца захаваць лексічную тоеснасць, асабліва пры наяўнасці ў тэксце арыгінала безэквівалентных лексем ці аўтарскіх неалагізмаў. У такім выпадку, па сутнасці, перакладчык вольны ў пошуку адпаведнага заменніка. Аднак Я. Чыквін і ў такіх выпадках імкнецца максімальна захаваць сэнс аўтарскага радка: *дарэшты – do końca; з сябрынаю – z towarzyszka życia; сутонлівай – mroczej; сцярожка сачу – baczenie* (‘уважліва, зорка’ [6, с. 48]) *rozglądam się; цьмен – trok; леваруч – z lewej strony; непахібны – bezbłędny* (‘беспамылковы’ [6, с. 61]); *усіхні – należą do wszystkich; асвойтваю – przyswajam; зняможаны – zmęczony; засмяглы – spragniony; спалатнелы – struchlały* (‘спалоханы’ [7, с. 390]); *абрушваюцца – uderzają* (‘б’юць, стукаюць’ [7, с. 390]).

Часам Я. Чыквін усё ж дазваляе сабе больш вольную інтэрпрэтацыю тэкставага вобраза-паняцця, у пэўнай ступені выяўляючы ў такім разе сваё бачанне мастацкай карціны: *чароды* (птушак) – *chmary*; *супадаюць* – *przecinają* ('перасякаюцца' [7, с. 175]); *куслівыя* – *szczekliwe* ('брахлівы' [7, с. 408] – замест магчымага *kaśliwy*); *сляды* – *ścieżki*; *ем* – *spożywam*; *ясная* – *sloneczna*; *запальваецца* (сонца) – *wschodzi*.

Вельмі рэдка можна заўважыць сэнсавую неадпаведнасць перакладзенага тэксту арыгіналу. Так, у версэце "Мяжа" ёсць дзве такія неадпаведнасці: *siwek* замест *буланы* і *pełnia* ('поўня') замест *ветэх*. Яны не маюць выразнай матывацыі і істотна не ўплываюць на агульную вобразнасць і змест верша. Затое ў некаторых іншых творах неадпаведнасць перакладу больш заўважальна адбываецца на сэнсе радкоў і ўспрымання тэксту. Напрыклад, у версэце "На гэтай зямлі" слова *раздарожжа* было заменена на *drogowskaz* 'указальнік накірунку' [6, с. 169]: *Нібы раздарожжа, я паказваю ўсім, куды ісці... – Jak drogowskaz wszystkim wskazuje dokąd iść...* Відавочная прыземленасць вобраза і звужэнне яго семантыкі (указальнік – частка, элемент раздарожжа, аднак неабавязковы) змяняюць філасофскі падтэкст радкоў, змяняюць характарыстыку героя маналога (ён ужо не частка шляху, а бязмоўны знак) і нівеліруюць інтэртэкстуальнасць разанаўскай паэзіі, што выражаецца ў дадзеным выпадку ў намёку на адзін з яе канцэптаў – вобраз дарогі, шляху. Яшчэ ў адным версэце – "Тавару, услухоўваючыся ў самую гаворку..." – замена слова *думкі* на *myślenie* таксама ўплывае на змену вобраза. Параўнаем: *Думаю, удумваючыся ў самі думкі: што ў іх?! – Myślę wmyślając się w samo myślenie: co w nim?! Хутчэй за ўсё перакладчык імкнуўся да захавання мастацкай таўталогіі як адметнага прыёму разанаўскага пісьма, аднак відавочна, што мысленне і думка суадносяцца, па сутнасці, як працэс і вынік, а таму адрозніваюцца зместам. Разам з тым варта заўважыць, што ў перакладзеных Я. Чыквіным вершах ёсць і прыклады адступлення ад аўтарскай таўталогіі, што, аднак, на наш погляд, не шкодзіць паэтычнасці, эмацыйнай танальнасці радка і не парушае яго агульнай вобразнасці: ...*Усё заняла сабою гэтая восень, / усё заняло сабою гэтае чараванне, / усё заняло сабою гэтае хараство, / усё заняў сабой гэты дзень. – ...Wszystkim zawiadnęła ta jesień, / wszystko jest nią oczarowane, / wszystkim zawiadnęło jej piękno, / nad wszystkim zapanał ten dzień* ("У старой хаце").*

Найбольшую трансфармацыю вобразнасці з усіх прааналізаваных тэкстаў зведаў пераклад версэта "Бязмежжа" – мініяцюры, што па структуры з'яўляецца адметнай сінтаксічнай канструкцыяй – перыядам. Гэты верш-сказ, якім пачынаецца зборнік А. Разанава "Вастрывы стралы", мае ёмісты сэнс, адметны рытм і багаты падтэкст. Амаль кожнае слова набывае ў гэтым тэксце выразную сэнсава-функцыянальную значнасць,

таму змены ці замены слоў у перакладзе асабліва прыкметныя. Параўнаем арыгінал і пераклад: *Палову жыцця падаюся ў свет, палову – варочаюся са свету, / палову жыцця пішу на дарозе свае імёны, / палову – закрэсліваю напісанае, / палову жыцця расту ад зямлі, палову – расту з зямлёю: / і ўсё менш ува мне мяне, і ўсё больш бязмежжа. – Pył życia wędruje w świat, pył życia – powracam z niego, / pył życia piszę na drodze swoje imiona, / pył życia – ścieram, co napisałem, pył życia pnę się z ziemi ku niebu, pył życia – wrastam w ziemię: / i coraz mniej we mnie siebie samego, i coraz więcej bezmiaru.* Перакладчык замяняе асобныя словы і выразы, што ў выніку выразна ўплывае на чытацкае ўспрыманне і разуменне тэксту. Напрыклад, выраз *закрэсліваю напісанае* перакладаецца словазлучэннем *ścieram, co napisałem*, і гэта, на наш погляд, істотна змяняе семантыку кантэксту: сема незваротнасці, канчатковасці, заяўленая дзеясловам *ścieram* ‘сціраю’ трансфармуе і ідэю бязмежжа, бо чалавек не можа вярнуцца да сцёртага, а да закрэсленага – можа. Гэтаксама відавочнае несупадзенне сэнсу наступных выказаў у арыгінале і перакладзе: *расту ад зямлі – пnę się z ziemi ku niebu; расту з зямлёю – wrastam w ziemię*. Думаецца, прыведзеныя радкі перакладу “прызямляюць” думку паэта, пазбаўляюць чытача адчування гарманічнага суіснавання вобраза лірычнага героя з зямлёю. Звычайна ж пераклад Я. Чыквіным разанаўскіх вершаў прыемна ўражвае дакладнасцю, вобразнай, сэнсавай і настраёвай адпаведнасцю, захаваннем паэтыкі аўтарскага паэтычнага радка.

Паэзія Алеся Разанава – свет багатай і невычарпальнай змястоўнасці, адметнай вобразнасці і філасофскай заглыбленасці. На наш погляд, падрыхтаваны і выдадзены Янам Чыквіным зборнік “*Podarunek matki chrzestnej*” трапна адлюстравалі і перадалі гэты свет, даўшы магчымасць польскім чытачам далучыцца да багатай творчасці знакамітага беларускага паэта.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Малажай, Г. М. Лінгвістычны аналіз тэксту : вучэб. дапам. / Г. М. Малажай. – 2-е выд., дапрац. і дапоўн. – Мінск : Выш. шк., 1992. – 367 с.
2. Razanau, A. Podarunek matki chrzestnej / A. Razanau ; pod red. J. Czykwina i J. Leończuka ; przekł. J. Czykwina. – Białystok, 1997. – 59 s.
3. Калеснік, У. А. Усё чалавечае : літ. партрэты, арт., нарысы / У. Калеснік. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 381 с.
4. Разанаў, А. Вастрыё стралы : версэты, паэтыч. мініяцюры / А. Разанаў. – Мінск : Маст. літ., 1988. – 159 с.
5. Чалавечае вымярэнне ў сучаснай беларускай літаратуры / М. А. Тычына [і інш.] ; навук. рэд. М. А. Тычына ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – 459 с.
6. Гессен, Д. Большой польско-русский словарь : в 2 т. / Д. Гессен, Р. Стыпула. – 3-е изд., испр. и доп. – Т. 1 : А – О. – М. : Рус. яз. – Варшава : Ведза Повшехна, 1988. – 656 с.
7. Гессен, Д. Большой польско-русский словарь : в 2 т. / Д. Гессен, Р. Стыпула. – 3-е изд., испр. и доп. – Т. 2 : Р – Ź. – М. : Рус. яз. – Варшава : Ведза Повшехна, 1988. – 796 с.

СЕКЦИЯ 2

ДИНАМИКА И ТИПОЛОГИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В РАЗВИТИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

Е. А. Акуленко, В. В. Леонтьева (г. Минск, Республика Беларусь)

БЕЛАРУСЬ В МИРЕ ПЕРИФРАЗ: ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ ГОВОРЯЩИХ И РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА

В центре нашего исследования – языковые знаки перифрастической природы, представляющие денотат *Беларусь* посредством профилирования тех или иных сем (компонентов смысла) в ходе языкового конструирования образа страны – объекта номинации.

В нашем понимании перифраза – это функциональная единица, замена в речевой ситуации прямой номинации, в том числе имен собственных, описательным выражением, в котором указаны существенные денотативные признаки не названного напрямую предмета (а также признаки классификационные, характеристической природы, указывающие на родовую принадлежность и т. д.). Мы трактуем подобное косвенное указание на известное явление (зачастую без использования прямой номинации) как косвенную номинацию. Подобные косвенные номинации могут быть общеупотребительными, понятными всем носителям языка, и индивидуально-авторскими, подчас ситуативными, которые оживают лишь в определенном контексте.

В ходе исследования, для того чтобы выявить корпус перифрастических номинаций денотата *Беларусь*, используемых говорящими в речевой практике сегодня, нами было проведено анкетирование и целенаправленный опрос более 300 информантов в возрасте от 17 до 72 лет. Так как перифрастическая сфера невероятно динамична и ожидаемо представляет собой гибкую и открытую систему, интересно проследить, влияет ли возраст информантов / поколение говорящих на выбор и вероятность использования той или иной перифрастической единицы (ПЕ). Отдельно нами зафиксированы ответы респондентов в возрасте до 25 лет (студенческая аудитория) и респондентов старше указанного возраста.

Источниками материала послужили также русскоязычные сайты Беларуси: официальный сайт Республики Беларусь BELARUS.by, сайт «Беларусь. Факты» (belarusfacts.by), сайт TUT.BY, интернет-портал БРСМ «Молодежь Беларуси» (brsm.by), сайт агентства новостей *Telegraf.by*, сайт белорусского телеграфного агентства БЕЛТА, сайт новостей naviny.by, сайты

газет, развлекательный сайт Relax.by, туристические сайты и порталы, региональные сайты (публикации охватывают период с 2008 г. по 2017 г).

Из текстов электронных СМИ нами отобрано 75 ПЕ, представляющих денотат *Беларусь*. В ходе опроса информантов всего было выявлено 54 перифрастические номинации, причем 50 из них получены от старшего поколения говорящих и 30 – от младшего поколения говорящих. В ходе сопоставительного анализа полученных фактических данных предположение о динамичности и изменчивости перифрастической сферы подтверждается. В целом в языковом сознании старшего поколения говорящих заданный корпус перифрастических единиц представлен более обширно (50 ПЕ против 30 ПЕ), причем 20 ПЕ отмечено исключительно в ответах информантов, принадлежащих к старшему поколению, 4 ПЕ – говорящих молодого возраста. Отметим, что треть корпуса перифраз, зафиксированных в текстах современных электронных СМИ, никак не представлена в ответах информантов, которые они давали самостоятельно. Однако в ходе моделирования коммуникативных ситуаций с использованием данных номинаций перифрастической природы они успешно распознавались носителями языка.

Стабильное ядро корпуса перифраз указанной денотативной отнесенности составляют ПЕ *зямля пад белымі крыламі / земля под белыми крыльями / страна под белыми крылами* (русско-белорусский симбиоз отмечен в языковом сознании молодого поколения), *синеокая / синеокая страна / голубоглазая / зямля з блакітнымі вачыма / страна с голубыми глазами, Белая Русь, лёгкие Европы, край голубых озёр / страна озёр / страна тысячи озёр /, край рек и озёр / страна рек и озёр, страна лесов и озёр, страна картошки / страна картофеля / страна картохи* и т. д. Данные ПЕ стабильно называются представителями и молодого, и зрелого поколения говорящих.

В языковом сознании говорящих зрелого и старшего поколения присутствуют номинации из исторического прошлого страны или сконструированные с учетом культурно-исторических ассоциаций. Так, носители языка упоминают *Северо-Западный край* (когда-то так именовалась часть Западного края Российской империи, в которую входили 6 губерний Белорусского генерал-губернаторства, с центром в Вильне); говорящие используют такие ПЕ, как *Европейская Россия, младший брат, сестра России, соседка России*, актуализирующие недавнее историческое прошлое; ПЕ *партизанская республика, республика-партизанка*, которые мгновенно включают историческую память языкового социума (события времен Великой Отечественной войны); ПЕ *последняя диктатура Европы, колыбель стабильности*, фиксирующие современные реалии политико-экономической жизни

страны; ПЕ, в ходе использования которых оказывается задействованным культурный «бэкграунд» говорящих: *страна первопечатника Франциска Скорины, страна Симона Будного, страна Симеона Полоцкого* и др.

Среди ПЕ, которые активно упоминались респондентами молодого возраста, ощутимо преобладают перифразы, свидетельствующие об ориентации носителей языка скорее на Европу: *центр Европы / страна в центре Европы, сердце Европы / страна в сердце Европы, соседка Польши, соседка Литвы* и др.

Интересно упомянуть отмеченные информантами номинации *Альбарутения* (в переводе с латинского – *Белая Русь*), *Балторуссия / Балторусия* (так называют Беларусь в соседней Литве, откуда номинация попала и в речевую практику русскоговорящих в Беларуси), *Гудия* (старая номинация, скорее номинация региона (до начала XX века), сохранилась в разговорной речи в Литве и литовской литературе, откуда попала к нам), а также изначально немецкое *Вайсрусланд*, и шведское *Витрусланд*, означающие в переводе '*Белая Россия*' и употребляющиеся как знаки русскоговорящих в Беларуси. Подобные номинации не являются собственно перифрастическими единицами, однако они не лишены образности, насыщены разнообразными коннотациями и употребляются в речевой практике в целях экспликации экспрессии. Так же, как и ПЕ, они требуют от коммуникантов определенных знаний и усилий по декодированию в ходе распознавания их семантики. Схожи по характеру с ними отмеченные респондентами номинации *Белараша, Бульбондия / Бульбандия / Бульбландия, Бульбостан / Бульбастан* и *Бедарусь* (иронич.).

В текстах электронных СМИ активно используются перифразы как упоминаемые респондентами: *страна дружбы, страна национального согласия, страна драников, страна озер, страна замков, страна лесов, страна болот, страна тракторов, страна телевизоров*, так и не выявленные в ходе опроса: *страна транзита газа, одуванчиковый край, страна цветущих васильков, страна цмоков, страна Бульбаёстиков, (И согласитесь, интереснее звучит так: «Давайте поедем на выходных в Страну цмоков (драконов)», чем такой вариант: «А не съездить ли на недельку в Страну драников»* (туристический портал Holiday.by, 02.03.2012); *«Hyundai Solaris, Kia Rio или Volkswagen Polo седан? Рассмотрим еще одного серьезного конкурента, задуманного в стране сыров и вина, собранного в стране драников, озер и цветущих васильков – в Беларуси»* (новости на сайте АвтоМалиновка, 21.05.2016).

В текстах СМИ активно используются ПЕ с позитивными коннотациями, насыщение публицистического дискурса которыми вполне ожидаемо и, без сомнения, оправданно: *страна для жизни, страна друзей, страна согласия, страна мира, страна твоего будущего, страна моего*

будущего, страна больших возможностей, страна чудес и контрастов, страна для инноваций и инвестиций. Появляются «заинтересовывающие» ПЕ, призванные привлекать в страну поток туристов: *страна-незнакомка, страна-загадка, страна в форме зубра, страна библейских чудес, волшебная шкатулка, рай на Земле, край нетронутой природы / страна нетронутой природы, страна открытых людей; страна, куда зовет сердце; страна, наполненная любовью; край, облюбованный дриадами и др.* Есть ПЕ, представляющие собой мгновенный отклик на события современной экономической, политической и культурной жизни: *страна ледовых дворцов, страна тунейдцев / страна нетунейдцев / страна тунейдцев?, последняя диктатура Европы, страна для кратковременного отдыха* (речь идет о безвизовом въезде на 5 дней), *страна миллионеров?* (до деноминации). Интересно, что обнаруживаются они не только в текстах СМИ, но и в ответах информантов разных поколений (респондентами назывались *страна в форме зубра, страна ледовых дворцов, страна мира и согласия* и др.).

Отмечены в текстах СМИ и ПЕ с отрицательными коннотациями, однако факты их создания и использования единичны: *страна-банкрот* (информационное агентство REGNUM), *страна «с репрессированной экономикой»* (сайт «Товарищ.onlain», 27.01.2015), *страна премий за свободу и нашего невежества* (П. Демеш, сайт «Министерство Контркультуры», 02.06.2016), *страна-инфляция* («Белорусская деловая газета», 24.08.2016); *страна для рабов* (picabu.ru), *страна руин* (Д. Новицкий, Автопортал АВW.by, 28.01.2009).

Отмечены ПЕ индексальной природы, распознавание которых, как, впрочем, и понимание внутренней формы, напрямую зависит от ситуации, контекста, обстоятельств и времени употребления в ходе коммуникации: *страна хоккея, страна биатлона, страна спорта № 1, страна без спорта № 1, страна сильных духом* (материал сайта Белорусской федерации борьбы), *страна «Лістапада», страна детского Евровидения* и т. д.

В ходе анализа материалов СМИ, анкетирования и целенаправленного опроса информантов, а также интроспекции и целенаправленной рефлексии сформирован корпус перифрастических единиц, присутствующих в языковом сознании говорящих сегодня и реально употребляемых в современной речевой практике, описаны возможности использования данных составных номинаций в различных сферах современной русскоязычной коммуникации в РБ.

Н. В. Атаманова, К. И. Хулина (г. Брянск, Российская Федерация)

**СЕМАНТИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
ЭТНОГРАФИЗМОВ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ Н. В. ГОГОЛЯ
«ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»**

Изучая творчество великого русского писателя Н.В. Гоголя, стоит отметить его самобытную манеру письма и своеобразие авторского стиля, проявляющегося в гармоничном слиянии книжного и народно-бытового языка.

Действительно, отличительной чертой творчества Н.В. Гоголя является частотность употребления лексем, которые отражают в себе славянскую тематику: экзотизмы, этнографизмы, этнонимы. «Поэт математически верен действительности и часто рисует комические черты без всякой претензии смешить, но только покоряясь своему инстинкту, своему такту действительности» [2].

Исследовательский материал, выявленный нами методом сплошной выборки из произведений Н.В. Гоголя, входящих в сборник рассказов «Вечера на хуторе близ Диканьки» [1], и включающий в себя более 120 лексем-этнографизмов, позволил выделить следующие лексико-семантические группы, характеризующие реалии народного быта:

1) лексем, характеризующие вещественные принадлежности (элементы, детали одежды): *жупан, плахта, свитка, хустка, кунтуш, кораблик, очипок, черевики* и др.;

2) лексем со значением утвари (посуда, мебель, предметы домашнего обихода): *макитра, сулея, люлька, тавлинка, баклажка, клёпки, кухоль, погребец, лежанка* и др.;

3) лексем, обозначающие продукты питания, напитки: *варенуха, путря, галушки, лемшика, пампушка, сладёны, сыровец, сливянка, гречаник, паляница* и др.

Рассмотрим интересные с этимологической точки зрения случаи употребления народно-бытовых лексем на примере деталей одежды в творчестве Н.В. Гоголя. Стоит отметить, что выбор писателем этнографизмов обусловлен прежде всего стремлением к образности текста и определяется историзмом как ведущим принципом творчества писателей-реалистов.

«*На нем был синий казацкий жупан*» («Майская ночь, или утопленница», с. 84). *Жупан*, согласно М. Фасмеру, 'короткий теплый верхний кафтан', номинация известна восточнославянским говорам

и западнославянским языкам [3]; очевидно, не является исконным украинизмом, а заимствована.

«Она... сидела... в богатой **плахте**» («Сорочинская ярмарка», с. 18). *Пла́хта* – ‘мешок из грубого холста, власяница, головной платок с золотой ниткой, нижняя юбка’, укр. пла́хта ‘нижняя юбка, платок на голову, простыня, полотно’, сербохорв. пла́хта ‘простыня, скатерть’, словен. plāhta ‘одеяло’, plahȃta ‘грубый холст’, чеш. plachta ‘занавес, парус’, словц. plachta, plbcha, польск. płachta – то же, в.-луж., н.-луж. płachta из *plaxȃta, связанного с предыдущим, а также с польск. płaski ‘плоский’ и русск. плащ [3]. Судя по данным, приводимым М. Фасмером, лексема является украинизмом, так как в тексте реализует конкретное значение ‘нижняя юбка’.

Особой частотностью в рассказах Н.В. Гоголя отмечены лексемы, которые известны и другим восточнославянским языкам. Так, в контексте «*Одетый пощеголеватее прочих, в белой свитке*» («Сорочинская ярмарка», с. 19) этнографизм *свитка* употребляется в значении ‘род полукафтанья’, ‘верхняя длинная распашная одежда из домотканого сукна’ [1]. Свитка с давних времен известна как род одежды не только в крестьянской среде на Украине, но является частью традиционного костюма белорусов, встречается также и в России. В русских говорах для обозначения аналогичной одежды использовалась производная от слова *хамовник* номинация *хамунька* ‘старая, изношенная свитка’, новгор. (Даль) [3]. К другим интересным, с нашей точки зрения, примерам, относящимся к названиям одежды и ее деталей, отнесем номинацию головного убора *кораблик* и название *синдячки* ‘узкая лента’ [4].

Нередко встречаются в рассказах Н.В. Гоголя лексические единицы, характеризующие народную утварь, предметы домашнего обихода. Данная группа представлена как заимствованными лексемами, которые были освоены в народной речи украинцев, так и собственно украинизмами.

Например, в контексте «*Деревянная люлька в медной щегольской оправе*» («Сорочинская ярмарка», с. 26) *люлька* – ‘короткая курительная трубка’ – это слово, известное русским говорам, украинскому и польскому языкам, восходит, по М. Фасмеру, к тюркским языкам-источникам: тур., азерб. lüd ‘трубка, труба’ [3].

В другом примере «*Полез, говорит, в карман понюхать табаку и вместо тавлинки вытащил кусок чертовой свитки*» («Сорочинская ярмарка», с. 45) *тавлинка* – ‘берестяная табакерка’. В таком значении оно фиксируется в псковских и тверских говорах (Даль), также у Гоголя. М. Фасмер считает, что это восточнославянское слово, хотя не исключает итальянского источника (из ит. tavolino ‘дощечка’) [3]. В контексте «*Под яткою у жидовки, усеянною многочисленною флотилией сулей...*» («Сорочинская ярмарка», с. 26) лексема *суля*, употребленная в значении

‘фляга для вина или масла, с широким горлом’, является исконным украинизмом *сулія* [3].

Что же касается лексико-семантической группы, составленной на основе именовании продуктов питания, то здесь мы наблюдаем исключительно украинизмы-этнографизмы.

Так, например, в контексте «*Пили ли вы когда-либо... варенуху с изюмом и сливами*» («Предисловие», с. 12) лексема *варенуха* имеет значение ‘пьяный напиток из наvara водки и меду на ягодах и пряностях; взварец, душепарка’ и трактуется как «малороссийское» [4]. В употреблении «*Гость упрятывает галушки, как корова сено*» («Майская ночь, или утопленница», с. 93) *галушки* – ‘украинское кушанье: кусочки теста, сваренные в супе или молоке’. В составе рассматриваемой лексико-семантической группы отмечено большое количество слов, которые не нашли своего отражения в словарях. Очевидно, это этнографизмы, известные во времена Н.В. Гоголя, поэтому в целях их дефинирования мы обращаемся к подстрочным сноскам в сборнике повестей Н.В. Гоголя [1]. Согласно им, в контексте «*Выпил кухоль сировицу*» («Заколдованное место», с. 286) слово *сировец* имеет значение ‘хлебный квас’; в контексте «*Заседатель, чтоб ему не довелось обтирать губ после панской сливянки*» («Сорочинская ярмарка, с. 24) *сливянка* – ‘водка, настоянная в бочке спелых слив’.

Анализ семантико-этимологических особенностей лексических единиц в рассказах Н. В. Гоголя, позволяет заметить, что автор преднамеренно использует редкую лексику, свойственную народной речи, обязательно определяет для читателя ее значение, тем самым стремясь сохранить для потомков речевые богатства, накопленные украинским народом.

Список использованной литературы

1. Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки : повести / Н. В. Гоголь. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 320 с.
2. Белинский, В. Г. Русская литература в 1841 г. [Электронный ресурс] / В. Г. Белинский. – Режим доступа : <http://az.lib.ru/>. – Дата доступа : 10.11.2017.
3. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://vasmer.lexicography.online>. – Дата доступа : 9.11.2017.
4. Словарь забытых и труднодоступных слов XVIII–XIX вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://how-to-all.com>. – Дата доступа : 10.11.2017.

Н. В. Атаманова, А. В. Самодурова (г. Брянск, Российская Федерация)

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ УКРАИНИЗМОВ В ЯЗЫКЕ ПОВЕСТИ
Н. В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»**

Н. В. Гоголь – самобытный писатель, в его творчестве нашли отражение национальные разностилевые элементы, приметы книжной, разговорной, народно-бытовой лексики. В. Г. Белинский говорил о Н. В. Гоголе так: «Отличительный характер повестей г. Гоголя составляют простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния. Причина всех этих качеств заключается в одном источнике: г. Гоголь – поэт, поэт жизни действительной» [3].

Показательна в этом смысле повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» [1]. Исследовательский материал, извлечённый методом сплошной выборки из текста повести, включает около 50 единиц украинской лексики, репрезентирующих реалии народного быта, и позволяет выделить следующие лексико-семантические группы:

1) лексем, характеризующие одежду (её виды и детали, ткань): *кунтуш, очкур, шемизетка, габа, киндяк, оксамит* и др.;

2) лексем, обозначающие утварь (посуда, мебель, предметы домашнего обихода): *гаман, зеркало, клейтух, корчик, кухоль, мазниці, черенок* и др.;

3) лексем со значением «продукты питания, напитки»: *бараньи катки, кулиш, пундики, саламата* и др.;

4) лексем, характеризующие должности лиц: *броварники, генеральный, бунчужный, комиссары, консул, левентарь, ликтор, охочекомонные, рейстровые козаки* и др.

Под украинизмами мы понимаем лексические единицы украинского языка, используемые в русском литературном или разговорном языке и характеризующие быт, культуру, обычаи украинского народа, «экзотизмы, помогающие создать украинский колорит повествования» [4].

Творчество Н. В. Гоголя является, на наш взгляд, ярким примером внедрения украинизмов в русскую речь. Рассмотрим интересные с этимологической точки зрения случаи употребления народно-бытовых лексем, называющих в повести «Тарас Бульба» предметы одежды.

Слово *кунтуш* выступает в значении 'верхнее старинное платье' в следующем контексте: «*Толпа голодных рыцарей подставляла наподхват свои шапки, и какой-нибудь высокий шляхтич, высунувшийся из толпы*

своею головою, в полинялом красном **кунтуше** с почерневшими золотыми шнурками ...» [1, с. 178]. В этимологическом словаре М. Фасмера читаем: «**Кунтуш**, кунтыш 'кафтан с откидными рукавами', зап., южн. (Даль), укр. контуш, кунтуш. Через польск. *kontusz, kintusz* – то же, из тур. *kontol* 'вид одежды'» [2]. Следовательно, лексема *кунтуш* является не исконным украинизмом, а заимствованием из турецкого языка через польский.

Лексема *очкур*, употребляющаяся в значении 'шнурок, которым затягивали шаровары', представлена писателем в следующем контексте: «Шаровары шириною в Черное море, с тысячьо складок и со сборами, перетянулись золотым **очкуром**; к **очкуру** прицеплены были длинные ремешки, с кистями и прочими побрякушками для трубки...» [1, с. 55]. В подстраничной сноске Н.В. Гоголем даётся дефиниция этого слова – *очкур* 'шнурок, на котором держатся штаны', к которой отсылает этимологический словарь М. Фасмера: «**Учку́р, учку́р** – 'ремешок, шнурок, поддерживающий штаны', диал. *очку́р* (Гоголь), укр. *очку́р*, блр. *учку́р*. Заимств. из крым.-тат., тур. *ıckır* – то же» [2]. Следовательно, в украинском языке лексема *очкур* является древним тюркским заимствованием.

Украинизм *шемизетка* употребляется в значении 'накидка' и реализуется автором в следующем примере: «Повесила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную **шемизетку** с фестонами, вышитыми золотом» [1, с. 62]. **Шемизётка** 'вставка у женской кофты', 'манишка', из франц. *chemisette* 'манишка, кофточка' [2], следовательно, заимствована из французского языка.

Особой частотностью обладают у Н. В. Гоголя лексические единицы, характеризующие народную утварь, предметы домашнего обихода. Так, слово *гаман* в значении 'кошелек, бумажник' используется в контексте: «Вот тебе две тысячи сейчас, – Бульба высыпал из кожаного **гамана** две тысячи червонных, – а остальные – как ворочусь» [1, с. 164]. **Гаман**, по Н.В. Гоголю, 'кожаный денежный кошель', а также 'сумка для писем' [1], укр. *гаман*, *гаманець* [2], является украинизмом.

Лексема *зерцало* в значении 'два скрепленных между собой щита, которыми в старину воины предохраняли спину и грудь' употребляется писателем в следующем контексте: «И наплечники в золоте, и нарукавники в золоте, и **зерцало** в золоте, и шапка в золоте, и по поясу золото, и везде золото, и все золото» [1, с. 121]. Этимологическая справка лексемы *зерцало* 'зеркало' свидетельствует о том, что это книжно-славянское слово (ст.-слав. *зръцало*), получившее новое значение в результате метонимического переноса. Сам доспех имел османское происхождение, был известен в Речи Посполитой. Это свидетельствует о заимствованном характере украинизма.

Лексему *кухоль* Н. В. Гоголь употребляет в значении 'глиняная кружка' в следующем контексте: «Да вот еще один наказ: если кто-нибудь,

шинкарь, жид, продаст козаку хоть один кухоль сивухи, то я прибую ему на самый лоб свиное ухо, собаке, и повешу ногами вверх!» [1, с. 119]. Этимологическая справка М. Фасмера информирует, что слово *кухоль* заимствовано в украинский язык через польск. *kufel* из нем. *Kuffel*, *Kьfel* [2].

В лексико-семантической группе, представленной наименованиями продуктов питания, выступают слова различного этимологического характера. Например, лексема *кулиш* – ‘жидкая пшенная каша с салом’ – употребляется в контексте: *«Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег, раскладывали огонь и ставили на него котел, в котором варили себе кулиш; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе»* [1, с. 65]. Однако изначально лексема *кулиш* была представлена как *куле́ш* ‘жидкая каша из пшена, гороховая похлебка с солью’. Это слово известно в иных славянских языках (болгарском, польском), но восходит, очевидно, к венгерскому *küles* ‘просо’ [2].

Украинизм *пундики* – ‘сладости’ – в примере *«Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундикова»* [1, с. 46] не нашел своего отражения в словарях и дефинируется нами согласно индивидуально-авторскому комментарию к произведению «Тарас Бульба» [1].

Слово *саламата* – ‘мучная похлебка (преимущественно из гречневой муки)’ употребляется в контексте *«У него были на руках деньги, платья, весь харч, саламата, каша и даже топливо...»* [1, с. 72]. Ссылаясь на В.И. Даля, М. Фасмер отмечает, что слово *саламата* ‘болтушка, жидкая каша’ известно великорусским говорам, белорусскому языку, но точный источник названной лексемы в его словаре не установлен [2].

В лексико-семантической группе, включающей наименования должностей лиц, наблюдаем устаревшие лексемы, известные украинскому языку, но украинизмами не являющиеся. Лексема *комиссар* ‘польский сборщик податей’ используется в контексте *«Когда комиссары не уважили в чем старшин и стояли пред ними в шапках, когда поглумились над православием и не почтили предковского закона»* [1, с. 52]. Она вошла в русский язык с XVII века, отмечена в переводе с австрийского «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, т. е. заимствована через немецкий язык (*Kommissar*), в свою очередь воспринявший ее из лат. *commissarius* ‘уполномоченный’ [2]. В польском языке это тоже слово латинского происхождения.

В тексте Н. В. Гоголя отмечены также слова из бурсацкого жаргона *консул* и *ликтор*. Бурсой в Российской империи XVII века называли специальное общежитие при Киевско-братском училище. Там учились сыновья Тараса Бульбы.

Слово *консул* имело значение ‘старший из бурсаков, избираемый для наблюдения за поведением своих товарищей’ в примере *«Консул,*

долженствовавший, по обязанности своей, наблюдать над подведомственными ему сотоварищами» [1, с. 58]. Лексема не является исконным украинизмом, это принадлежность жаргона бурсы, в котором слово *консул* ‘первое правительственное лицо в торговом городе иной державы’, заимствованное либо из польского языка, либо из латинского, использовалось переносно [2]. Аналогично лексема *ликтор* – «помощник консула» в контексте *«Ректор и профессоры-монахи не жалели лоз и плетей, и часто ликторы по их приказанию пороли своих консулов»* [1, с. 59] употреблена в переносном значении, заимствована из латинского *licitor* ‘ликтор’.

Таким образом, анализ лексико-семантических и этимологических особенностей лексем-украинизмов, употребленных Н. В. Гоголем в тексте повести «Тарас Бульба», позволяет сделать вывод о том, что автор использует разнообразные слова из народной речи, которые, как правило, не являются исконными украинизмами, а имеют иноязычное происхождение, заимствованы из польского, русского, тюркских языков. Это не случайно, так как начиная с XIV по XVII век украинская народность развивалась под контролем Векого княжества Литовского, Речи Посполитой, Венгрии и Российской империи, что сказалось на лексическом составе повести Н.В. Гоголя и на украинском языке в целом.

Список использованной литературы

1. Гоголь, Н. В. Тарас Бульба : повести / Н. В. Гоголь. – Спб. : Азбука-Аттикус, 2017. – 320 с.
2. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://vasmer.lexicography.online>. – Дата доступа : 15.11.2017.
3. Критика о творчестве Гоголя, отзывы современников [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.literaturus.ru/2016/08/kritika-tvorchestvo-gogolja-tzyvyu-sovremennikov.html>. – Дата доступа : 10.11.2017.
4. Панькин, В. М. Украинизмы // Языковые контакты [Электронный ресурс] : крат. слов. / В. М. Панькин, А. В. Филлипов. – Фланта, 2011. – Режим доступа : voluntary.ru/dictionary/982/word/ukrainizmu. – Дата доступа : 20.11.2017.

О. Н. Волкова (г. Сумы, Украина)

АРХАИЧНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ФОРМЫ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Сохранение существовавших ранее, а затем омертвевших лексем и их форм наиболее характерно устойчивым оборотам речи, так как они отличаются стабильностью состава и утратой значимости отдельных компонентов, поэтому во многих фразеологизмах русского языка наблюдается, без ущерба для общего смысла, сопряжение современных,

живых элементов с различными типами устаревших [1, с. 30]. Это могут быть как историзмы, так и все виды (лексические, семантические, фонетические, словообразовательные, грамматические) архаизмов: как *аршин проглотил, крошечная тьма, садовая голова, ни гласа ни воздыхания, ничтоже сумняшеся* и т. п. [2, с. 37–43].

В процессе развития русского языка архаизации подвергались не только семантика, фонетическая оформленность, грамматическая форма лексем, но и их морфемная структура. Некоторые аффиксальные элементы заменялись другими (*рыбарь – рыбак, вьялица – вьюга, долить – одолевать, ежеден – ежедневно, заневоль – поневоле*), постепенно один из синонимов выходил из активного употребления, сохраняясь в пассивном словаре, в частности в составе устойчивых оборотов, вследствие их консервации [3, с. 360]. Объектом данного исследования стали лексико-словообразовательные архаизмы-прилагательные или причастия в составе русских фразеологизмов.

Закономерно, что наиболее частотными являются прилагательные, в которых произошла архаизация суффиксальной морфемы, так как самым продуктивным способом образования прилагательных в русском языке является именно суффиксация. Так, общеславянскому имени прилагательному в составе фразеологизма *дурья голова* ‘тупой, бестолковый человек’ в современном русском языке в свободном употреблении соответствует форма *дурной* с суффиксом *-н-*, вместо *-j-* [8, с. 112; 9, с. 135].

Аналогично с современным прилагательным *зубной* (суффикс *-н-*) в устойчивом выражении библейского происхождения *скрежет зубовный* ‘негодование, ненависть, бешеная злоба’ коррелируется устаревшая форма *зубовный* (суффикс *-овн-*), которая используется только в данном словосочетании [8, с. 429].

Ряд архаизмов такого типа представляют собой причастия, включая адъективированные и субстантивированные, образованные посредством различных суффиксов от одного и того же глагола или от разных однокорневых глаголов. С течением времени в активном использовании осталась одна форма, вытеснив другую, некоторые формы которой удержалась лишь в некоторых идиоматических выражениях.

Так, только в составе фразеологизма *глас вопиющего в пустыне* ‘напрасный призыв к кому-либо, остающийся без ответа, без внимания’ содержится субстантивированное причастие *вопиющего*, а в свободном употреблении используется форма *вопящий*. Эти причастия различаются формообразующими суффиксами, так как были образованы от однокорневых глаголов разных спряжений (*вопить* – I спряжение, поэтому форма *вопящий*, а *вопить* – II спряжение, поэтому форма *вопящий*). Хотя эти глаголы, как и существительное *воплъ*, восходят к одной общеславянской

лексема *vorь ‘крик, плач’, еще встречающейся в русских диалектах, однако они имели незначительные семантические различия: *вопить* ‘кричать громко, протяжно, выть, плакать с завыванием, рыдать’, а *вопить* ‘громко взывать, умолять, кричать о себе’. Последний глагол классифицируется как «книжный, риторический, устаревший», характеризующийся фразеологически связанным значением в словосочетании *камни вопиют*, которое используется для выражения сильного возмущения [8, с. 107; 6, I, 241; 9, 91; 7, I, 362].

Подобную судьбу пережили в истории русского языка и причастия *имуций* и *имеющий*. Обе эти формы образованы от разных однокорневых и поэтому близких по значению древнеславянских глаголов *имати* и *имети*. Глагол *имати* в древнерусском языке обозначал активное действие ‘брать, хватать, ловить’ по сравнению с глаголом *имети*, который выражал только состояние ‘владеть чем-то, пользоваться чем-то, располагать чем-то’. Первый глагол *имати* был нетематическим и спрягался особо, а второй – относился к первому тематическому спряжению. Однако в силу их фонетической схожести и близости семантики они часто смешивались, что отмечается даже в словаре В. И. Даля. Эта недостаточная дифференцированность способствовала тому, что глагол *имати* был вытеснен в активном употреблении синонимичными глаголами *брать*, *хватать*, *ловить*. Хотя следует отметить, что в виде связанного корня этот глагол можно увидеть во многих современных лексемах (к примеру, *снимать*, *понимать*, *взимать*) и одну из форм в устойчивом словосочетании *мертвые сраму не имут*.

От этого глагола также сохранилась только одна форма субстантивировавшегося причастия в качестве компонента фразеологического выражения *власть имущие* ‘владеющие чем-то, состоятельные, богатые’, в то время как современный глагол *иметь* сохранил всю парадигму причастных форм [6, I, 42–43; 9, 175–176; 7, I, 1191, 1194].

Словарями современного русского языка в одном и том же значении ‘бдительный, наблюдательный’ фиксируются две формы адъективированных причастий от глагола *дремать* – *недреманный* и *недремлющий*. Первая – *недреманный* – характеризуется как книжная, устаревшая, известная только в двух выражениях, где она соседствует с другими архаизмами: *недреманный страж*, *недреманное око* ‘бдительный наблюдатель, надсмотрщик’, а вторая является только частью всей современной системы глагола *дремать* [4, 368; 6, II, 517; 7, II, 503].

В современном русском языке утратили свои родственные связи прилагательные *правдивый* и *праведный*, хотя этимологически они оба восходят к лексеме *правый* в одном из её значений ‘прямой, истинный, непорочный, невиновный’. От этого корня было образовано существительное *правда* (суффикс *-*ьd*-), которое в свою очередь послужило производящей основой как для прилагательного *правдивый* (суффикс *-ив-*), так и для

праведный (суффикс *-н-* и чередование *е//ь*, а после утраты редуцированных *е* // с нулем звука). Прилагательное *правдивый* характеризуется активностью в русском языке, сохраняя семантические и деривационные связи с существительным *правда*, в то время как прилагательное *праведный* подверглось архаизации, сфера его использования сузилась до религиозных по содержанию контекстов и некоторых устойчивых выражений: *праведный человек* ‘безгрешный’; *после трудов праведных, спать сном праведных* ‘крепко и безмятежно’. В «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова оно представлено отдельной от лексемы *правда* словарной статьей [4, 529; 6, III, 377–380; 7, III, 692; 5, I, 806].

В компонентном составе таких устойчивых словосочетаний, как *здравная чаша* ‘поднимаемая с пожеланием кому-нибудь здоровья’, *здравный тост*, *здравная песня* ‘провозглашаемый, исполняемый за чье-то здоровье’, *здравный молебен* ‘содержащий молитвы, просьбы о здоровье для кого-нибудь’ закрепились и тем самым получила фразеологически связанное значение форма прилагательного *здравный*, которая отличается от прилагательного в свободном употреблении *здравый*, *здоровый* как суффиксальной, так и префиксальной морфемами [4, 189; 6, I, 578; 7, I, 935; 5, I, 806].

Анализ данного лексического материала показывает, что вытеснению одной из синонимичных форм в пассивный словарь способствовала их стилистическая ограниченность и сужение сферы использования.

Список использованной литературы

1. Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков. – М. : Высш. шк., 1986. – 237 с.
2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Совет. энцикл., 1972. – 816 с.
3. Попов, Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов / Р. П. Попов. – М. : Высш. шк., 1976. – 200 с.
4. Русский язык : энцикл. / под ред. Ф. П. Филина. – М. : Совет. энцикл., 1979. – 432 с.
5. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. – М. : Рус. яз., 1985. – Т. 2.
6. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / сост. В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1978–1980. – Т. 4.
7. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Совет. энцикл., 1937–1939. – Т. 4.
8. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Рус. яз., 1978. – 543 с.
9. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская ; под ред. С. Г. Бархударова. – М. : Просвещение, 1975. – 542 с.

В. В. Денисюк (г. Умань, Украина)

**ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПРИСЯГИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ
XVI–XVIII ВЕКОВ)**

Странное, на первый взгляд, название таит в себе неугасающий интерес лингвистов к проблемам функционирования языка в диахронии. Обозначенные века было тем периодом, когда завершалось формирование национальных языков восточных славян. Но не стоит забывать, что основанием этих литературных языков был тот, который в киеворусский период синтезировал в себе местную речь и старославянскую письменность, начал расширение системы стилей и жанров, имел четкую дифференциацию для употребления той или иной единицы в том или ином дискурсе. Древние летописи с их пафосным описанием княжеских дел и становления церкви постепенно усложняли композицию. Таким образом, в тексты летописей просачивались и незаурядные события, для описания которых летописец уже мог использовать и элементы разговорной речи. Автор, постоянно работая с двумя языками, переключая код с одного на другой, становился посредником в адаптации и истолковании заимствований, популяризатором узкоспециальных сочетаний слов, которые впоследствии через выход за пределы специальной сферы могли получить метафорические сдвиги в семантике, тем самым полностью или частично фразеологизироваться. Примечательно, что почти вся жизнь восточных славян, как свидетельствуют древние источники, находила отражение и на фразеологическом уровне. Пальму первенства по праву удерживали устойчивые словесные комплексы для обозначения разных явлений, прежде всего общественно-политической и религиозной жизни. Иногда взаимодействие этих двух сфер становилось причиной как появления фразеологизма, так и выхода его на периферию.

В нашей статье рассмотрим динамику вербализации понятия ‘присяга’ на фразеологическом уровне. Как отмечает В. Ю. Франчук, «в дохристианский период обряд клятвы, имевшей религиозно-языческую форму, обозначался словом *рота*. ... Поскольку этот термин не противоречил основам христианской идеологии, то он сохраняет свою жизненность и после принятия христианства. С этим термином в древнерусской письменности связан ряд устойчивых глагольных фразеологизмов: *водити (вести, привести) ротѣ (к ротѣ, в роту)* – ‘приводить, привести к присяге’, *ходити (ити) ротѣ (в роту)*, *заходити ротѣ, вѣнити в роту, дати роту* и т. п. ‘приносить (принести) присягу’, ‘дать (давать) клятву, обязательство’» [1, с. 56]. Однако эти фразеологизмы

перешли в пассив, не выдержав конкуренции с новой единицей *целовати крест*, центром которой стало название одного из символов христианства – креста. Как свидетельствуют памятники письменности, словосочетание обозначало непосредственное целование креста в подтверждение клятвы. Но присягать приходилось в разных условиях, а это спровоцировало расщепление семантики одного действия на две – религиозную и светскую, бытовую, собственно присягу без целования креста или прикасания к какому-либо священному предмету. Переосмысление и выход за пределы религии сделали словосочетание общеупотребительным фразеологизмом.

Возродившееся после распада Руси летописание продолжало древние письменные традиции, все больше привлекая в свой арсенал средства живого языка. Не простая констатация событий, а критическое осмысление их по мере накопления, приход барокко с его антропоцентричностью послужили дополнительным толчком для микрореволюций в языке. Украинские, белорусские и российские летописцы были грамотными представителями своих народов, соответственно и языков, таким образом, через их языковое сознание мы имеем возможность воссоздать представление о присяге в XVI–XVIII веках.

Для обозначения понятия ‘присяга’ в восточнославянских языках функционировало слово *присяга*, которое аккумулировало в себе абстрагированную семантику конкретного действия. В украинских летописях для реализации этого понятия фиксируем единичные случаи использования именно-глагольного словосочетания, где информативно недостаточный глагол связан с существительным, конкретизирующим общую семантику, напр.: ... *и гетманъ Хмельницькій съ старшиною, прихавши до Переяслава на Богоявленіе Господне, позволилися быть подъ Его Царскимъ Величествомъ (а седмого дня Януарія на день Іоанна Крестителя) присягу чинили тамъ въ Успенскому войсковому собори* (ЛЛ, с. 15); *Того жъ года гетманъ съ полковниками въ Москвѣ присягу чинили на содержаніе устава воли монаршей, о чемъ и по всей Малороссіи присяга была жъ* (ЛЛ, с. 56). Невостребованность специального словосочетания для обозначения присяги компенсируется имплицитной семантикой в глагольно-именном сочетании *учинити мир* – какой мир без обещаний, что ты его не нарушишь: *Року 6605-г собравшиися кнзи рускіи в Любечю, учинили межси собою примире под присягою, жебы на половцовъ воевали, а не свою землю междособною воиною пустошили, лечь рыхло зламали тое примире* (Кройніка, 59–59 зв.).

Однако наблюдаем и последующие деривационные процессы в словосочетании *присягу чинити / дати* – реактивацию давней глагольной формы с новой семантикой, которая в украинском летописании становится

основной единицей реализации значения 'присяга': *Рок АФЧГ [1593]: тот же кнзь Василей под Пяткою козаков побил, и **присягли** ему козаки, же вѣчными часы з ним не валчят* (КЛ, с. 110); ... *тамъ отправуючи свята великодніе Воскресенія Христова, усе войско козацкое с полковниками ихъ скупили и казали онимъ **присягати**, же не мають здрадити полковниковъ своихъ и до Хмельницкого приставати* (ЛС, с. 8).

В белорусских летописях отмечаем гораздо большее разнообразие глагольно-именных сочетаний (*И так против Гедимина вышли напред митрополит, епископы, архимандриты зо всѣм духовенством з крестами, корогвами, а за ними панове, бояре и все посполство киевское вышли кланяючися и подаючися в ласку и в державу Гедиминови, там же ему и **присягу выполнили*** (ХЛЖ, с. 38); ... *там же ему сам напред и з сынами своими, а потым княжата и бояре **присягу отдали**, що все Кестут чинил з щирою милости и вѣрной упреимости* (ХЛЖ, с. 63); ...*будучи двома поражениями москва от татар и от литвы побѣждена, мусѣла примиря у великого князя Казимера просити, и **присягу** обадва мижи собою **учинили**, абы в покою сѣдѣли, не воюючи еден на другого* (ХЛЖ, с. 86)) и только изредка – глагол *присягнути*: *Тые всѣ замки знову побудовал Радивил, а русь, христиане, которые были по оном несчастливом спустошеню Батиевом zostали, принял их ласкаве в свою оборону, а они ему на послушенство **присягли*** (ХЛЖ, с. 19). О древнем периоде свидетельствует трансформированный фразеологизм *крестное целование*, который с глаголом реализует семантику 'изменить присяге': *Рекоста: «Мы никоего зла сотвориша ему, а он с нами у докончании буда и **преступилъ крестное целование** и докончание, нашу землю воюеть и кровь христианскую проливаетъ»* (СлЛ, с. 71).

Полной противоположностью украинско-белорусскому летописанию в этом аспекте есть российское. В исследуемых нами летописях не зафиксировано ни единого употребления устойчивого сочетания с лексемой *присяга* или глагола *присягати*. Вместо этого имеем разные грамматические варианты давнего фразеологизма *целовати крест*: *Тогда же Данил митрополит взял братию великого князя князя Юрья и князя Андрея Ивановичев в переднюю избу и **приведе их к крестному целованью** на том, что им служити великому князю Ивану Васильевичи, всеа Руси и его матери великой княгине Елене, а жити им на своих уделех, а стояти им в правде, на чем **целовали крест** великому князю Василью Ивановичю всеа Руси и крепости промежу ими с великим князем Васильем* (ПЛ, с. 24); *Они же реша: «**Целовали есмя крест** заедино и грамоты пописали, что судити тебе не дати»* (УЛ, с. 79); *И **целоваши крест** заедино вси, и благослови их владыка* (УЛ, с. 80); ...*за его государьское величество **приводил к вере и крестному целованию** дворян, и детей*

боярских, и посацких людей, и архиепископских детей боярских (ВЛ, с. 182). Глагольный компонент может нести и основную смысловую нагрузку, свидетельствуя о позитивной или негативной коннотации: *А наводил их король Жидимонт, преступив крестное целованье и докончанье* (ПЛ, с. 11). Отмечаем также случай внутренней конденсации, когда прилагательное-определение становится факультативным: *И устюжаня против его щита не держали, и князь Дмитриеи Шемяка город Устюг засел, а земли не воивал, а людеи добрых привел к целованию* (УЛ, с. 88–89).

Таким образом, в исследуемых летописях понятие ‘присяга’ передают устойчивые глагольно-именные сочетания. Если для украинских и белорусских летописцев основным средством передачи этого понятия являются единицы деривационного ряда *присяг-*, то в российских летописях ту же семантику продолжают реализовывать варианты древнего фразеологизма *целовати крест*.

Источники

ВЛ – Вологодская летопись // Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1982. – Т. XXXVII: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. – С. 160–193.

КЛ – Київський літопис першої чверті XVII ст. // Україн. істор. журн. – 1989. – № 5. – С. 103–114.

Кройніка – Софонович, Ф. Хроніка з літописців стародавніх / Ф. Софонович. – Київ : Наук. думка, 1992. – 336 с.

ЛЛ – Краткое лѣтоизобразительное знаменитыхъ и памяти достойныхъ дѣйствъ и случаевъ описаніе, что въ какомъ годѣ въ Украинѣ малороссійской дѣялось, наипаче, кто именно когда былъ козацкимъ гетманомъ, и о протчихъ приключеніяхъ отъ Россіи, кратко (1506–1783) // Южнорусские летописи, открытые и изданные Н. Белозерским. – Київ, 1856. – Т. 1. – С. 51–106.

ЛС – Лѣтопись Самовидца по новооткрытымъ спискамъ съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ: Хмельницкой, «Краткого Описанія Малороссіи» и «Собранія Историческаго». – Київ, 1878. – С. 1–207.

ПЛ – Постниковский летописец // Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1978. – Т. XXXIV. – С. 8–30.

СлЛ – Слуцкая летопись // Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1975. – Т. XXXV : Летописи белорусско-литовские. – С. 68–84.

УЛ – Устюжская летопись // Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1982. – Т. XXXVII : Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. – С. 56–103.

ХЛЖ – Хроника Литовская и Жмойтская // Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1975. – Т. XXXII. – С. 15–127.

Список использованной литературы

1. Франчук, В. Ю. Следы языческого мировоззрения во фразеологическом составе памятников древнерусской письменности / В. Ю. Франчук // Славянская фразеология в синхронии и диахронии : сб. науч. ст. – Вып. 2. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – С. 55–58.

Т. А. Кісель, Н. Р. Якубук (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

НАМІНАЦЫІ ПІЖМЫ ЗВЫЧАЙНАЙ У ГАВОРКАХ БРЭСТЧЫНЫ

Шматгадовая травяністая расліна – *піжма звычайная* (лац. *Tanacetum vulgare L.*) – шырока распаўсюджана на тэрыторыі нашай краіны і знаёмая многім беларусам. Расце на палях, у хмызняках, каля дарог і жылля. Форма лісця і характар суквеццяў расліны нагадваюць сабой гронкі рабіны: яркажоўтыя кветкі сабраны ў шарападобныя кошыкі. Таму і называюць яе ў некаторых мясцовасцях (напрыклад, на Віцебшчыне) *дзікаю рабінай*. Ёсць звесткі, што ў даўніну піжмай абкладвалі свежае мяса, каб яно не псавалася. А вяскоўцы выкарыстоўваюць яе як лепшы сродак ад дробных насякомых-шкоднікаў: молі, камароў, блох і інш.

Добра знаёмая *піжма звычайная* і жыхарам Брэсцкай вобласці. Аднак называюць яе берасцейцы па-рознаму. У артыкуле разглядаюцца намінацыі дадзенай расліны, іх варыянты і прыклады ўжывання, што зафіксаваны ў лексікаграфічных даведніках і сабраны аўтарамі асабіста падчас апытання прадстаўнікоў рэгіёна, прыведзены этымалагічныя даведкі пра дыялектныя адпаведнікі *піжмы звычайнай*.

Старабеларуская лексема *пужмо* ‘мускус’ (XVI стагоддзе) была запазычана са старапольскага *piżmo*, якое, як і старажытначэшскае *piřmo*, запазычана з старажытнаверхненямецкага *bisam (o)* ‘мускус’, а яно – з сярэднялацінскага *bisatum*, якое – праз грэцкае пасрэдніцтва з яўрэйскага *bāšām*, што – з асірыйскага *bes(a)mō* ‘прыемны пах’ [6, т. 9, с. 123]. Перанос дадзенай назвы на *Tanacetum vulgare L.* звязаны з тым, што лісты гэтай расліны замянялі карыцу і мускатны арэх [2, с. 105].

У гаворках Брэстчыны зафіксаваны наступныя фанетычныя варыянты дадзенага наймення: **пі́жма** ж.: *Піжму коро́вам даюць пы́ті* (МА, Міхалін Брэсц.), *Піжма коло амбара росла* (МА, М. Радванічы Брэсц.), *Піжма возле дарогі ростэ* (МА, Ліпна Кам.), *Піжма от глістыў помагае* (МА, Лапацін Пін.), (МА, Камень Кобр., Пелішча Кам., Сярэдняе Пруж.), (ЛАБНГ, Хатынічы Ганц.); **пі́зьма** ж.: *Пізьма, даюць дзеця́м ад рабакоў, яна моч мае ад рабакоў* (СГПЗБ, Альхоўцы Лях.); **пы́жма** ж.: *Семена пы́жмы от глістоў собирають* (МА, Прылукі Брэсц.), *Пы́жма дрыбні́нка така* (МА, Рылавічы Іван.), *Пы́жма помогае от глыстыв* (МА, Доўбізна Кам.), (МА, Закросніца Кобр.), (СЗПГ, Агова Іван.), (ЛАБНГ, Аніскавічы Кобр.).

У народнай медыцыне піжма звычайная выкарыстоўваецца як дзейсны сродак супраць глістоў [6, т. 6, с. 7]. Гэта стала асновай узнікнення наступных дыялектных адпаведнікаў: **глі́снік** м.: *Глі́снік з жоўтымі балабушкамі* (ТС, Луткі Стол.), (МА, Жабін Пруж.), (ЛАБНГ,

Сінкевічы Лун., Луткі Стол.); **гліснык** м.: *Гліснык от глістоў помогае* (МА, Рэчыца Палявая Жаб.), *Квіткі глісныка маюць жовты цвіт* (МА, Лагішын Пін.); **глістнік** м. (ЛАБНГ, Струга Стол.); **глэснык** м. (ЛАБНГ, Радастава Драг.); **ліснік** м.: *Ліснік высокі, кветкі жоўтыя, пляскаць гарошынкi, сабраныя ў кошычкі. Расце на сметніках* (ДСК, Бялавічы Івац.), (ЛАБНГ, Хвалава Пруж., Сялец Бяроз., Козікі Івац., Горталь Івац.); **лыснык** м. (ЛАБНГ, Сіманавічы Драг.); **лэснік** м.: *Лэснік даюць дзітом с хлібом і цукром, коб вэйшлэ лэстэ 'аскарыды'* (ЖНС, Сычы Драг.); **лэснык** м. (МА, Віры Драг.).

Як адзначае В. Коласава, “піжма выкарыстоўвалася ў Славеніі для лячэння бронхіту, прычым важнымі былі не толькі яе лекавыя якасці, але і этымалагічная магія: класці яе патрэбна было вакол шыі ці грудзей” [1]. Гэтым тлумачыцца ўзнікненне такіх намінацый, як: **заворот** м.: *Заворот даюць, як жыву́т большь* (НЛ, Спорава Бяроз.); **кóворот** м. (ЛАБНГ, Сіманавічы Драг.); **кóворотнык** м. (ЛАБНГ, Камянюкі Кам.); **коловорі(ю)тнык** м. (ЛАБНГ, Дружылавічы Іван.); **ко́ловорот** м.: *Коловорот от глістоў помагае* (МА, Туляцічы Іван.). Аднак зафіксаваныя прыклады не ўказваюць на прымяненне расліны пры бронхіце ці падобных захворваннях. Таму магчыма і іншая аснова ўтварэння дадзеных адпаведнікаў. Напрыклад, Д. Міхайлава лічыць, што матывацыяй утварэння падобных лексем, якія суадносяцца з прасл. *vārtiti, *vārtja ‘вяртаць’, з’яўляецца уласцівасць расліны выклікаць аборт у жанчын [3, с. 108].

Белавата-шэры, серабрысты налёт на лісці расліны стаў прыкметай, пакладзенай у аснову ўтварэння назвы **сырыбрістык** м. (ЛАБНГ, Пяркі Кобр.) [1].

Запазычаная лексема *цытвар* (польскае *cytwar* запазычана з сярэдневерхняемецкага *zitwer*, якое – з італьянскага *zettovario* – з персідскага *zidwer* і арабскага *hadwer* [4, т. 4, с. 307]) перанесена на піжму звычайную з лекавых відаў палыну (лац. *Artemisia abrotanum*), які мае падобны пах, горкі смак і выкарыстоўваецца ў народнай медыцыне пры падобных захворваннях [1]: **цытвар** м. (ЛАБНГ, Ласіцк Пін., Спорава Бяроз.); **цэтварнык** м. (ЛАБНГ, Ласіцк Пін.); **цытвóр** м. (ЛАБНГ, Бастынь Лун.).

Такім чынам, зафіксаваныя адпаведнікі *піжмы звычайнай* і прыведзены ілюстрацыйны матэрыял сведчаць, што сёння гэтая лекавая расліна знаёмая жыхарам Брэстчыны, актыўна выкарыстоўваецца ў народнай медыцыне і бытавой сферы.

Скарачэнні крыніц фактычнага матэрыялу

ДСК – Зайка, А. Дылектны слоўнік Косаўшчыны / А. Зайка. – Слонім : Слонім. друк., 2011. – 272 с.

ЖНС – Жывое наша слова : дыялектал. зб. / рэд. Л. П. Кунцэвіч, І. Я. Яшкін. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – 352 с.

ЛАБНГ – Лексічны атлас беларускіх народных гаворак : у 5 т. / АН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : Фонд фонд. даследаванняў РБ, 1993–1998. – Т.1 : Раслінны і жывёльны свет / Г. У. Арашонкава [і інш.] ; рэд. М. В. Бірыла, Ю. Ф. Мацкевіч. – 1993. – 160 с., 368 карт.

МА – матэрыялы, сабраныя аўтарам у час спецыяльных выездаў, у выніку апытання прадстаўнікоў гаворак.

НЛ – Народная лексіка / рэд. А. А. Крывіцкі, Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977. – 288 с.

СГПЗБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979–1986. – Т. 3. – 536 с.

СЗПГ – Аркушин, Г. Л. Словник західнополіських говірок : у 2 т. / Г. Л. Аркушин. – Луцьк : Вежа, 2000. – Т. 2. – 458 с.

ТС – Тураўскі слоўнік : у 5 т. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; рэд. А. А. Крывіцкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – Т. 1. – 255 с.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Колосова, В. Этноботанические заметки. VI. Пижма [Электронный ресурс] / В. Колосова. – Режим доступа: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/015/15_kolosova.pdf. – Дата доступа: 30.01.2017.

2. Меркулова, В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Грибы. Ягоды) / В. А. Меркулова. – М. : Наука, 1967. – 260 с.

3. Михайлова, Д. А. Диалектни названія на растението Tanacetum (обротиче, обръника, оборчлива билка, вратица, вратика, вратлика, свъртика) / Д. А. Михайлова // Български език. – 1993–1994. – Кн. 2. – С. 107–108.

4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. : пер. с нем. / М. Фасмер. – 4-е изд., стер. – М. : Астрель, АСТ, 2003. – Т. 4. – 863 с.

5. Піжма // Энцыклапедыя прыроды Беларусі : у 5 т. / гал. рэд. І. П. Шамякін. – Мінск : БелСЭ, 1983–1986. – Т. 4. – С. 189–190.

6. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Мінск : Навука і тэхніка : Беларус. навука, 1978–2013. – Т. 6. – 287 с.; Т. 9. – 367 с.

**Е. Ю. Козлова, Е. А. Бурдина, О. С. Тарико (г. Брянск,
Российская Федерация)**

ДИАЛЕКТНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВНЕШНОСТИ И ХАРАКТЕРА ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ БРЯНСКИХ ОБЛАСТНЫХ ГОВОРОВ)

Фразеологические единицы являются одним из наиболее выразительных стилистических средств языка. Поэтому они широко используются как в речи литературной, так и территориально ограниченной. Настоящая работа посвящена анализу фразеологизмов в диалектах, в частности в брянских областных говорах, с целью выявить рамки характеристики внешнего облика и внутренних качеств человека.

Фразеологизмы – это устойчивые по составу словосочетания (предложения), цельные по своему значению, обладающие эмоциональной (эмотивной), экспрессивно-синонимической функцией. Представляет интерес использование фразеологических единиц в диалектной речи, а именно в брянских областных говорах западной группы южновеликорусского наречия, так как в диалектной фразеологии особенно ярко проявляется национально-культурная семантика, отражающая картину мира русского народа, специфику его языка.

Брянская область не случайно с самого раннего периода становления диалектологии как науки привлекает внимание историков, краеведов и лингвистов, поскольку она расположена на стыке трёх восточнославянских территорий (Россия, Украина и Беларусь) и может быть важным источником для изучения истории взаимоотношений восточных славян. Как административная единица область была создана 5 июля 1944 года. До этого времени её территория распределялась между соседними областями: Смоленской (Западной), Орловской, Черниговской и Гомельской. Это во многом определило неоднородность говоров брянского края и специфику диалектной фразеологии.

Значительный процент фразеологизмов составляют устойчивые единицы, дающие характеристику человеку. Именно поэтому их исследование и является целью нашей работы. Материалы для анализа были взяты из «Брянского областного словаря», созданного коллективом авторов под редакцией Н. И. Курганской, кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка БрянГУ имени академика И. Г. Петровского. Сбор диалектного материала для «Брянского областного словаря» – это продолжение той работы, которая проводилась кафедрой русского языка в 50–60-е годы XX века в западных районах области совместно с Ленинградским государственным педагогическим институтом (ныне Российским государственным педагогическим университетом) имени А. И. Герцена.

Выборка показала, что фразеологизмы брянских областных говоров целесообразно структурировать по семантике. На лексико-семантическом уровне языка мы находим следующие оппозитивные признаки:

1) использование устойчивых выражений, указывающих на внешний облик человека и имеющих эмоционально-экспрессивную окраску: *Доской не перешибить*. Экспр. О физически сильном, крепком человеке: *Крепкий такой мужык, такога доской ни пиришыбёш*. Горд.; *Прибор, м. Наряд. Держать в приборе*. Держать в порядке: *Валаса нада прибирать, диржать в приборе*. Клим.; *Жидкий в коленках*. Слабый, тщедушный. *Куды ты лезиш? Ты ще жыдкий у каленках, а лезиш, куды усе*. Поч.;

2) использование устойчивых сочетаний, указывающих на особенности характера и внутренние качества человека. Говоря о характере, обычно подразумевают свойства личности, которые накладывают определенный отпечаток на все её проявления и выражают специфическое отношение к миру и другим людям: *Долбня, ж. перен.* Глупый человек. *Ён жа даубня даубнѣй, ничога не сабражаить.* Жир.; *Докучливая басня.* О надоедливом, навязчивом человеке. *Во привязауся, дакучливая басня.* Н-з; *Грех в потолок не бѣт.* Об отсутствии чувства стыда, неловкости, смущения от сознания неблагоприятности своего поступка, поведения. *А што мне? Грех у патылку ня бѣть!* Тр. *А чаго стыдицца? Стыд ня брыд, да и грех у патылак ня бѣть.* С-д.; *Обнаглеть в корень.* Сверх меры. *Деука мая абнаглела в коринь: у школу ни ходить, никога ня слухаить, даже батьки дяргить, на вуме адни гульни.* Горд.

Черты характера – это те существенные свойства человека, из которых с определенной логикой и внутренней последовательностью вытекает линия его поведения, заложенная в детстве: *Варнацкая твоя душа!* Бран. О ребёнке, который много шалит; доставляет большие хлопоты. *Ну што мне с табою делать, варнацкая твоя душа, апать стякло разбиу у суседай!* Клим.; *Загнибеда,* м. и ж. Избалованный ребёнок. *Етый загнибеда што хочить, то и делаить.* Мгл.; *Лодырь от комля.* Ленивый от рождения. *Сын у яе лянивый такий, лодырь ат камля, ничога ей ни памагаить.* Злынк. (*Комель, комля, муж. (обл.) – 1. Нижняя, основная, прилегающая к корню часть (растения, волоса, рога). 2. Толстый конец дерева [2].*). Произошла метафоризация слова *комель* на основе переноса по сходству характерных свойств.

Характер включает те свойства и установки личности, которые определяют, как человек относится к себе, как действует в различных условиях: *От земли.* О человеке, который любит трудиться на земле. *У яго род кристьянский, у яго ужо ета у крави, ён ат зямли чалавек, на земле работая, трудицца.* Горд.; *Коники выкидывать.* Делать что-нибудь ненужное, неуместное; проказничать. *Вечна ён коники выкидываить, кагда уже абразумицца.* Н-з.; *Пранцев (тебе, вам, им).* Выражение отказа при какой-то просьбе. *Праунцау табе, а ня мѣду.* С-д. (*Пранцы, муж., мн., южн., зап., – золотушная сыпь, парши, шелуди [1].*) Тип переноса лексического значения с отрицательной коннотацией – метафора.

Фразеологические единицы могут указывать и на отношение человека к собственности, к материальному достатку: *Пойти в примак.* Пойти зятем в дом жены. *Пайшоў у примак из сваёй хаты к жонки жыть, во и жыветь у примаках.* Клетн.; *Горькую редьку грызть.* Жить в тяжёлых условиях. *Тяжыло жывѣм, гаворать: тяшка жыть – ета*

ретьку горькаю грысть. К-г.; *На дурницу жить.* Бесплатно, даром, на чужой счёт. Привык на дурницу жыть, а работать ни хоча. Н-з.

Многие фразеологизмы имеют вполне прозрачную внутреннюю форму, в их семантике нетрудно уловить связь со значениями слов-компонентов или понять истоки образа: *Поесть все жданики.* Очень долго ждать. *Усе жданики паела, да яго и ни даждалася.* Жир.; *Пахнуть землёй.* Умирать. *А пра хворых у нас так гаворять: он уже пахнуть землёй, скоро памреть, значить, умираить.* Тр.; *Потеряться умом.* Сойти с ума, стать психически ненормальным; помешаться. *Хтось яго спугау у децтви, во ён и пациряуся умом.* Тр.; *Разяпить варежку.* Ирон. Прийти в изумление, в недоумение; удивиться. *Што варишку разяпиу, давай атсель, ничога антиреснага нима.* К-г.

Но мотивация некоторых фразеологизмов более сложная, поскольку нелегко выявить, как их значения соотносятся с семантикой компонентов. Анализ компонентного состава фразеологических единиц позволил нам объединить их в две группы:

1. Фразеологизмы, в которых хотя бы один из компонентов – диалектное слово. Так, например: *Гульма гулять.* Праздно проводить время. *Целый Божый день гульма гуляют, а к вячери заявюцца.* Н-з; *Кайсы бить.* Бездельничать. *Ён няпутёвый у их, любить кайсы бить, а ня батьки памагать.* Клим.; *Монуса кусок.* Бран. О глупом человеке. *Иди ты. Монуса кусок.* Пог. Благодаря синтаксическому параллелизму, мы проводим аналогию с устойчивыми словосочетаниями современного русского языка: *бить баклуши, дурака кусок.*

2. Фразеологизмы, которые состоят из слов литературного языка, но имеют специфическое значение, так как в диалектной речи претерпели семантические или структурные изменения: *Бить грача сгоряча.* Делать что-либо не раздумывая. *Бей грача згаряча, што тута думать.* Жир.; *Иди, кот, в болота.* Ругают так. *Ничистыи, лукавыи там жывуть, иди, кот, у болота.* Сев.

Итак, анализ диалектной фразеологии свидетельствует о том, что связь языка с историей и культурой, с аспектами человеческой деятельности проявляется при исследовании тех языковых средств, которые отражают внешний и внутренний облик человека, благодаря чему раскрывается фрагмент языковой картины мира брянского народа.

Список использованной литературы

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]/ В.И. Даль. – 1863–1866. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p/>. – Дата доступа : 15.10.2017.

2. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. – 1935–1940. – Режим доступа : <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid>. – Дата доступа : 05.10.2017.

С. А. Королевич (г. Брест, Республика Беларусь)

ПАТРОНИМЫ В ЛЕТОПИСНОМ ДИСКУРСЕ: СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Патроним – именование по отцу или по предкам из отцовской линии. В исторической ономастике патронимы могли быть представлены в рамках складывающихся антропонимических формул различными вариантами отчеств и дедичеств. Интересным и во многих отношениях примечательным является их функционирование в летописном тексте, который характеризуется особой «погруженностью в жизнь». Памятники русского летописания «содержат значительный материал для изучения не только русского языка и литературы, но и русской общественной мысли и русской культуры в целом» [3, с. 515]. Этот материал тем ценнее, чем обширнее летопись, чем гуще она «населена», чем шире хронологические и пространственные рамки событий.

Несомненно внимания в этом смысле заслуживает текст Галицко-Волынской летописи (далее – ГВЛ) [2], в котором находит отражение почти целый век древнерусской истории. Этот текст, сохранившийся в составе Ипатьевской летописи XV века, создан в XIII веке, охватывает период с 1201 года по 1292 год и включает сведения по истории Южной Руси и пограничных земель. В структуре ГВЛ текстологи выявляют четыре свода, составленные разными авторами, но при этом подчеркивают, что окончательный текст памятника составлялся на основе разных источников одновременно и дополнен собственными рассказами и рассуждениями составителя. В любом случае, в ГВЛ отразились характеристики языковой картины мира XIII века, этикетные формулы, способы оценки людьми действительности, специфика их видения мира, особенности именования человека, начала складывания антропонимических формул, характерных для русской культуры, в частности использования патронимов.

Вообще, возникновение патронимов, в том числе отчеств, в русской культуре относят к середине X века. Исследователи считают, что как особая категория именования людей отчества появляются на Руси под прямым влиянием патронимической системы скандинавов – варяжских правителей, варяжской дружины [4, с. 324]. В Скандинавии отчество указывало – и до сих пор указывает – на связь с родом и было у любого свободного человека. И сейчас большинство шведских фамилий (*Свенсон, Карлсон,*

Йохансон, Андерсон и т. п.) имеет окончанием ‘-sson’, что в переводе означает ‘сын такого-то’.

На Руси семантическая составляющая ‘указание на связь с отцом’ начинает закрепляться в адъективных дериватах от антропонимов, очевидно, в период смены антропонимических систем, датируемой исследователями X–XI веком [1, с. 4–5]. Кстати, в тексте ГВЛ ещё функционируют отчества, восходящие к языческим именам: *Глѣбъ Потковичь*, *Пётр Туровичь*. Они выступают дополнительным средством номинации и идентификации лица.

Отметим, что русская система именования лица была подготовлена к восприятию патронимов на *-ич- /-ович- /-евич-*, потому что прилагательные такой структуры издавна могли аккумулировать сложные коннотации, связанные с глубокой родовой архаикой. Отголоски этих коннотаций сохраняет и текст ГВЛ, где регулярно фиксируются нарицательные образования аналогичной структуры от слов, обозначающих социальный статус отца, особенно если он передаётся по наследству. Это такие обозначения сына по титулу отца, как *королевичь* ‘сын короля’: *движе рать Андрѣй королевичь на Данила* (с. 278); *лонокрабовичь* (искажённое ‘сын ландграфа’): *...да дщерь свою за лонкрабовича за Лудовика* (с. 242). Из контекста летописи следует, что дериваты на *-ич-* могли также становиться обозначением или прозвищем для потомков лица, имеющего определенный род занятий. В ГВЛ, например, фиксируется обозначение: *Семень, дядьковичь князя Льва* (с. 418), т. е. сын дядьки (воспитателя); упоминается игравшая большую политическую роль в Галиче боярская семья, называемая именем собственным *Кормиличичи* (с. 238, с. 242) – потомки кормильца князя, по сути, тоже воспитателя (с. 570). Подобную структуру также изредка могли иметь характеристики человека по месту проживания: *Андрѣй Путивличь* (с. 366). Кроме того, в ГВЛ зафиксирован интересный пример формально сходной с отчеством номинации *Соломоничи*, которая обозначает крестоносцев-тамплиеров из рыцарского ордена, имеющего отношение к храму Соломона (*temple* ‘часовня’, ‘храм’): *Данилови рекъшу: «Не лѣно есть держати наше отчины крижесвиком Тепличемь, рекомь Соломоничемь»* (с. 288).

Среди номинаций на *-ич / -ович / -евич* в ГВЛ сохраняются обозначения, способные не только называть представителей определённой семьи, но и реализовать древнее значение ‘сторонники лица’. Это антропонимы *Молибоговичи* и *Арбузовичи*, называющие представителей галичских боярских семей, стоящих в оппозиции к княжеской власти, а также горожан, поддерживающих их. Сравним: *Даниль же поидѣ ... Плѣсьнску, и пришедъ взя ѿ подѣ Арбузовичи* (с. 282) – *Арбузовичи* – галичские бояре, которые держали укрепленный город Плеснеск (с. 584);

Василко ... Ивана же посла сѣдѣлничего своего по неверных Молибоговичихъ... и изимано бысть их 28 (с. 276) – здесь речь идёт о сторонниках «неверных» Молибоговичей. Аналогично функционирует номинация *Лестичь* (от Лестько).

Очевидно, в отношении к речевым обычаям Руси XIII века правильным будет говорить о синкретичности древней семантики номинаций на *-ич-* /*-ович-* / *-евич-*, которые могли указывать на связь именуемого лица с другим лицом, местом, объектом. Патронимами следует считать исключительно антропонимы, которые являются производными от собственных имён предков по отцовской линии.

Исторически патронимы могли быть простыми (одна антрополексема) и сложными (две, три антрополексемы включая идентификаторы родственных связей). В ГВЛ широко употребительны простые патронимы, идентичные современным отчествам и представляющие собой дериваты от имени отца. Они используются для номинации участников событий, связанных с историей Галицкого княжества: *убьень же бысть Юрьги Витановичь, Илия Щепановичь, инии велиции бояре* (с. 242); *посла по нихъ [ляхов] Даниль Гаврила Душиловича* (с. 250) и др. Однако образование, употребление в тексте и функционирование отчеств в древнерусском дискурсе специфично.

Во-первых, в ГВЛ патронимы могут быть производными от гипокористических имён: *Иван Михалковичь* (от *Михаил*); *Юрьи Яневичь* (от *Иван*); *Лука Иванковичь* (от *Иван*); *Давыд Вышатичь* (от *Вышеслав*). Кроме того, производящие основы имён могут быть искаженными, характерными для разговорной речи: *Остафии Котянтиновичь* (*Константинович*); *Одовичь* (*Оттонович*) *Володиславъ*. Во-вторых, патронимы-отчества не имеют стабильного положения в антропонимической формуле. Постпозиция, характерная для современного отчества, в ГВЛ преобладает: *Мьстиславъ Романовичь, Михалко Глѣбовичь* и мн. др. Однако патронимы могут располагаться в препозиции: *Витович Володиславъ* (с. 252); *Станиславич Иванко, Домамерич Юрьгий* (с. 258), на дистанции: *Изяславъ с ними Володимеричь* (с. 244), *Кондратъ* князь *Сомовитовичь* (с. 420), *сын боярский Михайлович именов Рах* (с. 380) и даже в изоляции от имени: *кюр (господин) Михайлович же утече ... до Суждаля* (с. 290).

Препозитивное и изолированное использование в ГВЛ отчеств заслуживает отдельного внимания. Патронимы на *-ович*, *-евич* часто используются в тексте ГВЛ изолированно от имени во множественном или двойственном числе, выступая как обобщенное обозначение потомков владетельного лица, обычно его сыновей, например, *Игоревичи* (мн. ч.) – сыновья князя Игоря Северского, Владимир, Святослав, Ростислав, претендующие в 1202–1208 годах на власть в Галиче: *Съвѣтъ же*

створиша Игоревичи на бояре галичкыи, да изъбьютъ (с. 242); *Романовича* (дв. ч.) – сыновья Романа Галицкого Даниил и Василко: «*Не иматъ остатися градъ вашъ, аще ми не выдадите Романовичю* (с. 238) – речь идёт о малолетних сыновьях Романа как возможных претендентах на власть в Галицком княжестве. Такие обозначения в древнерусском языке XIII века, вероятно, были обычными средствами не только номинации, но и идентификации лица, так как составитель летописи аналогичным образом идентифицирует даже представителей других этносов: ... *Два князя половѣцкая Сутоевича Котянь и Сомогурь* ... (с. 238); *Бяшетъ бо у Болеслава сыновѣць 5 – Сомовитовича два: Кондрать же Болеславъ, а Казимиричи трие: Лестько, Земомысль, Володиславъ* (с. 374). В каждом из таких примеров патронимы, на наш взгляд, в определенной мере близки к современным фамилиям.

Яркой особенностью функционирования отчеств-патронимов в ГВЛ является их закрепление за социальной элитой. Носители отчеств – это прежде всего русские князья (*Мьстиславъ Глебовичь; Юрьи Лвовичь*). Вместе с тем отчества используются и в княжеском окружении как родовое наследие или как результат подражания, тем самым подчеркивая родовитость человека. В ГВЛ их носителями выступают приближенные князя – бояре (с. 278): *Боярин Давыд Вышатичь* (с. 278); *Ратиславъ Юрьевичь, Юрьи Яневичь* (с. 282); воеводы (*Петр Туровичь, Домамерич Юрьгий; Держикрай Володиславичь* (с. 250)); послы (*Воротиславъ Петрович, Юрьи Толигнѣвичь* (с. 268)).

Наличие отчества ассоциируется с элитарностью именуемого лица не случайно, поскольку, как сказано выше, регулярное выделение отчества начинало распространяться именно под влиянием скандинавской элиты [4, с. 324]. Для составителя ГВЛ антропонимическая формула «имя + отчество» по отношению к представителям социальной элиты была, очевидно, уже обычным, естественным явлением, так как для летописца не существует культурной несовместимости этой формулы с представителями иных этносов: *ятвяги Шутр Моньдушичь, Стегутъ Зѣбровичь* (с. 266); *Тудияминовичь Ковдижадь* (с. 354); *Юрьгий Кончакович* (с. 256); *Семьон Олюевич* (260) и мн. др. На наш взгляд, летописи в определенной мере способствовали закреплению в русской культуре традиции именованию по имени-отчеству. Стабилизации в отчествах социально и культурно обусловленных коннотативных смысловых компонентов ‘почтение’, ‘уважение’ способствовала и функция дифференциации тѣзок, которую отчество выполняло преимущественно в кругу носителей княжеских династических имён.

Сложные патронимы в ГВЛ содержат личное имя отца и его прозвище, или личное имя отца и дедичество, или имя отца, имя деда и его

прозвание. В таких патронимах отражались значимые в древней Руси родовые связи не только с дедом и отцом, но и с дядей, с братом. В ГВЛ отмечено описательное именование князей с традиционным использованием апеллятивов *сынъ, внукъ, братъ*: [Роман Брянский] *нача отдавати милую свою дочь, именемъ Олгу, за Володимера князя, сына Василкова, внука великаго Романа Галичкаго* (с. 360); *услыша Кондратъ князь Сомовитовичь, братъ Володимеровъ...* (с. 396). Однако такие формулы здесь редки, выступают только в геральдических ситуациях – описание свадьбы князя, кончины, погребения и т. д.: *преставися благовѣрный христоробивый великий князь Володимѣрь, сынъ Василковъ, внукъ Романовъ* (с. 406).

Наблюдения над функционированием патронимов в тексте ГВЛ позволяют констатировать, что летописный текст, несомненно, заслуживает внимания ономастов, так как не просто эксплицирует ономастический материал, но представляет его в динамике, в речевой деятельности. Как любое историческое явление, летописные патронимы обнаруживают в себе характеристики, впоследствии принявшие устойчивый характер (семантические смыслы ‘указание на род’, прагматические характеристики ‘почтительное именование’, постпозитивное положение в антропонимической формуле). Вместе с тем патронимам в ГВЛ свойственны и особые, неустойчивые черты, последующее развитие которых могло со временем привести как к их утрате (сложные патронимы), так и к их трансформации в новый вид антропонимов – фамилии.

Список использованной литературы

1. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Галицко-Волынская летопись // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М. : Худож. лит., 1981. – С. 236–425. (Указания на страницы текста даны в круглых скобках).
3. Ерофеева, И. В. Лингвокультурная парадигма летописного текста как отражение категорий средневекового мировоззрения / И. В. Ерофеева // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 2010. – № 4 (2). – С. 515–518.
4. Литвина, А. Ф. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму топонимики / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М. : Индрик, 2006. – 904 с.

Л. В. Леванцэвіч (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

ДЫЯЛЕКТНАЯ БЕЗЭКВІВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСІКА Ў СКЛАДЗЕ ЎСТОЙЛІВЫХ АДЗІНАК БРЭСТЧЫНЫ

Безэквівалентная лексіка выяўляецца пры супастаўленні розных літаратурных моў ці пры супастаўленні дыялектнай (рэгіянальнай)

і літаратурнай мовы. Вывучэнне такой лексікі дапамагае атрымаць веды пра культуру народа, калі мы вывучаем розныя мовы, або пра культуру і менталітэт насельнікаў рэгіёна, калі размова ідзе пра дыялектную (матчыну, родную) мову. Беларусы заўсёды беражліва ставіліся да роднага (матчынага) слова (мовы). Калі ж хто забываў сваю мову, грэбаваў ёю, тады казалі *На загуменне ад'ехалася, і ўжо роднага слова за грошы ў яе не купіш*. У сітуацыі, калі дыялектная (матчына) мова страчваецца, важна захаваць адметныя (безэквівалентныя) словы роднай мовы, бо такія адзінкі дапамагаюць патлумачыць сэнс некаторых устойлівых выразаў, этымалогію онімаў, якія ўспрымаюцца намі як нематываваныя. Прадметам нашага даследавання сталі безэквівалентныя словы ў складзе ўстойлівых адзінак Брэстчыны. Намі вылучаны наступныя структурна-тэматычныя групы такой лексікі.

1. У складзе прыказак ужываюцца так званыя экзатызмы і ўстарэлыя словы. Яны займаюць асобае месца сярод беларускай безэквівалентнай лексікі ў тым плане, што ў іншай мясцовасці сувязь “слова – прадмет” не ўзнікае з прычыны адсутнасці самога прадмета, названага ў дыялектнай мове. Гэта значыць, што некаторыя прадметы і з’явы рэчаіснасці характарызуюць бытавыя, сацыяльныя, культурныя, экалагічныя і іншыя ўмовы жыцця жыхароў пэўнага рэгіёна: *Гаспадарку весці – не **пасталы** плесці*. У прыказцы *пасталы* – ‘мяккі скураны абутак, які насілі даўней; лапці з лазы’ [1]; *Як судзінка поўна, то й гаспадынька моўна* ‘як поўная камора прыпасаў, тады і гаспадыня нечага вартая і да яе голасу прыслухоўваюцца’. Слова *судзінка* мае значэнне ‘бочка ці скрыня ў якую ссыпалі збожжа’ [1]; *Не ўмееш **баўкун** класці – не лезь на яго* ‘не бярыся не за сваю справу’. *Баўкун* – ‘адмысловы воз’ [1]. *Шавец боты робіць, а ў **апорках** ходзіць* ‘так кажуць пра таго, хто стараецца для іншых, а пра сябе не думае’. У прыказцы слова *апоркі* ўжываецца са значэннем ‘від абутку’ [1]; *Як пачну лопець, то за тыдзень локаць, за сорок дзён – **гіба** вон* ‘прыгаворка праллі’. Тут *гіба* – ‘мера асновы, палатна, даўжынёй на хатнюю сцяну’ [1].

2. Значэнне безэквівалентных слоў можа ўскладняцца элементамі ацэначнасці. Яна ўзнікае пры называнні такіх аб’ектаў рэчаіснасці, уласцівасці якіх уключаюцца ў сістэму каштоўнасных арыентацый людзей і выклікаюць стэрэатыпныя ацэнкі (адмоўная ці станоўчая ацэначнасць): *Бог не цяля, пазнае **круцяля*** ‘той, хто жыве ашуканствам і падманам, атрымае па заслугах’. *Круцель* – ‘злодзей, які займаецца дробнымі кражамі, ашуканец’; ‘пранырлівы, лоўкі, хітры чалавек’ [1]; *З гурту выбераш **курту*** ‘хто перабірае, той добрай жонкі не мае’. Лексема *курта* мае значэнне ‘нізкі ростам’; ‘кепскі, дрэнны’ [1]; *Сякі-такі **варнач** – ды ўсё лепш за плач; Сякі-такі **целяпей**, а ўсё з ім цяплей* ‘так супакойвае сябе жанчына. якую крыўдзіць няўдаліца-муж’. Адзінка *варнач* абазначае

‘нядбайны муж’; *целяпей* ‘пазбаўлены зграбнасці, лоўкасці ў руках’ [1]; *Уданы як запраданы*. Тут *уданы* – ‘той, на каго ўзвялі паклёп, абгавораны, абылганы’ [1]; *ёлопа ловыты* ‘быць няспрытным, неасцярожным, непаваротлівым, прапускаць зручны момант’. Тут *ёлуп* – ‘недастаткова развіты, абмежаваны ў здольнасцях разумець’ [2].

3. Часта пры наяўнасці агульных для дыялектнай і літаратурнай моў родавых паняццяў як безэквівалентнае слова выступае дыялектная відавая назва або дыялектная назва часткі ад цэлага: *Як някла хлеб маці, то быў закалец на палец, стала пячы я, то стала на два* ‘кажуць іранічна пра таго, хто смяецца з няўдачы іншых’. Слова *закалец* мае значэнне ‘сыры нявыпечаны хлеб пры ніжняй скарынцы’ [1]; *Грош да гроша – будзе какоша* ‘хто беражлівы, ашчадны, той багаты’. *Какоша* – ‘курыца-наседка’ [1]; *Да яго з ласкаю, а ён з ляскаю* ‘пра злоснага, сярдзітага чалавека’. Тут *ляска* – ‘дошчачка ў драбіне’ [1]; *Дзень гайды, навек бяды* ‘папярэджанне маладым сур’ёзна ставіцца да шлюбу, да свайго выбару; так пасмяюцца з таго, хто нядаўна ажаніўся’. У прыказцы слова *гайда* ўжываецца са значэннем ‘вяселле, шумнае, шматлюднае’ [1]; *З добрага куста смачная капуста* ‘з добрага паважанага роду – добрая дзяўчына, добры кавалер’. Дзе *куст* – ‘радня, род’ [1].

4. Яшчэ адна з прычын праяўлення лексічнай безэквівалентнасці – непадобнасць словаўтваральных сістэм: *Граза на лес не ідзе* ‘трэба часом і накрываць, прыгразіць чалавеку, каб ён адумаўся’. Тут *граза* – ‘пагроза’ [1]; *Дзе чорт не пасліў, туды бабу паслаў* ‘баба ў тры вузлы завяжацца, а свайго даб’ецца’ [1]; *Добра, калі ззамаладу косці грызеш, а на старасць – мяса* ‘лепей ззамаладу цяжэй жыць, а старасць каб была лёгкай, спакойнай, каб не хварэць’ [1]; *Збірай ззамаладу, то на старасць як знойдзеш (Хто ззамаладу працуе, той на старасці пануе, Чаму ззамаладу навучышся – на старасць як знойдзеш)* ‘старайся маладым дом пабудаваць, сад пасадзіць, сям’ю завесці, сяброў прыдбаць, да поту працаваць, то старасць будзе спакойная’ [1]; *Ён не заблагацее, а я не збяднею* ‘так скажа чалавек, калі здагадаецца, што яго ашукалі’ [1]; *Жменя да жмені – будзе поўна вярэня* ‘пра дбайнага, запаслівага гаспадара’. Адзінка *вярэня* мае значэнне ‘варыўня’ [1]; *Не будзь раяны, не будзеш лаяны* ‘не давай парад нікому, бо калі тое не спраўдзіцца, што раілася, то цябе аблаюць’ [1]; *Смерць без прыключкі не бывае* ‘без прычыны ніхто не памірае’. Дзе *прыключка* – ‘прычына’ [1]; *Як заскочана, так будзе і змалочана* ‘як рабіў, так і атрымаў’. Слова *заскочана* ўжываецца са значэннем ‘як скакаў, як працаваў’ [1].

5. З’ява безэквівалентнасці наглядаецца пры несупадзенні семантычнага зместу паняцця літаратурнай і дыялектнай моў: *Не будзь плохі, бо з’ядуць блохі* ‘часам у жыцці і адпор трэба даць’. Слова *плохі* мае значэнне ‘спакойны, рахманы, сарамлівы’ [1]; *Не памірае стары, а паравы* ‘памірае той, каму

прыйшла пара' [1]; *Не радзіся красным, а радзіся шчасным* 'прыгожы чалавек не заўсёды шчаслівы' [1]; *Радаваўся старац, што прыйшоў марац, а настаў май, ды панеслі ў гай* 'пра непрадказальнасць лёсу'. Тут *гай* – 'могілкі' [1].

6. Дыялектныя безэквівалентныя словы могуць канкрэтызаваць, удакладняць дзеянне, стан, від прадмета: *Адзін строчыцца, а ўсім хочацца* 'пра чалавека, які ўвяжацца ў непатрэбную справу ды іншых за сабой цягне'. Лексема *страчыцца* мае значэнне 'гізаваць: так кажуць пра карову, якая ўцякае ад гіза' [1]; *Блізка відаць – далёка сцібаць*. Дзе *сцібаць* – 'ісці, крочыць' [1]; *У кудасу добры гаспрадар сабаку з двара не выгане* 'кажуць таму, хто ў непагадзь збіраецца нешта рабіць'. Тут *кудаса* – 'моцная завая' [1]; *дольшкі затынаты* 'плакаць, скардзіцца, жаліцца' [2]; *протрынькаты дзень* 'нічога не зрабіць' [3].

7. Да безэквівалентнай лексікі адносяцца онімы, асабліва мянушкі і мікратапонімы, бо ў іх захоўваюцца адметнасці культуры, гісторыі, геаграфіі і ландшафту рэгіёна: *Як памёр Міранец, то ішоў увесь канец, а як памёр Радзючок, толькі поп ды дзячок* 'як памрэ багаты, то ўсе ідуць правесці ў апошнюю дарогу, спадзеючыся на багатую вярэру, а як бедны чалавек памрэ, то навошта да яго ісці'. Слова *канец* набывае значэнне 'вуліца' [1].

8. Да безэквівалентнай лексікі адносяцца і семантычныя дыялектызмы, пра значэнне большасці з якіх забыліся нават носьбіты гаворкі: *пярхы* злізлы 'хто-н. вельмі замучыўся, апынуўся ў надзвычай цяжкім, безвыходным становішчы' [2]; *аляр поднеты* 'раскрычацца' [2]; *буйду оплысты* 'выдумаць, схлусіць' [2]; *буксы даты* 'набіць, адлупцаваць каго-н.' [2]; *в плэмыты* 'невядома куды' [2]; *в спотыку кручону* 'невядома куды' [2]; *вэрапал зробіты* 'разбушавацца, раз'ятрыцца' [2]; *гармут устроіты* 'раскрычацца' [2]; *даты гагы* 'памерці' [2]; *даты коца* 'пакараць каго-н.' [2]; *даты охмылоста* 'набіць каго-н.' [2]; *з прывзамы* 'вельмі поўна' [2]; *рэп'ю браты* 'настойліва прыставаць, выпрошваючы што-н.' [2]; *як очмана* 'хутка, надакучліва' [2]; *одны пайшчыкі* 'хто-н. вельмі замучаны, худы' [2]; *быць у бывалцах* 'пабываць у складаных жыццёвых сітуацыях' [4]; *жмурэм пойты* 'пракіснуць' [4]; *законыліць губу* 'заганарыцца', 'пакрыўдзіцца' [4]; *зызуб стаць* 'заўпарціцца, заслухацца' [4].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Зайка, А. Прыказкі і прымаўкі, жарты і каламбуры, прыгаворкі і языкаломкі, вясельныя прыгаворкі пры дзяльбе каравая, вітанні і зычэнні, ветлівыя і ласкавыя выразы, засцярогі і прысяганні, праклёны і адкляці, жартоўныя праклёны і дражнілкі-кепікі, зневажанні і параўнанні, прыкметы народнага календара з Косаўшчыны / А. Зайка. – Мінск : Тэхналогія, 2015. – 286 с.

2. Касцючык, В. М. Сказана – звязана / В. М. Касцючык. – Брэст : БрДУ, 2013. – 71 с.

3. Клундук, С. С. Слова да слова – будзе мова : дыял. слоўн. в. Фядоры / С. С. Клундук. – Брэст : БрДУ, 2010. – 100 с.

4. Пашкевіч, М. І. Рубельскі лексіка-фразеалагічны слоўнік / М. І. Пашкевіч. – Брэст : БрДУ, 2008. – 100 с.

А. Л. Садоўская (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

ПАСАДНЫЯ ПЕСНІ БЕЛАРУСКАГА ВЯСЕЛЛЯ: ТЭКСТ І КАНТЭКСТ

Аб'ектам увагі ў прапанаваным дакладзе стаў комплекс вясельных песень беларускага народа, прымеркаваных да моманту, калі «маладыя сядзяць на пасадзе» [2, с. 512–530]. Актуальнасць прадстаўленай тэмы тлумачыцца спробай асэнсавання абазначаных тэкстаў у аспекце этналінгвістычнага прачытання з улікам шырокага кантэксту, што прадугледжвае як аналіз вербальнага акружэння выбраных тэкставых фрагментаў, так і кансітуацыі.

Цікавасць выклікаюць ужытыя ў тэкстах пасадных песень пэўныя варыянтныя моўныя формулы з відавочна алегарычным зместам, якія не былі раней прадметам спецыяльнага вывучэння, але патрабуюць, на нашу думку, дадатковай інтэрпрэтацыі. Так, у абазначаных вясельна-песенных тэкстах для характарыстыкі стану нявесты ўжываюцца такія арыгінальныя выразы, як *белая іней (вална, лунь, мігла) пала, бель напала, іней паў (ці мяцеліца), чорная смага пала* і пад. Прычым амаль усе яны дапаўняюцца аднатыпным словазлучэннем *да з макавага цвету*, напрыклад: *Усе дзевачкі, як кветачкі, а на маём дзіцяці / **Белая іней пала...** / Да з макавага цвету / Аж да самага веку* [2, с. 515, песня 1311]; *Што людскія дзевачкі, / Яны п'юць, гуляюць. / На маё дзіцятка / **Бела лунь пала...** / Да з макавага цвету / І не згіне ж давеку* [2, с. 516, песня 1313]; *Усе дзевачкі вясёлыя, / Маё дзіця невясёлае... / Ці на яе **мігла пала** / З макавага цвету ?.. / Засмуціла маё дзіця / Да самага веку* [2, с. 515–516, песня 1314]; *Усе дзевачкі ў вяночках, / А на маё дзіця **бель напала** / І з макавага цвету, / Майму дзіцяці давеку* [2, с. 517, песня 1316]; *Усе дзевачкі як дзевачкі, / А на маём дзіцяці / **Белая вална пала**, / Усю галоўку заслала...* [2, с. 515, песня 1311] і інш.

Перад тым, як сфармуляваць інтэрпрэтацыйныя гіпотэзы адносна семантычнага напаўнення вылучаных моўных формул, разгледзім некаторыя семантычныя паказчыкі кансітуацыі, асэнсаваўшы адпаведныя аналізаваным песням абрадавыя дзеянні, прагматыку эмоцый, сістэму стылістычнага паралелізму і пад.

Так, у мінулым пасад быў адным з цэнтральных момантаў беларускага традыцыйнага вяселля і ўтрымліваў некалькі самастойных абрадаў. Гэта і ўласна саджэнне на дзяжу або на лаву, пакрытую вывернутым кажухом, што павінна было паўплываць на пладавітасць маладой; расплятанне або заплятанне касы маладой і адзяванне на галаву вянка; падстрыганне або падпальванне валасоў маладога і маладой; пакрыванне галавы маладой.

Згодна з этнаграфічнымі звесткамі, у час расплятання касы нявеста горка плача: «Ужо апошні раз была заплечена яе каса, апошні раз не пакрыты валасы; заўтра доўгая намітка абаўе яе галаву і назаўсёды схавала лепшае яе дзявочае ўпрыгожанне!» [1, с. 99].

Такім чынам, абрад пасаду, які абавязкова ўключаў пэўныя дзеянні, маніпуляцыі з галавой (валасамі) нявесты – расплятанне касы, «прыпяканне» (падпальванне) валасоў і іх далейшае завіванне (вярчэнне) па-жаночаму з надзяваннем на галаву чапца і пакрыванне наміткай – уяўляе сабой своеасаблівую ініцыяцыю, пераход дзяўчыны ў жаночы стан (*Шчо мы і схачелі, / Тое і зрабілі: / З цеста паляніцу, / З дзеўкі маладзіцу*), што суправаджалася адпаведнымі эмоцыямі з боку маладой, яе бацькоў і вясельнікаў, падобнымі да рытуальнага плачу па нявесце, і яе развітанне з дзявоцкасцю, родным домам і сяброўкамі.

Менавіта гэты важны абрадавы сімвалізм пасаду і стаў, на нашу думку, асновай семантычнага нападунення і метафорыкі ўзятых для аналізу канструкцый з адносна пастаянным лексічным складам і граматычнай структурай *белая іней (вална, лунь, мігла) пала, бель напала, іней паў (ці мяцеліца)* і пад. *да з макавага цвету*, што і перадае сімваліку трансфармацыі, пераходу праз пакрыванне галавы нявесты, як правіла, белай наміткай.

Сімваліка трансфармацыі ўзмацняецца і вобразам макавага цвету. Хуткае расцвітанне і адцвітанне мака, кантраст паміж пяшчотнай, яркай, прыгожай кветкай і ссохлай, бясколернай каробачкай як нельга лепш перадаюць матыў хуткага пераўтварэння, пераходу, метамарфозаў, якія адбываюцца ў жыцці дзяўчыны падчас вяселля і непасрэдна пасаду як аднаго з яго цэнтральных абрадаў.

Відавочна, што аб'ектам вобразнага паралелізму пры апісанні нявесты ў час пасадных абрадаў становяцца белыя пялёсткі мака-самасею, якія падтрымліваюць асацыяцыю як з падвянечным галаўным уборам, так і з белым вясельным адзеннем нявесты ўвогуле (*Глянь, маці, на мой пасада: / Усе дзевачкі ў косах, / Мая ды галовачка свеціцца. / Яна – як макавачка / З беленькага цвету...* [2, с. 514, песня 1308]). Алюзію на белы падвянечны галаўны ўбор нявесты ўтрымліваюць у сабе і вобразы *белай іней, міглы (мігла – тое ж, што і імгла – пялёнка туману [10, с. 536]), луні (лунь – белы балотны туман [11, с. 62]), белай валны, белі (бель – тое ж, што і белле – тонкае хатняга вырабу кужэльнае палатно [8, с. 38]; белая сукенка, белае адзенне; белыя баваўняныя ніткі [7, с. 181]; белая шаўковая тканіна, белыя шаўковыя ніткі [3, с. 275]).*

Да таго ж, макаў цвет у славянскім фальклоры з'яўляецца досыць тыповым увасабленнем маладой дзяўчыны (напрыклад, *Дзявочы век як макаў цвет...*), а ў вясельных песнях, як і сама дзявочая каса, часта

выступае сімвалам дзявоцтва (напрыклад, *Сам жа ён сядзіць, як жар гарыць, / дзевачку вядзец, як мак цвіціць...* [6, с. 159 – 160]; *А ў гародзе не роза цвіціць – макоўка, / І зацвіцела нашай Верачкі галоўка...* [2, с. 520, песня 1323]). Акрамя таго, мак надзяляўся прадуквальнымі ўласцівасцямі, яго ўпляталі ў вянок нявесты [4, с. 289]. Зярняты ж самасейнага маку ў некаторых рэгіёнах Беларусі выкарыстоўваліся падчас вясельнага пасадку з мэтай абярэгу: адзетая ў мужчынскую шапку і кажух воўнай наверх пасцельніца, якою звычайна была хросная матка маладой, а часам сястра або братавая маладой, падыходзіла да дзяўчыны, намазвала ёй валасы маслам і сыпала на іх так званы вядун (самасейны мак), выконвала гэта, *каб ніхто не прыстаў, ніхто нічога не зрабіў* [1, с. 394]).

Асобнай увагі патрабуе моўная формула *чорная смага пала*, якая выступае варыянтам да прыведзеных вышэй канструкцый і таксама ўжываецца для апісання стану маладой падчас пасадку на вяселлі, але вылучаецца сваім адметным лексічным складам: *Усе дзевачкі харошанькі, / Усе дзеванькі прыгожы. / А на маё дзіцятка / Чорная смага пала* [2, с. 514, песня 1310]. У сучасных тлумачальных слоўніках беларускай мовы лексема *смага* тлумачыцца як ‘моцнае жаданне піць, прага’, а «Словарь белорусского наречия» І. І. Насовіча дадае яшчэ адно значэнне – ‘сухость губ или накипь на губах от жара, трудов или болезни’ [5, с. 593].

Аднак ёсць падставы меркаваць, што ў дадзеным кантэксце назоўнік *смага* ўжыты ў сваім пераносным значэнні ‘туга, горыч’, на што ўказвае як эпітэт *чорная*, ужыты пры ім, так і дзеяслоў «актыўнага» дзеяння *пала* і далейшы кантэкст: *Цяжкае ўздыханнейка, / Слязовае ўмываннейка* [2, с. 514, песня 1310]. Ужыванне назоўніка з падобным значэннем і ў падобным вербальным акружэнні знаходзім і ў рускіх народных гаворках даўнейшых часоў, і ў «Слове пра паход Ігаравы», напрыклад: *Смага – «ина стала черная, как смага; на губах смага; пала на тела смага; потом – горесть, печаль»* (М. Г. Халанский. Свед. и зам. о гов. рус. яз., с. 234; цыт. па [9]). Такім чынам, мяркуем, выраз *чорная смага пала* ў аналізаванай песні, перадаючы душэўны стан нявесты ў час яе пераходу ў новую, жаночую іпастась, абазначае горыч, тугу і, магчыма, звязаныя з гэтым фізічныя адчуванні перасыхання, засмягласці вуснаў, горла і да т. п., што цалкам адпавядае як апісанай вышэй прагматыцы эмоцый адпаведнага абрадавага этапа, так і пафасу лірыка-драматычных пасадных песень.

Такім чынам, у цэнтры ўвагі ўзятых намі для аналізу пасадных песень беларускага вяселля, збудаваных у форме ўнутранага маналога-разважання маці нявесты аб сваёй дачцэ, – матыў пераходу маладой з дзявочага ў жаночы стан, што суправаджаецца ўнутранымі (пачуццёва-эмацыянальнымі) і знешнімі (маніпуляцыі з валасамі і галаўным уборам) «метамарфозамі» дзяўчыны і рэакцыямі на «трансфармацыйны» рытуал яе

акружэння (бацькоў і блізкіх). У аснову народнай сімволікі такога пераходу пакладзены паралелізм, грунтам якога становіцца падабенства з’яў прыроды і жыцця чалавека, і своеасаблівая формульнасць (устойлівасць) сродкаў яго выражэння.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Вяселле: абрад / уклад., уступ. артыкул і камент. К. А. Цвіркi ; рэд. В. К. Бандарчык, А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978. – 640 с.
2. Вяселле: песні : у 6 кн. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980–1988. – Кн. 2 / склад. Л. А. Малаш ; рэд. М. Я. Грынблат, А. С. Фядосік. – 1981. – 831 с.
3. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / рэд. А. М. Булыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – 296 с.
4. Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – 607 с.
5. Носович, И. И. Словарь белорусского наречия / И. И. Носович. – СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1870. – 752 с.
6. Песні народных свят і абрадаў / уклад. і рэд. Н. С. Гілевіча. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1974. – 461 с.
7. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. / Акад. навук Беларус. ССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; уклад. Ю. Ф. Мацкевіч і інш. ; рэд. Ю. Ф. Мацкевіч і інш. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979–1986. – Т. 1. – 1979. – 512 с.
8. Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі : у 2 т. / пад рэд. Е. С. Мяцельскай. – Мінск : Унів., 1990. – Т. 1. – 287 с.
9. Смага // Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» : в 6 вып. / АН СССР, Ин-т рус. лит., Ин-т рус. яз. ; под ред. Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова ; сост. В. Л. Виноградова. – Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1965–1984. – Вып. 5. – 1968. – С. 175–180.
10. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск : Гал. рэд. Бел. сав. энцыкл., 1977–1982. – Т. 2. – 1978. – 765 с.
11. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск : Гал. рэд. Бел. сав. энцыкл., 1977–1982. – Т. 3. – 1979. – 672 с.

Я. Р. Самуйлік (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

ГАВОРКА ВЁСКИ МЕЛЬНИКИ МАЛАРЫЦКАГА РАЁНА

Мельнікі – вёска ў складзе Хаціслаўскага сельсавета, што размешчана за 8 км на паўднёвы ўсход ад раённага цэнтра горада Маларыты. Населены пункт узнік на землях, якія яшчэ ў XVI стагоддзі належалі да вёскі Хаціслаў. Паводле падання, тут, на рэчцы Кубанка стаяў вадзяны млын, побач з якім пасяліліся два гаспадары, уладальнікі млына. Паступова вакол рэчкі пачалі сяліцца іншыя людзі. Так узнікла паселішча. І сапраўды, у рэвізіі Берасцейскага староства 1566 года мы знаходзім звесткі, што “на рице Ритой Иванъ Баранъ” трымаў “млинь об одномъ

колесе”. Гэты млын, як вынікае з дакумента, размяшчаўся, верагодна, на паўночны ўсход ад Хаціслава ў накірунку сяла Ляхаўцы, дзе сёння існуе вёска Мельнікі. Не выклікае сумненняў, што паселішча было заснавана перасяленцамі з Хаціслава – цэнтра царкоўнага прыхода, які ў канцы XIX стагоддзя аб’ядноўваў гэтыя дзве вёскі. Акрамя таго, жыхары Мельнікаў хаваюць сваіх нябожчыкаў на агульных з хаціслаўцамі могілках, якія знаходзяцца непадалёк ад Хаціслава (звесткі з асабістага архіва А.А. Дацкевіча. Інтэрв’ю (аўдыязапіс) з М.І. Ківачук у ліпені 2017 г.). Але людзі жылі тут яшчэ з глыбокай старажытнасці. Пра гэта сведчаць археалагічныя знаходкі: каменныя сякеры ў наваколлі вёскі. Рэчка, якая называецца сёння Маларытай, падзяляе Мельнікі на дзве часткі. Усходняя (правабярэжная) палова вёскі вядома сярод мясцовых жыхароў пад назвай Ківакі (ад найбольш пашыранага прозвішча Ківачук), а заходняя (левабярэжная) – Тыхаты. Паводле даступных нам крыніц, Мельнікі прыгадваюцца з сярэдзіны XIX стагоддзя. У другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя паселішча знаходзіцца ў складзе Маларыцкай воласці Брэсцкага павета Гродзенскай губерні. Рэвізія 1853 года зафіксавала ў Мельніках 116 душ. У гэты час вёска ўваходзіла ў склад маёнтка Збураж памешчыка М.Р. Патулава. З 1860-х гадоў Мельнікі ў складзе аднайменнага маёнтка памешчыка Нефядовіча, дзе налічвалася 214 рэвізскіх душ. У 1905 годзе ў вёсцы было 648 жыхароў. Тут дзейнічалі наступныя промыслы: лоўля рыбы і ракаў, збор грыбоў і ягад, а таксама працаваў млын. У 1921–1939 гадах Мельнікі ў складзе Польшчы. У 1921 годзе ў вёсцы налічвалася 443 жыхары (усе праваслаўныя) і 88 двароў. У гэты час Мельнікі ўваходзілі ў склад Маларыцкай гміны Брэсцкага павета Палескага ваяводства. У 1931 годзе тут пражывала 737 чалавек, у 1939 годзе – 952 чалавекі. У 1939 годзе вёска далучана да БССР. З 12 кастрычніка 1940 года Мельнікі ў складзе Хаціслаўскага сельсавета Маларыцкага раёна Брэсцкай вобласці. У вёсцы працавалі пачатковая школа і крама. З чэрвеня 1941 года па ліпень 1944 года падчас Вялікай Айчыннай вайны Мельнікі былі акупаваны нямецка-фашысцкімі захопнікамі. На франтах загінулі і прапалі без вестак 29 вясцоўцаў. Непадалёку ад вёскі знаходзяцца 2 магілы партызан, якія загінулі ў 1943 годзе. Паводле перапісу насельніцтва 1959 года ў Мельніках пражывала 733 чалавекі, у 1970 годзе – 975 чалавек. У 1962–1965 гадах вёска ў складзе Брэсцкага раёна. У 1998 годзе ў Мельніках налічвалася 930 жыхароў і 306 гаспадарак, у канцы студзеня 2018 года – 727 жыхароў і 277 гаспадарак (апошнія статыстычныя даныя па гэтай вёсцы ўдакладнены ў супрацоўніцы Хаціслаўскага сельсавета Лідзіі Сямёнаўны Мірчук) [2, с. 29; 5, с. 80–81, 157–159, 188–189, 282; 6, с. 349; 7, с. 153; 11, с. 305–307, 327–328; 12, с. 18, 19, 30, 523].

Дыялектны матэрыял у вёсцы Мельнікі (мясц. назва: *Мёлныкы*; жыхары: *воўны́ з Мёлнык, чоўлоў'ік з Мёлнык, ба́ба з Мёлнык*) быў запісаны ў розныя перыяды: у ліпені–жніўні 2015 года студэнткай першага курса будаўнічага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта Лізаветай Уладзіміраўнай Ківачук ад мясцовай жыхаркі Марыі Рыгораўны Ківачук, 1927 года нараджэння; у ліпені 2017 года і студзені 2018 года магістрам гістарычных навук Антонам Андрэвічам Дацкевічам – ад Марыі Іванаўны Ківачук, 1936 года нараджэння, і Ганны Якімаўны Пішчык, 1938 года нараджэння. Для запісу дыялектнага матэрыялу экспларатарамі былі выкарыстаны наступныя апытальнікі: праграма “Атласа гаворак Выганаўскага Палесся. Фанетыка. Марфалогія. Лексіка” (дапрацаваны варыянт) [13, с. 32–35], т. зв. вялікая (новая) праграма: “Як у вас гавораць?” (рукапіс), праграма па зборы этнаграфічнага матэрыялу [14, с. 42–58], а таксама матэрыялы па кнізе Т. В. Валодзінай, Т. І. Кухаронак “Ядраное жыта гаспадара кліча...”: каляндарны год у абрадах і звычаях” [4, с. 11–16].

Разгледзім асноўныя фанетычныя і марфалагічныя асаблівасці даследаванай гаворкі. Для гаворкі гэтай вёскі характэрны шасціфанемны склад галосных гукаў [i], [ы], [e], [a], [o], [y]. У першую чаргу адзначым такую адметную рысу гаворкі, як рэалізацыя галоснага [o^y] (сярэдні паміж гукамі [o] і [y]) на месцы гістарычнага *o ў ненаціскных складах пасля цвёрдых зычных: *воўда́, доўро́на, коўро́на, хоўлоўна́, моўлоўко́, поўноўчы* ‘цёмна’, *хоўроўд, хоўлоўд* і інш. Аднак у канцавых адкрытых складах этымалагічны *o захоўваецца: *с'іно, л'іто, жы́то, вы́со́ко* і інш.

Адной з найбольш яркіх і спецыфічных фанетычных асаблівасцей гаворкі з'яўляецца вымаўленне галоснага [e] на месцы гістарычных *a, *ѣ, *к пасля мяккіх зычных: *ш'е́пка* ‘шапка’, *йе́блыка* ‘яблыкі’, *йе́ходы* ‘ягады’, *стойе́ты* ‘стаяць’, *йе́мка* ‘ямка’, *поўр'е́док* ‘парадак’, *ж'е́ба* ‘жаба’, *ж'ер* ‘жар’, *мн'е́со* ‘мяса’, *мн'е́та* ‘мята’, *помн'е́в* ‘памяць’ і інш.

Наступная выразная і значная адметнасць гаворкі – гэта наяўнасць гука [i] (т. зв. і к а в і з м) у адпаведнасці з націскным этымалагічным *ѣ, а таксама на месцы гістарычнага *o ў новых закрытых складах пад націскам: *л'іс, с'іно, сн'іh, л'іто, хл'іv, д'ід, в'іт'ор, з'іл'л'е, р'ічка, ц'іvка* і інш., але *цiп; б'іл'ш, в'із, в'ін, в'іл, п'ідыш, м'іст, кор'іvка, н'іс, ст'іл, к'ін', к'іт* і інш.

Вельмі адрознай і паказальнай асаблівасцю гаворкі з'яўляецца таксама рэалізацыя галосных [e^{bi}] (сярэдні паміж гукамі [e] і [ы]) і [y^e] (сярэдні паміж гукамі [ы] і [e]) у першым пераднаціскным складзе адпаведна ў наступных пазіцыях: на месцы этымалагічных *e, *ѣ пасля губных: *ve^{bi}сна́, бе^{bi}да́, ve^{bi}дро́, ме^{bi}шо́к, пе^{bi}со́к*; на месцы гістарычных *e (*ѣ) пасля этымалагічных *з, *н, *с, *т, *д: *зы^eмн'е́* ‘зямяля’, *ны^eма́, сы^eло́, ты^eпер, ды^eн'о́к*.

Істотная і характэрная адметнасць гаворкі – гэта вымаўленне галосных [e], [a] на месцы гістарычнага ***а** ў паслянаціскных складах у словах тыпу *зайец, пам'ят'*. Аднак у пераднаціскных складах у акрэсленай пазіцыі зафіксаваны галосны [a]: *hl'ad'íla, zl'akávc'a*.

І нарэшце, значнай і адрознай асаблівасцю гаворкі ў галіне вакалізму з'яўляецца наяўнасць гука [y] на месцы паслянаціскага этымалагічнага ***е** ў лексемах *вечур, беруш*. Аднак у націскным становішчы названы гістарычны галосны захоўваецца ў словах *далеко, мед*, але *ow'йос*.

Найбольш яркая і выразная асаблівасць гаворкі ў галіне кансанантызму – гэта наяўнасць толькі цвёрдых зычных у наступных пазіцыях: губныя цвёрдыя перад гістарычнымі ***е** /ва ўсіх пазіцыях/, ***ѣ** /у ненаціскных складах/, ***і**, этымалагічныя ***з**, ***н**, ***с**, ***т**, ***д**, ***л** – перад гістарычнымі ***е** (***ь**), ***і**: *ve'сна, беруш, вечур, до' мене* ‘да мяне’, *першы, бе'да, ве'дро, ме'шок, пе'сок; забы'аты, ло'выты, мы'ска, пы'саты, ро'быты; зы'мн'е, ны'ма, сы'ло, ты'пер, ды'н'ок; зыма, ны'вка, ко'сыты, хо'дыты; але, лед', поле; ко'лы, лы'па, лыты, хо'дылы*.

Значнай адметнасцю гаворкі з'яўляецца ацвярдзенне этымалагічных паўмяккіх ***д**, ***т** перад ***е**, ***і**: *ден', ты'пер; ты'хо, хо'дыты*. Гістарычныя ж мяккія ***д**, ***т** захаваліся перад націскным ***ѣ** і на канцы дзеясловаў у форме трэцяй асобы адзіночнага і множнага ліку: *д'ід, т'ін'; в'ін но'сыт', ходыт', во'ны но'с'ат', ход'ат'*.

Паказальная асаблівасць гаворкі – гэта захаванне цвёрдых зычных у этымалагічных спалучэннях ***гы**, ***кы**, ***хы**, што ўзніклі пры ўтварэнні поўных форм прыметнікаў, а таксама ў пазіцыі перад галосным [e] ў прыметніках ніякага роду адзіночнага ліку: *до'вны, ко'роткый, ты'хий; до'вhe, ко'ротке, ты'хе*.

Адрознай адметнасцю гаворкі з'яўляецца рэалізацыя як цвёрдых, так і мяккіх гістарычных ***р**, ***ж**, ***ч**, ***ш**, ***ц** у пэўных пазіцыях: *по'р'эдок, по'р'ізау, р'ічка, на дво'р'і, чар'ін'* ‘чарэнь /месца ў печы, дзе гараць дровы’, *ж'эба, ж'ер, лухач'і* ‘буякі’, *ш'епка, мо'ло'дыц'а, курыц'а, ц'івка, хло'пц'і, хо'ло'дц'і* ‘халадзец, квашаніна’ і інш. і *рабы'на, хрех, хрыбы, жы'то, на ме'жы, шчау'х* ‘шчаўе’, *кляко'че /бусен'/* ‘клякоча /бусел’, *во'чы, чабар'ец* ‘чабор’, *чып'аты* ‘чапаць’, *хо'рошы, ду'шышы* ‘дужэйшы’, *ца'цка, цкп, улы'ца, на ко'нцы* і інш.

Істотная асаблівасць гаворкі – гэта зычны ***в**, што паходзіць з ***в**, ***л**. У пазіцыі перад галосным, а таксама пасля галоснага гука перад зычным і ў канцавым становішчы ён даў рэфлекс губна-зубнога [v]: *во'да, в'ім'ор, вечур, ко'рова, пльву, лавка, пра'вда, до'вны, купы'в* і інш. Зафіксаваны губна-зубны [v] і ў пачатковым становішчы перад зычнымі: *vз'ев* ‘узяў’, *вл'ісы* ‘у лесе’ і інш. Часам у пазіцыі пасля галоснага гука перад зычным (санорным) можна пачуць губна-губны [w], напрыклад, у слове *авёс: ow'йос*.

Вельмі яркай адметнасцю гаворкі з'яўляецца наяўнасць фрыкатыўна-фарынгальнага зычнага [h]: *хусты, хо́ро́д, о́хо́род, над'ука, до́ро́га, лл'ад'іла, хрех, до́вны, беру́х* і інш.

Выразная асаблівасць гаворкі – гэта захаванне звонкіх зычных у канцавым становішчы і ў сярэдзіне слова перад глухімі: *v'із, дуб, н'іж, хо́ло́д* і інш.; *хубка, за́гадка, казка, н'іжка* і інш.

Істотнай адметнасцю гаворкі з'яўляецца таксама вымаўленне на месцы этымалагічнага спалучэння “мяккі зычны + Ъ” у становішчы паміж галоснымі падоўжаных зычных: *з'і́л'л'е, нас'і́н'н'е*.

І апошняя паказальная і адрозная асаблівасць гаворкі ў галіне кансанантызму – гэта адсутнасць пратэтычных зычных перад галоснымі [o], [y]: *о́зеро, о́сен', о́стрый, ныодно́о, о́раты* ‘араць’, *уну́чка* ‘анучка’, *улы́ца*, але *вочы*.

Значнымі адметнасцямі характарызуецца даследаваная гаворка і ў галіне марфалогіі.

Назоўнікі мужчынскага і ніякага роду другога скланення з асновай на мяккі і зацвярдзелы зычны ў творным склоне пашыраны з канчаткамі *-ем, -ом*: *рубл'ём, ійц'ём; кон'ом, ножом*.

Назоўнікам жаночага і мужчынскага роду адзіночнага ліку першага і другога скланенняў з асновай на зацвярдзелы зычны ў месным склоне ўласцівы канчаткі *-ы, -і*: *на ме^вжы, на ко^нцы, на до^вр'і*.

Назоўнікі жаночага, мужчынскага і ніякага роду адзіночнага ліку першага і другога скланенняў з асновай на цвёрды і мяккі зычны ў месным склоне ўжываюцца з канчаткамі *-ы, -і (-у)*: *v хаты, v лісы, v нос'і, v пол'і, v пол'у*.

Формы клічнага склону агульных назоўнікаў і ўласных імёнаў жаночага і мужчынскага роду адзіночнага ліку зафіксаваны з канчаткам *-о*: *ба́бо, ма́мо, ба́т'ко, Ва́л'о, На́д'о, Ма́н'о, Те́кл'о, Дми́тро, Мыха́лко*.

Назоўнікам жаночага роду множнага ліку першага скланення ў родным склоне характэрны нулявы канчатак, часам – канчатак *-ув*: *хо́лов, йем* ‘ям’, *до́ро́х, хат; ба́був* ‘баб’.

Прыметнікі мужчынскага роду адзіночнага ліку ў назоўным склоне адзначаны з націскнымі і ненаціскнымі канчаткамі *-ы, -ый*: *мо́ло́ды, хусты, стары́й, малы́й, но́вы́й* ‘новы’, *пе́рышы, до́вны, дырыл'ены* ‘драўляны’, *хо́ро́шы, хо́ро́шы́й, до́бры́й* і інш.

Яркая і паказальная асаблівасць прыметнікаў гаворкі – гэта так званыя “сцягнутыя” аднаскладовыя ненаціскныя канчаткі *-а, -е* ў назоўным склоне адзіночнага ліку адпаведна жаночага і ніякага роду: *до́бра, хо́ро́ша; со́ло́дке, хо́ро́ше*. Аднак пад націскам прыметнікі ў падобных умовах маюць тут поўныя двухскладовыя канчаткі *-а́я, -о́е*: *мо́ло́да́́я, ста́ра́́я, но́ва́́я* ‘новая’; *мо́ло́до́́е, ста́ро́́е, но́во́́е* ‘новае’.

Часам у гэтым жа склоне і ліку жаночага роду прыметнікі выступаюць і з поўным націскным канчаткам *-айа*: *добрайа, хоўрошайа*.

Яшчэ адной выразнай адметнасцю прыметнікаў гаворкі з'яўляецца суфікс *-ш* прастай формы вышэйшай ступені параўнання: *душышы* 'дужэйшы', *шырышы* і інш. [1, с. 96–97].

Інфінітыў дзеясловаў з асновай на галосны пашыраны з фанематычным варыянтам старажытнага суфікса *-ц'і-ты*: *ходыты, робыты, спаты*.

Дзеясловам першага і другога спражэнняў у трэцяй асобе адзіночнага і множнага ліку ўласцівы канчаткі *-е, -ыт', -ут', -ат'*: *в'ін йдэ, ны^есе, ходыт', носьт', воўны ідут', ны^есут', ход'ат', нос'ат'*.

Зваротныя дзеясловы ў гаворцы ўжываюцца с постфіксамі *-с'а, с'*: *братыс'а, зватыс'а, мытыс'а, боўйус', купайус', боўйевс'а* 'баяўся', *купавс'а, шос'-то зроўбылос'а* 'нешта зрабілася'.

Адрозная і істотная асаблівасць гаворкі – гэта захаванне ў дзеясловах з асновай на [к] старажытнай формы інфінітыва на *-чы* з націскам на канчатку: *пычы, сычы*. Аднак дзеясловы з асновай на [h] аднаўляюць у інфінітыве гэты зычны: *стрынчы*. Да таго ж і ў форме трэцяй асобы множнага ліку цяперашняга часу падобныя дзеясловы захоўваюць названія зычныя: *пыкут', сыкут', стрынут'* [3, с. 316–318; 15, с. 64, 116, 184–185].

Такім чынам, гаворка в. Мельнікі Маларыцкага раёна характарызуецца значнай колькасцю фанетычных і марфалагічных адметнасцей і адносіцца да паўднёвазагародскіх гаворак, адной з чатырох асобных разнавіднасцяў заходнепалескіх, або загародскіх, гаворак [8, с. 133–135, 136; 9, с. 22–24, 38–39; 10, с. 150–157, 201–202, 204–206, 211–212].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Блінава, Э. Д. Беларуская дыялекталогія : вучэб. дапам. / Э. Д. Блінава, Е. С. Мяцельская. – 2-е выд., дапрац. і дап. – Мінск : Выш. шк., 1980. – 303 с.
2. Брестская область [Карты] : общегеогр. атлас / сост. и подгот. к печати РУП «Белкартография» в 2003 г. ; ред. Н. И. Шлык. – 1 : 200 000, 2 км в 1 см. – Минск : Белкартография, 2003. – 1 атлас (33 с.) : цв.
3. Булыка, А. М. Гістарычная марфалогія беларускай мовы / А. М. Булыка, А. І. Жураўскі, І. І. Крамко. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 328 с.
4. Валодзіна, Т. В. “Ядрное жыта гаспадара кліча...”: кляндарны год у абрадах і звычаях / Т. В. Валодзіна, Т. І. Кухаронак. – Мінск : Беларус. навука, 2015. – 356 с.
5. Вялікі гістарычны атлас Беларусі [Карты] : у 4 т. / Дзярж. кам. па маёмасці Рэсп. Беларусь ; рэдкал.: В. Л. Насевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – [Маштабы розныя]. – Мінск : Белкартаграфія, 2016. – Т. 3. – 2016. – 1 атлас (348, [3] с.).
6. Гароды і вёскі Беларусі : энцыкл. – Т. 4, кн. II. Брэсцкая вобласць / рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2007. – 608 с.
7. Гродненский православно-церковный календарь. Православие в брестско-гродненской земле в конце XIX века. – Изд. 2-е. – Воронеж : Тип. В. И. Исаева, 1899. – Т. I. – 456 с.

8. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Берасцейскай вобласці / Ф. Д. Клімчук // *Gdzie bije urydio... Pieśni ludowe pogranicza Polski i Białorusi* / red. F. Czyjewski, A. Dudek-Szumigaj, M. Źygalova. – Lublin–Wisznice, 2015. – S. 129–143.

9. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Заходняга Палесся: фанетычны нарыс / Ф. Д. Клімчук ; рэд. М. І. Талстой ; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 126 с.

10. Крывіцкі, А. А. Дыялекталогія беларускай мовы : дапам. для філал. спецыяльнасцей ВНУ / А. А. Крывіцкі. – Мінск : Выш. шк., 2003. – 293 с.

11. Описание Берестейского староства 1566 г. // *Документы Московского архива министерства юстиции.* – М. : Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1897. – Т. I. – С. 205–448.

12. Памяць: Мал. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / рэд.-уклад. В. Р. Феранц ; рэдкал.: Я. В. Малашэвіч [і інш.]. – Мінск : Ураджай, 1998. – 535 с.

13. Самуйлік, Я. Р. Атлас гаворак Выганаўскага Палесся / Я. Р. Самуйлік. – Брэст : БрДТУ, 2013. – 322 с.

14. Учебные практики (археолого-этнографическая, историко-краеведческая, эвристическая): этнографические и краеведческие полевые исследования : метод. рекомендации / Брест. гос. ун-т ; авт.-сост. В. Ю. Пилипович. – Брест : БрГУ, 2016. – 67 с.

15. Янкоўскі, Ф. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы : вучэб. дапам. для філ. фак. пед. ін-таў / Ф. М. Янкоўскі. – 2-е выд., выпр. і дап. – Мінск : Выш. шк., 1983. – 271 с.

В. М. Філософ (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

З БАБУЛІНАГА КУФЭРКА: ПРЫКАЗКІ І ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ КАМЯНЕЦКАГА РАЁНА БРЭСЦКАЙ ВОБЛАСЦІ

Горад Камянец – раённы цэнтр Брэсцкай вобласці. Горад заснаваны ў 1276 годзе. Існуе шмат легенд пра паходжанне назвы горада. Вось самая цікавая з легенд.

Раней камяні лічылі жывымі істотамі. Камяні абагаўлялі, шанавалі, прыносілі ім ахвяры. Адзін з такіх камянёў ляжаў у межах сённяшняга горада Камянца. Людзі з усяго наваколля прыходзілі да яго, калі трэба было аб нечым параіцца, папрасіць дапамогі, але найчасцей прасілі ў яго хлеба. Многа камень не даваў, а бохан-другі мог застацца на яго паверхні. Для гэтага трэба было прынесці невялікую ахвяру і прашаптаць адпаведныя словы: “Камень-камянец! Дай мне на заўтра хлябец! Цяжка стала жыць – дзяцей няма чым карміць”. Доўга дапамагаў камень людзям, пакуль не здарылася бяда. Знахар, які жыў у бліжэйшай вёсцы, прыйшоў аднойчы пад вечар і стаў патрабаваць ад каменя золата: “Камень – камяніска, аддай маё залаціска”. Камень і праваліўся ад абурэння разам са знахарам. З таго часу толькі назва і засталася – Камянец.

Цікавая і супярэчлівая гісторыя горада знайшла сваё адлюстраванне ў самабытнай фразеалогіі населенага пункта. Напрыклад, выраз *мусыт стовп Камынэцкый* зваліся мае значэнне ‘здарылася нешта незвычайнае’.

(*Стовп Камэнецкый* – старажытны помнік архітэктуры XII стагоддзя, Белая Вежа, сімвал нескаронасці і непахіснасці).

Напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны ў Камянцы пражывала 500 яўрэйскіх сем'яў, або прыкладна 2 500 чалавек, што складала большую частку насельніцтва мястэчка. Гісторыя гэтага шматпакутнага народа, яго звычкі, антрапаніміка адлюстраваны ў многіх устойлівых выразях.

Як Лайзэрува куро́ва ‘пра чалавека, які не пільнуецца хаты, нешта шукае па свеце’: *Іі хлопцы́ць ніколі́ дома ны́ бу́вае, ходы́т як Лайзэрува куро́ва*. Фразеалагізм узнік з аповеда пра карову аднаго яўрэя Лазара (Лайзэра), якая часта мінала вароты і не ішла з пашы дадому.

<Зві́ся> на Іцькувуго субаку́ ‘пра зморанага, бледнага чалавека’: *Звы́лася ву́на з тэ́і рубо́ты на Іцькувуго субаку́*. Фразеалагізм звязаны з паданнем, паводле якога ў яўрэя Іцькі (Іцхака) быў сабака, якога гаспадар ніколі не карміў, і таму жывёліна выглядала вельмі зморанай і слабой.

На жы́дувьску́го Юр'я́ ‘ніколі́’: *Возьме́ ву́н іі́ заму́ж на жы́дувьску́го Юр'я́*. Тлумачэнне фразеалагізма звязана з тым, што ў іўдзейскай рэлігіі няма і ніколі не было свята Юр'я.

Я тубі́ ны Хацкель, ты́ мні́ ны Пуцкель ‘розныя людзі, якія не маюць паміж сабою нічога агульнага’: *Шчо́ ты́ ду́ мы́нэ́ лі́зыш. Мы́жы́ намы́ ны́ць бу́ты ны́ мо́жэ*. *Я тубі́ ны Хацкель, ты́ мні́ ны Пуцкель*.

Землі цяперашняга Камянецкага раёна доўгі час знаходзіліся “пад Польшчай”, г.зн. былі ў складзе Рэчы Паспалітай да яе падзелаў, лічыліся Крэсамі Усходнімі да 17 верасня 1939 года. Таму ўплыў польскай мовы на мову мясцовага насельніцтва быў вельмі вялікі. Прывядзем прыклады фразеалагізмаў і прыказак з мясцовай гаворкі, у якіх выразна адчуваецца ўплыў суседняй заходнеславянскай мовы.

Як врона́ на галонці́ ‘адзін, адзінокі’: *Стала́ ву́на по́сле смэрты́ чулу́віка́ свуё́го як врона́ на галонці́*.

Ны́ мру-мру́ (ны́ мругну́в) ‘маўчыць, нічога не прамаўляе’: *Ву́н став як вкапа́ный і ны́ мру-мру́*.

Як следзю́в в бочцы́ ‘вельмі шмат чаго-ці каго-небудзь у адным, звычайна цесным месцы’: *Там на субра́ннювы́ бу́ло людэ́й як следзю́в в бочцы́*.

Мы́гдалу́в ны́ хватае́ ‘вялікая раскоша, хапае ўсяго’: *У Васи́ля всё́ е́ для сы́на: і машы́на, і хата́, ту́лько мы́гдалу́в ны́ хватае́*.

Спева́ць да́рмо бо́літ гарло́ ‘праца задарма не выклікае ахвоты’: *Чу́го я пу́выд́на за ю́го пра́цуюва́ты, гро́шы ж ны́ даю́т. А спева́ць да́рмо бо́літ гарло́*.

Уд́ уднэ́і ма́ткі ны́ удны́ дзя́ткі ‘нават пры аднолькавых умовах бываюць розныя вынікі’: *Як мо́жна всі́х уді́нако́во учы́ты. На́выць уд́ уднэ́і ма́ткі ны́ удны́ дзя́ткі*.

З польскіх часаў засталіся прыказкі *Тыха вода бжэгі рвэ* (сінонім рускага выразу «*В тихом омуте черти водятся*»); *Добры жорна вышэтка змеле* – пра чалавека з добрым апетытам, які можа шмат з’есці зараз.

Сустрэкаюцца выпадкі, калі польскія звароты падвяргаюцца ў мясцовай гаворцы пэўным зменам, страчваюць празрыстую этымалогію і становяцца фразеалагічнымі зрашчэннямі. Напрыклад, зварот *на святыя нігды* пераўтварыўся ў адпаведны фразеалагізм, які шырока ўжываецца ў мясцовым маўленні ў форме *на святыі мыгды* з адпаведным значэннем ‘ніколі’.

Гістарычны лёс цесна звязаў яшчэ два брацкія народы – беларускі і ўкраінскі. Таму і ў мясцовай фразеалогіі (хаця і ў адзінкавых выпадках) сустракаюцца звароты, што маюць украінскія карані. Фразеалагізм *худыты манавыцямы* (рускія адпаведнікі – *ходить вокруг да около, ходить кругами*) мае ў сваім складзе ўкраінскі кампанент *манавыці* – ‘акольных сцежкі, непрамыя шляхі’.

Большасць фразеалагізмаў і прыказак Камянеччыны ўтворана шляхам пераасэнсавання назваў звычайных з’яў ў жыцці тутэйшых беларусаў: *Пнэце як жаба на купу* ‘пра чалавека, які хоча дасягнуць немагчымага, высільваецца’: *Вун так хочэ вышчэ убразованне пулучыты, пнэце як жаба на купу. Хоть пуд вэртюху мулуты* ‘нізкарослы чалавек’: *Манін сын ны каплі ны рустэ. Вжэ штырнацытыт літ, а вун хоть пуд вэртюху мулуты.*

Такое ж паходжанне маюць і наступныя выразы. *Уткінуты капці* ‘памерці’ (сінонімы – *спрутыніты, выцягнуты ногі*); *Ішли ду Пінска – кідалі лупінска, ішли з Пінска – збыралі лупінска* ‘пры добрых абставінах чалавек раскідваецца тым, да чаго ў нястачы і цяжкай сітуацыі зноў звяртаецца’; *Куды жабы лізты, дэ коны куют – куротку лапу мае, і тую удутнут* ‘бедны, слабы не павінен лезці туды, дзе верхаводзяць багатыя і моцныя’; *Ны жынывся – внучы тры, ужынывся – внучы тры* ‘змена знешніх абставін не прывяла да карэннага пералому ў справах’ (звычайна ўжываецца пры апісанні чыёй-небудзь нядойбрай долі, горкіх жыццёвых спраў, звязана з апісаннем ануч, якія накручвалі на ногі беднякі, калі апрадаліся ў лапці); *Кушіль шукае кушіля, а торба – торбу* ‘у жыцці кожны шукае імкнецца быць з роўнымі да сябе: багаты водзіцца з багатым, бедны – з бедным’; *З чужого воза хоть сырыд калу* ‘калі карыстаешся чужым, павінен аддаць яго нават пры самых неспадзяваных і цяжкіх для сябе абставінах’ (*калам* у нашай мясцовасці называюць грязь, балота); *На чыюм вузовы іідыш, туму і пісню спывай* ‘парада пра тое, што абавязкова трэба прыладжвацца да таго, ад каго залежыш’.

Фразеалогія Камянеччыны мае шмат адметнасцей і розных “цікавінак” і таму патрабуе неадкладнага вывучэння, бо шмат людзей старэйшага пакалення сыходзяць у нябыт і разам з імі знікае самабытная мова маёй малой радзімы.

СЕКЦИЯ 3

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

М. Х. Бабаходжаева, Р. Х. Бобоходжаев (г. Ташкент, Узбекистан)

МЕТАМОРФОЗЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Центром Узбекистана после его захвата Российской империей (тогда еще не было даже такого названия, был Туркестан, занимавший значительно большую территорию) стал Ташкент. Его многонациональное население стало говорить на русском языке. Местное население тщательно хранило язык и обычаи, но вся общественная и государственная жизнь протекала почти исключительно на русском языке. Осуществление в начале XX века российской колониальной политики в Туркестане привело к притоку русских специалистов в Туркестан и развитию узбекско-русского двуязычия среди местного многонационального населения. Носителями русского языка были в основном образованные люди, многие составляли гордость российской науки. Например, обнаруживший обсерваторию Улугбека в Самарканде В. Л. Вяткин, а также исследователи туркестанского края Н. А. Северцов, П. П. Семёнов-Тянь-Шанский, А. П. Федченко, И. В. Мушкетов, краеведы, тюркологи, переводчики Н. С. Лыкошин, Н. А. Маев (их стараниями был создан Туркестанский музей, публичная библиотека в Ташкенте, которая со временем превратилась в Национальную библиотеку имени Алишера Навои), русский этнограф и исследователь Средней Азии, автор первых русско-узбекских словарей и государственный деятель В. П. Наливкин. Первым из учёных-специалистов, осуществивших археологические раскопки древних поселений на территории Средней Азии, был Н. И. Веселовский – востоковед, археолог. Благодаря такой элите местное население начинало усваивать разговорный язык, приближенный к русскому литературному языку.

Победа революции в России, итоги гражданской войны, привели Туркестанский край к созданию в 1925 году Республики Узбекистан в составе Российской Федерации. В 1920 году был основан Среднеазиатский университет (САГУ). Начался процесс русификации. Для укрепления кадров в Туркестан были направлены лучшие научные сотрудники. Преподавание велось на русском языке, кроме этого, русский язык являлся государственным языком. Узбекская письменность была переведена

на кириллицу, что создало дополнительные условия для изучения местным населением русского языка.

Со временем в Узбекистане образовалось целое поколение узбеков, одинаково хорошо владеющих русским литературным языком и узбекским. Очень многие настолько, как говорят в Узбекистане, *обрусели*, что практически не знали узбекского языка. Для них родным стал русский язык.

После обретения независимости русский язык в Узбекистане начал сдавать свои позиции. В последнее время в Узбекистане на значимость русского языка и его социальную роль повлияли демографические процессы, т. е. миграция русских за пределы страны. Этим теперь оправдывают процесс сужения сферы применения русского языка.

Намечены два подхода к исследованиям русскоязычной диаспоры: «миграционистский» и «интеграционистский» [4, с. 23]. В первом поведении русской диаспоры прогнозируется предположением о том, что у неё нет будущего в какой-либо стране СНГ и её большая часть ориентирована на отъезд. Во втором подходе предполагается, что при определённых условиях в этих странах русскоязычное население имеет возможность интегрироваться и закрепиться. Приводятся оценки размеров иммиграции из Средней Азии. По данным национальных переписей, в бывших советских республиках осталось 18 из 25,3 млн. русских, проживающих там в 1989 году. Из Средней Азии выехало более 1 млн. из 3,3 млн. русских и русскоязычных. Русские уехали в такие страны, как Украина, Беларусь, русские евреи и немцы уехали в Германию и Израиль. С учетом этого, вероятно, во всей Средней Азии осталось около 1,5 млн. русских. Таким образом, из республики выехал каждый третий русский, что и повлияло на сужение сферы использования русского языка. Однако социальная значимость русского языка в республике высока, поскольку существует немало ситуаций, в которых русский язык незаменим, и прежде всего при контактах людей разных национальностей, проживающих в Узбекистане. Был проведен опрос в вузах республики, который показал огромную потребность в овладении русским языком молодежью. Оказалось, студенты-узбеки, большинство которых обучается в группах с узбекским языком, в основной своей профессиональной деятельности используют русский язык.

В городах и промышленных зонах русский язык продолжает функционировать не только как родной язык русских и русскоязычных, но и как язык науки, массовой информации, образования, культуры, туризма, спорта и т. д. Русский язык по-прежнему используется в СМИ. Русский язык все еще остаётся востребованным как средство межнационального общения, так как имеет свои исторические корни с самого начала колонизации

русскими Узбекистана и до настоящего времени является проводником технологий, языком образования, научной и культурной информации.

В Узбекистане двуязычие окружено уважением, оно всегда было поощрительным как среди узбеков, так и среди русских. Узбекско-русский билингвизм – характерная черта коммуникации большей части населения Узбекистана. Благодаря ему повышается социальный статус человека, открываются дороги к тем сферам профессиональной жизни, которые не всегда доступны для одноязычных. Но русских-билингвов в Узбекистане значительно меньше билингвов-узбеков. Это не особенность какого-то временного периода или определённого поколения. В справочнике Bhatia, Tej K., William C. Ritchie *The Handbook of Bilingualism* по билингвизму говорится следующее: – Had it been carried through in its entirety, the idea of – second mother tongue|| would have meant active bilingualism for 75–80 percent of even more of the population in Soviet Central Asia. This goal was never reached. Now, what mattered was not bilingualism, in fact, but universal knowledge of Russian. This becomes evident from the fact that for persons who already knew Russian but lived in areas where 37 the predominant or titular language was not Russian, there was not as strong an urge to become fluent in a second language [6, с. 823–824]. В последние годы проводится курс на владение английским языком в обязательном порядке, даже в ущерб французскому и немецкому. Государство выделило немало средств на изучение английского языка. Однако спрос на русский язык продолжает расти.

Обратимся снова к данным опроса среди студентов-узбеков, обучающихся в группах с узбекским языком, которые в основной своей профессиональной деятельности, как уже указывалось выше, используют русский язык. Об этом свидетельствуют результаты опроса: 7,4 % ответили: только узбекский, 41,0 % – узбекский и русский языки, 40,2 % – только русский. Многие используют русский язык и в семейном кругу, и в быту.

Подводя некоторые итоги сказанному, можно выделить две отчасти противоположные тенденции. С одной стороны, русский язык, перестав быть официальным после распада Советского Союза, в течение последующих лет неуклонно сдавал в Узбекистане позиции социально значимого языка и в ряде сфер заменялся и продолжает заменяться английским, но с другой стороны, в последние 3–5 лет все отчетливее проявляется отношение к русскому языку как к языку практически необходимому, хотя и бесправному юридически. В силу этого нарастают изменения в его словарном составе и локализуются сферы его употребления. Русский язык в Узбекистане остается основой своеобразной субкультуры, начавшей формироваться в советский период и вбирающей в себя не только европейское население, но и некоторую часть проживающих в городах представителей титульной нации. Смена статуса

русского языка, принеся известное разочарование его местным носителям, со временем начала благотворно сказываться на феномене его сохранения. Русский язык продолжает оказывать некоторое влияние почти на все сферы жизни, в том числе и на образование. Обнадёживает и радует ситуация, сложившаяся в Узбекистане буквально в последние 2–3 года в отношении к русскому языку: его статус и востребованность постоянно повышаются, что позволяет надеяться на улучшение положения русского языка в Узбекистане.

Список использованной литературы

1. Gouzal Mavlyanova .Master in de Oost-Europese talen en culturen Scriptie voor de masterproof. Русский язык в Узбекистане. Особенности социолингвистического функционирования и межъязыкового взаимодействия.– Universiteit Gent Juli, 2008. – 59 с.
2. Денисенко, В. Н. Русский язык на Евро-азиатском (в странах бывшего союза ССР) пространстве / В. Н. Денисенко // Мир и согласие. – 2007. – № 3(32). – С. 50–66.
3. Зинин, С. И. Русский язык в Узбекистане. Социолингвистический аспект [Электронный ресурс] / С. И. Зинин // Международный Союз Общественных Объединений «Русь Единая». – Режим доступа : <http://www.rusedina.ru/frontend/former/uzbekistan?id=2955>. – Дата доступа : 10.11.2017.
4. Космарская, Н. Методология и методы изучения миграционных процессов / Н. Космарская, И. Молодикова. – М., 2007.
5. Яценко, Е. Б. Русский язык в новых независимых государствах: результаты комплексного исследования / Е. Б. Яценко, Е. В. Козиевская, К. А. Гаврилов. – М. : Фонд «Наследие Евразии», 2008.
6. Bhatia, Tej K. Ritchie The Handbook of Bilingualism / Tej K. Bhatia. – Blackwell Publishing Ltd. – 2006.

П. И. Березнева (г. Брест, Республика Беларусь)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБКУЛЬТУРЫ ХИПСТЕРОВ

Сквозь всю историю человечества прослеживаются стихийные социальные ответвления от общей культуры, возникающие вследствие усугубления кризиса официальной или традиционной культуры отдельной нации и человечества, который, в свою очередь, связан с экономическими, политическими, идеологическими застоями. Так формируются контркультуры, или субкультуры, как мы называем подобные социальные явления сегодня [1]. Толковый словарь С. А. Кузнецова дает следующее определение термину *субкультура*: «часть, разновидность культуры вообще или культурной, профессиональной общности и т. п. людей» [2]. Более глубокое определение данного термина содержится в «Энциклопедии культурологии», согласно которой *субкультура* – это особая сфера культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, обычаями, нормами [4].

Функционирование особых идеологических, философских, художественных и стилевых концепций, объединяющих людей в отдельные от традиционной культуры группы, предопределяет возникновение *социолекта* или *сленга*. «Словарь лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя определяет сленг как слова и выражения, употребляемые лицами определенных профессий или социальных прослоек [5, с. 542]. Словарь молодежного сленга более детально определяет данный термин: «неформальный, не включенный в академические словари язык, на котором общается определенная часть людей (субкультура), отличающийся от литературного языка преимущественно стилистическими и лексическими характеристиками» [3]. Мы задались целью проследить особенности состава и употребления сленга хипстеров на примере их субкультуры.

Хипстеризм является одним из самых ярких социокультурных ответвлений. Термин *хипстер* происходит от английского жаргонного выражения «being hip» или «to be hip», одним из буквальных значений которого является ‘быть информированным о новейших идеях, стилях и видах деятельности или, проще, быть «в теме»’ [6]. Истоки данной субкультуры и термина уходят в Америку 40-х годов XX века, когда хипстерами называли джазовых музыкантов и богемную среду, образовавшуюся вокруг них. Начало субкультуре хипстеров на постсоветском пространстве положило движение, возникшее в СССР в конце 40-х годов и известное как «стиляги». Стиляги ориентировались на американскую джазовую культуру, имели свой собственный яркий стиль и выступали против моральных устоев советского общества. В конце шестидесятых появились хиппи, и молодёжь постепенно отошла от стиля хипстеров. Однако в 2008 году начала и продолжает развиваться новая волна хипстеризма [6].

На данный момент довольно высокий уровень развития субкультуры хипстеров и ее сильное влияние на общую молодежную культуру создают почву для исследований не только с точки зрения социальных аспектов, но и лингвистических. Актуальность систематизации и описания сленга хипстеров обусловлена тем, что данный язык является полиструктурным, динамично развивающимся в реалиях современности образованием, которое отличается спецификой происхождения и средой употребления, указывает на тенденцию американизации русского языка. Между тем в лингвистике это языковое явление остаётся малоизученным.

Основными факторами формирования сленга хипстеров является их ориентация на американское искусство в широком смысле, на современные прогрессивные методы обучения и ведения бизнеса, на моду 60-х годов XX века, особые предпочтения и требования к готовым блюдам и продуктам питания, повышенный интерес к социальным сетям. Сленг хипстеров содержит в большей степени лексику, характерную

только для данной субкультуры, и в меньшей степени – общую молодежную лексику. Данный тезис подтверждается эмпирическим материалом исследования, выявленным в процессе анализа посвященных хипстерам или созданных ими видеоматериалов интернет-ресурса YouTube, анализа тематических интернет-форумов и интернет-словаря молодежного сленга [3]. Установлено, что лексический состав субъязыка хипстеров образуют слова двух блоков – общая молодежная лексика; собственно хипстерская лексика.

В первом блоке можно, в свою очередь, выделить:

1) группу лексики интернет-пространства: *блог*, *блогер*, *блогинг*; *лайк* (также *лойс*); *репост*; *ретвит*; *инста* (социальная сеть «Инстаграм»); *фоловеры*; *онлайн*; *офлайн*;

2) группу лексем, общих с жаргонами а) видеоблоггеров: *коллаборация* ‘сотрудничество, совместная работа с кем-либо’; *коуб* ‘короткое, заикленное видео’; б) геймеров (*чек-пойнт* ‘сохранение, пометка’); в) «гопников» (*вписка* ‘небольшое собрание с целью увеселения на жилплощади одного из участников собрания’);

3) группу слов, соотносимых с разными сферами жизнедеятельности.

Третья группа включает несколько тематических подгрупп номинаций, в том числе: а) номинации блюд и продуктов питания: *макарены* (как вариант макарон) ‘французское кондитерское изделие’; *маффин* ‘разновидность кекса в бумажной формочке’; *капкейк* ‘кекс’; *смузи* ‘напиток из взбитых фруктов, ягод, овощей в разных сочетаниях, часто с добавлением орехов’; б) номинации понятий, связанных с интеллектуальной и практической деятельностью человека: *дедлайн* ‘крайний срок сдачи работы’; *лайфхак* ‘простой эффективный способ произвести (создать) что-либо, избавиться от чего-либо, не уступая в качественном аспекте проверенным способам и методам решения аналогичных проблем’; в) номинация понятия из сферы межличностных отношений – *каминг-аут* ‘публичное признание в своей нетрадиционной сексуальной ориентации или публичное признание факта отношений с кем-либо’.

Второй блок, представляющий собственно хипстерскую лексику, включает как названные выше, так и иные тематические группы. Среди них:

а) номинации блюд, продуктов питания, режима питания и т. д.: *бранч* ‘прием пищи между завтраком и обедом’; *бейгл* ‘разнообразные сочетания продуктов, завернутые в дрожжевое тесто’; *вок* ‘китайская лапша’; *гранола* ‘мюсли’; *джелатерия* ‘кафетерий с итальянским мороженым’; *митбол* ‘мясное блюдо, нечто среднее между тефтелей и фрикаделькой’; *полента* ‘итальянское блюдо из кукурузной муки, аналог мамалыги’; *фишбол* ‘рыбное блюдо, нечто среднее между тефтелей и фрикаделькой’; *фуди* ‘человек, сведущий в блюдах разных национальных кухонь, хорошо разбирающийся в продуктах питания’;

б) номинации предметов одежды, элементов имиджа и стиля: *барбер* ‘борода’; *барбершоп* ‘парикмахерская, специализирующаяся на бородах и усах’; *дезерты* ‘ботинки на кожаной или резиновой подошве с замшевым верхом’; *корнер* ‘бутик’; *лонгслив* ‘очень длинная кофта’; *молл* ‘вещевой торговый центр’; *мастхэв* ‘предмет, который необходимо иметь в наличии’; *оксфорды* ‘стиль обуви, характеризующийся закрытой шнуровкой’; *свитшот* ‘кофта, представляющая собой рубашку и легкий свитер (чаще с оленями) или легкий свитер и гольф, составляющие одно изделие’; *чиносы* ‘свободные, удобные, мягкие штаны’;

в) номинации понятий, связанных с интеллектуальной и практической деятельностью человека, названия продуктов деятельности: *апгрейд* ‘модернизация, усовершенствование’; *байопик* ‘биографический фильм’; *воркшоп* ‘обучающее мероприятие, тренинг, круглый стол’; *воннаби* ‘человек, который хочет быть специалистом в какой-то области, но, таковым не являясь, просто притворяется специалистом’; *гайд-парк* ‘площадка для проведения публичных, массовых мероприятий’; *джетлаг* ‘выпадение из привычного режима, ритма работы и жизнедеятельности’; *кейс* ‘конкретная ситуация для анализа’; *коучинг* ‘метод тренинга, направленный на достижение конкретной цели обучающегося, а не для общего развития’; *коворкинг* ‘совместная работа, а также удобно и практично оборудованный общественный офис, в котором за определенную плату можно заниматься своими рабочими делами, чтобы никто не отвлекал’; *мудборд* ‘идеи, наброски будущей работы, проекта’; *неймдроптинг* ‘цитирование и отсылки к мнению известных, авторитетных личностей’; *паттерн* ‘образец, шаблон, схема’; *пруфтик* ‘иллюстративный материал (чаще всего фотография, картинка), или материал, доказывающий, подтверждающий, подкрепляющий какие-то доводы’; *ресеч* ‘усиленный и глубокий поиск информации по какой-то конкретной теме’; *скил* ‘способность, талант’; *стартап* ‘практически любой актуальный бизнес’; *топофмайнд* ‘первое, что приходит на ум’; *фейслифт* ‘минимальные обновления, изменения’; *эйчар* ‘менеджер, кадровик’.

С точки зрения грамматики в каждом блоке закономерно преобладают имена существительные. Глаголов всего 11, не считая видовых пар. Пять глаголов относятся к общей молодежной лексике интернет-пространства: *лайкнуть*, *облайкать*, *репостить*, *ретвитить*, *зачекиниться*, *расфоловить*; лексема *ванговать* ‘предполагать, предсказывать’, характеризующая интеллектуальную деятельность человека, пришла из общего молодежного сленга. К блоку собственно хипстерской лексики принадлежат глаголы *ланчевать* ‘обедать’; *стартапиться* ‘начинать бизнес’; *чекать* ‘проверять’; *профакапить* ‘пропустить срок сдачи работы’.

Семантическая классификация лексики субкультуры хипстеров позволяет сделать вывод, что ее представителей прежде всего объединяет

особый стиль жизни, предполагающий определенное отношение к предметам и явлениям окружающей действительности, поэтому лексический состав социолекта в основном представлен существительными, большая часть которых связана с интеллектуальной деятельностью человека. Выявленный словарный материал подтверждает существование особого субъязыка хипстеров и может стать предметной основой для последующего изучения и систематизации процессов складывания социолекта хипстеров, особенностей его деривации, специфики функционирования и перспектив включения в общенародный словарь.

Список использованной литературы

1. Беляев, И. А. Культура Субкультура Контркультура [Электронный ресурс] / И. А. Беляев. – Режим доступа : http://culturolog.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2051&Itemid=6. – Дата доступа : 08.11.2017.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и ред. С. А. Кузнецов. – СПб : Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Сборник онлайн-словарей ONLINEDICS.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.onlinedics.ru/slovar/slang/s/sleng.html>. – Дата доступа : 18.11.2017.
4. Культурология. XX век : энцикл. / под ред. С. А. Левита. – СПб : Унив. кн. ; Алетейя, 1998. Т. 1. – 447 с.
5. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1976. – 544 с.
6. Ермаков, П. Настоящие хипстеры [Электронный ресурс] / П. Ермаков. – Режим доступа : <http://www.lookatme.ru/mag/all-mag/locals/60947-nastoyaschie-hipsteryi>. – Дата доступа : 09.11.2017.

Н. В. Громова (м. Суми, Україна)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ НЕОЛЕКСЕМ У ХУДОЖНЬО-ПУБЛІЦИСТИЧНОМУ ДИСКУРСІ ПОЧАТКУ ХХІ СТОЛІТТЯ

Однією з основних передумов повноцінного функціонування мови є здатність до змін, коли на кожному етапі її існування розвиваються ті засоби й способи вираження, ті тенденції, які найбільше відповідають новим соціокультурним завданням та умовам мовленнєвої комунікації. Найвиразніше відображає динаміку мови лексико-семантичний рівень, на розвиток якого значною мірою впливає позамовна дійсність. Будь-які нові поняття, що стають набутком колективного мовного мислення нової епохи, потребують номінації; поява нових результатів людської діяльності приводить до виникнення нових назв, формування нових галузей науки стимулює творення нових термінів і т. д.

В останнє десятиліття вивченню неології свої праці присвятили І. Андрусяк, Н. Вовчук, Г. Вокальчук, Н. Стратулат, Н. Колесникова. Звертаючи увагу на погляди українських та зарубіжних мовознавців (Г. Вокальчук, Є. Карпіловської, Ж. Колоїз, О. Ликова, Р. Намітокової, О. Стишова, Н. Фельдмана та ін.) щодо обсягу понять нове слово, неологізм, інновація, лексичний новотвір, okazіональне слово, метою нашої статті є дослідження лексичних інновацій творів Ліни Костенко «Записки українського самашедшого» та Михайла Слабошпицького «Гамбіт надії. Україна: констатації, матеріали, виклики, сподівання».

Словник новотворів Ліни Костенко за романом «Записки українського самашедшого» налічує близько 600 слів, не засвідчених у сучасних словниках української мови. Новотвори авторки мають різний частиномовний статус. Наше дослідження засвідчує, що найактивніше письменниця створює іменникові інновації, переважна більшість яких твориться суфіксальним способом за допомогою формантів **-ість, -ик, -йя, -ач, -иха, -ка**: *харизматик, бомжиха, морелька, потойбіччя, міжчасся* та ін.. Напр.: *Бомжі між собою мирять, не б'ються. А це з певного часу порушила їхню гармонію бомжиха, не так стара, як самознищена, теж з фіолетовим носом. Вони її спробували відігнати від свого джерела існування. – Люди, допоміте! – так відчайдушно зарепетувала вона, що всі кинулися до вікон, перехилилися з балконів, думали: грабують, убивають. – Хлеб отнімают! – несамовито репетує обвішана торбами бомжиха, спокійнісінько собі йдучи* [1, с. 67–68]. Okazіоналізми з суфіксом **-ник** зафіксовані новими назвами осіб, котрі виконують певну дію, яка називається твірним дієсловом, або являються носіями предметної ознаки: *упадальник, гадючник, мобільник, матюгальник* та ін.. Напр.: *Зрештою, дружина в мене розумна й красива, упадальників біля неї не бракувало, і якби зі мною щось не так, то вона вибрала б не мене* [1, с. 5]. Okрім вище зазначеного, авторські неологізми неодноразово супроводжуються описом мотиваційної бази: *Взагалі-то щоденник – жанр особистих записів. А яке моє особисте життя, і чи буває воно в одружених? Записувати, як тебе жінка пиляє, як засмоктують будні? Це вже був би не щоденник, а буденник* [1, с. 17]. Також іменники з суфіксом **-к(а)** можуть виступати тим словотворчим засобом, при якому на базі двослівної назви виникає однослівна: *мобіллка, валентинка* тощо. Напр.: *Моя дружина отримала валентинку без підпису, зміненім почерком, вони ж усі так пишуть, але мені прикро* [1, с. 83]. Значна частина однотипних іменників виражається віддієслівними похідними переважно розмовного характеру: *свистулька, стрілялка, розкрутка* та ін.. Напр.: *– Тільки ти не переплутай, – кажу малому, що саме грає з Борькою у якусь чергову «стрілялку». – Дивись уважно. Не збий той літак* [1, с. 185].

Досить часто у творі зустрічаються нові іменники, утворені шляхом основоскладання: *травмопункт, звіроящур, новонаселені* тощо.

Напр.: *Герменевтика історичних детермінацій творчості Гоголя. Протетичний дискурс. Актуально* [1, с. 24]. Значна кількість новотворів утворена шляхом аббревіації: *афроукраїночка, європарламентар, бабком, політпатологи* та ін.. Напр.: *До всього у них там якісь проблеми з приміщенням, так що її феміністки тимчасово перебазувалися в нашу квартиру. У нас тепер дома цілий бабком* [1, с. 144]. Також наявні нульсуфіксальні похідні та усічення: *віртуал, екстрим, банал* і т.д.. Напр.: *На Майдані ніхто не боїться. Драйв екстриму, захисний інстинкт у часи небезпеки, коли не бояться нічого – нікого – і всі* [1, с. 400].

На другому місці у кількісному співвідношенні серед неологізмів, зафіксованих у романі, прикметники. На базі власних назв за допомогою суфіксу **-ський** утворюється значна кількість прикметникових okazіоналізмів, таких як: *сьєра-леонський, хрещатицький, манхетенський* тощо. Напр.: *Гримлять нічні клуби, світяться казино. У підземному переході кишить хрещатицька тусовка* [1, с. 35]. Зафіксовані новотвори, які утворилися суфіксальним способом за допомогою форманта **-ний**: *протестний, медійний, уніформний, вібромасажний* та ін.. Напр.: *Чого з неї роблять «Соньку золотую ручку» вже аж тепер? Чи не тому, що вона завжди в опозиції, хоч і при владі, а все одно в опозиції, і в протестних акціях завжди у перших рядах?* [1, с. 56].

Творення іменників та прикметників префіксальним способом мають спільні риси, наприклад, використання іншомовних префіксів типу **анти-, псевдо-, квазі-, супер-**: *Свого бізнесу я не хочу, я людина не бізнесова, – маю право робити свою роботу, на яку вчився, на яку здатен, якою міг би принести найбільше користі? Чи я мушу терпіти, щоб ця квазідемократія нищила мене не згірш, як той псевдосоціалізм?* [1, с. 24]. Часто в okazіональних інноваціях використовується префікс **пост-**: *постгеноцидне, постлюдське, постчорнобильські* тощо. Напр.: *– Я гидує суспільством, – сказала дружина. – Воно тупе й жорстоке. Воно посттоталітарне, постгеноцидне. І постлюдське* [1, с. 259]. Значно рідше можемо зустрічати новотвори з префіксами **без-, не-, по-**: *не-Боже, не-істина, не-громадян*. Напр.: *Життя це теж посекундна тарифікація. Доводиться платити за кожну секунду* [1, с. 122].

Зазначимо, що значна кількість прикметників була утворена складанням основ чи цілих слів, або ж основоскладанням з суфіксацією. Напр.: *Одні запевняють, що український народ найкращий, історія – найгероїчніша. Що у нас трипільці глечики ліпили, коли в Єгипті ще пірамід не стояло, танцювали триколінний гопак, коли у москалів ще й гармошки не було!* [1, с. 26].

Третє місце серед новітньої лексики роману займають дієслова, значна частина яких була утворена суфіксальним способом: *інтоксикувати,*

ностальгувати; префіксальним: *переакцентувати, поскандувати*; постфіксальним: *піаритися, камуфлюватися*; префіксально-суфіксальним: *знікчемлювати, набринькувати*; та префіксально-суфіксально-постфіксальним способами: *змитаритися*. Напр.: *У нас немає людини, яка б думала солідарно. Зате є понад сотню партій, які вегетуються і конфронтуються* [1, с. 27].

Незначне місце в новітньому лексиконі Ліни Костенко відведено дієприкметникам: *зашуганий, недовбитий, ухорканий, зацитьканий, вдекорований, софістикований, облаштований, роздриганий, продвинутий, глобалізований, підтіпаний, просотаний*. Напр.: *Старі чужі, бо консервативні. Молоді, бо дуже **продвинуті**. Найменші, бо вже матюкаються* [1, с. 68].

Значна частина неологізмів роману М. Слабошпицького «Гамбіт надії. Україна: констатації, матеріали, виклики, сподівання» твориться префіксальним способом, у переважній більшості за допомогою іншомовних префіксів: *анти-, квазі-, нео-, супер-, де-*: *антимайдан, анти-український, квазіпатріотичний, неофеодальний, супер-конспіративність* тощо. Напр.: *Якийсь час слухаю «регіональних» пустобрехів, що один по одному постають на сцені **Антимайдану*** [4, с. 38]. Антимайдан – проти Майдану.

Досить продуктивним є префікс *теле-*, котрий утворився внаслідок усічення прикметника «*телевізійний*»: *телематадор, теленарцис, теледебілізація* та інш. Напр.: *Більше того, дехто з наших **теленарцисів** регулярно ходить на всі ці шоу...* [4, с. 15]. Теленарцис – самозакохана особистість, котра регулярно виставляє свою особистість на телеекрані.

Велика кількість новотворів має префікс *євро-*: *євроінтеграція, євровибір, європередчуття* тощо. Напр.: *...Мовляв, він може увійти в національну історію, як **євроінтегратор**, і йому за те багато чого з його неправедних діянь вибачиться; та й із обранням на другу каденцію в Президенти не буде особливих проблем – політична воля й рішучість, продемонстровані ним у сюжеті **євровибору**, різко піднесуть його рейтинг, а тому конкуренти Януковича опиняться в скромних ролях статистів* [4, с. 26]. Євроінтегратор – той, хто пропагує політику євроінтеграції, наближення до європейського простору. Євровибір – вибір нового життя, по-європейськи.

Частина неологізмів твориться від нової похідної словотворчої основи *Євромайдан-*: *євромайданівський, євромайданний, євромайданівці* та ін. Напр.: *Це розуміли священники, а особливо побиті **євромайданівці*** [4, с. 43]. Євромайданівці – учасники Євромайдану.

При творенні нових лексем твору продуктивним є основоскладання, або й словоскладання: *стоодіозний, цитофонд, ленінопад, націєтворчий* тощо. Напр.: *Закономірна ланка процесу дерадянізації, який органічно вплився в духовний сюжет української революції, де мов ланцюгова реакція,*

розпочався (і вже не зупиниться!) «ленінопад» [4, с. 50]. Ленінопад – масове повалення по Україні пам'ятників Леніну.

Більшість дієслів утворено суфіксальним способом: *мавпувати, істеризувати, зазомбувати* тощо. Напр.: *Хоч як намагаються компартійці істеризувати ситуацію, громадськість – головно молодь, яка виросла і сформувалася вже в незалежній Україні, реагує на все те здебільшого або індиферентно, або з іронією* [4, с. 51]. Істеризувати – впадати в істеріку.

Отже, формування нового ресурсу української лексики на прикладі останніх творів Л. Костенко «Записки українського самашедшого» та М. Слабошпицького «Гамбіт надії. Україна: констатації, матеріали, виклики, сподівання» безперечно засвідчують поповнення концептуальної картини світу сучасного українця новими поняттями, тенденції їх входження до неї й «облаштування» в цьому мовному просторі. Така тенденція оновлення сучасної української словотвірної номінації переконує в тому, що українська мова має достатньо потужний власний потенціал для задоволення нових когнітивних і комунікативних потреб українців.

Список використаної літератури

1. Костенко, Л. Записки українського самашедшого / Л. Костенко. – Київ : А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА, 2011. – 416 с.
2. Нелюба, А. Лексико-словотвірні інновації (2012–2013) : словн. / А. Нелюба, Є. Редько. – Харків : Харк. істор.-філол. т-во, 2014. – 172 с.
3. Нові слова та значення : словн. / Ін-т укр. мови НАН України ; уклали : Л. В. Туровська, Л. М. Василькова. – Київ : Довіра, 2009. – 271 с.
4. Слабошпицький, М. Гамбіт надії. Україна: констатації, матеріали, виклики, сподівання / М. Слабошпицький. – Київ : Ярославів Вал, 2014. – 312 с.

А. В. Дядченко (г. Сумы, Украина)

СОМАТИЗМЫ В ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНОМ И ПОЭТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА

Значение слова зависит не только от отношения к объективной действительности, но и от места лексемы в словаре, а также от взаимодействия с другими языковыми единицами. Семантические изменения слова наиболее ощутимы в поэтической речи, где свобода лексико-семантической сочетаемости свидетельствует об изменениях в развитии современного литературного языка [1, с. 323; 3, с. 20, 186]. Основным объединяющим фактором выступает словарный состав: опираясь на общеупотребительный словарь, язык художественного стиля ищет новые способы индивидуально-авторской передачи мысли (В. В. Виноградов, Н. М. Сологуб и др.). Поэтому традиционно

актуальным заданием лингвопоэтики является установление закономерностей развития и корреляции словаря поэзии и лексики современного украинского языка.

Изучение образных парадигматических рядов – названий частей тела человека в значительной мере обусловлено интересом современной лингвистики к роли человеческого фактора в языке. Эту лексику квалифицируют как *соматическую*, тематическую группу имен существительных с архисемой ‘тело’ определяют термином *соматизмы* [4, с. 7]. Внешность человека – традиционный объект поэтизации, поэтому соматизмы принадлежат к постоянным предметам лингвостилистического анализа (Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, Л. И. Шутова, М. Ф. Братусь и др.).

Анализ соотношения соматической лексики, представленной в словаре современного украинского языка и в поэтических текстах конца XX – начала XXI века, дает возможность установить особенности развития поэтической речи в проекции на систему литературного языка.

Для выяснения соотношения общеупотребительного и поэтического корпусов соматической лексики нами были составлены реестры соматизмов, зафиксированных в академическом толковом Словаре украинского языка и в поэтических текстах анализируемого периода. Их сопоставление свидетельствует о том, что большинство соматических словоупотреблений в поэтической практике совпадает (487 наименований, что составляет 63 %), соответственно сегмент, репрезентирующий отличия, значительно меньше (281 единица, т. е. 37 % от общего количества).

Ядро частотных соматических лексем, являющихся общими для общеупотребительного словаря и словаря поэтического языка конца XX – начала XXI столетия, составляют номинации *очі, тіло, голова, груди, обличчя, вуста, руки, долоня, волосся, серце, кров*. Менее активно представлены лексемы *чоло, зіниці, повіки, брови, вуха, ніс, скроня, горло, шия, щока, коса, спина, живіт, нога, кістки, вени*. К единичным принадлежат употребления названий частей тела *вилиці, профіль, підборіддя, потилиця, щелепа, кучері, ключиця, лікоть, п'ята, м'язи, аорта, печінка, лімфа*. Идеографическая репрезентация соматической лексики свидетельствует: базой для формирования внешнепортретной парадигмы в языке современной поэзии закономерно является общеупотребительная лексика.

Подсчет данных соотношения в сегменте «соматизмы, отличающиеся в общеупотребительном и поэтическом словаре» дает основания утверждать: 85 % таких единиц (240 лексем) – общеупотребительные, 15 % (41 номинация) – индивидуально-авторские. Среди общеупотребительных соматизмов, отсутствующих в текстах современной поэзии, преобладают разговорные единицы (62 %).

Среди компонентов данной ЛСГ различаем также единицы по эмоционально-экспрессивной окраске: уменьшительные (*чубик, жилка, тулубець*), ласкательные (*брівонька, голівочка*), уменьшительно-ласкательные (*бровенята, волоссячко, долонечка, ліктик, ніженька, оченята, плечико, рученька, фігурочка, рум'яничик*), с аугментативным значением (*вусища, головище, кулачисько, носюра, плечисько, шияка*).

Отдельная лексико-семантическая подгруппа – редко-употребительные соматизмы (19 % от общего количества). Это такие номинации, как *пуповиння, пригорци*, сюда принадлежат также уменьшительно-ласкательные *тілечко, кучерявчики* и фольклоризм *кудрі*.

Стилистически нейтральная лексика (18 %) представлена такими единицами, как *білки, бакенбарди, шевелюра, мізинець, жменя, поперек, корпус, бронхи, нерв, ластовиння, мозоль* и т. д. Одна из возможных причин отсутствия этих единиц в поэтическом словаре – их периферийность в системе лексических поэтических средств создания портрета человека.

Количественное соотношение соматизмов, зафиксированных в словаре и отсутствующих в поэтических контекстах конца XX – начала XXI столетия, дает основания констатировать преобладание традиционного подхода к моделированию портрета человека, незначительную долю актуализации разговорных единиц и высокую частотность поэтизмов.

Среди соматических номинаций, не актуализированных в языке современных поэтических произведений, наибольшую (62 %) лексико-семантическую группу формируют разговорные слова [2, с. 206–207; 5, с. 124]. Редкоупотребительные, а также стилистически нейтральные слова в рассматриваемых текстах незначительны (19 % и 18 % соответственно), количество поэтизмов минимально (1 %).

Другим аспектом является *сегмент поэтического словаря, в состав которого вошли единицы, отсутствующие в лексикографических источниках*. Прежде всего это пассивные в употреблении названия частей тела (старославянизмы), единицы субстандартных лексических систем (сленгизмы), а также индивидуально-авторские образования.

Сегмент поэтического соматического словаря, который отличается от лексикографической репрезентации этой лексико-тематической группы в словарях литературного языка, показательно представляют старославянизмы. Такие словоупотребления наблюдаются в стилях представителей разных поэтических поколений – метафористов-восьмидесятников (О. Забужко, В. Герасимьюк), постмодернистов-девятидесятников (С. Пятаченко, С. Жадан, Н. Федорак), однако обусловлены неодинаковыми стилистическими установками. С одной стороны, старославянизмы демонстрируют изменение стилистической окраски, нейтрализацию «высокого» ореола в контексте их иронического

переосмысления, напр.: *Лиш бризне у ніч і скипить молоко в небесі, / їх діти стоять на чужім і холоднім порозі, / клянуть свою матір і гріють в золі голі нозі* (С. Пятаченко); *З очес ллються слези, і всі словеса – / На вию й власи замашная коса. / І паки складеш дві **руці** молитовно, / І притчу в язицех вонмеш ляментовно* (Н. Федорак). В других контекстах (чаще в стихотворениях начала 1980-х годов) старославянизмы сохраняют мелиоративную стилистическую окраску. Ср.: *озвучивши потоки світлі й темні, / розгледівши в імлі стражденний **лик** / того, від кого одвернувся вік* (И. Рымарук). Такую поляризацию экспрессивных значений мы связываем со значительным выразительно-оценочным потенциалом книжных единиц.

С точки зрения функционирования в современной поэтической речи пассивных лексических слоев заслуживают внимания сленгизмы. Ср.: *Навколо носами ошкірились черепи лисі, – / Ух як затопив би я кухлем у пітню **пену!*** (С. Лыбонь). Такое показательное для творчества восьмидесятников и девяностников вхождение в поэтический словарь единиц периферийных пластов языка исследователи связывают со стилистикой стеба, эпатажа [5, с. 124].

Несоразмерность лексикографического и текстового поэтического корпуса соматизмов иллюстрируют авторские неолексемы, которые являются проявлениями тенденции к индивидуализации высказывания.

Сопоставление реестров соматического словаря литературного и поэтического языка дает основания утверждать активное пополнение последнего аффиксальными неолексемами. Среди суффиксальных образований наблюдаем деление по экспрессивному стилистическому значению аугментативности и диминутивности, например: *ти процвиндрив печінку нирки і продав вакуоль / і волоським горіхом зміється слизька **черепуха*** (А. Бондарь); *А їм якісь інструктори з інструкцій / Читали інструктивний інструктаж / На всі інтелігентненькі **легеньки*** (А. Ирванец).

Итак, сопоставительная количественная и качественная характеристики соматической лексики в общеупотребительном словаре и в поэтической практике конца XX – начала XXI столетия засвидетельствовала, что в наиболее активной стилистической позиции находятся названия *тіло, обличчя, очі, вуста, волосся, серце, кров*, реже – номинации *брови, голова, долоня, коса, ніс, нога, рука, щоки, язик*; большинство соматических названий и общеупотребительного, и современного поэтического словаря – общие, что подтверждает статус общеупотребительной лексики как основы поэтического описания человека; меньший сегмент формируют названия частей тела, которые свидетельствуют о различиях в словоупотреблении.

Среди общеупотребительных соматизмов, отсутствующих в поэтической речи, – разговорные единицы, редкоупотребительные лексемы, устаревшие слова и диалектизмы. Сегмент поэтического словаря,

отличающийся от общеупотребительного, формируют в первую очередь устаревшая лексика и авторские новообразования.

Изучение парадигматических рядов образов – названий частей тела человека подтверждает весомость соматизмов в словаре современного украинского языка и словаре художественного стиля. Установление этого соотношения дает возможность установить специфику и тенденции развития поэтической речи в проекции на систему литературного языка.

Список использованной литературы

1. Єрмоленко, С. Я. Нариси з української словесності: (стилістика та культура мови) / С. Я. Єрмоленко ; Ін-т укр. мови НАН України. – Київ : Довіра, 1999. – 431 с.
2. Лисиченко, Л. А. Деякі лексико-семантичні процеси в сучасній мові / Л. А. Лисиченко // Лінгвістика : зб. наук. пр. – Луганськ : ЛНУ ім. Т. Шевченка, 2009. – Вип. № 3 (18). – С. 203–210.
3. Пустовіт, Л. О. Словник української поезії другої половини ХХ століття: семантико-функціональний аспект : монографія / Л. О. Пустовіт ; упоряд.: В. І. Матюша, П. А. Матюша, І. Л. Михно. – Київ : Рід. мова, 2009. – 243 с.
4. Скребнев, Ю. М. Очерки теории стилистики : учеб. пособие для студентов и аспирантов филол. спец. / Ю. М. Скребнев. – Горький : Горьк. гос. пед. ин-т иностр. яз., 1975. – 175 с.
5. Сюта, Г. Художній стиль (мова поезії) / Г. М. Сюта // Українська лінгвостилістика ХХ – початку ХХІ ст.: система понять і бібліографічні джерела / за ред. С. Я. Єрмоленко. – Київ : Грамота, 2007. – С. 114–203.

Е. А. Зуева (г. Минск, Республика Беларусь)

УНИВЕРБАЦИЯ В РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Политические и экономические преобразования в течение последних десятилетий значительно повлияли на развитие современных русского и белорусского языков. Особенно ярким, заметным было изменение в лексической и словообразовательной системах [8]. Для современной русской разговорной речи характерно интенсивное употребление сокращённых единиц: аббревиатур, субстантивированных прилагательных и причастий, усечённых и сложных слов, композитов и т. п. Универбация в этом ряду выступает как один из наиболее продуктивных словообразовательных процессов в русском и белорусском языках.

Универбация – способ образования слова на основе словосочетания. В этом случае основой производного слова, т. е. универбата, является только один член словосочетания. Универбат, по форме производное слово, соотносительно со словом, а по семантике – с целым словосочетанием [5, с. 10]. Чаще всего универбаты оформляются от основ прилагательных

на базе словосочетаний «прилагательное» + «существительное» чаще всего при помощи суффикса -к(а). Например: рус. *гуманитарная помощь* → *гуманитарка*, бел. *гуманітарная дапамога* → *гуманітарка*, рус. *зачетная книжка* → *зачетка*, бел. *заліковая кніжка* → *залікоўка*, рус. *маршрутное такси* → *маршрутка*, бел. *маршрутнае таксі* → *маршрутка* и т. д.

Термин *универбация* впервые был употреблен немецким младограмматиком К. Бругманном в 1904 году для обозначения звуковых единиц, возникших на основе словосочетаний, внешне цельно-оформленных, но не обладающих содержательной изолированностью.

Универбация представляет собой яркое проявление закона языковой экономии, выражающегося в уменьшении или упрощении формального компонента при сохранении информативности сообщения. Однако точного определения универбации в настоящее время в научной литературе не обнаруживается, поскольку под этим понятием исследователи подразумевают разные явления и в лингвистической литературе используются разные обозначения для данного словообразовательного процесса: «синтетическое сжатие» (В. В. Лопатин), «семантическое сжатие» (В. В. Виноградов), «семантическая конденсация» (А. В. Исаченко), «включение» (Н. А. Янко-Триницкая), «эллипсис / эллиптизация» (Т. Г. Винокур), «универбация» (Е. А. Земская), «универбизация» (Л. В. Сахарный). В статье мы используем термин «универбация» как одно из наиболее принятых обозначений для данного феномена.

Можно обозначить следующие периоды изучения универбации и универбатов как ее результативных единиц.

1. Первая половина XX века (Я. Розвадовский, А. А. Шахматов). На этом этапе только намечались подходы к исследованию словных образований, семантически тождественных словосочетаниям.

2. Вторая половина XX века (А. Бартошевич, В. В. Виноградов, М. Докулил, Е. А. Земская, А. В. Исаченко, Е. Калишан, В. В. Лопатин, Л. Н. Мурзин, И. М. Полякова, Н. А. Янко-Триницкая). Данный этап характеризуется общетеоретическим подходом к универбации.

3. Конец XX – начало XXI века (Н. С. Валгина, Р. И. Гафарова, Н. В. Дьячок, Л. В. Копоть, А. А. Лучик, Л. И. Осипова, В. И. Теркулов, И. А. Устименко, М. А. Ярмашевич). Для данного этапа характерно комплексное исследование универбации, заключающееся в детальном изучении универбализационных моделей образований с наиболее продуктивными суффиксами, углублении вопросов стилистического расслоения суффиксальных универбов, акцентировании внимания на многокомпонентности исходных словосочетаний, составлении словарей суффиксальных универбов.

Польский лингвист Я. Розвадовский в контексте компрессивного словообразования выдвинул теорию об «исконной двучленности возникающих понятий всякого наименования». Ученый считал, что вновь возникающие понятия одними своими признаками связываются с уже существующими понятиями, другими от них отличаются, поэтому языковой знак тоже состоит из двух компонентов – идентифицирующего и дифференцирующего. Теория Я. Розвадовского оказалась близка теории А. А. Шахматова, который понимал указанное явление в широком смысле и определил его как эллипс: «Эллипс – это не одноактное явление, а результат эволюционного развития языка. Связан с явлением антиципации, когда по фрагменту лексического состава ... единицы предвосхищается значение целого» [15, с. 457].

Для обозначения исследуемого явления А. В. Исаченко впервые использовал термин «семантическая конденсация». А. В. Исаченко также ввел в научный обиход под термином «универбация» понятие утраты формальной и семантической расчлененности наименования. Он обозначил данным термином следующие явления: 1) словосложение (*прямолинейный, водовоз*); 2) сращение (*накануне, долгоиграющий*); 3) эллиптический пропуск одного из элементов комплексного наименования: а) эллипсис означаемого члена, т. е. субстантивация (*рабочий, военный, передовая*); б) эллипсис означающего члена (*газовая плита – плита, патефонная пластинка – пластинка*); 4) аффиксальную деривацию (*молотильная машина – молотилка, прогрессивная зарплата – прогрессивка*); 5) нулевую суффиксацию (*противогазовая маска – противогаз*); 6) различные типы сложносокращенных слов (*медработник, ПАЗ, НИИ, мопед*) [7, с. 335].

В. В. Виноградов отмечал, что «словосочетание только в составе предложения и через предложение входит в систему коммуникативной категории речи сообщения. Но оно относится так же, как слово, и к области «номинативных» средств языка, средств обозначения». Этим лингвист подчеркнул существование в русском языке номинаций, образовавшихся на базе устойчивых словосочетаний. «Составные наименования могут иметь разговорно-просторечные эквиваленты в форме одного слова...: *вечерняя газета – вечерка, ночлежный дом – ночлежка, Погодинская улица – Погодинка*» [4, с. 141].

Н. М. Шанский называет универбацию *стяжением* или *сжатием*, указывая на то, что «способ стяжения сочетания «прилагательное + существительное» посредством суффикса -к(а) в слово, в результате которого функции опорного слова исходного оборота берет на себя названный суффикс, был продуктивным давно... Однако в советскую эпоху деривационная активность суффикса -к(а) стала особенно яркой» [14, с. 145–146].

В. С. Верещагина называет рассматриваемое явление *семантической конденсацией*, трактуя ее как «процесс, при котором один

из элементов номинации, состоящий по происхождению из двух элементов, утрачивает свою самостоятельность, в связи с чем происходит объединение этих элементов в единое целое» [3].

Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев рассматривают универбацию как способ словообразования, реализующийся в разговорной речи (считая разговорную речь особой языковой системой, противопоставленной в пределах литературного языка кодифицированному литературному языку), который действует только при производстве существительных [6, с. 120].

Расширительное понимание универбации представлено в «синтаксическом» направлении в словообразовании (Е. С. Кубрякова, Л. В. Сахарный, А. М. Шахнарович), в котором любое преобразование предикативной структуры в слово может трактоваться как процесс «универбизации». Второй подход (В. В. Лопатин, И. П. Глотова, И. А. Устименко, Н. А. Янко-Триницкая и др.) объединяет универбацию с другими видами компрессии и случаями семантического расширения (аббревиацией, субстантивацией). Третий, узкий, подход в рамках универбатов рассматривает только суффиксальные существительные, образованные от устойчивых словосочетаний с прилагательными. Несмотря на разброс мнений, в настоящее время достаточно полно определен состав универбатов, предложены их различные лексико-тематические описания и классификации, отмечены явления омонимии и многозначности.

Активное изучение универбации началось в 60–70 годах XX века. По мнению большинства ученых, среди существительных, образованных этим способом, первое место по продуктивности занимает суффикс **-к(а)**. Первые компрессивные слова с суффиксом **-к(а)** появились еще в 40-е годы XIX века. В сфере петербургских театралов (*Мариинский оперный театр* → *Мариинка*, *Александринский драматический театр* → *Александринка*).

Впервые как предмет исследования термин **универбаты** используется в работе Т. Д. Соколовской «Категория нормативности во вторичных наименованиях сокращенного типа», в которой представлена следующая дефиниция: это однословные наименования, производные от опорного атрибута с помощью наиболее употребительного суффикса **-к(а)**, сохраняющие стилевую связь со сферой своего появления (с разговорной речью), а также синонимическую связь с производящими сложными наименованиями [12]. Исследованиям суффиксов универбатов посвящены работы Д. В. Акунеева «Маршрутка, зачетка, социалка. Наименования с формантом **-ка**» (2009), Р. И. Гафарова «Продуктивные и непродуктивные суффиксы универбатов русского языка» (2010), Б. Новицка «Об универбатах с формантом **-ка**» (2010).

Явлению универбации в русском языке посвящен ряд диссертационных исследований последних десятилетий. Л. И. Осипова

в диссертации «Активные процессы в современном русском словообразовании: суффиксальная универбация, усечение» (1999) обращается к анализу суффиксальных универбов женского рода и усечений-существительных. В диссертации «Универбация как вид компрессивного словообразования в современном русском языке» (2005), М. А. Ярмашевич «Универбация как разновидность аббревиации» (2005). Л. В. Копоть производит системный, комплексный анализ универбов, извлеченных из периодической печати, а также представленных в этимологических словарях русского языка.

В сопоставительном плане универбация рассматривалась в работах О. Г. Широковой «Дериваційна універбізація в чеській мові (у зіставленні з російською)» (1991), Е. Н. Сидоренко «К вопросу о мотивационной базе универбов (на материале словацкого и украинского языков)» (1993), В. И. Теркулова «Универбализация в украинском и русском языках» (2005), О. М. Корытовой «Когнитивное пространство словосращения: на материале русского и английского языков» (2008).

В ряде диссертаций рассматриваются способы компрессивного словообразования, в том числе и универбация, в субъязыках – молодежном жаргоне (Т. В. Зайковская «Пути пополнения лексического состава современного молодежного жаргона» (1994), С. Гойдова «Молодежный жаргон в системе современного русского национального (общенародного) языка» (2004)); в компьютерном жаргоне (М. В. Барт «Словообразовательные модели современного русского компьютерного жаргона» (2010)); в языке СМИ (И. Ю. Первухина «Продуктивные типы и модели современного словообразования: на материале Нижегородской прессы конца XX – начала XXI века» (2007), Ю. М. Фаткабарова «Структурно-семантическая характеристика кратких газетных сообщений» (2007)).

Своеобразный подход к изучению универбации представляет диссертационная работа Й. Митурска-Бояновской «Универбация как один из видов полисемии лексем» (2002). А. С. Ивко исследует глагольную универбацию «Особенности глагольной универбации в русском языке» (2017) (например, *делать генеральную уборку – генералить, свести к нулю – обнулить*). Д. В. Дозорова рассматривает «Тематические сферы употребления универбов в русской речи» (2015).

Процесс универбации изучается в близкородственном белорусскому и русскому языкам – украинском: работы Н. Ф. Клименко, диссертация И. М. Думчака «Універбізація в українській мові» (1998), отмеченные выше диссертационные исследования сопоставительного плана О. Г. Широковой Е. Н. Сидоренко, В. И. Теркулова.

Универбация активно исследуется в западнославянских польском, чешском и словацком языках. На базе сопоставления чешского и польского: Е. Szczepascka “Uniwerbizacja w języku czeskim i polskim” (1994), диссертация К. А. Krawczyk “Tendencje do skrytowosci w języku czeskim i polskim” (2016), словацкого и польского: S. Sojda “Procesy uniwerbizacyjne w języku słowackim i polskim” (2011), М. Pančiková “Uniwerbizovaný pomenovania v slovenčine a polštine” (1993).

Универбация рассматривается и в южнославянских языках (болгарском): Св. Караянева «Активизация на универбирането в съвременната публицистична реч» (1999), Д. Благоева «Неологизми универбати в българския и чешкия език» (2003), Б. Тодорова «Универбизацията в телевизионните предавания» (2013), Ц. Аврамова “Univerbóty v lexikálnom systéme jazyka” (2013).

Несмотря на большое количество исследований и разных точек зрения на явление универбации в славянских языках, следует отметить, что универбация в белорусском языкознании практически не изучена. Данному явлению в белорусском языке посвящены только статьи академика А. А. Лукашанца.

Практически все исследователи отмечают, что сферой функционирования универбов как экспрессивных средств выражения является прежде всего устная разговорная и сленговая речь, а также профессиональная среда в силу целого ряда факторов, как языковых (закон экономии языковых средств, способствующий стягиванию слов и словосочетаний в более экономичные формы), так и экстралингвистических.

Анализ научной литературы позволяет сформулировать ряд признаков универбации как способа компрессивного словообразования современных русского и белорусского языков: 1) данный способ характерен для образования имен существительных: рус. *ночной магазин* → **ночник**; бел. *начны магазін* → **начнік** и др.; 2) производящей базой для дериватов-универбов выступает устойчивая единая номинативная единица – словосочетание, построенное по модели «прилагательное» + «существительное»: рус. *публичная библиотека* → **публичка**, бел. *публічная бібліятэка* → **публічка** и др.; 3) универбация при ее высокой продуктивности часто приводит к характерному для разговорной речи сосуществованию нескольких наименований для одного денотата: рус. *моторная лодка* – **моторка**, бел. *маторная лодка* – **маторка** и т. д.

Таким образом, универбация как один из компрессивных способов словообразования известен давно. Об универбации накоплен большой теоретический материал, в создании которого принимали участие как русские, так и зарубежные лингвисты: З. К. Ахметжанова, Н. С. Валгина, С. В. Гудилова, М. Докулил, Е. К. Калишан, Л. П. Катлинская, А. Н. Кожина, В. А. Кудрявцева, Л. Н. Мурзин, Г. А. Николаев, А. В. Сметанина,

Т. Малиновска, А. Борташевич, М. Виденов, D. Buttler, M. Szymczak и др. Исследователями отмечается особенная активизация данного способа деривации во 2-й половине XX – начале XXI века (Н. С. Валгина, В. В. Лопатин, В. Г. Костомаров и др.). Продуктивный сегодня способ образования новых слов до сих пор не получил единого термина и однозначной дефиниции. Среди основных причин появления универбатов в современных русском, белорусском и других славянских языках выделены потребность в новых наименованиях, тенденция языка к регулярности, к речевой экономии, к экономии усилий и временных затрат на коммуникацию, взаимодействие литературного и нелитературного пластов лексики, потребность человека в большей информативности и эмотивности.

Список использованной литературы

1. Дьячок, Н. В. Универбация в русском языке: структурно-семантическое и ономазиологическое описание : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02. / Н. В. Дьячок. – Артемовск, 2015. – 522 л.
2. Валгина, Н. С. Активные процессы в словообразовании / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – С. 130–149.
3. Верещагина, В. С. Активные процессы образования имен существительных в русской разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. / В. С. Верещагина. – Алма-Ата, 1980. – 28 с.
4. Виноградов, В. В. Избранные труды / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 560 с.
5. Земская, Е. Активные процессы в русском словообразовании нашего времени / Е. Земская // Acta Neophilologica, VIII, 2006. – С. 9–21.
6. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
7. Исаченко, А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков / А. В. Исаченко // Slavia. – 1958. – Roč. 27. Selj. 3. – S. 334–352.
8. Лопатин, В. В. Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов / В. В. Лопатин // Новые слова и словари новых слов. – Л. : Наука, 1978. – С. 72–80.
9. Лукашанец, А. А. Словаўтварэнне і граматыка / А. А. Лукашанец. – Мінск : НАН, 2002. – 672 с.
10. Сахарный, Л. В. Структура слова-универба и контекст / Л. В. Сахарный // Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. – Пермь, 1977. – С. 27.
11. Сидоренко, О. М. Про поняття універбізації в сучасному слов'янському мовознавстві / О. М. Сидоренко // Мовознавство. – 1992. – № 4. – С. 42–47.
12. Соколовская, Т. Д. Универбация как традиционный активный процесс в русском языке [Электронный ресурс] / Т. Д. Соколовская. – Режим доступа: <http://www.russian.slavica.org/article6443.html>. – Дата доступа: 16.11.2017.
13. Теркулов, В. И. Универбализация: постановка проблемы / В. И. Теркулов // Учен. зап. забайкал. ун-та. – Сер. : Филология, история, востоковедение. – 2010. – № 3. – С. 135–142.
14. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М. : Изд-во МГУ, 1968. – 310 с.

15. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.

16. Buttler, D. Niektóre problemy opisu zjawisk uniwersalizacji / D. Buttler // Slavistična revija. – 1977. – № 4. – S. 435–448.

Ю. А. Клипатская (г. Сумы, Украина)

ФАКТОР МОДЫ В СОВРЕМЕННОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Некоторые иноязычные слова, став атрибутами современной красивой жизни, получают статус модных слов. Мода касается самых разных сторон социальной жизни человека, и прежде всего это социально-психологический феномен, в основе распространения которого лежат психологические и социальные механизмы социальной регуляции и саморегуляции человеческого поведения [1, с. 10].

Социальная роль моды подчеркивает её родство с рекламой. Следование моде выполняет потребность личности в обновлении, потребность заявить о своём социальном статусе и утвердить его престиж. «Сама мода – это уже реклама человека, ей следующего» [5].

Фактор моды часто оказывает влияние на активизацию употребления заимствованных лексем в рекламном дискурсе, ведь чаще всего рекламируется то, что в реальной жизни воспринимается обществом как модное, современное. С этой точки зрения «модные слова являются своеобразной хроникой общества, сигналами социального времени, источником информации о политической, экономической и культурной жизни общества» [3, с. 49].

В период существования СССР главная задача каждого человека заключалась в том, чтобы не отделяться от коллектива, быть таким, как все, в отличие от западных стран, где каждый мог проявить себя как личность. В конце XX – начале XXI века в постсоветском пространстве ситуация изменилась, появилась иная тенденция: каждый член общества стал стремиться подчеркнуть свою индивидуальность, уникальность, нестандартность. Это находит отражение в языке: заимствуются понятия, которые помогают индивиду стать более свободным, раскрепоститься, быть не таким, как все, проявить своё «Я».

В настоящее время статус модных слов получили такие заимствованные слова, достаточно часто встречающиеся в рекламных текстах, как *биллборд*, *винтаж(ный)*, *гламурный*, *гранжевый*, *декор*, *имидж*, *копирайтинг*, *креатив(ный)*, *шопинг*, *эксклюзивный* и др. Например:

«Креативная лента

Самый старый проект, с которого собственно и начался AdMe. Ru.

На большом AdMe – это лучший креатив со всего мира. На AdMe-Украина – лента самых лучших креативных работ из украинского рекламного рынка! Украинский креатив спасёт мир!» [ua.adme.ru/projects].

Креатив – это калька с английского creative – ‘творческий’. Однако в современном понимании *креативный* – это не просто ‘творческий’, но и к тому же ‘нестандартный, небанальный, свежий, талантливый’. Все эти характеристики в совокупности и есть то, что вкладывают в понятие *креативный*. Заимствованная лексема помогает адресанту выделиться среди остальных, подчеркнуть уникальность создаваемого образа.

Творческая стратегия рекламирования определяется не тем, что заложено в товаре, а тем, что и как сказано об этом товаре в рекламе [4]. Здесь свою роль выполняет так называемый фактор необычности. То, что кажется необычным, – вызывает интерес, любопытство, наконец, удивляет, – хорошо запоминается. С позиции когнитивной психологии процесс поступления информации в память носит избирательный характер: в памяти фиксируются прежде всего те впечатления, которые обладают высокой степенью информативной значимости, или выделенности [4].

Этим объясняется использование в рекламном дискурсе большинства иноязычных лексем, имеющих корреляты в русском языке. Так, в рекламных текстах чаще встречается «*маркетёр*» вместо «продавец», «*копирайтинг*» вместо «написание текстов для рекламных сообщений», «*креатив*» вместо «творчество», «*сейлз-промоушен*» вместо «стимулирование сбыта», «*супервайзер*» вместо «контролер», «*медиа-сейлхауз*» вместо «агентство по продаже места в СМИ», «*биллборд*» и «*бигборд*» вместо «рекламный щит», «*лист-брокер*» вместо «агент по продаже адресов потребителей» и др. Например:

«РА “*Страна Реклама*”

Креатив, Копирайтинг, PR, GR, IR-кампании, Дизайн, Производство, Размещение [www.reklamia.ru].

В рекламе данного рекламного агентства, несмотря на наличие коррелятов в русском языке, используются заимствованные лексемы *креатив, копирайтинг, дизайн* с целью подчеркнуть отличительные особенности этого агенства. Такой способ выделиться, по Ю.К. Пироговой, может заставить потребителя посмотреть на товар по-новому и изменить его привычный взгляд на товарную категорию в целом [4].

Связывание слов в пары осуществляется в виде лексического повтора или варьирования [2, с. 52] не освоенных русским языком иноязычных лексем. Например, «*take-up*» вместо «макияж»:

«*Make Up*

Make-up или ***визаж*** – это возможность подчеркнуть красивые черты лица и скрыть недостатки. Это художественный образ,

*передающий ваше настроение, отношение к моде и себе. **Make-up** это искусство перевоплощения.*

Наша имидж-лаборатория предлагает услуги по созданию:

- повседневного (экспресс) **макияжа**,*
- корректирующего **макияжа**,*
- торжественного (вечернего) **макияжа**,*
- свадебного **макияжа**,*
- дневного (делового) **макияжа**,*
- мужского **макияжа**,*
- **фото макияжа** ...» [www.afrostudio.ru/coiffures/vizazh/].*

В рекламном тексте употребляются иноязычные лексические повторы *take-up*, *визаж*, соотносимые с ранее заимствованным словом *макияж*, которое служит «средством семантизации неологизмов», способом толкования более поздних заимствований [2, с. 52]. Основными функциями лексического повтора Е. И. Гусева называет «закрепление нового знания и сохранение преемственности», что предопределяет наличие в метаязыке добавочных значений или референтных коннотаций, которые проявляются при анализе однотипных названий [2, с. 52]. Так, при анализе слов *take-up*, *визаж* и *макияж* можем заключить, что французские заимствования *визаж*, *макияж* обозначают ‘гримирование, подкрашивание лица различными косметическими средствами (тушью, помадой, кремами и т. п.)’, тогда как англицизм *take-up* – это ‘создание индивидуального образа, которое предусматривает деятельность не только визажистов, но и парикмахеров, стилистов’. Семантическое развитие этого слова связано с более широкими возможностями лексической сочетаемости. Так, в рекламном дискурсе встречаются: *take-up-тенденции*, *take-up-клуб*, *take-up-приёмы*, *take-up-консультации*, *take-up-анкета* и др.:

«Make-up-тенденции

5 штрихов к модному образу

*Выразительный взгляд, чувственные губы, начёсанные волосы – 60-е возвращаются! Осенний **макияж** – ярче, чем обычно. Главное – не переусердствовать» (Женский журнал. Октябрь 2005).*

Заимствованные лексемы используются в рекламных текстах с целью создания у адресата впечатления сопричастности к развитию новых тенденций в моде, к модной индустрии, которым на современном этапе развития свойственны нестандартность, смешение различных стилей:

*«Базовая вещь этого образа – длинная джинсовая юбка со шлейфом. Её **винтажные** “заплаты” и вышивка очень удачно контрастируют с гламурным топом и аксессуарами. Вместе они создают эффект **гранж**евого шика. Такой неформальный подход к созданию наряда идеален для вечернего выхода в свет модной девушки» (Cosmopolitan. Март 2006).*

Иноязычные слова *винтажный*, *гламурный*, *гранжевый* характеризуют возникшие в 90-х годах XX столетия различные стилистические направления, противоположные по своему содержанию: *винтажная одежда* – любые предметы обихода прошлого в современной интерпретации (в стиле ретро); *гламур* – направление, напомнившее образы кинозвёзд 30-х годов, вернувшее в моду роскошь натуральных мехов и перьев, материалов с блестящими поверхностями; герой *гранжеевого стиля* – нищий или бомж в поношенной одежде с блошиного рынка, актуальными эффектами которой есть многослойность, случайность цветовых сочетаний, рисунков. Слияние таких разноплановых стилей усиливает эффект неформального подхода к созданию образа, который содержит в себе протест: «Я не такой, как все! Я неповторимый!».

Итак, фактор моды влияет на активизацию употребления заимствованных лексических единиц в современном рекламном дискурсе. Заимствованные лексемы, став атрибутами современной красивой жизни, помогают адресанту подчеркнуть уникальность создаваемого образа, произвести впечатление сопричастности к модной индустрии.

Список использованной литературы

1. Гофман, А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения / А. Б. Гофман. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : КДУ, 2010 – 228 с.
2. Гусева, Е. И. Иноязычный поток, или каждой твари по паре / Е. И. Гусева // Рус. яз., лит., культура в шк. и вузе. – 2006. – № 3. – С. 51–55.
3. Мустайоки, Арто. Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды / Арто Мустайоки, И. Т. Вепрева // Рус. яз. за рубежом. – 2006. – № 2. – С. 45–62.
4. Пирогова, Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации [Электронный ресурс] / Ю. К. Пирогова. – Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume1/1_31.htm. – Дата доступа: 15.11.2017.
5. Феофанов, О. А. Мода, дизайн и реклама [Электронный ресурс] / О. А. Феофанов. – Режим доступа: http://advertion.blogspot.com/2008/02/blog-post_24.html. – Дата доступа: 10.11.2017.

С. С. Коцевич (г. Брест, Республика Беларусь)

СПЕЦИФИКА «МУЗЕЙНОГО ЯЗЫКА»

Каждый язык культуры идиоматичен,
непереводим адекватно ни на один другой язык
и потому является наилучшим средством связи людей
в той конкретной ситуации,
для обслуживания которой он «изобретён»
и усовершенствован культурой.

М. С. Каган

«Музейный язык» – это метафора, основанная на существенном сходстве процессов порождения смысла с использованием средств

естественного языка, с одной стороны, и средств музейной коммуникации – с другой. Выразительность «музейного языка» достигается посредством различных знаковых систем и иных механизмов, выработанных культурой (коллекций, исторических символов, изобразительного искусства, естественного языка, технологий и пр.), необходимых для реализации социальных функций музея и музейной интерпретации. В таком понимании музейное собрание уподобляется тезаурусу языка, а правила экспонирования – коду, позволяющему конструировать смыслы. Подобно слову в предложении, отдельный музейный предмет приобретает значение в окружении других экспонатов или единиц коллекции, а музейная экспозиция приобретает признаки текста. В «музейном языке», как и в естественном языке, коммуникация осуществляется на основе двух главных действий – селекции и комбинации, при этом существует иерархия знаковых конструкций, а значение знака зависит от его места в последовательности других знаков.

Формирование концептуальной модели музея на основе философского осмысления музея как объекта, занимающего уникальное место в системе культуры, является одной из важнейших задач современной музееведческой мысли.

Теоретическое музееведение сформировало представление о музее как о специфической социально-культурной информационной системе, органично включённой в структуру культуры.

В современном мире музей выполняет функции социального наследования – опредмечивания, хранения, накапливания и трансляции человеческого опыта во всех сферах деятельности людей [1, с. 214].

Музей – это информационно-коммуникативная система. С позиций информационного подхода музей может рассматриваться в качестве информационной среды, а также других социальных информационных систем, т. е. в качестве сложноорганизованной системы информационных процессов производства, кодирования, сохранения, трансляции социальной информации.

В информационной среде существуют два вида информационных процессов в координатах времени: синхронные и диахронные. В первом случае речь идёт о передаче информации между субъектами, сосуществующими в рамках одного интервала времени (т. е. о передаче информации внутри данного социума). Второй случай – передача информации между субъектами, разделёнными друг от друга значительным промежутком времени (передача информации от предшествующих поколений к последующим, т. е. объективно-исторический процесс культуронаследования).

Объективация знаний, ценностей, умений с последующей организацией информационных процессов (синхронных и диахронных) в информационной среде осуществляется посредством множества различных знаковых систем – языков культуры. «Множество разновидностей языка нужно культуре именно потому, что её информационное содержание многосторонне богато и каждый специфический информационный процесс нуждается в адекватных средствах воплощения» [2, с. 253–254]. Возникновение данных языков детерминировано объективными потребностями адекватного отражения различных предметных областей. При этом весь арсенал возможных языковых средств культуры ограничивается, с одной стороны, определённым числом анализаторов, которыми располагает человек и которыми он может пользоваться в условиях своей общественной деятельности, и с другой – возможными средствами знакообразования. К анализаторам, имеющим «общественное» значение, можно отнести: тактильный, обонятельный, акустический, визуальный. В общественной деятельности человека названные анализаторы играют роль четырёх «окошек», обращённых в природу и социум. Наибольшее развитие, естественно, получили те способы передачи информации, которые опирались на функционирование анализаторов, обеспечивающих связь между субъектами на большую дистанцию – визуальный и акустический. Тактильный и обонятельный анализаторы и основанные на них каналы связи используются при передаче информации между индивидами, находящимися в непосредственной близости друг от друга. Субъекты, занятые в трудовых и общественных процессах, как правило, находятся на значительном удалении друг от друга, и тогда могут действовать только визуальный и акустический каналы связи. Именно эти виды связи имели особое значение в развитии человеческой культуры и формировании семиотической структуры инфосреды. Визуальный и акустический каналы связи обеспечили нашим древнейшим предкам возможность передачи информации в пределах видимого и слышимого поля. При этом, используя визуальный канал связи, человек мог передать сообщение с помощью мимических, жестовых знаков или телодвижений-знаков (т. е. опираясь на собственные биологические возможности), а также с помощью природных или искусственных предметов-знаков. При использовании акустического канала связи сообщение могло быть передано с помощью голоса, а также звуков, извлекаемых при помощи различных предметов природного или искусственного происхождения. Т. е. и при визуальном, и при акустическом варианте передачи информации могли быть использованы и использовались только два рода знаков: основанные на собственно человеческих средствах общения и коммуникации, основанные на внешних для человека природных (или искусственных) средствах. Знаки, основанные

на использовании внешних для человека средств и обращённые к двум основным анализаторам, составили предметно-визуальную и предметно-акустическую группы знаков.

Самостоятельное место в семиозисе культуры занимает знаково-предметный «музейный» язык, генетические корни которого находятся в двух из пяти названных компонентов древнейшего языка – предметно-визуальном и предметно-акустическом. «Прообразом» сообщения, составленного на «музейном языке», можно считать всякое собрание и сохранение материальных предметов, наделяемых определённым значением (сакральным, экономическим, эстетическим, донаучным, значением социального престижа, групповой принадлежности и т. п.) [3, с. 450].

«Музейный язык» использует для формирования специфического «музейного знака» материальный предмет – подлинный фрагмент репрезентируемого объекта или сам объект в его целостности.

«Музейный язык» материализует, кодирует информацию именно и только с помощью подлинного фрагмента самого этого объекта (или объекта в его целостности). В письменной речи связь знака с денотатом произвольна. Слово является обозначением понятия, также как предложение, составленное из нескольких слов – обозначением суждения. Слово связано с этим понятием лишь условно: оно принято в данном сообществе для обозначения этого понятия согласно установленным правилам кодирования. Вещественный, пространственный, зримый облик словесного текста никак не обуславливает его содержание. Слово выступает в качестве условного знака, знака-символа понятия. Цвето-тональные или объёмно-пластические комбинации, выступающие в качестве специфических «изобразительных знаков», в той или иной степени подобны визуальным параметрам образа обозначаемого объекта. Субъект-творец объективирует в «изобразительном знаке» некоторые визуально воспринимаемые грани, свойства образа объекта, создавая «воплощенный художественный образ» [3, с. 450].

Кодирование, или преобразование вербального языка в «музейный язык», опирается на самостоятельность реального облика самого знака. При этом, однако, знак изобразительного языка, как уже отмечалось, является «конструкцией», искусственно созданной субъектом-творцом, тогда как главным признаком «музейного знака» является его подлинность, т. е. обязательная принадлежность к обозначаемому им объекту реальности. Специфический «музейный знак» несёт одновременно и первичную информацию (самоценность подлинного предмета – фрагмента моделируемой действительности, его «вещественность»), и вторичную информацию (знаковость предмета, несомые им, но отличные от него самого культурные значения и смыслы). Вторичная информация специфического музейного предмета-знака неотделима от первичной

информации самого предмета как самоценного объекта восприятия, знаковость предмета от его «вещности». Причём музейный предмет-знак может восприниматься и визуальным, и тактильным, и обонятельным рецепторами, а при наличии у него каких-либо акустических параметров – и акустическим. Естественно, доля визуальной информации будет значительно выше, чем всех остальных.

Таким образом, информационное сообщение об одном и том же объекте культурно-исторического пространства на письменном, изобразительном и «музейном» языках может быть закодировано различными способами.

Типичным музейным высказыванием является выставка или экспозиция. Музейная экспозиция, безусловно, воспринимается своеобразным видом текста, поэтому многое зависит от его понимания и интерпретации. Основной задачей музея должен считаться правильный, продуманный отбор и оптимальное составление тезауруса. Однако одного этого недостаточно. Ни один из музеев не основывался лишь для создания и хранения коллекции. Любое представление коллекции экспонатов – это осуществление коммуникации, оказание на посетителя информационного, эстетического, эмоционального воздействия.

Подобный эффект является уникальной особенностью «музейного языка», он не может возникнуть в результате передачи информации посредством любых других языковых систем. С помощью «музейного языка» объекты культурно-исторического пространства обращаются к нашему сенсорному восприятию и становятся для нас объектами реально ощущаемого подлинного мира, фактом нашего реального опыта. И если воплощённые в изобразительных знаках субъективные образы объектов обращены к визуальному восприятию, то подлинные музейные предметы – специфические музейные знаки – обращены ко всем видам восприятия (хотя преобладающим, как правило, является всё же восприятие визуальное). Неслучайно музейные экспонаты «оберегаются» запретительными предписаниями «руками не трогать!», так как у коммуниканта постоянно возникает стремление дополнить информацию, полученную посредством визуального канала связи, тактильной информацией. Музейные предметы, обладающие обонятельными или акустическими свойствами, неизменно требуют их восприятия не только визуально, но и посредством обонятельного и акустического анализаторов.

Способность «музейного языка» обеспечивать всю полноту сенсорного восприятия объектов культурно-исторического пространства позволяет включать в наш опыт эти объекты во всей полноте их «наличного бытия». Эта уникальная способность музея обуславливает его особое место в морфологической структуре культуры как инфосреды, обеспечивает возможность противостояния «дальнейшей пагубной «вербализации» нашей культуры, нашей сенсорной безграмотности, утрате навыков конкретно-

образного мышления и восприятия, т. е. тем процессам, которые затрудняют интегративные тенденции культуры и блокируют многие продуктивные пути развития человеческой деятельности» [2, с. 260].

Мысли М. Мамардашвили также могут объяснить особенность «музейного языка». По его мнению, «... у слов есть два критерия. Во-первых, само слово и, во-вторых, доступность значения предмета слова помимо слова... Мы под слова подставляем предметы и тем самым выполняем еще одну операцию. Есть операция, осуществляемая с помощью слова, и есть еще вторая операция (необходимая для него), которая не является словом, а есть его указание... Нужна операция указания на опыт...» [4, с. 25–26]. Таким образом, музейный экспонат и будет для нас тем вторым критерием языка, т. е. указанием значения слова. Исторические события, изложенные в многочисленных интерпретациях, становятся для нас реально существующими, ожившими. Язык музея – язык констатации. Уникальность языка музея состоит также и в том, что его составляющие предметы невозпроизводимы вновь. Продукты музыки, литературного творчества и особенно таких современных видов искусства, как кинематограф или фотография, имеют неограниченные возможности. Этот язык уникален. Он не поддается простому счету (столько-то и столько-то букв, которые, соединяясь, могут образовывать такое-то число слогов, слов и т. п.). Количество элементов языка будет равно всей совокупности музейных экспонатов музея. Однако, несмотря на такую многозначность, язык музея понимаем и читаем. Человека никто не обучает чтению музейной информации. Это происходит на почве интуиции, либо «обучение» идет параллельно восприятию, чтению (т. е. экскурсовод или специальный путеводитель объясняет посетителю специфику каждой вещи). Основу же музейного богатства составляют изобразительные источники, которые по сути своей не имеют возможности репродуцирования. Конечно, современные возможности типографии и компьютерного дизайна могут воспроизвести в полиграфии все, что угодно, но репродукция живописного полотна не есть само живописное полотно. Все экспонаты музея уникальны. На них лежит дух их времени, дух эпохи, дух их создателя, владельца. Попытки преодолеть значимость подлинных экспонатов только лишь доказывают уникальность подлинников.

Список использованной литературы

1. Каган, М. С. Художественная деятельность как информационная система / М. С. Каган // Системный подход и гуманитарное знание : избр. ст. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. – С. 214–216.
2. Каган, М. С. Музей в системе культуры / М. С. Каган // Вопр. искусствознания. – 2004. – № 4. – С. 450.
3. Мамардашвили, М. К. Введения в философию / М. К. Мамардашвили // Необходимость себя. – М. : Лабиринт, 2006. – С. 25–26.

Ю. А. Окуневич (г. Гродно, Республика Беларусь)

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ИНТЕРНЕТА)**

В настоящее время ни для кого не является секретом тот факт, что современный человек живёт в эпоху информационной революции. Воздействие информационных технологий на все сферы жизни общества началось в последней четверти XX века и с каждым годом становится всё более активным. На первые позиции в жизни человека вышел Интернет, выступающий основным источником информации, а также средством массовой и межличностной коммуникации. В последнее время отечественные лингвисты с уверенностью говорят о том, что в современном языкознании сформировалась совершенно новое направление – интернет-лингвистика. Предметом изучения данной отрасли являются фонетические, грамматические, семантические, слово-образовательные особенности функционирования естественного языка в виртуальной сети. Также в рамках данной области анализируются языки общения в Интернете, интернет-литература и многие другие явления и процессы.

На сегодняшний день Интернет как лингвистический феномен вызывает несомненный интерес у исследователей, поскольку оказывает огромное влияние на общелитературный и разговорный язык. Именно в языке Интернета наиболее ярко и полно отражаются динамические процессы, происходящие в современном русском языке. В данной работе мы остановимся на рассмотрении словообразовательных особенностей компьютерного сленга и сленга социальных сетей. Материалом исследования послужили «Краткий словарь ФИДОВОГО диалекта» [4], а также лексика компьютерных форумов, лексика социальных сетей «ВКонтакте» и Twitter.

Жаргон программистов и компьютерщиков в настоящее время несколько расширил свои функции. Сейчас он выступает не просто как язык профессионального общения, он становится языком корпоративного жаргона с постоянно растущим количеством носителей [2]. Другими словами, его лексика понятна практически любому интернет-пользователю. Язык социальных сетей также в основной массе не вызывает затруднений у современного человека.

В нашей работе мы рассмотрим наиболее активные словообразовательные процессы, характерные для языка Интернета, такие как аббревиация, аффиксация, семантическая деривация, усечение и универбация.

Согласно данным «Русской грамматики – 80», аббревиация представляет собой способ словообразования, который объединяет все типы сложносокращённых и сокращённых образований [7]. Отметим, что использование аббревиатур – одна из характерных особенностей интернет-языка. Их широкое употребление объясняется влиянием английского языка [5], в котором аббревиатуры распространены как в устной, так и в письменной речи, например: *ИМО* (*In My Humble Opinion*) ‘по моему скромному мнению’ (единственная из английских аббревиатур, употребляющаяся в русской транслитерации: *ИМХО*), *ИЮО* (*In Your Opinion*) ‘вы считаете, что...’, *FAQ* (*Frequently Asked Questions*) ‘справочник, составленный из ответов на наиболее часто задаваемые вопросы по определенной теме’ и др. Среди русскоязычных аббревиатур отметим следующие: прога ‘программа’, инет ‘интернет’, рега ‘регистрация’, админ ‘администратор’, инфа ‘информация’, клави ‘клавиатура’, ЛС ‘личное сообщение’, ЧС ‘чёрный список’, вебка ‘вебкамера’, кондёр ‘конденсатор в электронных устройствах’ и т. д.

Специфичной чертой словообразовательных процессов в языке Интернета является тот факт, что нередко ядром каждого словообразовательного гнезда выступает заимствование или калькирование англоязычной корневой морфемы, причём заимствуются не только морфемы, но и аббревиатуры, которые впоследствии сами приобретают статус корневых морфем. Далее словообразовательный процесс осуществляется в соответствии с правилами русской словообразовательной системы [5]. На этой основе продуктивным способом словообразования является аффиксация, представленная суффиксацией и префиксацией.

В исследуемом материале обнаружилось большое количество суффиксальных и префиксальных образований. Что касается суффиксации, можно отметить тот факт, что она происходит на основе как английских, так и русских корневых морфем. При образовании существительных наиболее продуктивными суффиксами являются **-к-, -ик-, -ер-, -шк-, -инг-, -юх-**: вайфайка ‘*Wi-Fi адаптер*’, залитик ‘*электронное устройство, внутрь которого попала жидкость*’, смайлик ‘*улыбка*’, спамер ‘*создатель спама*’, мэйлер ‘*программа приёма и передачи почты*’ (от англ. *e-mail* ‘*электронная почта*’), кодер ‘*программист, занимающийся написанием кодов программ*’, экзэшка ‘*файл с расширением .exe*’, себяшка ‘*фото самого себя*’, автосэйвинг ‘*автоматическое сохранение программой вводимых данных*’ (от англ. *autosave* ‘*автосохранение*’), листинг ‘*текст компьютерной программы в формате, предназначенном для чтения*’, видюха ‘*видеокарта*’, менюха ‘*программное / системное меню*’. Непродуктивным оказались суффиксы **-янин-, -арь-, -ит-**: хэлпарь ‘*помощник*’ (от англ. *help* ‘*помощь*’), твиттерянин ‘*пользователь*

Twitter’, *селфит* ‘фотографирование себя в любое удобное время с последующим размещением снимков в социальных сетях’ (от англ. *self* ‘сам, себя’, ср. русский суффиксальный аналог *себяшка*).

При образовании глаголов наиболее частотными суффиксами выступают **-ну-**, **-и-**: *твитнуть* ‘написать сообщение в Twitter’, *лайкнуть* ‘поставить лайк’, *репостнуть* ‘сделать репост’, *яндекснуть* ‘искать информацию при помощи поисковой системы Яндекс’, *гуглить* ‘искать информацию при помощи поисковой системы Google’, *мылить* ‘писать и передавать сообщения посредством электронной почты’.

В активной лексике интернет-пользователей присутствует много префиксальных глагольных образований: *загуглить* ‘создать поисковый запрос в Google’, *зафрендить* ‘добавить в список друзей’ (от англ. *friend* ‘друг’), *зачекиниться* ‘зарегистрироваться’ (от англ. *check in* ‘регистрация’), *забанить* ‘запретить доступ’ и т. д.

В языке Интернета встретились случаи семантической деривации, например: *вафля* ‘технология передачи данных Wi-Fi’, *рак* ‘человек, плохо играющий в компьютерную игру’, *виснуть* ‘плохо работать / не работать’ (о компьютере), *чайник* ‘человек, который плохо разбирается в компьютерах’, *халат* ‘антивирусная программа’, *унитаз* ‘корзина для удаления файлов в ОС Windows’, *убить* ‘удалить файл’, *мозги* ‘оперативная память’, *мыло* ‘адрес электронной почты, почтовый ящик’, *кирпич* ‘процессор’, *юбка* ‘рамка для крепления системы охлаждения в ноутбуке’ и т. д.

Достаточно продуктивным способом словообразования в интернет-языке выступает усечение. Использование этого относительно нового способа производства слов объясняется действием закона языковой экономии, при котором в качестве номинации используется меньший по форме сегмент, чем соотносимое с ним по форме и семантически тождественное ему мотивирующее слово или словосочетание: *комп* ‘компьютер’, *ноут* ‘ноутбук’, *плани* ‘планшет’, *проц* ‘процессор’. В тесной связи с усечением находится универбация – один из видов компрессивного словообразования [3, с. 8]. Универбация представляет собой образование кратких номинаций с предметной семантикой путём деривационной свёртки стилистически нейтральных словосочетаний, имеющих в составе атрибутивный компонент: *оператива* / *оперативка* ‘оперативная память’, *мать* / *мамка* ‘материнская плата’, *системник* ‘системный блок’, *сетевуха* ‘сетевая карта’, *звуковуха* ‘звуковая карта’, *личка* ‘личное сообщение’, *пиратка* ‘пиратская / незаконная программа’, *лицензионка* ‘лицензионная программа’, *локалка* ‘локальная компьютерная сеть’, *коротыш* ‘короткое замыкание’.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- 1) процесс образования новых слов в языке Интернета носит стихийный характер;
- 2) в словообразовательной системе интернет-языка продуктивными являются различные способы словообразования: аббревиация, аффиксация, семантическая деривация, усечение, универбация;
- 3) образование новых слов в Интернете чаще всего происходит на основе заимствованной / калькированной англоязычной корневой морфемы либо аббревиатуры, которая приобретает статус корня.

Список использованной литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 4-е изд. – М., 2007. – 576 с.
2. Виноградова, Н. В. Компьютерный сленг и литературный язык: проблемы конкуренции [Электронный ресурс] / Н. В. Виноградова // Исследования по славянским языкам. – 2001. – № 6. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradova-01.htm>. – Дата доступа : 12.12.2017.
3. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М. : Наука, 1992. – 222 с.
4. Зыков, Н. Краткий словарь ФИДОВОГО диалекта [Электронный ресурс] / Н. Зыков. – Режим доступа : http://lib.ru/ANEKDOTY/sleng.txt_with-big-pictures.html. – Дата доступа : 12.12.2017.
5. Иванов, Л. Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста [Электронный ресурс] / Л. Ю. Иванов. – Режим доступа: <http://www.faq-www.ru/lingv.htm>. – Дата доступа: 12.12.2017.
6. Кувшинская, Ю. М. Аббревиация в речи интернет-форумов / Ю. М. Кувшинская // Современный русский язык в Интернете / ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. – М. : Шк. «Яз. слав. Культуры», 2014. – С. 23–39.
7. Русская грамматика : в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 789 с.

А. А. Посохин (г. Брест, Республика Беларусь)

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В СМИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Термин «социальная реклама» сравнительно недавно вошел в нашу жизнь, однако нельзя сказать, что само явление социальной рекламы является приметой исключительно последнего времени. Государственные органы любого государства во все времена тем или иным образом пытались предлагать обществу соответствующие модели социально ответственного поведения, поскольку наличие моделей, адекватных уровню развития общества, создает основу для договора как между отдельными членами общества, так и между обществом и системой государственного управления. Поэтому очень важно, чтобы форма, в которую облекается подобная модель,

была, с одной стороны, максимально доступной в восприятии, а с другой – вызывала стремление следовать этой модели. Языковые средства создания формы или составной части формы социальной рекламы во многом определяют эффективность социальной рекламы. Поэтому анализ языковых средств, используемых в социальной рекламе Республики Беларусь, представляет, на наш взгляд, определенный интерес.

Согласно Закону Республики Беларусь от 10.05.2007 № 225-3 «О рекламе» под социальной рекламой понимается реклама прав, охраняемых законом интересов или обязанностей организаций или граждан, здорового образа жизни, мер по охране здоровья, безопасности населения, социальной защите, профилактике правонарушений, охране окружающей среды, рациональному использованию природных ресурсов, развитию белорусской культуры и искусства, международного культурного сотрудничества, программ по вопросам развития образования, государственных программ в сферах здравоохранения, культуры и спорта либо иных явлений (мероприятий) социального характера, которая направлена на защиту или удовлетворение общественных или государственных интересов, не носит коммерческого характера и рекламодателями которой являются государственные органы [5].

Социальная реклама, как и коммерческая реклама, может размещаться (распространяться) в любой форме с помощью любых средств: в печатных и электронных средствах массовой информации (телевидение, радио), в наружной рекламе и на транспортных средствах, в сети Интернет, посредством распространения листовок и т. д.

Поскольку рекламодателями социальной рекламы по закону являются государственные органы, мы решили посмотреть, как социальная реклама представлена на официальных сайтах исполнительной власти Республики Беларусь, в частности, на сайтах различных министерств, а также определить языковые особенности размещенных на них рекламных материалов.

К нашему удивлению, далеко не все сайты министерств располагают профильными рекламными материалами. Так, на сайтах министерств архитектуры и строительства, министерства иностранных дел, информации, культуры, лесного хозяйства, промышленности, образования, связи и информации, сельского хозяйства и продовольствия, спорта и туризма, транспорта и коммуникаций, труда и соцзащиты, финансов, экономики, энергетики, юстиции, жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь социальная реклама либо совсем отсутствует, либо представлена в очень ограниченном виде. Тем не менее, ряд министерств очень внимательно относится к размещению на своих сайтах социальной рекламы. Наиболее достойно, как нам кажется, выглядят МЧС, МВД, МНС, Министерство здравоохранения и Министерство природных

ресурсов и окружающей среды. На сайтах этих министерств раздел социальной рекламы дан в основном меню [1–4; 6].

Социальная реклама на этих сайтах представлена тематическими видеороликами, макетами билбордов, рекламных листовок, на сайте МЧС дан сборник различных мультимедийных материалов, которые можно использовать как в средствах массовой информации, так и на специальных мероприятиях, направленных на формирование навыков безопасного поведения.

Содержание рекламных материалов чаще всего касается формирования социально приемлемых моделей поведения, отдельные материалы рекламируют службу в структурах соответствующих министерств:

Прожить одну жизнь – спасти тысячу! (МЧС)

Ваша безопасность в надежных руках! (МВД)

В синтаксисе рассмотренных образцов белорусской социальной рекламы мы не обнаружили единиц ниже уровня простого предложения. Достаточно частотны одиночные простые предложения:

Перевозите детей безопасно!

Беларускае – самае маё!

Пристегни самое дорогое – жизнь!

Водители! Берегите наше детство!

А ваши дети не на дороге?

Среди одиночных простых предложений часто встречается осложнение обращением, которое делает рекламное сообщение более адресным:

Пешеход, дай шанс себя заметить!

Очень частотны как среди одиночных предложений, так и в текстах разной степени распространенности побудительные предложения: непобудительность социальной рекламы – явление редкое. Причем побудительность практически не передается переносными глагольными формами: наиболее частотны прямые формы побудительного наклонения, что объясняет широкую распространенность односоставных определенно-личных предложений со значением второго лица.

Встречаются одиночные сложные предложения как двучленные, так и многочленные. В них нередки причинно-следственные, условно-следственные, пояснительные, целевые отношения:

Каждый человек может изменить привычки на экологичные: беречь лес и не допускать пожаров, выбирать местные сезонные продукты, обрабатывать землю, но без использования химикатов, чтобы уменьшить влияние на климат.

Пьяный за рулем – смерть уже рядом.

Хочешь завязать с наркотиками – выход есть.

Рекламные тексты, разной степени протяженности – от микротекстов до достаточно протяженных – также очень часто строятся на основе взаимообусловленности составных частей текста. Это могут быть причинно-следственные отношения, условно-следственные отношения, целевые:

Внимание – дети! Включите ближний свет!

Помни ночью, помни днем, что нельзя шутить с огнем! Если сеть перегружать, то беды не избежать!

Не употреблять? Легко. Помощь. Бесплатно. Анонимно.

Курение убивает! Бросай курить сейчас!

Встречаются конструкции, построенные на противопоставлении, в том числе парцеллированные:

Дети не ищут опасности. Они просто играют.

Не стань товаром. Узнай о безопасном трудоустройстве за границей.

На основе глобального противопоставления строятся достаточно протяженные рекламные тексты, которые пропагандируют здоровый образ жизни. В подобных текстах, состоящих из нескольких сложных синтаксических целых, зачинные строфы противопоставлены строфам концовки:

– Я курю, и мне это нравится!

– Люблю вечером выпить пива! Могу это делать хоть каждый день!

– Пешие прогулки? Спорт? Я же работаю в офисе – у меня совершенно нет времени!

– Обожаю газировку, все сладкое, чипсы и гамбургеры!

А знаете ли вы, что курение, злоупотребление алкоголем, недостаточная физическая активность, нездоровое питание приводит к развитию неинфекционных заболеваний, сердечно-сосудистых заболеваний, сахарного диабета, хронических респираторных заболеваний. Неинфекционные заболевания являются причиной 63 процентов всех случаев смерти в мире.

Можно ли предупредить неинфекционные заболевания? Да, для этого нужно изменить свой образ жизни: бросить курить, активно двигаться не менее 30 минут в день, перестать злоупотреблять алкоголем, есть 5 порций овощей и фруктов, сократить употребление сахара и соли. Устранив основные факторы риска развития неинфекционных заболеваний, можно предотвратить примерно три четверти случаев инфаркта, инсульта и диабета второго типа, а также 40 случаев онкологических заболеваний.

Сложно сразу изменить образ жизни на здоровый. Людям проще изменить свой образ жизни, когда они чувствуют поддержку других. Давайте вместе меняться! И вместе помогать изменяться другим! Вместе к здоровью!

Надо заметить, что рекламные тексты такой протяженности весьма сложны для восприятия и, на наш взгляд, плохо справляются со своей функцией, так как содержат в себе избыточное количество примеров поведенческих моделей, что дезориентирует слушающего. Причем ситуацию не спасает даже видеоряд, сопровождающий текст.

Среди морфологических особенностей рассмотренных рекламных текстов можно отметить практически повсеместное употребление форм настоящего времени в значении расширенного настоящего, что является вполне понятным, так как употребление расширенного настоящего грамматическими средствами создает эффект незыблемости, истинности предлагаемых поведенческих моделей. В этом мы видим преимущество языковых средств, используемых в пословицах и поговорках, и средств, используемых в социальной рекламе. Сходство проявляется еще и в том, что нередко ряд рекламных текстов строится по одной модели:

Помни ночью, помни днем, что нельзя шутить с огнем! Чтобы дом свой уберечь, содержи в порядке печь.

Помни ночью, помни днем, что нельзя шутить с огнем! Если сеть перегружать, то беды не избежать!

Каждый человек может изменить привычки на экологичные: не загрязнять водоемы, принимать душ, а не ванну, мыть не проточной водой, а для полива собирать дождевую, чтобы уменьшить влияние на климат.

Каждый человек может изменить привычки на экологичные: беречь лес и не допускать пожаров, выбирать местные сезонные продукты, обрабатывать землю, но без использования химикатов, чтобы уменьшить влияние на климат.

Окажется ли социальная реклама такой же действенной и доступной в принятии предлагаемой модели поведения, как и привычные паремии, – покажет время.

Список использованной литературы

1. МВД Республики Беларусь. Социальная реклама [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mvd.gov.by/main.aspx?guid=1711>. – Дата доступа : 01.11.2017.
2. Министерство здравоохранения Республики Беларусь. Культура здоровья (информация для населения) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://minzdrav.gov.by/ru/static/for-population>. – Дата доступа : 12.10.2017.
3. Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. Социальная реклама и видео [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://minpriroda.gov.by/ru/socreklama/>. – Дата доступа : 12.10.2017.
4. МНС Республики Беларусь. Социальная реклама [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.nalog.gov.by/ru/social_advertising_ru/page/1/. – Дата доступа : 03.11.2017.
5. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700225>. – Дата доступа : 25.09.2017.

6. Соціальна реклама (відеоролики) МЧС Беларуси [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://mchs.gov.by/multimediynye-materialy-obzh/video/sotsialnaya-reklama-videoroliki-mchs-belarusi/>. – Дата доступу : 15.10.2015.

І. Р. Процик (м. Київ, Україна)

ЧУЖОМОВНІ ЗАПОЗИЧЕННЯ В СОЦІОЛЕКТІ УКРАЇНСЬКИХ ФУТБОЛЬНИХ ФАНАТІВ

В Україні, подібно, як і в інших європейських державах, однією з наймасовіших молодіжних субкультур є субкультура футбольних уболівальників, які називають себе футбольними фанатами. Батьківщиною футбольного фанатського руху, як і самого футболу, є Великобританія, адже саме британські уболівальники одними з перших влаштували організовану підтримку своїх команд під час футбольного матчу. В Україні футбольний фанатський рух започатковано у 80-х роках ХХ століття, а найактивніший період його формування припадає на другу пол. 90-х роках ХХ століття та поч. ХХІ століття.

Складником фанатської ідентичності є специфічна мова – соціолект, яким послуговуються футбольні фанати. Сутністю соціолекту, основним елементом, який відрізняє мовлення окремої групи людей, пов'язаних певними соціальними зв'язками, від мовлення загалу, є лексика. Лексичні засоби, які окреслюють сферу соціальної активності футбольних фанатів, – усе, що стосується вболівання за улюблену команду. Оскільки футбольний фанатизм виник на Туманному Альбіоні, то й фанатський соціолект сформувався передовсім в англійській мові, а мовлення фанатів із різних європейських країн містить чимало запозичень із англійської.

Метою цієї статті є виявлення чужомовних запозичень у специфічному фанатському лексиконі та розгляд впливів чужих мов на формування соціолекту футбольних фанатів в українській мові.

Чималу частку фанатського словника запозичено в українську мову з **англійської**. І це закономірно, адже на час появи перших українських фанатських угруповань в Англії футбольний фанатський рух уже існував кілька десятиліть. У мовленні українських футбольних фанів є чимало англізмів, починаючи від назв самих фанатських об'єднань, що використовуються для ідентифікування уболівальників: *фанат*, *фан* (*fan*) – ‘одержима людина, фанатик; прихильник якої-небудь спортивної команди’ [1, с. 1315]; *ультрас*, *ультраси* (мн.), *ультра* (збірн.) (*ultras* (від латинського *ultra* – ‘який знаходиться поза межами; найбільший, крайній або гранично, дуже, надзвичайно’ [1, с. 1293]) – футбольні фанати, організовані в групи для активної підтримки улюблених команд;

привертають до себе увагу на стадіонах – зовнішнім виглядом, розвішуванням прапорів і транспарантів, співом, оплесками та барабанним боєм, використанням піротехніки; *хуліганс* (*hooligans*), *хулс* (*hools*), *хули* (мн.) (від *hooligan* – ‘хуліган’ [4, с. 254]) – це організовані групи радикально налаштованих фанатів, мають відмінний спосіб вираження своєї відданості улюбленій команді, що полягає у застосуванні агресії та вчинення насильства стосовно фанатів інших футбольних клубів; для фанатів-хуліганів підтримка футболістів під час матчу є справою другорядною; вони зосереджені на влаштуванні бійок із фанатами суперників та сутичок із поліцією; *ска(р)фер* (*scarfer* (від *scarf* – шарф)) – уболівальник, який носить шарф зі символікою улюбленої команди та приходять на матч її підтримувати; *гардкор* (*хардкор*) (*hardcore* – від *hard* – букв. ‘твердий, міцний, сильний, тяжкий’ [4, с. 244] та *core* – ‘серцевина, середина, осердя, ядро’ [4, с. 129]) – фанати, які беруть участь у бійках.

Для найменування процесу вболівання під час футбольного матчу фанати використовують низку запозичень із англійської мови, надаючи цим лексемам із загальноживаної мови додаткового значення у фанатському соціолекті, зокрема: *шоу* (від *show*) – букв. ‘показ; видовище, вистава; перен. чий-небудь дії, заходи, розраховані на привернення до себе уваги’ [1, с. 1403]; ‘показ, демонстрація; видовище, спектакль’ [4, с. 487]; перен. ‘про що-небудь, що привертає увагу; про те, що розраховане на зовнішній ефект’ [6, с. 985]; видовище, яке фанати демонструють під час матчу (у соціолекті футбольних фанатів родове найменування *шоу* охоплює такі видові назви: *візуальне* (із використанням різноманітних наочних засобів – атрибутики клубних кольорів, прапорів тощо), *звукове* (скандування, спів, оплески та відбивання ритму на ударних музичних інструментах) та *піротехнічне* (запалювання найрізноманітніших піротехнічних засобів) *шоу* (*пірошоу*); а гіпонім *візуальне шоу* має гіпероніми: *модульне шоу* (створення на трибунах певного зображення чи напису за допомогою модулів (від *модуль* (лат. – міра) – фіз., тех. – ‘назва деяких коефіцієнтів, мірил яких-небудь величин’ [1, с. 536] – аркушів паперу однакового розміру, але різних кольорів, які одночасно піднімають угору, створюючи напис чи зображення), *шоу з повітряних кульок*, *шоу з касовими стрічками*, *шоу з підсвіченою фольгою*, *шоу з бенгальськими вогнями*, *конфеті*, *телефонами*); *візуал* (від *visual* – ‘зоровий; видимий; наочний’ [4, с. 606]) – зовнішнє оформлення трибун на стадіоні, призначене для зорового сприйняття, наочна фан-атрибутика.

Серед англійських запозичень з інших тематичних груп у соціолекті футбольних фанатів найуживанішими є: *банер* (від *banner*) – саморобний транспарант на полотнищі великого розміру, що містить емблему клубу чи фанатського угруповання або лаконічне, актуальне висловлювання, яке має

безпосередній стосунок до певного матчу; уболівальники перед грою розміщують банери на трибунах чи розвішують на огорожах унизу сектора (фанати готують до початку кожного матчу банери «на вихід команд», використовують також банери пам'яті, виїзні банери); бас (від *bus* – усічена форма слова, від *omnibus* і *autobus*) – автобуси, якими фаната подорожують на виїзні матчі; дербі (від *derby*) – матчі двох клубів із того самого міста, рідше – з одного регіону; використовується для називання зустрічей тих команд, ігри яких мають довгу та принципову історію; драм (від *drum* – ‘барабан; барабанний бій’ [4, с. 171]), барабан, який застосовують для задавання ритму фанатських скандувань; драмер (від *drummer* – ‘барабанщик’ [4, с. 171]), фанат-барабанщик; матч-дей (від *match-day*) – день гри; нон-стоп (від *nonstop*) – безперервна звукова підтримка на стадіоні, коли співи, скандування й оплески не змовкають упродовж довшого часу; сапорт (*супорт*) (від *support*) – організована, активна підтримка команди з боку футбольних фанатів під час матчу; слем (від *slam* – поштовх) – імітація бійки у фанатському секторі, коли уболівальники штовхають один одного; спокмен, спок (від *speak, speakman*) – людина, яка керує підтримкою футболістів у секторі фанатів, «диригент» фан-підтримки; стаф (від *stuff*) – речі, реквізити, необхідні для вболівання – шалики, прапори, банери, розтяги, піротехніка, барабани тощо; стікер (від *sticker* – ‘афіша, оголошення (що розклеюють на вулиці); наклейка, етикетка’ [4, с. 520] – невеликі наклейки фанатської тематики, здебільшого квадратні, розміром 7 x 7 см, що їх розклеюють на вулиці чи в транспорті, позначаючи в такий спосіб свою присутність у тому чи іншому місті чи помічаючи свою територію; трабл (від *trouble*) – буквально – проблеми; сутички чи заворушення на стадіоні або на підступах до нього, нерідко з участю міліції; бійки з фанатами-супротивниками; фаер (від *fire*) – вогонь, факел, піротехнічний засіб, який горить яскравим полум'ям, виділяючи при цьому дим та іскри; фанзин (від *fan* та *magazine*) – друковане видання фанатів, газета; шедвел (від *shadewell*) – непомітне проникнення фанатів у чужий сектор для створення заворушень і провокування бійок.

Англiзмами є й запозичені назви футбольних команд та їхніх уболівальників, похідні від назв клубних кольорів, які функціують паралельно з аналогічними українськими кольорономенами-прізвиськами клубів: *black-white* – луганська «Зоря»; *green-white* – львівські «Карпати»; *white-blue* – київське «Динамо»; *white-green* – полтавська «Ворскла»; *ultra marines* – одеський «Чорноморець».

Для називання представників міліції та водночас вираження ненависті до правоохоронців вживають запозичення, яке фактично стало у соціолекті футбольних фанатів інтернаціоналізмом, а в українських уболівальників має кілька варіантів графічного оформлення. Це англійська

абревіатура *A.C.A.B.* (від англ. *all coppers are bastards* – букв. *усі мідяні* (в англійській мові прізвисько полісменів, які носять мідні відзнаки [2]) – *покидьки*), що трапляється й у такому записі: латинкою – *acab* та кирилицею – *акаб*, *А.К.А.Б.*, а також гібридні утворення на основі цієї абревіатури: *акаби* (форма множини) та *акабери* (суфіксальний дериват).

Кількісно менше представлені у фанатському соціолекті запозичення з інших чужих мов, зокрема, з **італійської** – *графіті* (від *graffito* – ‘техніка декоративного оздоблення стін будівель’ [5, с. 222]); ‘стародавні написи й малюнки різного змісту, зроблені гострими предметами на посудинах, пряслицях, стінах споруд тощо’ [1, с. 196]; у соціолекті футбольних фанатів термін *графіті* втратив свої первісні семи «стародавній» та «зроблений гострими предметами на чомусь», адже фанатські графіті – це сучасні написи або малюнки, нанесені здебільшого на стіни будинків, мурів, парканів тощо; *напараці* – узагальнена назва всіх журналістів; *стадіо* (від *stadio*) – стадіон; *торс* ((від *torso* – тулуб) – ‘скульптурне зображення тулуба людини’ [8, с. 264], цей термін художнього мистецтва функціонує у таких стійких словосполученнях із фанатського соціолекту: *бути «на торсі»*, *стояти «на голому торсі»*, *стояти «по торсу»*, *голий торс*, які окреслюють один зі способів візуалізації фанатів під час матчу, коли всі присутні у секторі за відповідним сигналом роздягаються до пояса та демонструють, незалежно від погоди, оголений торс, декларуючи таким чином готовність до протистоянь із суперниками за честь улюбленої команди не тільки словесно, а й фізично; *трафарет*, *траф* (від *traforetto* – ‘платівка з картону, металу тощо, у якій прорізано малюнки, літери або цифри для їх швидкого відтворення на якійсь поверхні; малюнки, літери тощо, зроблені за допомогою такого приладу’ [1, с. 1263]), фанати застосовують трафарети для пришвидшення процесу нанесення написів і зображень на стінах;

російської – *двіж* (утворено від лексем із російського сленгу *двіжуха*, *двіжняк*) – масовий рух, велелюдні події; заворушення, сутички з фанатами команд-суперниць чи міліцією; *роза* (від рос. *роза* – троянда) – шалик клубних кольорів із відповідною символікою та написами, особистий атрибут футбольного фаната; через те, що перші клубні шалики советських фанатів були переважно смугасті, у змотаному вигляді вони нагадували троянду; *махач* (від рос. *махаться* – битися, вимахувати руками) – фанатська бійка; *кузьмич*, *кузьма*, *кузьмота*, *кузя*, *KuZ* (від патроніма *Кузьмич*, *Кузьмович*, утвореного від російського антропоніма *Кузьма* [3, с. 231]) – футбольні уболівальники, які не беруть участі в активній підтримці своєї команди, зазвичай увесь час сидять під час матчу, приносять із собою на стадіон пиво, харчі, лузають насіння тощо; *семки* – (від рос. *семечки*, *семки* – насіння (найчастіше соняшника

або гарбуза)) – уболівальники, які під час матчу споживають насіння, не підтримують команду оплесками, співом; *собака* (лексема, запозичена з російського жаргонного мовлення) – приміська електричка; *кінологи* (від *кінологія* – ‘розділ зоології, що вивчає собак, їх породи, догляд за собаками’ [1, с. 429]) – фанати, які подорожують на матчі «собаками» – електричками; *бомжі* (від рос. *бомж* – ‘особа без певного місця проживання’ [1, с. 59]) – футбольний клуб «Металург» Запоріжжя, який довгий час не мав свого стадіону; *хорьки* (від рос. *хорьок* – ‘тхір – хижий звірок родини куницевих з коштовним пухнастим хутром’ [1, с. 1278]), звукову асоціацію з назвою міста Харків використано для називання харківського «Металіста» та його фанатів; *хохли* (від *хохол* – ‘зневажлива назва українця’ [1, с. 1351]) – прізвисько київського «Динамо» та його фанів, яке використовували в часи советського чемпіонату, в якому «Динамо» представляло Україну;

французької – *вокал* (від франц. *vocal*, що походить від лат. *vocalis* – голосовий, співочий) – різновид звукового шоу під час футбольного матчу, підтримка команди за допомогою співу; *перформенс*, *перф*, *перфа*, *перформ* (від *performance* – букв. ‘показ, виконання, здійснення; (театр.) вистава, спектакль’ [4, с. 389]) – вистава, спектакль, видовище на стадіоні під час гри, що їх влаштовують фанати; охоплює всі види фанатської підтримки улюбленої команди під час матчу – візуальне оформлення сектора, звукове шоу та піротехнічні ефекти; *петарда* (від *petarde* – у піротехніці – ‘паперовий снаряд, наповнений порохом, який дає часті вибухи’ [6, с. 731]; ‘наповнений порохом паперовий снаряд, що використовується для феєрверка’ [1, с. 756]); *тераса* (від франц. *terrasse*, що походить від лат. *terra* – земля) – ‘горизонтальний або трохи похилий майданчик (уступ) природного походження або штучно створений на схилі’ [6, с. 886]; ‘архітектурно оформлений відкритий або напіввідкритий майданчик, що межує з будівлею’ [8, с. 260]), використовується для називання фанатського сектора; *транспарант*, *транс* (від франц. *transparent*, букв. прозорий) – прямокутна тканина зі зображенням або текстом, яку футбольні фанати зазвичай розвішують унизу сектора, на загорожах по периметру фанатських секторів чи розтягають під час матчу в самому фанатському секторі;

португальської – *торсида* (*torcida* (від португальського *torcer* – букв. ‘скрутити, вивихнути, у спорті – уболівати’) [2]) – футбольні уболівальники.

Як показав аналіз, одним із вагомих джерел поповнення соціолекту футбольних фанатів є запозичення з чужих мов, серед яких домінують англізми, менша частка чужомовних слів соціолекту припадає на лексику, запозичену з італійської, французької, російської та португальської мов.

Список використаної літератури

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – Київ, Ірпінь : Перун, 2001. – 1 440 с.
2. Вікіпедія – вільна енциклопедія [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://uk.wikipedia.org>. – Дата доступу : 02.11.2017.
3. Власні імена людей : слов.-довід. / уклад. Л. Г. Скрипник, Н. П. Дзятківська ; за ред. В. М. Русанівського. – Київ : Наук. думка, 1996. – 336 с.
4. Новий англо-український словник / склад. М. І. Балла. – Київ : Чумац. Шлях, 2004. – 668 с.
5. Словник іншомовних слів / за ред. О. С. Мельничука. – Київ : Гол. ред. УРЕ, 1985. – 968 с.
6. Словник іншомовних слів / уклад. Л. О. Пустовіт [та ін]. – Київ : Довіра, 2000. – 1 018 с.
7. Український ультрас-портал [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.ultras.org.ua>. – Дата доступу : 27.10.2017.
8. Шкаруба, Л. М. Російсько-український словник художніх термінів / Л. М. Шкаруба, Л. С. Спанатій. – Київ : Каравела, 2004. – 320 с.

Joanna Z. Siepietowska (Siedlce, Polska)

**SPOŁECZNO-KULTUROWA KONDYCJA
WSPÓŁCZESNEJ POLSZCZYZNY – BŁĘDY JĘZYKOWE**

A niechaj narodowie wždy postonni znają,
iż Polacy nie gęsi, iż swój język mają.
Mikołaj Rej

Язык польски од початку swojego istnienia podlega różnorodnym zmianom. Dla języka jest to rzecz naturalna. Jak każdy żywy organizm, tak i język rozwija się i przekształca, a niektóre języki starzeją się, a następnie «umierają», czego dobrym przykładem może być łacina, albo greka zaliczane dziś do tak zwanych «języków martwych». Язык польски jest, oczywiście, językiem żywym. Jest jednym z języków Unii Europejskiej, językiem, którego coraz częściej uczą się obcokrajowcy. Od kiedy Polska dołączyła do krajów wolnej Europy Zachodniej, a Polacy mogą swobodnie podróżować, polszczyzna, chyba z największą jak do tej pory intensywnością ulega różnym przekształceniom.

Ale nie tylko otwarcie granic wpływa na ewolucję współczesnego języka polskiego. Inną, równie ważną przyczyną zmian w polszczyźnie jest nowoczesna technologia, która «wymusza» inny sposób komunikowania się. Popularność oraz szeroka dostępność do takich technologii, jak: komputery, telefony komórkowe, smartfony, tablety (oczywiście wszystkie z dostępem do internetu) sprawiły, że ludzie coraz łatwiej i szybciej porozumiewają się ze sobą. Stosują w tym celu, na przykład, różnorodne skróty językowe, co szczególnie dobrze widać na przykładzie języka współczesnej młodzieży.

Maile oraz sms-y nastolatków są przepełnione wyrażeniami typu: «nara» (zamiast: *narazie*), albo «spoko» (zamiast: *spokojnie*), mającymi na celu właśnie przyspieszenie przekazu informacji. Z tego samego powodu Polacy coraz rzadziej stosują interpunkcję w zdaniach oraz w sposób świadomy unikają znaków diakrytycznych, czyli tych wszystkich «ogonków» i kresek nad literami, które czynią nasz język wyjątkowym.

Wymienione zmiany dla wielu środowisk są przejawem kryzysu języka polskiego. Ludzie starsi oraz ci, którym po prostu zależy na tym, aby pięknie mówić i pisać po polsku podkreślają, iż stosowanie tego typu uproszczeń prymitywizuje język, zubaża go, czy wręcz niszczy. W podobny sposób odnoszą się oni do kwestii funkcjonowania w języku polskim anglicyzmów, czyli słów, które z języka angielskiego przeniknęły do polszczyzny. Warto w tym miejscu przywołać spostrzeżenie polskiego językoznawcy Jana Miodka, który w książce pod tytułem *Jaka jesteś, polszczyzno?* pisze: «...nasz język – w sytuacji związanej z nową rzeczywistością ekonomiczną i polityczną – przeżywa czas neofickiego zachłystu angielszczyzną» [1, s. 56].

Obecność obcojęzycznych słów w polszczyźnie nie jest ani niczym nowym, ani niczym złym. Są jednak takie zapożyczenia, które zastępują polskie wyrazy zupełnie niepotrzebnie. Spośród takich «zbytecznych» anglicyzmów można wymienić, między innymi: słowo «backstage», które coraz częściej pojawia się zamiast polskiego słowa *kulisy*, «zalajkować», pochodzące od angielskiego słowa *to like*, czyli lubić, które chyba już na dobre wyparło polskie *polubić*, a także wyraz «projekt» używany tak często, że już prawie nikt nie pamięta, że istnieje takie piękne polskie słowo – *przedsięwzięcie*, które moim zdaniem, niesłusznie zostało zepchnięte do lamusa.

Opis kondycji współczesnej polszczyzny nie może się obyć bez omówienia problemu błędów językowych. Co to jest błąd językowy? Jak wiadomo, język polski przez wieki rozwijał się i rozwija według pewnych ustalonych reguł, norm, a posłużenie się polszczyzną bez uwzględnienia owych prawideł nazywamy błędem językowym. Językoznawcy wymieniają bardzo wiele rodzajów błędów językowych. Profesor Jan Bralczyk wyróżnia wśród nich: błędy gramatyczne, dzielące się na błędy fleksyjne i składniowe, błędy leksykalne, które z kolei możemy podzielić na: słownikowe, frazeologiczne oraz słowotwórcze, błędy fonetyczne, błędy stylistyczne, oraz tak zwane błędy zapisu, czyli błędy ortograficzne i interpunkcyjne [2, s. 9–10]. Błędy, o których chcę napisać, są odstępstwami od normy, charakterystycznymi dla języka wielu współczesnych Polaków. Można je więc określić przymiotnikiem «masowe». Można je nazwać «masowymi» również z tego powodu, że bardzo często pojawiają się one w programach nadawanych przez środki masowej informacji.

Pierwszą grupę błędów językowych tworzą błędy w wymowie, a konkretnie w akcentowaniu wyrazów. Bardzo często, szczególnie właśnie w telewizji, słyszymy takie oto słowa:

byliśmy z akcentem na sylabie -li-,
 zjedliśmy z akcentem na -li-,
 oglądaliśmy z akcentem na -li-,
 napisaliśmy również z akcentem na -li-, itp..

Jak wiadomo, w języku polskim większość wyrazów akcentuje się na drugiej sylabie od końca, ale istnieje kilka wyjątków od tej reguły. Pierwszy mówi o tym, że niektóre wyrazy wielosylabowe akcentujemy na trzeciej sylabie od końca. Do tych wyrazów należą właśnie czasowniki w 1. i 2. osobie liczby mnogiej czasu przeszłego. Zgodnie z tą zasadą, przytoczone słowa powinniśmy akcentować w następujący sposób:

byliśmy,
zjedliśmy,
 oglą**d**aliśmy,
 napi**s**aliśmy.

Według przywołanej reguły języka polskiego, akcentowane są również czasowniki w liczbie pojedynczej i 3. osobie liczby mnogiej trybu przypuszczającego, na przykład: napi**s**ałbym, **zjed**liby. Warto dodać, że istnieje szereg wyrazów wielosylabowych, które akcentujemy na czwartej sylabie od końca (należą do nich formy 1. i 2. osoby liczby mnogiej trybu przypuszczającego, na przykład: napi**s**alibyśmy, **zjed**libyście), jak również wiele wyrazów, w których akcent pada na sylabę ostatnią (arcy**mistrz**, eks**mą**ż). Do tej ostatniej grupy należą również niektóre wyrazy obcojęzyczne, na przykład słowo tournée [turne] [2, s. 313].

Równie rozpowszechnionym błędem w wymowie jest posługiwanie się formą *włanczać* zamiast *włączyć*. Jak można przeczytać w książce J. Bralczyka *Poprawianie po polsku. Poradnik językowy*, czasownik *włanczać* jest bardzo popularny, ale to nie znaczy, że możemy go uznać za poprawny [2, s. 320–321]. Dbając o poprawność polszczyzny, mówmy więc: «Przed wyjściem na zajęcia zawsze **wyłączam** komputer» a nie *wylanczam* oraz «Wychodząc z sali, **wyłączajmy** światło» a nie *wylanczajmy*.

Drugą grupę błędów językowych tworzą błędy wynikające z nadmiernego używania rusycyzmów. W języku polskim funkcjonuje wiele wyrazów, które przeszły do polszczyzny z języka rosyjskiego: *ustrojstwo*, *chaltura*, *barachło*, *zagwozdka* i wiele innych. Słowa te tak mocno zakorzeniły się w języku polskim, że już niewiele osób pamięta, iż nie są to polskie wyrazy. Ale wśród rusycyzmów istnieją też i takie, które są zaliczane do form błędnych, w związku z czym, nie powinno się ich używać, a mimo to są często słyszane, szczególnie w języku potocznym [2, s. 256]. Na przykład, następujące wyrażenia:

z małej (wielkiej) litery zamiast *małą (wielką) literą*,
zdyć ze stanowiska zamiast *odwołać ze stanowiska*,
okazać pomoc zamiast *udzielić pomocy*,
wejść na kuchnię zamiast *wejść do kuchni*.

Приkłady moglibyśmy mnożyć. Warto jednak zastanowić się, dlaczego Polacy tak często posługują się niepoprawnymi formami językowymi. Można zaryzykować stwierdzenie, iż wszystkiemu winien jest pośpiech. Ciągłe się dokądś spieszymy: do pracy, na zajęcia, do domu. Spieszymy się również wtedy, gdy coś mówimy albo piszemy. Ciągłe brakuje czasu na to, aby się zastanowić, jak coś powinno być powiedziane lub napisane poprawnie (nie *prawidłowo* – *poprawnie* to też rusycyzm). Dlatego wybieramy wariant, z którym jesteśmy najbardziej osłuchani, a ten najczęściej okazuje się niezgodny z regułą języka polskiego. Odpowiedzialność za błędy językowe ponoszą również media, ale w związku z tym, że jest to temat zasługujący na odrębną analizę – nie będziemy się nim zajmować w niniejszym referacie.

Kończąc nasze, z konieczności pobieżne, rozważania, chcielibyśmy zwrócić uwagę na bardzo ważną kwestię, a konkretnie na znaczenie języka polskiego dla tożsamości kulturowej Polaków. Jak wiadomo, język polski jest podstawowym narzędziem kształtowania oraz utrwalania naszej tożsamości. To, przede wszystkim, język wyróżnia Polaków na tle innych narodów, o czym mówi Mikołaj Rej w przytoczonym na wstępie cytacie. Dlatego, chcąc zachować odmiennność kulturową, co wydaje się kwestią szczególnie ważną w dzisiejszych warunkach życia w «globalnej wiosce», dbajmy o poprawność, a co za tym idzie piękno języka polskiego, mając na uwadze oczywiście to, że polszczyzna cały czas się zmienia.

Lista użytej literatury

1. Miodek, J. Jaka jesteś, polszczyzno? / J. Miodek. – Wrocław : W-wo Un-tetu Wrocław., 2000. – C. 56.
2. Bralczyk, J. O języku / J. Bralczyk // *Poprawnie po polsku. Poradnik językowy.* – Warszawa : PWN, 2010. – C. 9–10.

**В. И. Сенкевич (Uniwersitet Przyrodniczo-Humanistyczny
w Siedlcach, WH, Siedlce, Polska)**

ЯЗЫК СУЩНОСТЕЙ И ПАРАДОКСАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Ортодоксальная современная лингвистика не может отказаться от мифа, что функцией сознания является мыслительная репрезентация объектов и явлений внешнего мира. Функция сознания состоит якобы в том, чтобы отражать мир в виде неких ментальных образов, которые хранятся в сознании (мозге) и позволяют человеку познавать мир через адекватную практику взаимодействия с этим миром. Однако вера в то, что в нашем сознании находятся слова, которыми мы пользуемся при говорении, а также правила для их соединения во фразы, есть не что иное, как широко распространенное заблуждение [9, с. 418]. Тем не менее

ортодоксальная лингвистика продолжает упорствовать в этом заблуждении, настаивая на репрезентативной функции языка и сознания.

Не делает этого лингвистика феноменологическая. Поворот языкознания к феноменологии является предпосылкой для того, чтобы наука о языке стала реальной. Термин *реальное языкознание* переключается с пониманием М. Мамардашвили реальной философии, которая начинается, по мнению философа, с удивления *тому, что есть*. Феноменологическая лингвистика парадоксальная. Парадоксальность (от др.-греч. *παράδοξος* – неожиданный, странный) понимается прежде всего как *необычность*. Парадоксальное воспринимается как реальное, однако расходится с общепринятым мнением, кажется нелогичным. Феноменологический подход к языку необычен тем, что исследуется то, что не существует, однако есть – *феномен*.

Понять значение учения Э. Гуссерля и его школы для языкознания – значит раскрыть его методологические перспективы. Прежде всего, феноменология создает альтернативу ортодоксальной лингвистике, следующей традиции изучать язык как форму. Каждый язык имеет свои правила правописания, склонения и спряжения, образования слов и т. д. Все эти правила образуют его функциональную грамматику, в соответствии с которой он и устроен. Феноменологическое учение оперирует иными понятиями. «Феноменология есть изучение *сущностей* (лат. *essentia, substantia*)» – того, что *есть само по себе*» – так определил науку о феноменах М. Мерло-Понти [5, с. 327]. Исследовать вещь саму по себе, т. е. по *сущности*, и есть задача феноменологии. Не так просто брать вещь саму по себе, без ничего. Проще взять ее такой, какой она является на самом деле, т. е. в действительности. Но тогда это уже будет касаться не сущности ее, а существования, ср. пол. *istota rzeczy i sedno sprawy*.

Термин *феноменология* имеет две части – *феномен* и *-логия* (от греч. *φαινόμενον* и *λόγος*). Как есть наука о жизни – биология, о Боге – теология, об обществе – социология, так есть и наука о феноменах – феноменология. У вещей есть некая глубинная реальность, которую нельзя увидеть и услышать напрямую. Для человека оказывается жизненно важным постичь эту негативную (непроявленную) сущность. В ней усматривается допредикативная подлинность вещи – «*несказанное, синее, нежное...*» (С. Есенин). В греч. *φαινόμενον* *φαι-* принадлежит к корню *φα-* ‘свет, светлость.’ «Смысл слова феномен надо понимать: само-по-себе-себя-кажущее, очевидное, ... феномены суть тогда совокупность того, что лежит на свету или может быть выведено на свет» [8, с. 28]; «*będać, już nie jesteś*» (Emil Cioran, «*Brewiarz zwyciężonych*»).

Сама дефиниция феномена парадоксальна. Феноменом называется *то, что есть*, ничем не являясь; феномен – не *существующая сущность*.

Связка *есть* не указывает на существование (*exsistentia*), но выражает *сущность* (*essentia*) чего-л. *Есть* не значит *существует*; (...«не «существует», а «есть»!) [3, с. 17]. Например, *дуб есть дерево* – он *сам* (без ничего) есть это; он не формируется извне, подобно тому, как что-то сделанное из него. Существование отличается от того, что есть само по себе, своей опосредованностью.

Нередко феномен отождествляется с явлением: *феномен* «необычное, особенное явление, редкий факт» (МАС. 4, 558). Однако феномен не чувственное явление (*blosse Erscheinungen*) и не факт объективной действительности, который отражается в сознании. Феномен – некое *целостное* образование нашего сознания, которое может быть понято само через себя, и не нуждается в объяснении через что-то другое. В этом смысле феномен абсолютен, потому что относительное мы можем понимать лишь в зависимости от понимания чего-то другого и в сопоставлении первого со вторым, одного с другим.

Феноменальное не имеет референта вне себя – в объективной действительности; оно *самореферентно*. «Так звук как феномен музыки не есть звук-явление (референтный знак и психический объект, полностью растворимый своей объяснительной физической причиной), и он же есть материальный элемент-стихия всей музыкальной системы, ее «умная материя» [2, с. 12]. Это же относится и к звуку как феномену человеческого языка. Ср.: «Звук – это эхо смысла» (Эдгар По). «Москва, как много в этом звуке...» (А. Пушкин). «Верь в звук слов. Смысл тайны в них» (В. Брюсов).

Явление как *проявление* «чего-то», как «*давание знать* о себе через нечто, что себя кажет» (М. Хайдеггер) не феноменально. За пределами поля явлений находится «невиданная и неслышанная» область исследования – область самого что ни есть *достоверного* знания. Э. Гуссерль здесь узрел царство смыслов и сущностей, интуитивно-достоверных, вечных и непреходящих.

Феномен как далее не разлагаемая сущность ничему не причастен; он *сам по себе есть*. Например, непричастность *феномена слова* к жизни понимается как отсутствие определения – неопределенность: «... Никто не будет представлять себе слово в жизни и по причастию жизни. ... слово есть не причастие жизни, а *сама жизнь*» [6, с. 418]. В этическом понимании непричастность есть безвинность (не соучастие). То, что в мире явлений положительно, в другом – отрицательно, и наоборот. «То, что в мире явлений зло, то в мире самом по себе добро» [1, с. 86].

Есть не означает *быть*. Быть – значит быть различимым: быть *здесь*, а не *там*, быть *сейчас*, а не *потом*, быть *таким*, а не *другим*. В *быть* присутствует проявленное «как». «Бытие есть всякий раз бытие сущего (существования)» [8, с. 28]: *быть в духе, быть в здравом уме, быть*

в добром здравии; быть женщиной, быть матерью, быть женой... Феномен не пребывает (быть), но *есть*. Гамлетовский вопрос («быть или не быть?») для того, что есть, не существует.

Сущность вещей, воплощенная в слове, парадоксальна. Прежде всего парадоксальна *невозможность* того, что есть. Есть то, чего не может быть. Оно не может быть, так как *есть*. Понимание невозможности очевидного и осознание его вероятности сопрягается с мыслью о *чуде*. С вечностью того, что есть, связан парадокс *небывалости*. Есть то, чего никогда не было. Все, что было, уже не есть. Так, говоря о феномене Пушкина, неуместно сказать: «*Пушкин был великим поэтом*». Он им есть.

Смысл слова *есть* и того, что за ним стоит, нельзя объяснить логически. *Необъяснимое* – одна среди множественных дескрипций феноменального. В отличие от объективно существующей действительности, растянутой в пространстве и текучей во времени, феноменальная реальность никем и никогда не причинена. Сущность феноменов (напр., милость, благо, жизнь и т. п.) доступна каждому, но необъяснима. «*Если благо имеет причину, оно уже не благо; если оно имеет последствие – награду, оно тоже не благо. Стало быть, благо вне цепи причин и следствий*» (Л. Толстой, «Анна Каренина»). Если *что-то* является для нас определенным, мы уже с ним разделены. «Нельзя требовать, чтобы все формально определялось: ведь не считаем же мы, что химик должен уметь разложить любое вещество. То, что просто, не может быть разложено, а то, что логически просто, не может быть, собственно говоря, определено» [7, с. 78].

Явленность вещи в чувственном созерцании противопоставляется тому, чем вещь есть *сама по себе*. Само по себе ничего не значит – оно *малое, незначительное*. Само по себе ничего не существует – оно *несущественное*. Само по себе ничего не дается – оно не *данное*. Само по себе ничего не происходит – оно не *происходящее*. Самого по себе ничего не бывает – оно *небывалое*. Само по себе ничего не имеет цены – оно *бесценное*. Само по себе ничего не делается – оно не *деланное*. Само по себе ничего не меняется – оно *несменное*. Само по себе ничего не доказывает – оно *бездоказательное*.

Сущность феноменального познается через то, чем оно не является. Перечень того, чем феноменальное не является: *бесценное, несменное, небывалое, неслыханное* и т. п. Для нас важно то, что феноменальное ничем определенным («таким») не является. Само по себе оно *Ничего*. Слово *Ничего* – ключевое слово в понимании сущности феномена. Состояние, понимаемое как *Ничего*, вселяет уверенность. Благодать его доступна поэтам: *Чего хочу от жизни – ничего. А этого у ней как раз с избытком* (И. Губерман). *Уж не жду от жизни ничего я...* (М. Лермонтов). *Радуюсь громкому лаю, Листьям, корове, грачу, И ничего*

не желаю, И ничего не хочу (Н. Рубцов). Феномен не просто *ничего*, но *ничего в сущности: Ничего, в сущности, не изменилось. Эта система в сущности, ничего не дала* и т. п. Слово *в сущности* в русском языке встречается как вводное: *Специальный комитет, в сущности, оказался в порочном круге. А Карл, в сущности, ничего плохого не сделал. В сущности, это вопрос ценностей. А это странно, потому что, в сущности, в нем нет ничего загадочного.*

Человек слеп к подлинной реальности – *тому, что есть*. Тема реальности и не желающей с ней считаться «упрямой слепоты» – основная тема лекций М. Мамардашвили, посвященных творчеству Пруста («Психологическая топология пути»): «Поскольку я посредством Пруста занимался чтением своего опыта и в своей душе, могу признаться, что одним из моих переживаний (из-за которых я, может быть, и стал заниматься философией) было именно это переживание – совершенно непонятной, приводящей меня в растерянность слепоты людей перед тем, что есть. Поразительный феномен, он действительно вызывает замешательство» [4, с. 418].

Игнорирование связи человека и языка, как уже неоднократно признано в современной лингвистике, является существенным недостатком современных лингвистических исследований, в центре которых не стоит *Homo loquens* («человек говорящий»). Любая попытка исключить человеческую перспективу из языковой картины мира неминуемо велет к изучению языка, отчужденного от человека, и схоластических знаний о нем.

Список использованной литературы

1. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения / Г. В. Ф. Гегель. – Т. IV. – М., 1959.
2. Мамардашвили, М. К. Классический и неклассический идеал рациональности [Электронный ресурс] / М. К. Мамардашвили. – Режим доступа : <http://www.klex.ru/27u>. – Дата доступа : 5.03.2018.
3. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – СПб, 2011.
4. Мамардашвили, М. К. Психологическая топология пути [Электронный ресурс] / М. К. Мамардашвили. – Режим доступа : <https://www.labyrinth.ru/books/518329/>. – Дата доступа : 7.03.2018.
5. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб., 1999.
6. Святитель, Георгий. Большое огласительное Слово [Электронный ресурс] / Георгий Святитель. – Режим доступа : https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/bolshoe-oglasitelnoe-slovo. – Дата доступа : 12.01.2017.
7. Фреге, Г. Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – М., 1978. – Вып. 8. – С. 62–83.
8. Хайдеггер, М. Бытие и время. Академический Проект / М. Хайдеггер. – М., 2011.
9. Lamb, S. Pathways of the Brain: The neurocognitive basis of language / S. Lamb. – Amsterdam, 1999.

Л. В. Скибицкая, А. С. Попов (г. Брест, Республика Беларусь)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИЕРАРХИИ И РЕПУТАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ: ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Проблема литературных иерархий и репутаций выступает следствием специфики функционирования литературы в пространстве современной культуры, характеризующейся динамизмом, мозаичностью, мифологизированностью, открытостью, дискретностью коммуникации.

Ключевые вопросы функционирования художественной словесности связаны с современной литературой, поскольку и специалисты-филологи, и читатели, которым адресованы результаты научных изысканий, находятся в «поле» формирования, кристаллизации литературных репутаций и иерархий. Кроме того, художественная словесность адаптируется к коммуникативным процессам, обусловленным интернет-средой, что формирует многослойный социокультурный контекст. Он, в свою очередь, порождает плюрализм литературных иерархий и репутаций, когда каждый читатель в силу его вкусов и компетенций формирует собственную иерархию литературных деятелей современности, локализуя пространство отечественной словесности до «знакомых» или «знаковых» имен, перечень которых появляется из разных источников, в том числе и из интернет-среды, предоставляющей сегодня потенциально неисчерпаемые ресурсы для писателя или субъекта, считающего себя таковым.

В целях выяснения особенностей восприятия белорусской читательской аудиторией художественной словесности в течение октября 2017 года было проведено анкетирование 50 респондентов (из них 37 женщин и 13 мужчин). Участники были разделены на 3 возрастные группы: 18–25 лет, 25–45 лет, 45 лет и старше. Респонденты ответили на 21 вопрос (открытого и закрытого типов) в бумажной/электронной анкете.

Анализ ответов респондентов позволил сделать следующие выводы.

– Больше половины (57 %) читателей относятся к чтению художественных произведений положительно, оно занимает важное место в их жизни. Однако число тех, кто обращается к художественной литературе редко, также является значительным (37 %). В качестве причин респонденты называли ускорившийся темп жизни, а также недоступность некоторых книг (отсутствие бумажного варианта и высокая цена за электронную версию).

– При выборе литературы современный читатель мотивирован прежде всего собственным вкусом и интересами (67 %), далее следует мотивация учебного или профессионального характера (29 %), наконец, по критерию «моды» книги выбирают 4 % читателей. Подобный результат – следствие

высокого культурного и образовательного уровня опрошенной аудитории (61 % респондентов имеют высшее образование, 24 % являются студентами).

– Жанрово-тематические предпочтения аудитории следующие: классика (1 место), публицистика (2 место), массовая литература (детективы, женские романы, литература хоррор, фантастика и фэнтэзи – 3 место).

– 55,6 % респондентов выбрали традиционный (печатный) формат книги, руководствуясь субъективными предпочтениями, обусловленными во многом культурной традицией («нравится запах бумаги и шелест переворачиваемых страниц»), критериями удобства чтения и экологичности («чтение с бумажных носителей менее вредно»). Для сторонников электронной книги важны удобство доступа, отсутствие денежных затрат, недоступность некоторых книг (прежде всего современных авторов) в традиционном формате.

– Источниковую базу информации современного читателя определяет Интернет (72 %), на втором месте – люди (45 %), третье – СМИ (39 %). Художественную литературу как источник информации рассматривают 5 %. При этом сведения о литературных новинках 81 % читателей получает из Интернета, 50 % – от друзей, родственников и др.

– Ответы респондентов о любимых белорусских, русских, зарубежных писателях выявили 1) фрагментарное знание персоналий отечественной словесности (особенно современной), 2) стереотипность знаний о белорусской литературе, которая позиционируется по школьному курсу, по этой причине имена любимых писателей практически совпадали с именами тех, кого респонденты причислили к классике (Янка Купала, Якуб Колас, Янка Брыль, Василь Быков, Максим Богданович), 3) восприятие русской литературы как автономного сегмента мировой словесности, 4) осведомленность в зарубежной литературе.

– Современный читатель выстраивает собственные литературные иерархии и репутации, в которых отечественной словесности отводится незначительная роль (только 4 респондента из 50 назвали белорусских авторов, среди которых «классики» Владимир Короткевич, Якуб Колас, Иван Мележ и современный «классик» Светлана Алексиевич). «Золотая полка» (Ю. Олеша) большинства респондентов занята книгами современных западноевропейских (Джоан Роулинг, Джон Толкиен), американских (Стивен Кинг, Чак Паланик) и русских авторов (Виктор Пелевин, Павел Санаев).

– Автор в восприятии современной аудитории играет несколько коммуникативных ролей, ведущие среди них – «рассказчик» (60 %), «публицист» (24 %), «учитель» (16 %).

– Современному автору следует эффективнее использовать ресурсы Интернета для установления коммуникации с читателем (63 % респондентов считают, что современный писатель должен присутствовать

в интернет-среде («Да, это отличная идея. Когда кумир на равных общается со своими поклонниками – это здорово. Та же Роулинг, например, частенько отвечает фанатам в Твиттере»)).

– Внимание современного читателя необходимо «завоевывать», используя многообразие ресурсов нового коммуникативного пространства, так как, несмотря на то, что многие читатели желали бы установления обратной связи с авторами книг, подавляющее большинство своих отзывов о них в Интернете не оставляет (81 %).

Результаты проведенного исследования отражают специфику функционирования современной художественной и художественно-публицистической словесности, а также изменение коммуникативных «ролей» автора и читателя.

Современный читатель зачастую вынужден доверять собственному вкусу, в том числе и потому, что институт профессиональной критики сегодня также претерпел существенные изменения, о чем свидетельствует, например, дискуссия о критике, которую опубликовал журнал «Неман» в 2013 году [1]. Между тем потребность в профессиональной критике и использование ею эффективных коммуникативных практик несомненна.

Литературный критик высказывается в рамках публицистического дискурса, т. е. напрямую сообщает аудитории достоинства и недочеты произведения, творчества того или иного автора. Уровень «субъективизма» балансируется профессиональной подготовкой специалиста, что обуславливает высокую степень доверия читателя к критику. В отечественной современной литературе сложилась ситуация, когда дискурс критика локализован специализированными журналами, не охватывающими в силу разных причин массовую читательскую аудиторию.

Функцию критики берут на себя прежде всего интернет-СМИ, которые предлагают читателям топы и рейтинги современных белорусских писателей. Анализ подобных рейтингов продемонстрировал, что в сознание читательской аудитории «внедряются» идеи о тождестве понятий «успешный» и «продаваемый». Составляются рейтинги на основе поисковых запросов (например, «Рейтинг современных белорусских писателей, составленный на основе поисковых запросов в Байнете» [2]). Эту коммуникативную практику используют и общественные объединения (например, Союз писателей Беларуси составил «ТОП-15 белорусских современных писателей» [3]).

В рамках публицистического дискурса выступают и некоторые современные писатели, участвуя, таким образом, в формировании представлений о литературных репутациях и иерархиях. Например, В. Мартинович в интервью журналу «Большой» называет имена современных белорусских писателей (Альгерд Бахаревич, Сергей

Балахонов, Антон Кашликов, Татьяна Замировская, Сергей Календа, Андрей Федоренко, Владимир Некляев и др.), произведения которых следует прочитать белорусскому читателю [4]. Ранее Альгерд Бахаревич предпринял попытку пересмотра канонической литературной вертикали в сборнике эссе «Гамбургскі рахунак Бахарэвіча», публицистический дискурс которого характеризуется провокативностью и полемичностью.

Таким образом, публицистический дискурс актуализирует проблему литературных иерархий и репутаций, указывает на существующую потребность в упорядочении представлений о современной отечественной литературе и демонстрирует очевидные преимущества в новом культурном пространстве по установлению эффективной коммуникации с аудиторией. Сегодня автору художественного текста чаще всего отводится роль рассказчика о каких-либо событиях, явлениях либо личностях. Вместе с тем сохраняется относительно неизменной роль автора-публициста, который в современном обществе реализует «учительскую» миссию, закрепленную культурной традицией за классикой, что создает почву для трансформации устоявшихся литературных иерархий и репутаций.

Список использованной литературы

1. Бадак, А. Срочно требуется критика. Знание предмета обязательно / А. Бадак // Неман. – 2013. – № 6. – С. 132–134.
2. Рейтинг современных белорусских писателей, составленный на основе поисковых запросов в Байнете [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.interfax.by/news/belarus/1194843>. – Дата доступа : 26.11.2017.
3. Союз писателей составил рейтинг белорусских авторов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://rest.ej.by/competent/2012/08/02/soyuz_pisateley_sostavil_reyting_belorusskih_avtorov.html. – Дата доступа : 26.11.2017.
4. Сугак, Е. Виктор Мартинович: «Беллит не знают на Западе» [Электронный ресурс] / Е. Сугак. – Режим доступа : <http://bolshoi.by/persona/8876/>. – Дата доступа : 26.11.2017.

О. А. Фелькина, Е. А. Валюк (г. Брест, Республика Беларусь)

БИБЛЕЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

На протяжении многих столетий Библия была источником цитирования и появления все новых фразеологизмов. Многие из них так органично вошли в русскую речь, что не воспринимаются как заимствованные. В то же время воинствующий атеизм эпохи СССР препятствовал свободному употреблению в литературе библейских образов. Мы сравнили особенности употребления некоторых фразеологизмов библейского происхождения в поэзии первой половины

XX века (по словарю «Религиозная лексика в стихах русских поэтов Серебряного века» [1]) и второй его половины (по материалам Национального корпуса русского языка).

В художественной литературе с 1950 года по наше время фразеологизм *агнец Божий* встречается единожды, однако слово *агнец* встречается в современной поэзии 8 раз, и его связь с библейскими текстами явно ощутима. Прежде всего следует отметить, что фонетическая особенность существительного *агнец* (начальный *а*) не позволяет смешивать его с собственно русским *ягненок*, старославянизм *агнец* является частью религиозной терминологии, а в группе зоонимов находится на периферии.

Единственное стихотворение, в котором мы встречаем фразеологизм *агнец Божий* – это стихотворение К.М. Симонова «Не лги – анатом!...» (1973): *Исчадье ада Иль Божий агнец – Всем вышлют на дом – Таков диагноз?* Здесь библеизм отсылает нас к образу Иисуса Христа и используется в значении ‘чистый, непорочный человек’. В Евангелии от Иоанна о Христе говорится: «Вот Агнец Божий, который берёт на себя грех мира».

Д. Самойлов описывает рождение Христа, пастух в его стихотворении сравнивает новорожденного с ягнёнком: *И поднял третий старец Родившееся чадо. И пел, что новый агнец Явился среди стада* [Д. Самойлов. Отрывок (1973)]. Метафоры *пастырь Божий*, *паства* обычны для Евангелия, как и сравнение Христа с агнцем.

Только в значении Христос или как символ непорочности и незлобивости слово *агнец* зафиксировано в поэзии Серебряного века: *Вот агнец кроткий [Христос] в белых ризах Пришел и смотрит в окно тюрьмы* (А. Блок); *Только агнца убоится – волк, Только ангелу сдаётся крепость* (М. Цветаева).

Кроме того, понятие *агнец Божий* связано с иудейской традицией жертвоприношения на Пасху. Эпизод из Библии послужил основой для стихотворения С.И. Липкина «Размышления Авраама у жертвенника» (1983; *Для сожженья есть один Агнец большеглазый*) и И. Бродского «Исаак и Авраам» (1963; *агнец* встречается 2 раза).

В контексте существительного *агнец* часто можно обнаружить слова *жертва*, *жертвенный*: *Как агнец, в жертву принесенный* [С. И. Липкин. Буря (1987)]; *снег, пошедший пятнами, как жертвенного агнца подпаленная шерсть...* [В. Б. Кривулин. Вороний где-то бог... (1995–1996)].

Образ жертвы создается словом *агнец* и в следующем стихотворении: *А также были вечера и танцы, куда я шел, как агнец на закланье* [Ю. А. Карабчиевский. Осенняя хроника (1970)]. Мотив жертвы поддерживается словом *закланье*, но существительные *вечера* и *танцы* противоречат трагичности сравнения *как агнец на закланье*.

В еще более контрастное окружение поместил слово *агнец* И. В. Елагин: *А ученый дяденька, Чистенький и гладенький, Где-то в кабинетике В дебрях кибернетики. У приборов топчется Бородатый агнец. И больному обществу Ставит он диагноз* [И. В. Елагин. Со дна (1967–1973)].

Здесь *агнец* употребляется иронически, с отрицательной коннотацией. Автор использует сочетание *бородатый агнец* для того, чтобы достигнуть сатирического эффекта при описании современной науки и медицины. Контраст создается за счет противопоставления возраста, мужского пола, учености персонажа, с одной стороны, и слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*дяденька, чистенький, гладенький, кабинетик*), а также самого слова *агнец* – с другой. Словосочетание *дебри кибернетики* используется в переносном значении – как ‘сложные места в науке’, что также придает шутливый оттенок произведению. И. В. Елагин употребляет в своём стихотворении и разговорное слово *топчется*, которое показывает бездейственность этого самого бородатого агнца и скептическое отношение к нему со стороны поэта.

Гораздо частотнее в современной русской поэзии фразеологизм *блудный сын*. Он встречается 14 раз. Сам библеизм восходит к библейскому сюжету. В Евангелии есть притча о сыне, покинувшем отцовский дом и прокутившем все свое состояние. Возвратившись обратно в свою семью ни с чем, он падает на колени перед своим родителем, который, проявив милосердие и доброту, прощает нерадивого отпрыска.

Прямая отсылка к евангельскому образу содержится в следующих примерах: *Как блудный сын, беспутный и прощенный, Прижав лицо к сандалиям отца...* [И. В. Чиннов. «На каменном крыльце чужого дома...» (1960)]; *блудный сын, говорят, возвращался не так* [И. Ф. Жданов. «Возвращение» (1978–1991)]. Фразеологизм в форме творительного падежа выполняет функцию сравнения и в стихотворении Г. С. Семенова «Я затихаю на природе...» (1967–1969): *Но блудным сыном, ниц во прахе, вернуться в лоно не могу.*

«Рукопись» (1960) А. А. Тарковского отличается обилием религиозной лексики (*благословляет, пророк, ангел*), т. е. фразеологизм *блудный сын* здесь употребляется в высоком контексте: *Я кончил книгу и поставил точку И рукопись перечитать не мог... Так блудный сын срывает с плеч сорочку...*

Как и в предыдущих примерах, лирический герой сравнивает себя с этим евангельским образом. Но если в первых трех случаях очевиден мотив раскаяния и прощения грехов, то у А. А. Тарковского *блудный сын* – символ перемены судьбы, когда «душа меняла оболочку».

Стихотворение «Блудный сын» (1956) Б. А. Слуцкого только частично повторяет евангельский сюжет: *Истощенный нуждой,*

Истомленный трудом, Блудный сын возвращается в отческий дом. Отец радушно принимает сына, угощает его мясом тельца, однако блудный сын в этом стихотворении не раскаялся, а только зашел отдохнуть:

Вот он съел, сколько мог, вот он в спальню прошел,
Спит на чистой постели, ему хорошо,
И встает, и свой посох находит,
И ни с кем не прощаясь, уходит.

Главная мысль этого стихотворения – дети навсегда отрываются от родителей, им тесно под родной крышей. Это подтверждает прозаический постскриптум к тексту: *Наши дети подрастая становятся такими же вот блудными сыновьями. Как и мы в свое время.* Таким образом, фразеологизм *блудный сын* переосмысливается: это не символ раскаяния и прощения, а образ странника, вечного путешественника.

Такое же значение фразеологизм *блудный сын* передает в стихотворениях А.А. Штейнберга «Путь-дорога» (1952; *И скорбит о блудном сыне / Снеговых просторов гладь*) и А.С. Гингера «Маяк» (1917–1964; *Посмотри блудный сын возвращается весь в репейнике и бороде*). В последнем контексте *блудный сын* не имеет высокой окраски, однако этот образ – авторский идеал поэта: *Всей душой полюбила душа моя тех кто ходит в чужие края, кто и за гору ходит и за море...*

В похожем значении – ‘человек, не имеющий постоянного дома’ – этот же фразеологизм встречается в стихотворении М.А. Светлова «Спичка» (1960): *Как пристанище блудного сына, Беспроходная чаща шумит.* То же значение в стихотворении В.Б. Кривулина «На крыше» (1972) обострено до предела: *Впустите же блудного сына хотя бы в сообщество крыс, хотя бы в клочок паутины...* Лирический герой страдает от бесприютности и пытается найти дом и семью хотя бы среди крыс и пауков.

Во всех вышеприведенных примерах образ блудного сына вызывает сочувствие или автор воздерживается от оценки. Однако в стихотворении Б.А. Слуцкого «Стыдились своих же отцов...» (1971–1977) фразеологизм *блудный сын* использован для характеристики отрицательного персонажа – сына-предателя, который не только оторвался «от ветки родимой» (Б.А. Слуцкий использует лермонтовские слова), но и «обнаглел и зарвался»:

И в рухнувший домик отца
вошел блудный сын господином,
раскрывшимся до конца
и блудным и сукиным сыном.

Поэт использует бранное выражение *сукин сын*, что относит данный текст к низкому стилю, фразеологизм *блудный сын* здесь не имеет отношения к Евангельскому сюжету. Это не раскаявшийся грешник, прощенный отцом, а, напротив, отрекшийся от семьи, нашедший «идеал,

который оказывал милость», вне ее. Если сравнить стихотворение «Стыдились своих же отцов...» с «Блудным сыном» 1956 г., заметно, как снисходительно-печальное восприятие образа оторвавшегося от родителей сына сменяется трагическим неприятием.

Интересно, что в словаре «Религиозная лексика» фразеологизм *блудный сын* не отмечен, дважды зафиксировано словосочетание *блудная жена* – у М. Цветаевой и А. Ахматовой. Однако в Национальном корпусе русского языка на период 1890–1917 год приходится 13 примеров употребления фразеологизма *блудный сын* (на 2,2 млн. словоупотреблений), так что, как ни странно, частотность данного библеизма во второй половине XX века выше (14 на 1,5 млн.). Образ блудного сына в поэзии Серебряного века всегда выражает раскаяние, тоску по дому, в более поздний период фразеологизм *блудный сын* связан с мотивом раскаяния только в трети случаев.

Таким образом, даже в атеистическую эпоху библейские фразеологизмы оставались неотъемлемой частью русской культуры, хотя их значения и коннотации могли несколько изменяться.

Список использованной литературы

1. Религиозная лексика в стихах русских поэтов Серебряного века: по материалам «Словаря языка русской поэзии XX века» [Электронный ресурс] / под ред. В. П. Григорьева. – М. : Омега, 2004. – Режим доступа: [http:// www.wco.ru/biblio/books/poetry5/main.htm](http://www.wco.ru/biblio/books/poetry5/main.htm). – Дата доступа: 22.09.2017.

О. В. Чабурко (г. Брест, Республика Беларусь)

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОИЗВОДНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВ С СУФФИКСОМ -СТВ)

Любой носитель русского языка с определенной легкостью акцентуирует лексемы, даже если никогда не слышал их. Например, в словах *картезианство, мальтузианство, неомальтузианство* большинство русских расположит ударение на гласной перед суффиксом *-ств*. Но есть и трудности в акцентуации ряда слов русского языка. Появляются варианты ударений, которые со временем исчезают в связи со стремлением к нормализации. Возникают следующие вопросы: каким образом человек определяет место ударения в словах, есть ли закономерности в акцентуации слов и от чего они зависят, почему возникают варианты постановки ударения, как была устроена древнерусская акцентологическая система, какие процессы на данном этапе развития акцентологической системы играют роль и к чему

они ведут? На некоторые из них мы ответим в данной статье на примере лексем с суффиксом *-ств*.

В современном русском языке слова с суффиксом *-ств* и его производными (*-еств*, *-тельств*, *-овств*) в большинстве случаев сохраняют ударение производящей базы. Ударение может переходить на слог до *-ств*, если в производящей базе оно было на окончании (*судья́ – судейство́*, хотя возможна другая производящая база – *судейский*). А вот в старых словах встречается ударение на флексии. Но это только 32 слова, что составляет 3,04 % (*мастерство́*, *щегольство́*, *удальство́*, *озорство́*, *старшинство́* (в значении «первенство»), *большинство́*, *меньшинство́*, *свойство́* (в значении «вид родственной связи»), *вдовство́*, *ведовство́*, *плутовство́* (от *плутовать*), *шельмовство́* (от *шельмовать*), *нацменьшинство́*, *волебство́*, *колдовство́* (от *колдовать*), *баловство́* (от *баловать*), *воровство́* (от *воровать*), *сродство́*, *родство́*, *кумовство́*, *сватовство́*, *фатовство́*, *франтовство́*, *мотовство́*, *хвастовство́*, *шутовство́*, *вещество́*, *существо́* (в значении *сущность*), *антивещество́*, *Рождество́* (*устар. Рожество́*), *торжество́*, *божество́*). В производящей базе этих слов ударение на флексии. Причем все эти слова достаточно короткие, до трех слогов (кроме приставочных образований типа *антивещество́*).

В некоторых случаях ударение выполняет смыслообразительную функцию в омографах:

- *свойство́* – качество / *свойство́* – вид родственной связи;
- *старшинство́* – должность старшины / *старшинство́* – первенство;
- *лекарство́* – занятие лекаря / *лекарство́* – лечебное вещество.

Вместе с тем есть пример омонимичных слов, имеющих одинаковое ударение: *существо́* – сущность / *существо́* – нечто живое.

В «Акцентологическом словаре древнерусского и старовеликорусского языка» А. А. Зализняка можно найти ряд существительных с суффиксом *-ств*, ударение в которых не совпадает с современным. Причем в одних случаях ударение переместилось с основы на окончание (*вдутьство́*, *туржъство́*, *мйнъшинство́*, *срудъство́* и др.), в других – напротив, с окончания на основу (*чувъству́*, *княжъству́*, *мужъству́* и т. п.), а в третьих, сместилось внутри основы влево или вправо (*прѣвительство́*, *старѣшинство́*, *равнъство́*, *таѣнство́* и др.). На первый взгляд, эти акцентологические изменения кажутся хаотичными. Можно ли найти здесь какие-то закономерности?

Прежде всего следует обратиться к древнерусской акцентной системе, которая, в отличие от современной, находилась в устойчивом состоянии и подчинялась четким правилам. Согласно теории, которую разработали Х. Станг, В. М. Иллич-Свитыч, В. А. Дыбо и А. А. Зализняк, в древнерусском языке выделяется 3 акцентных типа в зависимости от характеристики основы:

1. Акцентный тип *a* – ударение всегда на основе (основа самоударная),

2. Акцентный тип *b* – ударение всегда на окончании (основа правоударная),

3. Акцентный тип *c* – ударение подвижное (основа безударная; в таком слове ударение на окончании, если оно самоударно, в противном случае слово является энклиноменом, ударение падает на первый слог и переносится на предлог или частицу *не* при их наличии).

Суффикс *-ьство* в древнерусской акцентной системе был правоударным [2, с. 124]. Сильная основа (тип *a* производящего слова) сохраняет ударение. Так, существительное *тѹнь* имело постоянное ударение на основе, поэтому *тѹньство*.

При правоударной основе ударение должно было бы оказаться на суффиксе, т. е. на редуцированном гласном, а в таких случаях ударение смещается на слог влево (на последний слог производящей основы). Так, в словах *вдовѣ*, *тургѣ* корень был правоударным (в обоих числах ударение раньше было на окончании), поэтому вполне закономерны *вдувѣство*, *туржѣство*. Но затем в производящем слове корень перестал быть чисто правоударным (ср. мн. ч. *вдувы*, ед. ч. *турга*), а раз производящее слово перешло в акцентный тип *c*, то ударение в производном переместилось на окончание: из *вдувѣство* стало *вдовѣству*, из *туржѣство* – *торжѣству*.

При слабой основе (тип *c* производящего слова) ударение было привязано к суффиксу, и поэтому ставилось на слог вправо от него: *рудѣ* (ср. *ут роду*) – *родѣству*, *кѣко* (ср. *да нѣ како*) – *качѣству*. Ударение на окончании было и в других лексемах: *бѣгѣству*, *сыновѣству*, *чувѣству*, *мужѣству*, *княжѣству*, *знакомѣству*, *свершѣнѣству*, *дѣтѣству*, *качѣству*, *послушѣству*, но в современном русском языке ударение в них, как и в слове *качество*, переместилось на слог перед суффиксом. Это указывает на изменение принципов акцентуации исследуемого словообразовательного типа. По утверждению А. А. Зализняка, современный суффикс *-ств* является левоударным, это новая характеристика, в древнерусском языке таких морфем не было. Поскольку ударение левее суффикса было наиболее частым (при производящих основах двух типов – *a* и *c*), появление признака левоударности у суффикса *-ств* вполне закономерно.

Для проверки теоретических выводов мы провели эксперимент. По существующим словообразовательным моделям были придуманы квазислова с суффиксом *-ств*, и респондентам предложили расставить в них ударение. Всего было 23 слова с суффиксом *-ств* и его вариантами: 3 двусложных (*едѣство* от *еда*, *бѣдѣство* от *беда*, *смѣлѣство* от *смѣлый*), 15 трехсложных (*ангѣлѣство* от *ангел*, *пировѣство* от *пировать*, *зимовѣство* от *зимовать*, *торговѣство* от *торговать*, *высшѣнѣство*, *худшѣнѣство*, *спамерѣство*, *светловѣство*, *горбатѣство*, *горевѣство*, *кочевѣство*, *младшѣнѣство*,

лучи́нство, пожи́льство, молодство), 5 – по четыре слога и больше (*атташе́ство, длинноно́жесто, голосо́ство, умни́чество, шу́тничество*).

Большинство существительных с суффиксом *-ств* (79,1 %) имеют ударение на слоге непосредственно перед суффиксом. В эксперименте такой преобладающий вариант расположения ударения отмечен в 3 словах среди студентов (*горба́тство* 95,2 %; *сме́лство* 81 %; *бе́дство* 85,7 %) и в 5 словах среди школьников (*голосо́ство* 55,1 %, *сме́лство* 79,6 %, *бе́дство* 75,5 %, *горба́тство* 81,6 %, *торго́ство* 65,4 %). Это показывает, что постановка ударения в словах с суффиксом *-ств* зависит именно от производящей базы, а не просто тяготеет к слогу перед суффиксом.

Что интересно: среди студентов в 13 словах из 23 (а это 56,5 %) преобладает вариант ударения на окончании (*пировс́тво* 64,3 %; *зимовс́тво* 54,8 %; *горевс́тво* 59,5 %; *кочевс́тво* 57,1 %; *голосовс́тво* 52,4 %; *торговс́тво* 61,9 %; *мла́дшинс́тво* 57,2 %; *лучи́нство* 50 %; *выси́нство* 47,6 %; *худи́нство* 47,6 %; *пожи́льство* 59,5 %; *молодс́тво* 78,6 %; *едс́тво* 57,1 %). Это слова, образованные от глаголов на *-овать* с ударением на последнем слоге, существительных и прилагательных с ударными флексиями или от форм сравнительной степени. Возможно, стремление ставить ударение на окончании связано с абстрактным значением существительных с суффиксом *-ств*, так как абстрактность чаще всего ассоциируется с неопределенностью, «ніякавасцю», которую как нельзя лучше выражает средний род. А показателем среднего рода является флексия *-о*, которую носители языка подсознательно и выделяют акцентологически.

Постановка ударения в следующих квазисловах студентами и школьниками подтверждает главный вывод – в словах с суффиксом *-ств* сохраняется ударение производящей базы: *длинноно́жесто* (90,4 % и 79,6 %), *а́нгельство* (88,1 % и 69,4 %), *горба́тство* (95,2 % и 81,6 %), *умни́чество* (69 % и 51 %), *спа́мерство* (90,5 % и 79,6 %), *све́тловство* (студенты – 47,7 %).

В современном русском языке ударение должно быть всегда перед суффиксом *-ств*: прямо перед ним, если основа слабая, или как в производящем слове, если основа сильная.

Список использованной литературы

1. Зализняк, А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение : ок. 100 000 слов / А. А. Зализняк. – 2-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1980. – 880 с.
2. Зализняк, А. А. Труды по акцентологии / А. А. Зализняк. – Т. 1. – М. : Яз. славян. культур, 2010. – 848 с.
3. Резниченко, И. Л. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение : ок. 25 000 слов / И. Л. Резниченко. – М. : Астрель : АСТ, 2009. – 1 182 с.
4. Тихонов, А. Н. Морфемно-орфографический словарь русского языка : ок. 100 000 слов / А. Н. Тихонов. – М. : Астрель : АСТ, 2007. – 700 с.

Л. М. Яницкая (г. Минск, Республика Беларусь)

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ PR-ДИСКУРСА

В последние десятилетия в методологии современных наук, преимущественно гуманитарных, наметился устойчивый интерес к *дискурсу*. Актуальность изучения дискурса и его разновидностей обусловлена перспективой системного, контекстуального исследования различных аспектов функционирования вербальных и невербальных знаковых систем в определенных сферах коммуникации.

Существует множество определений этого популярного на сегодняшний день научного термина, но, на наш взгляд, наиболее точная и ёмкая дефиниция дискурса принадлежит Н. Д. Арутюновой. По её мнению, это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1, с. 136].

Современное развитие коммуникативного пространства и появление мультимедийных технологий, которые активно влияют на общественное сознание, детерминируют активизацию исследований и в области дискурсов массовых коммуникаций. К этой группе относится и коммуникативный феномен современности – PR-дискурс. Появилась даже специальная наука пиарология, предметом которой как раз и является PR-деятельность, или, как её ещё называют, публичная коммуникация. Интерес к публичной коммуникации объясняется как потребностями самой лингвистики, так и необходимостью исследования PR-текстов с их ярко выраженными властно-стратегическими целями для мониторинга различных тенденций в сфере влияния на общественное сознание.

PR-дискурс, ориентированный на адресата и имеющей своей целью воздействовать, регулировать поведение адресата, в пиарологии называют по-разному: конативным, регулятивным и т. д. Так, И. В. Алещанова основными функциями массово-информативного дискурса считает информативную и воздействующую, причём вторая признаётся доминантной [2, с. 132].

Исходя из функциональных особенностей публичной коммуникации, большинство исследователей дают определение PR-дискурса. Фундаментальное исследование в этой области принадлежит А. Д. Кривоносову, представителю петербургской школы пиарологии, который начал заниматься этой проблемой ещё в конце прошлого века. Учёный не даёт прямого определения PR-дискурсу, но, опираясь на труды

представителей итальянской и французской школ пиарологии, детально рассматривает сам процесс публичной коммуникации. По мнению Кривоносова, публичные коммуникации осуществляются в трех сферах общественной жизни: это политика, экономика, духовно-культурная сфера. В настоящее время в отдельную сферу, видимо, следует выделить спортивную: это актуально в связи с информационными вызовами, связанными с допинг-скандалами, которые стали приобретать политический характер. Связь между субъектом и адресатом пиар-информации А. Д. Кривоносов, сторонник так называемой стратегии доверия, характеризует следующим образом: «Базисный субъект PR, будучи субстанциональным или институциональным субъектом публичной сферы, инициирует распространение среди целевой общественности... оптимизированной информации о своей деятельности – PR-информацию, производя при этом процесс селекции данной информации с учетом информационных запросов целевой общественности, которой данная информация направляется» [3, с. 35].

Позиция А. Д. Кривоносова в трактовке PR-дискурса в свете современных реалий требует некоторых уточнений. Она является несколько идеалистичной, альтруистичной и недостаточно объективной. Стратегия доверия и «просвещенного соучастия», которую учёный разделяет с французским патриархом пиарологии Филиппом Буари, к сожалению, сегодня вытесняется властно-управленческой, которая активно реализуется в СМИ в различных жанрах, причём всё чаще в агрессивных формах.

О. Ф. Русакова, В. М. Русаков, например, считают, что PR характеризуется как прагматическая коммуникация по управлению общественным мнением и в этом смысле представляет собой некую разновидность менеджмента [4]. По их мнению, современные исследования публичных коммуникаций смещаются в область изучения механизмов воздействия на аудиторию на примерах различных видов дискурса: неискреннего, политического (они часто совпадают), религиозного, рекламного, дискурса масс-медиа и т. д.

PR-дискурс в настоящее время значительно обогатился как в жанровом отношении, так и в форме его коррелятивной медиареализации. Одной из таких форм является диалог в прямом эфире, или ток-шоу, которые отличаются специфическими способами языковой репрезентации: импровизацией, интерактивностью, высокой степенью агрессивного поведения его участников.

О. Ф. Русакова и В. М. Русаков под PR-дискурсом понимают «знаково-символическую деятельность, осуществляемую в публичном коммуникативном пространстве, в ходе которой реализуются взаимосвязанные функции: 1) функция формирования социетальных

общественных отношений и 2) функция дизайна ментальных структур общественного сознания в соответствии с поставленными стратегическими целями PR-коммуникации» [4].

Особое место в PR-дискурсе XXI века занимает Интернет, который, представляя собой виртуальное пространство, влияет на политическую, экономическую и социокультурную сферы деятельности человека. Это обусловило динамичное развитие PR-деятельности в социальных сетях. Преимущественно PR-дискурс репрезентирован в интернет-пространстве пресс-релизами, а также факт-листами и фичерами.

Таким образом, современный PR-дискурс характеризуется всё более возрастающей воздействующей на общество властно-управленческой стратегией, а также процессом расширения жанрового поля публичных коммуникаций.

Список использованной литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // БЭС Языкознание. – М. : Бол. Рос. энцикл., 1998. – 682 с.
2. Алещанова, И. В. Газетный текст как разновидность массово-информационного дискурса / И. В. Алещанова // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 131–139.
3. Кривоносов, А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций : моногр. / А. Д. Кривоносов. – СПб. : Петерб. востоковедение, 2002. – 279 с.
4. Русакова, О. Ф. PR-дискурс : теор.-метод. анализ / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. – Екатеринбург : УрО РАН, Ин-т междунар. связей, 2008. – 340 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Лукашанец А. А.</i> Кнігавыдавецкая дзейнасць Францыска Скарыны ў славянскім і агульнаеўрапейскім кантэксце.	3
<i>Маслова В. А.</i> Проблема взаимодействия языка, диалекта и регионального языка	8
<i>Мельнікава З. П.</i> «Гістарычная школа» У. Караткевіча ў сучаснай беларускай прозе (Л. Дайнека, Л. Рублеўская, А. Наварыч).	14
<i>Каліта І. У.</i> Вобраз бабы ў кампаратыўным ракурсе чэшскай і беларускай фразеалогіі.	24
<i>Брага І. І.</i> Стихія розмовно-побутовага пісемнага мовлення носіів суржыку.	28
<i>Никуличева Н. В.</i> Организация дистанционного обучения в вузе. . .	35
<i>Фелькина О. А.</i> Статистика в сравнительно-историческом изучении славянских языков: использование национальных языковых корпусов для изучения морфологических процессов	40

**1. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО
И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

<i>Верамяюк Г. А.</i> Фемінінатывы паводле міжасабовых (няроднасных) адносін у беларускай і рускай мовах	49
<i>Ворона Н. О., Ворона І. В.</i> Особливості міжмовної паронімії (на прикладі української і турецької мов).	52
<i>Герасимович О. В.</i> Лексико-семантические особенности представления аксиологемы <i>вера</i> в украинском, сербском и хорватском языках: сопоставительный аспект.	56
<i>Ельницева И. В.</i> Лексикографическая репрезентация основных колоративов-прилагательных близкородственных языков.	59
<i>Исматуллаева И. И.</i> Особенности значения технических терминов при переводе на русский язык.	64
<i>Конек О. П., Шевцова А. В.</i> Фитонимы в русской и украинской фразеологии.	66
<i>Мадей Е. Д.</i> Прецедентные феномены словацкого политического контекста и трудности их перевода на русский язык (на материале публицистических статей)	70
<i>Мирахмедова З. Э.</i> Проблемы перевода железнодорожных терминов на русский язык.	75
<i>Никитина Н. Е.</i> Специфика трансформации деепричастных конструкций при авторском переводе с белорусского языка на русский.	77

<i>Посохин И. А.</i> Особенности перевода на словацкий язык белорусских реалий в романе И. Бобкова «Хвілінка. Тры гісторыі». . .	81
<i>Прокопович Е. А.</i> Фразеологизмы с компонентом «мужчина» и «женщина» в белорусском и русском языках.	85
<i>Роденко А. В., Аббасова Н.</i> Украинские и азербайджанские паремии с концептом «дружба».	88
<i>Садко Л. М.</i> «Народно-разговорный язык» в творчестве Ярилы Пшеничного.	92
<i>Синкевич Т. И.</i> Дружеское письмо как эпистолярный жанр: лингвокультурологический аспект.	97
<i>Слесарева Т. П.</i> Русские и белорусские фразеологические парадоксы.	100
<i>Супрунчук Н. В.</i> Сербские союзы <i>dok, da bi</i> на фоне русских и белорусских.	103
<i>Тубол Н. А., Бердиева О.</i> Соматизмы в русской и туркменской фразеологии.	107
<i>Филимонова Л. Ю.</i> Актуальность грамматических проблем перевода научно-технических текстов с английского на русский язык.	111
<i>Якимович-Чапран Д. Б.</i> Етнімі як компоненти українських паремій (лінгвокультурні конотації).	115
<i>Яўдошына Л. І.</i> Вершы А. Разанава ў перакладзе на польскую мову.	123

2. ДИНАМИКА И ТИПОЛОГИЯ ИЗМЕНЕНИЙ

В РАЗВИТИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

<i>Акуленко Е. А., Леонтьева В. В.</i> Беларусь в мире перифраз: языковое сознание говорящих и речевая практика.	127
<i>Атаманова Н. В., Хулина К. И.</i> Семантико-этимологическое своеобразие этнографизмов в сборнике рассказов Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки».	131
<i>Атаманова Н. В., Самодурова А. И.</i> Лексико-семантические и этимологические особенности украинизмов в языке повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».	134
<i>Волкова О. Н.</i> Архаичные структурные формы имен прилагательных в русских фразеологизмах.	137
<i>Денисюк В. В.</i> Динамические процессы вербализации присяги (на материале восточнославянских летописей XVI–XVIII веков).	141
<i>Кісель Т. А., Якубук Н. Р.</i> Намінацыі <i>піжмы звычайнай</i> у гаворках Брэстчыны.	145
<i>Козлова Е. Ю., Бурдина Е. А., Тарико О. С.</i> Диалектная фразеология со значением внешности и характера человека (на материале Брянских областных говоров).	147
<i>Королевич С. А.</i> Патронимы в летописном дискурсе: специфика функционирования.	151

<i>Леванцэвіч Л. В.</i> Дыялектная безэквівалентная лексіка ў складзе ўстойлівых адзінак Брэстчыны.	155
<i>Садоўская А. Л.</i> Пасадныя песні беларускага вяселля: тэкст і кантэкст.	159
<i>Самуйлік Я. Р.</i> Гаворка вёскі Мельнікі Маларыцкага раёна.	162
<i>Філосаф В. М.</i> З бабулінага куфэрка: прыказкі і фразеалагізмы Камянецкага раёна Брэсцкай вобласці.	168

3. ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

<i>Бабаходжаева М. Х., Бобоходжаев Р. Х.</i> Метаморфозы функцыянавання рускаго мовы.	171
<i>Березнева П. И.</i> Лінгвістычныя характэрыстыкі субкультуры хіпстеров.	174
<i>Громова Н. В.</i> Структурна-семантычныя асаблівості неалексем у мастацка-публіцыстычным дыскурсе пачатку ХХІ стагоддзя.	178
<i>Дядченко А. В.</i> Соматызмы в агульнапапулярным і паэтычным слоўніку сучаснага украінскага мовы.	182
<i>Зуева Е. А.</i> Універбацыя в рускаму, беларускаму і іншым славянскім мовах: к праблеме даследавання.	186
<i>Клипатская Ю. А.</i> Фактар моды в сучасным рэкламным дыскурсе.	193
<i>Коцевич С. С.</i> Спецыфіка «музейнага мовы».	196
<i>Окуневич Ю. А.</i> Словоафармавальныя працэсы в сучасным рускаму мовы (на матэрыяле мовы Інтэрнэта).	202
<i>Посохин А. А.</i> Мовныя асаблівості сацыяльнай рэкламы в СМІ Рэспублікі Беларусь.	205
<i>Процик І. Р.</i> Чужомовны запозычэння в сацыялекце украінскіх футбольных фанатів.	210
<i>Śiępietowska Joanna Z.</i> Społeczno-kulturowa kondycja współczesnej polszczyzny – błędy językowe.	215
<i>Сенкевич В. И.</i> Мова сутнасцей і парадоксальная лінгвістыка.	218
<i>Скибицкая Л. В., Попов А. С.</i> Літаратурныя іерархіі і рэпутацыі в сучаснай адчужаенай словеснасці: публіцыстычны дыкурс.	223
<i>Фелькина О. А., Валюк Е. А.</i> Біблійскія фразеалогізмы в сучаснай рускамоўнай паэзіі.	226
<i>Чабурко О. В.</i> Акцэнталагічныя заканамернасці вытворных імён імянасных в сучасным рускаму мовы (на прыкладзе слоў з суфіксам <i>-ств</i>).	230
<i>Яницкая Л. М.</i> К праблеме вызначэння PR-дыскурса.	234

